ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Главная редакционная комиссия:

М. П. Мчедлов
(председатель),
А. Л. Андреев
(зам. председателя),
И. И. Антонович,
С. С. Волк,
Н. Ю. Колпинский,
И. М. Кривогуз,
Л. М. Минаев,
Т. И. Ойзерман,
В. Ф. Цага

Москва
Издательство политической литературы
1990

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

МАРКСИЗМ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(70-90-е годы XIX века)

ЧАСТЬ II

Редакционная коллегия:

С. С. Волк
(руководитель),
А. Л. Андреев,
Б. В. Богданов,
Н. Ю. Колпинский,
С. Л. Леонов,
И. С. Нарский,
В. С. Овчинников,
Е. Л. Петренко,
Р. В. Петропавловский,
Б. Г. Тартаковский

Москва
Издательство политической литературы
1990

ББК 1г
И90

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

С. С. ВОЛК, докт. ист. наук (руководитель),
А. Л. АНДРЕЕВ, докт. филос. наук,
Б. В. БОГДАНОВ, докт. филос. наук,
И. А. БОЛДЫРЕВ, канд. филос. наук,
И. М. КРИВОГУЗ, докт. ист. наук,
В. Н. КУЗНЕЦОВ, канд. филос. наук,
В. В. КУЛИКОВ, докт. экон. наук,
С. Л. ЛЕОНОВ, канд. экон. наук,
В. С. ЛИПИЦКИЙ, докт. филос. наук,
В. С. МАЛАХОВ, канд. филос. наук,
А. Ю. МЕЛЕНТЬЕВ, канд. экон. наук,
А. Г. МУРЬЯНОВ, канд. ист. наук,
И. С. НАРСКИЙ, докт. филос. наук,
Л. А. НИКИТИЧ, докт. филос. наук,
Е. Л. ПЕТРЕНКО, канд. филос. наук,
Р. В. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, канд. филос. наук,
А. С. ПОПОВ, канд. филос. наук,
Ф. Г. РЯБОВ, канд. ист. наук,
Б. Г. ТАРТАКОВСКИЙ, докт. ист. наук,
М. В. ТЕРНОВСКИЙ, канд. экон. наук,
А. Ю. ЧЕПУРЕНКО, канд. экон. наук,
В. В. ЧУБИНСКИЙ, докт. ист. наук,
Ю. И. ФИЛИППОВ, канд. филос. наук,
В. Ф. ЦАГА, докт. экон. наук

НАД ОТДЕЛЬНЫМИ ГЛАВАМИ РАБОТАЛИ:

В. И. АРШИНОВ, канд. филос. наук,
А. И. КОЗЫРЬ,
А. В. КОНОВАЛОВ,
В. Н. КРЮЧКОВ, канд. филос. наук,
З. М. ПАВЛОВА, канд. филос. наук,
М. Ю. ПРОЗУМЕНЩИКОВ,
В. У. РАДЖАПОВ,
А. В. ТРОФИМОВ

ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАВ ПРЕДСТАВИЛИ МАТЕРИАЛЫ:

Б. Ф. АЙЗИН, докт. ист. наук,
Н. Н. ИВАНОВ, канд. юр. наук,
М. Т. ИОВЧУК, чл.-кор. АН СССР,
П. Ф. КАЗИН, канд. филос. наук,
Е. П. КАНДЕЛЬ, канд. ист. наук,
М. В. КОНКИН, канд. филос. наук,
Р. П. КОНЮШАЯ, докт. ист. наук,
Н. Е. КОРОЛЕВ, канд. ист. наук,
К. Т. КУЗНЕЦОВ, докт. филос. наук,
В. В. ЛОЖКИН, докт. ист. наук,
Л. М. МИНАЕВ, докт. ист. наук,
В. В. МИЦУРОВ, канд. ист. наук,
А. А. ПАВЛЕНКО, докт. филос. наук,
Н. С. РУМЯНЦЕВА, канд. ист. наук

И $\frac{0104000000-043}{079(02)-90}$ 262-91

ISBN 5-250-01077-6 (ч. II)
ISBN 5-250-00313-3

© ПОЛИТИЗДАТ, 1990

Глава седьмая

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЦИАЛИСТОВ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (80-е годы XIX века)

1. ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ: ИЗДАНИЕ ТРУДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСИСТОВ

Возникшие к началу 80-х годов XIX века в ряде стран Европы рабочие партии положили в основу своих программ и практической деятельности принципы научного социализма, заметно возросло влияние марксистского учения как важнейшего идейного фактора освободительной борьбы рабочего класса. Марксизм завоевывал все большее число сторонников среди передовых рабочих и представителей прогрессивной интеллигенции.

Среди различных форм распространения марксизма в этот период наряду с развитием социалистической печати, теоретической и пропагандистской деятельностью учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса главное место занимало издание произведений основоположников марксизма [1]. Именно многочисленные издания этих произведений и их широкое распространение как в Германии, так и в других странах на протяжении 80 — первой половины 90-х годов было решающим фактором, обеспечившим проникновение идей научного социализма в сознание передовых рабочих и революционной интеллигенции, идейную победу марксизма над другими течениями социалистической мысли.

Публикация произведений Маркса и Энгельса

К началу 80-х годов широким массам участников освободительной борьбы рабочего класса были доступны лишь немногие произведения Маркса и Энгельса. Такие выдающиеся труды, как «Нищета философии», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса и многие другие были практически неизвестны тем по-

[1] См.: Прижизненные издания и публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1974—1977. Ч. 1—2.

колениям революционных борцов, которые вступили в рабочее движение в 60—70-е годы. В то же время довольно широкое распространение имели произведения немарксистской социалистической мысли: в Германии прежде всего работы Лассаля, во Франции и Бельгии — Прудона, а также популярные брошюры представителей буржуазного социализма Ф. А. Ланге, А. Э. Шеффле, сочинения Е. Дюринга и т. п. Поскольку интерес к социалистической литературе со стороны передовых рабочих и определенной части интеллигенции, особенно учащейся молодежи, быстро возрастал, издание произведений Маркса и Энгельса, как и работ, развивающих и популяризирующих идеи научного социализма, становилось насущной потребностью рабочего движения, одной из важнейших предпосылок создания и укрепления пролетарских партий. Это понимали и руководители германской социал-демократии, и последователи научного социализма в других странах. В 1882 году Каутский писал Энгельсу: «Никогда еще спрос на Ваши и Маркса сочинения не был столь велик, а предложение столь незначительно, как теперь» [1]. Свидетельством тому была исключительная по тем временам популярность, которую получила сразу после появления — сначала во Франции и Германии — работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» [2].

Потребность в произведениях основоположников марксизма была особенно велика в Германии, что прежде всего было вызвано ростом влияния социал-демократии, усилением интереса к научному социализму. В то же время это объясняется и интересами идейной полемики, которую сторонники марксистской теории вели с лассальянством и с идеологами катедер-социализма. В связи с этими задачами публикуется ряд работ Маркса и Энгельса. В Штутгарте, в издательстве, принадлежавшем социал-демократу И. В. Дицу, в январе 1885 года появилась впервые в переводе на немецкий язык работа Маркса «Нищета философии». Издание было осуществлено под непосредственным руководством Энгельса. Он целиком отредактировал текст перевода, выполненного Э. Бернштейном и К. Каутским, написал примечания и специальное предисловие [3]. В этом же издательстве вышли два издания работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также второе, третье и четвертое издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

---

[1] Каутский — Энгельсу, 23 ноября 1882 г. // Friedrich Engels Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien, 1955. S. 69.

[2] В течение нескольких месяцев 1883 года в Германии вышло три издания книги тиражом соответственно 1500, 3000, 5000 экземпляров — беспрецедентный факт в истории издания социалистической литературы. Во Франции она была напечатана сначала в журнале «La Revue socialiste», а вслед за этим вышла отдельным изданием.

[3] Под названием «Маркс и Родбертус» оно было до выхода книги опубликовано в журнале «Die Neue Zeit» (1885. № 1). О его содержании см. главу 3 настоящего тома.

Большинство изданий и переизданий произведений основоположников марксизма, как и вообще социалистической литературы, в период действия «исключительного закона» против социалистов в Германии осуществлялось социал-демократическим издательством в Цюрихе, в котором выходил центральный орган партии газета «Der Sozialdemokrat» [1]. Именно здесь в 1882—1883 годах вышли три издания работы «Развитие социализма от утопии к науке».

В конце 1885 года в этом издательстве вышло второе издание «Анти-Дюринга». В предисловии Энгельс с удовлетворением отметил большую роль своей книги в распространении идей научного социализма. Указав, что именно в «Анти-Дюринге» пролетарское мировоззрение было изложено с наибольшей полнотой, Энгельс констатировал, что «в настоящее время оно вызывает к себе большое внимание и имеет последователей не только в Европе, но и далеко за ее пределами, во всех странах, где, с одной стороны, имеются пролетарии, а с другой — бесстрашные ученые-теоретики» [2]. Последующие издания трудов Маркса и Энгельса в этом издательстве осуществлялись в рамках серии «Социал-демократическая библиотека», которая начала выходить в ноябре 1885 года [3].

В издании этой серии активное участие принимал Энгельс. Особое значение он придавал тем произведениям, которые могли бы оказать социал-демократии помощь в разработке ее тактики в условиях нелегальности и в воспитании молодых участников социалистического движения в духе марксистских идей. В числе первых же книг «Социал-демократической библиотеки», подготовленных самим Энгельсом, была брошюра «Карл Маркс перед судом присяжных в Кёльне», содержавшая материалы процесса против Рейнского окружного комитета демократов в 1849 году, и памфлет Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Оба эти издания Энгельс снабдил специальными предисловиями, отметив особое значение этих произведений для партии, представители которой подвергаются постоянным преследованиям со стороны реакционных властей.

В той же серии в 1887 году вышло второе издание работы Энгельса «К жилищному вопросу», для которой он написал предисловие, заново отредактировал текст, сделал некоторые добавления и примечания. Энгельс подчеркнул значение этой работы для Германии конца 80-х годов и для социалистов других стран, которым приходится еще иметь дело с различными проявлениями буржуазного и мелкобуржуазного социализма.

Последним, тридцать третьим выпуском «Социал-демократической библиотеки», прекратившей свое существование с отменой «исключительного закона», было четвертое издание «Манифеста Коммунистической партии» (Лондон, 1890) — последнее авторизованное издание этого произведения на языке оригинала. Четвертое издание стало эталоном, с которого перепечатывались все последующие публикации «Манифеста».

С падением «исключительного закона» перед германской социал-демократией открылись широкие возможности публикации социалистической литературы. Энгельс немедленно воспользовался этим. Первым его шагом была публикация Марксовой «Критики

---

[1] После высылки из Швейцарии весной 1888 года руководителей газеты и издательства они продолжали свою деятельность в Лондоне.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 9.— При жизни Энгельс подготовил еще одно, третье издание «Анти-Дюринга», вышедшее в свет в конце 1894 года, где написанная Марксом десятая глава второго отдела «Из «Критической истории»», ранее печатавшаяся с некоторыми сокращениями, была напечатана в более полном виде.

[3] В 80-е годы впервые получила распространение такая форма публикации марксистской литературы, как серийные издания в виде состоящих из отдельных выпусков библиотек. Первую такую серию под названием «Библиотека современного социализма» начала в 1883 году издавать группа «Освобождение труда», созданная русскими марксистами во главе с Г. В. Плехановым. Подобные серии начали издавать в 80-е годы также испанские, датские, польские, итальянские, голландские, румынские социалисты.

Готской программы». Энгельс опубликовал ее в конце января 1891 года на страницах «Die Neue Zeit» со своим предисловием, в котором указал на исключительное значение этого документа для подготовки новой программы, а также для выяснения истинного отношения Маркса к взглядам Ф. Лассаля и его последователей [1]. «Критика Готской программы» сразу же была перепечатана в центральном органе партии — газете «Vorwärts», в ряде крупных провинциальных социал-демократических газет, в некоторых немецких социалистических газетах Австро-Венгрии и США, а также в газетах социал-демократических партий Швеции и Дании [2]. Публикация Энгельсом этого труда оказала, как он и предвидел, решающее влияние на подготовку новой программы германской социал-демократии. Принятая на съезде в Эрфурте в октябре 1891 года программа была полностью свободна от воздействия лассальянских взглядов.

Скорейший выпуск третьего немецкого издания книги Маркса «Гражданская война во Франции», которая не издавалась в Германии полтора десятилетия, Энгельс считал важным в связи с оживлением и активизацией — особенно после отмены «исключительного закона» — реформистских, оппортунистических элементов среди руководящих деятелей партии, прежде всего в социал-демократической фракции рейхстага. Для этого издания Энгельс написал большое введение, прямо направленное против «социал-демократических филистеров» [3].

Последней работой, подготовленной Энгельсом для издания в Германии, была серия статей Маркса, напечатанных в 1850 году в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» и названных им теперь «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895). Эта работа Маркса не была известна не только широкому читателю, но и большинству активных участников движения. Энгельс провел большую работу над текстом, придал серии статей форму книги, дал название главам, добавил в качестве четвертой главы принадлежащую Марксу часть «Третьего международного обзора», составленного основоположниками марксизма для последнего выпуска этого журнала. Написанное для этого издания Введение стало последней печатной работой Энгельса и в известном смысле может быть названо его политическим завещанием [4].

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 95—96.

[2] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 11 февраля 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 24.— Подробно об истории публикации этой работы см.: *Воробьева А. К.* К истории создания и публикации работы К. Маркса «Критика Готской программы» // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977. С. 122—150.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 201.— Введение было одновременно опубликовано в журнале «Die Neue Zeit».

[4] Подробнее об этой работе Энгельса см. главу 10, § 3 настоящего тома. См. также: *Тартаковский Б. Г.* Последняя работа Фридриха Энгельса и ее историческая судьба // Марксизм и рабочее движение XIX века: Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М., 1988. С. 251—286.

Очень много сделал Энгельс и для распространения важнейших произведений Маркса и своих в других странах Европы и США. Как правило, Энгельс сам рекомендовал для перевода ту или иную работу, исходя при этом из реальных потребностей рабочего движения данной страны, степени знакомства читателей с социалистической литературой вообще и с марксистскими произведениями в особенности. По возможности он сам выступал в роли редактора переводов, качеству которых придавал исключительно большое значение. Если время или другие обстоятельства не позволяли ему самому взяться за редактирование, он старался ознакомиться с переводом до печатания, чтобы устранить наиболее существенные ошибки и неточности.

Как правило, Энгельс старался предпослать каждому изданию своих работ и трудов Маркса на других языках специально написанное для этого издания предисловие. Большинство таких предисловий представляли собой фактически самостоятельные теоретические исследования, очень часто они еще до выхода книги печатались в социалистической прессе.

Даже краткий перечень отредактированных Энгельсом переводов свидетельствует о той колоссальной работе, которую он проделал в последнее десятилетие своей жизни, чтобы обеспечить возможно большее распространение идей научного социализма. О масштабах этой стороны своей деятельности он сам писал Ф. А. Зорге 29 января 1886 года: «...мне предстоит еще одного лишь редактирования: 1) «Восемнадцатое брюмера», французский перевод — около 1/3 уже готово; 2) «Наемный труд и капитал» Маркса — итальянский перевод; 3) «Происхождение семьи» — по-датски; 4) «Манифест» и «Развитие социализма и т. д.» — по-датски, обе работы уже напечатаны, но полны ошибок; 5) «Происхождение семьи» — по-французски; 6) «Развитие социализма» — по-английски. А в перспективе еще множество другого» [1].

В тех случаях, когда Энгельс считал, что его знание языка не позволяет ему взять на себя редактирование, он оказывал всемерную помощь как в подборе книг для перевода, так и в других вопросах — написание примечаний, включение в состав книги дополнительных материалов и т. д. Например, большую помощь оказывал он группе «Освобождение труда».

В конце жизни Энгельс намеревался организовать издание Собрания сочинений Маркса и своих и приступил к собиранию ранних работ. Однако этим планам уже не суждено было осуществиться.

Роль социалистической печати в распространении марксизма

Значительную роль в пропаганде марксистских идей, в обеспечении роста влияния марксизма в рабочем движении сыграла социалистическая печать. Уже в конце 80-х годов Энгельс мог с удовлетворением констатировать, что «выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 365.

в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний. Да и в Англии как раз сейчас теории Маркса оказывают огромное влияние на социалистическое движение...» [1]. По мере образования новых пролетарских партий, по мере возникновения новых социалистических органов печати, создания социалистических издательств возрастали и реальные возможности публикации произведений Маркса и Энгельса, работ их последователей и учеников, расширялся круг сторонников их теории. Разумеется, процесс распространения марксизма и его восприятия участниками рабочего движения протекал в различных странах по-разному. Не одинаковой была и степень усвоения учения Маркса, и удельный вес его приверженцев в общей массе деятелей движения, и его реальное влияние на практическую деятельность социалистических партий, других рабочих организаций. Все это зависело от уровня социально-экономического развития, характера политического строя, особенностей структуры и традиций рабочего класса той или иной страны. Но в общем процесс этот происходил повсеместно, что не могло не сказаться на состоянии освободительной борьбы пролетариата.

Распространение марксистских идей происходило различными путями. Наиболее эффективным средством пропаганды и агитации служили социалистическая печать и издательская деятельность социалистических партий. Через газеты, журналы, популярные брошюры, листовки, прокламации, отдельные издания произведений Маркса, Энгельса, их соратников и последователей эти идеи доходили до рабочих масс.

Пропаганда марксизма, проникновение марксистского учения в рабочие массы сталкивались с немалыми препятствиями: невысокий уровень общего образования у подавляющего большинства рабочих, отсутствие у них свободного времени (рабочий день продолжался от 10 до 12, а то и до 14 часов), полицейские преследования социалистов, консервативное воздействие религии и церкви, влияние буржуазной идеологии во всех ее проявлениях и т. д. Вместе с тем, конфликты с капиталистами, забастовки, случаи прямой конфронтации с властями способствовали росту классового сознания, создавали благоприятную почву для восприятия идей научного социализма. Процесс распространения идей научного социализма принял особый размах в 80-е годы, когда в связи с образованием самостоятельных рабочих партий в ряде стран появились и новые социалистические газеты. Это были и центральные партийные органы печати, и местные газеты социалистического направления; на их страницах систематически печатались статьи основоположников марксизма, их соратников и последователей.

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию I тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 33.

Особое место среди этих газет занимал центральный орган германской социал-демократии «Der Sozialdemokrat», выходивший еженедельно с 1879 по 1890 год сначала в Цюрихе, а затем в Лондоне и нелегально доставлявшийся в страну. Редактором газеты после недолговременного пребывания на этом посту Г. Фольмара стал с января 1881 года Э. Бернштейн. Все эти годы он поддерживал постоянный контакт с Энгельсом, помощь и советы которого во многом способствовали тому, что «Der Sozialdemokrat» стал наиболее авторитетным и влиятельным социалистическим органом того времени. В этой газете, которая имела читателей и за пределами Германии, прежде всего в Австрии и Швейцарии, впервые увидели свет многие написанные в эти годы произведения Энгельса, перепечатывались отрывки из произведений Маркса, почти в каждом номере помещались статьи А. Бебеля, В. Либкнехта, К. Каутского, И. Дицгена, а нередко и социалистов других стран. Газета, как правило, печатала полностью тексты выступлений в рейхстаге депутатов — лидеров партии. На ее страницах велась энергичная идейная борьба с различными видами буржуазного и мелкобуржуазного социализма, реформистскими и оппортунистическими элементами внутри самой партии. Газета систематически выступала с редакционными статьями (принадлежавшими чаще всего перу Бернштейна), в которых разъяснялись многие программные положения марксизма — об исторической миссии пролетариата, о необходимости завоевания им политической власти, о сущности государства и перспективах его при социализме и т. д. Большое место в газете занимала критика лассальянских догм, включенных в Готскую программу, таких, как «железный закон заработной платы», тезис о противостоящей пролетариату «единой реакционной массы», лозунг «свободного народного государства», требование создания производственных «товариществ с государственной помощью», и др. Все эти публикации являлись, по существу, идейной подготовкой новой программы партии. Они помогли многим членам партии понять ошибочность лассальянских требований. Много внимания уделяла газета также критическому анализу взглядов «катедер-социалистов», теоретиков «государственного социализма», представителей псевдосоциалистических, а на поверку буржуазных течений. С критическими статьями на страницах газеты выступали В. Либкнехт, К. Каутский, Э. Бернштейн и другие партийные публицисты. «Это была безусловно лучшая газета, которой когда-либо располагала партия...— писал о ней Энгельс.— Принципы партии излагались и отстаивались на ее страницах с редкой ясностью и решительностью, и тактика редакции была почти без исключений правильной» [1]. Этими своими качествами газета была обязана в первую очередь Энгельсу, который на всем протяжении ее существова-

[1] *Энгельс Ф.* Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 82.

ния следил за ее деятельностью, помогал выправлять ошибки, направляя работу редакции [1].

Значительную роль в пропаганде марксистского учения сыграл в качестве главного редактора «Der Sozialdemokrat» Эдуард Бернштейн (1850—1932). Находясь на этом посту в течение десяти лет (1881—1890), он последовательно отстаивал идеи марксистского социализма, способствовал их распространению в социал-демократических кругах. В эти годы Бернштейн утверждается в своих симпатиях к марксизму, становится одним из лидеров социал-демократического движения; складываются доверительные отношения с Энгельсом [2], укрепляются дружественные связи с Бебелем, Каутским, Либкнехтом, Моттелером.

Центром теоретических интересов Бернштейна в этот период являются теория научного социализма, марксистская политическая экономия. Совместно с Каутским он перевел на немецкий язык и впервые опубликовал в Германии «Нищету философии» Маркса (1885), написал популярный комментарий к этой работе («Прудон и его собственность»), активно пропагандировал марксистскую политэкономию, работал над краткими изложениями экономических трудов Маркса и Энгельса.

Большое внимание в 80-е годы Бернштейн уделял проблеме государства, ее марксистскому истолкованию в противовес идеям «государственного социализма» Бисмарка, утопическим рассуждениям лассальянцев о «свободном народном государстве». В 1883 году «Der Sozialdemokrat» опубликовал фрагмент заключительных разделов работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и вслед за ними — ряд статей Бернштейна, посвященных анализу энгельсовских идей о сущности и исторических функциях государства. В этих статьях наряду с изложением основных положений марксистского учения о государстве Бернштейн начал открытую полемику с лассальянцами и, в частности, с идеей «свободного народного государства». Он подчеркнул классовый характер борьбы за политическую власть, роль рабочего класса в грядущих социалистических преобразованиях. «Мы должны стремиться к тому,— писал Бернштейн,— чтобы сделать пролетариат, рабочий класс господствующим в государстве, способным использовать государственную машину в своих целях» [3]. Статья заканчивалась призывом: «Итак, никаких сомнений касательно нашей конечной цели, но и никаких сомнений о пути к этой цели! А это означает: завоевать власть в государстве» [4].

Эти высказывания Бернштейна свидетельствовали о значительном прогрессе в усвоении сотрудниками «Der Sozialdemokrat»

---

[1] Подробнее об этой газете см.: *Bartel H., Schröder W., Seeber G., Wolter H.* «Der Sozialdemokrat». 1879—1890. Berlin, 1975.

[2] Eduard Bernsteins Briefwechsel mit Friedrich Engels. Assen, 1970.

[3] *Bernstein E.* Der Sozialismus und der Staat // Der Sozialdemokrat. N 52. 20.XII 1883.

[4] Ibid.

марксистской теории государства. Впервые в истории социал-демократического движения со страниц партийного органа в качестве официальной точки зрения была высказана мысль о том, что социалистическое переустройство общества немыслимо без завоевания пролетариатом политической власти.

Пропагандистская деятельность Бернштейна в «Der Sozialdemokrat» в немалой степени способствовала осознанию социал-демократическими лидерами того существенного факта, что революционное рабочее движение в Германии 80-х годов воплощало не только социалистические устремления пролетариата, но и являлось, по сути, единственной реально существующей альтернативой политике буржуазно-юнкерского государства. Немецкая социал-демократия, подчеркивал Бернштейн, выступает как представитель интересов не только рабочего класса, но и радикально настроенной буржуазии.

Помимо центрального органа партия располагала и местными газетами, число которых все время росло и в 1890 году достигло 60, в том числе 29 ежедневных. Конечно, в условиях «исключительного закона» они не могли говорить столь революционным языком, как издававшийся за границей центральный орган партии, да и теоретический уровень многих из них не был высоким, но это были рабочие газеты, в той или иной форме вносившие свой вклад в пропаганду идей научного социализма.

Во Франции с конца 70-х годов идеи марксизма несла в массы основанная Ж. Гедом газета «L'Égalité», являвшаяся в 1880—1883 годах органом Рабочей партии. Ее заменила в 1885 году газета «Le Socialiste». Правда, обе эти газеты выходили с перерывами, и тираж их не был большим, однако они сыграли немалую роль в пропаганде научного социализма во Франции. В них было помещено несколько статей Маркса и Энгельса (в виде серии статей в газете «L'Égalité» в 1880 году печаталось произведение Энгельса, получившее потом название «Развитие социализма от утопии к науке»), систематически печатались теоретические статьи Лафарга, Геда, Девиля и других видных социалистов.

В «Le Socialiste», в частности, в августе — ноябре 1885 года был напечатан полностью «Манифест Коммунистической партии» в переводе Лауры Лафарг. Перевод «Манифеста» печатался одновременно еще в четырех газетах Рабочей партии в Реймсе, Монлюсоне, Рубе и Роанне.

Австрийские социалисты с 1886 года выпускали в Вене еженедельную газету «Gleichheit. Sozial-demokratisches Wochenblatt», которую в 1889 году заменила «Arbeiter-Zeitung». Значительное место в этих газетах занимали теоретические статьи, с которыми выступали не только австрийские социалисты, но и А. Бебель, сотрудничавший в газете на всем протяжении ее существования. Бебель уделял особенно много внимания вопросам политики и тактики, стараясь передать своим австрийским товарищам опыт германской социал-демократии. В своих корреспонденциях он рас-

сказывал о всех сколько-нибудь важных событиях в рабочем движении Германии, о наиболее ярких фактах борьбы социал-демократических рабочих против преследований со стороны властей. Многие его статьи в той или иной форме разъясняли некоторые основные положения учения Маркса[1]. В Венгрии с 1873 по 1890 год печаталась в двух изданиях, на немецком и венгерском языках, газета «Arbeiter-Wochen-Chronik», а с мая 1877 года — «Népszava». С середины 80-х годов в чешских землях, входивших в состав Австро-Венгрии, начали выходить газеты на чешском языке. В начале 90-х годов социалистическая печать, издававшаяся на территории монархии Габсбургов, насчитывала свыше 55 тысяч подписчиков.

В середине 80-х годов стали издавать свой орган «Sozial-Demokraten» шведские социал-демократы, располагавшие также несколькими провинциальными газетами. Примерно в то же время возникли социалистические газеты в Норвегии и еще ранее, в 1872 году,— в Дании. В конце 70-х годов была основана голландская социалистическая газета «Recht voor Allen».

В Италии, где социалистическая партия в масштабе всей страны образовалась окончательно лишь в 1892 году, было несколько газет социалистического направления, выходивших в различных городах. В одной из них, «La Plebe», издававшейся в Милане до 1883 года, сотрудничал Энгельс. С 1885 года своим центральным органом «El Socialista» располагали испанские социалисты; социалистические газеты появились к тому времени и в Бельгии, а еще ранее — в Швейцарии.

В Англии, помимо газет, издававшихся тред-юнионами, выпускались социалистические еженедельники: «Justice» — орган Социал-демократической федерации и «The Commonweal» — орган Социалистической лиги.

Газеты социалистического направления в США издавались как на английском, так и на немецком языках; наиболее активно пропагандировали идеи научного социализма органы Социалистической рабочей партии — «New-Yorker Volkszeitung» (выходила с 1878 года), «Der Sozialist» (с 1885 года) и «Workmen's Advocate» (с 1885 года).

Социалистические газеты сыграли важную роль в пропаганде учения Маркса — Энгельса. Многие передовые рабочие именно через периодическую печать впервые знакомились с важнейшими положениями научного социализма, с трудами основоположников марксизма. Некоторые их произведения целиком печатались на страницах социалистических газет, каждая из которых имела, как правило, достаточно широкий круг читателей, и становились таким путем доступны сотням и тысячам рабочих. «Манифест

[1] О сотрудничестве Бебеля в этих газетах см.: *Neuhaus G.* August Bebel als Korrespondent der «Gleichheit» und der «Arbeiter-Zeitung» in Wien (1886—1890) // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1978. N 5.

Коммунистической партии», например, был в 80—90-е годы полностью напечатан в газетах Франции, Дании, Норвегии, Швеции, Испании, Англии, США, Италии, Австро-Венгрии (на чешском языке), а частично также в Болгарии, Мексике, Австралии. Работа Маркса «Наемный труд и капитал» также полностью была помещена в социалистических газетах Англии, Италии, Болгарии, а также напечатана на польском языке; «Развитие социализма от утопии к науке» — во Франции, Дании, Румынии. Широко перепечатывались в социалистических газетах различных стран многие статьи Энгельса, отрывки из его и Маркса работ, в частности — из книг «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Нищета философии» и др.

Успехи социалистической печати в пропаганде произведений основоположников марксизма не должны затушевывать тот факт, что идеи научного социализма проводились рабочей прессой не всегда последовательно. На страницах одной и той же газеты печатались порой авторы различных ориентаций. О том, насколько нелегко было рабочим читателям вырабатывать целостное марксистское мировоззрение, свидетельствует пример двух венских рабочих изданий, выходивших в начале 80-х годов,— газеты «Die Zukunft» и журнала «Wahrheit». Последовательно марксистских статей в них насчитывалось соответственно лишь 6% и 14%, в то время как лассальянских — 11% и 6% [1]. Заметное преобладание марксизма над лассальянством в теоретических статьях венской рабочей печати относится лишь к концу 80-х годов.

В 80-е годы впервые социалистам ряда стран удалось создать теоретические журналы. Особенно большая роль среди них принадлежала органу германской социал-демократии «Die Neue Zeit», который выходил в Штутгарте в издательстве Дица с 1 января 1883 года под редакцией К. Каутского до 1 октября 1890 года ежемесячно, а затем еженедельно [2]. На его страницах увидели свет многие произведения Энгельса, в том числе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Редакция этого издания пользовалась постоянными советами Энгельса, который не раз критиковал ее ошибки и помогал выправлять их.

Журнал систематически публиковал статьи, посвященные основным проблемам марксистской теории, в частности экономического учения Маркса, а также критическому анализу имевших в то время известное распространение различных сочинений, составлявших идейную базу «государственного социализма». Крити-

---

[1] *Konrad H.* Das Eindringen des Marxismus in die österreichische Arbeiterbewegung am Ende des 19. Jahrhunderts // Internationale Stellung und Beziehungen der deutschen Sozial-Demokratie, 1871—1900. Leipzig, 1981. S. 29.

[2] Подробнее о «Die Neue Zeit» см.: *Rieck B.* Die Gründung der «Neue Zeit» und ihre Entwicklung von 1883 bis 1890. Ein Überblick // Jahrbuch für Geschichte. Berlin, 1974. Bd. 10; *Rieck B.* Der Beitrag der «Neuen Zeit» zur Auseinandersetzung mit der Ideologie des preussischen Staatssozialismus in den Jahren 1884 bis 1886 // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1971. N 6.

ческие статьи, дискуссии, проводившиеся на страницах журнала, рецензии, авторами которых выступали, как правило, помимо Каутского многие руководящие деятели и теоретики партии, в немалой степени способствовали падению влияния буржуазных и мелкобуржуазных социалистических направлений, усвоению марксистских идей активными участниками движения, социал-демократической интеллигенцией, составлявшей основной контингент читателей. Достаточно назвать, например, статьи Каутского ««Капитал» Родбертуса», его дискуссию с К. Шраммом (1884—1885), его выступления с критическим разбором интерпретации социализма вульгарным экономистом Шеффле (1885), его рецензии на книги последователей Родбертуса, его полемику с Фольмаром по вопросу о государственном социализме (1892—1893) и другие, а также статьи Меринга, направленные против апологетов Родбертуса (начало 90-х годов), и т. д.

Значительную роль в пропаганде марксизма сыграли большая статья Каутского ««Нищета философии» и «Капитал»» (1886), ряд статей Бебеля и других авторов. Редакция журнала активнейшим образом участвовала в подготовке новой программы партии, принятой в Эрфурте в 1891 году. Один из проектов программы был написан Каутским и опубликован от имени редакции журнала. Этот проект и был потом взят за основу новой программы. Именно в «Neue Zeit» Энгельс впервые опубликовал «Критику Готской программы» Маркса [1]. Широкий резонанс имела серия статей Каутского «Проект новой партийной программы», в которой давалось подробное разъяснение написанного им проекта. В целом журнал в 80—90-е годы сделал многое для пропаганды марксизма: решительно критиковал теорию и практику оппортунистических и реформистских элементов в рабочем движении, систематически информировал читателей о состоянии социалистического движения в различных странах, о борьбе рабочего класса. Журнал имел широкий круг читателей далеко за пределами Германии. Известно, что Ленин уже в начале 90-х годов, живя в Самаре, познакомился с этим журналом и с тех пор стремился по возможности регулярно читать его. «Мы,— вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова,— изловчались найти адреса, по которым доходил бы теоретический орган германских социал-демократов «Neue Zeit»». А позднее, когда Ленин находился в сибирской ссылке, родные и близкие использовали всякую возможность, чтобы посылать ему номера журнала [2].

«Die Neue Zeit» рассматривали фактически как орган международного социализма; в нем регулярно сотрудничали Бебель, Либкнехт, Каутский (который был редактором журнала), Меринг

[1] Она была опубликована под названием «К критике социал-демократической программы. Из наследства Карла Маркса» (Die Neue Zeit. 1890/91. Bd. 1. S. 561—575).

[2] См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче. М., 1934. С. 147—148.

(с 90-х годов) и другие деятели германской социал-демократии, видные участники социалистического движения других стран: П. Лафарг, И. Дицген, Г. В. Плеханов, Д. Благоев, Эл. Маркс, Л. Франкель, Ж. Гед, Ф. Зорге, Г. Девиль и многие другие. Журнал внес значительный вклад в борьбу за победу марксизма над мелкобуржуазными социалистическими течениями. Теоретические журналы других партий носили менее последовательный характер и не имели столь широкого распространения, однако и они внесли определенный вклад в эту победу, печатая произведения Маркса и Энгельса, их соратников и учеников. Так, пропаганда идей научного социализма занимала значительное место на страницах периодических изданий польских социалистов. В 1879—1881 годах в Женеве выходил журнал «Równość (Égalité). Czasopismo socyjalistyczne», в 1881—1883 годах и вновь с 1884 года там же — газета «Przedswit». В 1883—1884 годах руководителям партии «Пролетариат» удалось наладить выпуск в Варшаве нелегальной газеты под тем же названием (всего вышло пять номеров). В 1884—1887 годах в Женеве выходил журнал «Walka klas», уделявший основное внимание разработке теоретических проблем марксизма.

В Румынии пропаганду научного социализма вел К. Добруджану-Геря, выпустивший несколько популярных работ об учении Маркса. В 1881—1891 годах на страницах издававшегося в Яссах И. Нэдежде журнала «Contemporanul» помещались статьи социалистического характера, а также обширные выдержки из «Капитала», «Происхождения семьи, частной собственности и государства» и некоторых других работ Маркса и Энгельса. В 1891 году вместо этого журнала начал выходить другой — «Critica Sociale», пропагандировавший социалистические взгляды.

В 1885 году Д. Благоев сделал попытку издания журнала социалистического направления в Болгарии «Съвремени показател», но ему удалось выпустить всего три номера.

Восприятие марксизма участниками рабочего движения

Идеи научного социализма проникали в сознание передовых рабочих не только через книги и периодическую печать. Хотя этот путь был, вероятно, наиболее эффективен, он был доступен лишь сравнительно тонкому слою рабочих, вступавших в ряды активных участников освободительной борьбы. Самостоятельное чтение даже популярной литературы социалистического содержания, не говоря уже о произведениях самих Маркса и Энгельса, требовало определенной подготовки, соответствующих навыков. Поэтому социалисты стремились использовать все возможности, все средства для разъяснения рабочим таких проблем, которые способствовали бы пробуждению классового сознания: сущность капиталистической эксплуатации, историческая роль рабочего класса, неизбежность смены капитализма социализмом, общность интересов пролетариата всех стран и другие положения учения Маркса. И тут значительную роль играли различные формы устной пропаганды. Живое человеческое слово действовало быстрее

и убедительнее для многих непривыкших к чтению серьезных книг, уставших после многочасового рабочего дня, но уже задумывавшихся над причинами своего бедственного положения рабочих. Формы применялись самые разнообразные — от выступлений на массовых митингах и собраниях до бесед прямо в цеху, где-нибудь в кабачке или пивной после работы. Все зависело от местных условий — политического строя той или иной страны, ее исторических традиций, экономического положения и условий жизни и труда рабочих, их образовательного уровня. Но в той или иной форме устная пропаганда велась социалистами повсюду, даже там, где рабочие партии только еще формировались.

Конечно, выступления на массовых митингах, предвыборных собраниях в ходе избирательных кампаний и т. п. не были рассчитаны на глубокое усвоение слушателями теоретических проблем. Но ораторы, разъясняя в популярной, доходчивой форме причины бедственного положения трудящихся на понятных аудитории конкретных примерах, возбуждали интерес к более углубленному изучению поднятых вопросов, и это нередко служило толчком к чтению социалистической литературы. Постигая на таких собраниях азы пролетарской политической экономии, революционного мировоззрения, их участники охотнее шли на лекции, в кружки, где могли получить ответы на возникавшие у них вопросы.

В Германии, например, где давней традицией были рабочие образовательные союзы, пропаганда марксизма велась часто именно в этих организациях, объединявших передовых рабочих. С докладами там выступали видные деятели партии А. Бебель, В. Либкнехт, Ю. Моттелер и др. Французская рабочая партия создала в Париже в январе 1884 года кружок «Социалистической библиотеки», где еженедельно П. Лафарг и Г. Девиль читали лекции об экономическом учении Маркса и историческом материализме. В этих странах широко распространены были также поездки партийных лидеров по различным городам с чтением лекций. Ж. Гед, например, с 1882 по 1890 год выступал на 1200 собраниях во многих городах.

В Англии социалисты вели агитацию в лондонских радикальных рабочих клубах, первоначально находившихся под влиянием либералов; социалистической пропагандой занимались они и во время крупных стачек, используя знакомые их участникам факты.

Там, где социалистические партии и организации участвовали в избирательных кампаниях в парламенты и муниципальные органы, это давало им возможность вести агитацию и пропаганду среди самых широких слоев трудящихся. Депутаты-социалисты широко использовали парламентскую трибуну для пропаганды своих идей, для разоблачения эксплуататорской сущности капиталистического строя, классового характера буржуазного государства. В тех странах, где социалистам приходилось действовать в условиях полицейских преследований, где не существовало условий для открытой массовой работы, пропаганда велась в нелегальных кружках, причем использовались воскресные и вечерние общеобразовательные школы.

Распространение марксизма в международном социалистическом движении, особенно характерное для последней четверти XIX века, привело к значительному ослаблению влияния домарксовых социалистических течений, к утверждению научного социализма как идейной основы освободительной борьбы рабочего класса. Программные документы образовавшихся в этот период социалистических партий исходили, как правило, из основных положений учения Маркса. Решения, принимавшиеся по принципиальным вопросам на съездах социалистических партий, и другие документы, выражавшие идейные позиции партий, также в той или иной степени базировались на этих положениях. В полной мере

это можно сказать и о резолюциях первых конгрессов нового международного пролетарского объединения — II Интернационала. Резкое увеличение числа изданий произведений Маркса и Энгельса и других книг и брошюр марксистского содержания, что являлось одним из важнейших условий проникновения идей марксизма в среду участников социалистического движения, передовых рабочих, и одновременно падение удельного веса социалистических изданий немарксистских направлений также свидетельствовало о том, что ведущая роль в идейной жизни социалистических партий переходит к марксизму. Другим свидетельством этого служило содержание социалистической прессы, в которой все большее место занимали статьи по вопросам марксистской теории, политики и тактики социалистических партий, а также посвященные критике различных течений буржуазного и мелкобуржуазного социализма. Марксизм, говоря словами Ленина, становился господствующей теорией в социалистическом рабочем движении.

Одним из важнейших условий, обеспечивших идейную победу марксизма над другими социалистическими течениями, превращение его в ведущую идеологию революционного рабочего движения, было то, что учение Маркса могло ответить на насущные вопросы рабочего движения. Только оно давало верное, убедительное, подтверждавшееся жизненной практикой объяснение капиталистической системы, вскрывало сущность эксплуатации рабочего класса, показывало основные тенденции развития капитализма, научно доказало историческую неизбежность смены строя, основанного на частной собственности на средства производства, другой, более высокой общественной формацией. Однако нельзя утверждать, что учение Маркса полностью вытеснило тогда другие социалистические течения.

Некоторые идеи прежних социалистических учений продолжали владеть умами многих социалистов, которые искренне считали себя последователями Маркса. Нельзя не видеть того, что порой эти идеи (во многом из-за недостаточной зрелости рабочего движения) в некоторых странах легко находили отклик в умах участников освободительной борьбы. Какие-то положения этих учений в модифицированной форме развивались оппортунистическими или полуанархистскими элементами внутри социалистических партий. Наконец, для решения объективных задач, вставших перед социалистическим рабочим движением в последней четверти XIX века, некоторые проблемы марксистской теории — о путях строительства нового общества, двух фазах коммунистического общества и т. д. — казались абстрактными и далекими от непосредственных задач освободительной борьбы. Вместе с тем — и это относилось в определенной мере и к последователям Маркса и Энгельса — достаточное распространение получило мнение о том, что революция не за горами, что капитализму не удастся выбраться из тех кризисных явлений, показателем которых была затянувшаяся экономическая депрессия 80 х годов. Это в определенной мере обусловливало известную односторонность понимания марксизма и его восприятия даже руководящими деятелями движения.

Основная масса членов социалистических партий и тем более сочувствующих им воспринимали марксизм в первую очередь как учение, раскрывшее им глаза на сущность капиталистического строя, разъяснившее им механизм капиталистической эксплуатации и вселившее в них уверенность в неизбежности победы социа-

лизма. Что же касается марксизма как цельного мировоззрения, то усвоения всего богатства, всей глубины учения Маркса и Энгельса от этой массы в то время и невозможно было ожидать. Философия марксизма усваивалась значительно медленнее и многими вообще недооценивалась. Именно здесь, особенно в вопросах материалистического понимания истории, было немало непонимания и даже прямых извращений и вульгаризации учения Маркса. Но в целом, восприняв наряду с указанными выше такие понятные каждому сознательному рабочему положения, как историческая роль пролетариата, необходимость самостоятельной политической партии рабочего класса, интернациональный характер рабочего движения и т. д., рядовые участники и активисты движения приобщались к марксизму, и это открывало им пути к более глубокому усвоению его.

Пропагандисты и теоретики марксизма в 80-х годах XIX века

В период 80-х и отчасти 70-х годов XIX века в ходе развития массовых политических партий рабочего класса сформировалась целая плеяда талантливых пропагандистов марксистской теории, деятельность которых оказала немалое влияние на умы передовых рабочих, способствовала приобщению их к научному социализму. Сама сущность марксизма как теории освободительной борьбы пролетариата, теории, теснейшим образом связанной с жизнью, чутко реагирующей на все изменения и новые явления в общественном развитии, теории, оказывающей непосредственное воздействие на ход практической борьбы рабочего класса и в то же время развивающейся в связи с обобщением опыта этой борьбы, предполагает, что учение Маркса и Энгельса не может оставаться и не остается достоянием «гениальных одиночек», а неизбежно становится идейной основой сплочения всех передовых сил рабочего движения, основой политики рабочего класса и его партии. Объективные потребности социалистического рабочего движения, развития и упрочения пролетарских партий, действовавших во многих странах Европы, а также в Северной Америке, обусловили необходимость расширения пропаганды марксистского учения, усиления его идейного влияния в широких рабочих массах. Развитие пролетарских партий ставило также задачи применения марксистской теории к условиям различных стран.

Значительную роль в распространении марксизма играли соратники, ученики и последователи Маркса и Энгельса. В своих книгах, брошюрах, журнальных и газетных статьях они разъясняли основные положения марксистской философии, экономической теории Маркса, основы политики и тактики рабочего класса. Многие из этих работ имели широкое распространение; написанные, как правило, в живой, доходчивой форме, они пользовались популярностью среди передовых пролетариев, которые воспринимали учение Маркса, находя в нем выражение собственных чаяний и стремлений.

Пропагандисты Марксова учения имелись к тому времени уже во многих странах: А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, а с начала 90-х годов Ф. Меринг и другие — в Германии; П. Лафарг, Ж. Гед, Г. Девиль — во Франции; Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод — в России; Д. Благоев — в Болгарии; Л. Кшивицкий — в Польше; Эл. Маркс и Э. Эвелинг — в Англии; Ф. А. Зорге — в США. Все эти и многие другие видные социалисты своими трудами внесли серьезный вклад в защиту марксизма, полемизируя с идейными противниками, в пропаганду и популяризацию его основных принципов, в развитие некоторых сторон учения Маркса. Они первыми пытались применить — и по большей части успешно — материалистическое понимание истории к объяснению фактов прошлого, к решению насущных проблем современности. Вслед за основоположниками марксизма они разрабатывали стратегию и тактику революционного пролетариата применительно к специфическим условиям своих стран. Большинство из них принадлежало к числу близких друзей или знакомых Маркса и Энгельса и в своей теоретической деятельности постоянно пользовалось их помощью и советами, вело с ними регулярную переписку. Как правило, пропагандисты марксизма являлись руководителями или активными участниками рабочего движения. Поиск ответов на многие вопросы, возникавшие в ходе освободительной борьбы, побуждал их к углубленному и творческому изучению и осмысливанию произведений Маркса и Энгельса. В своей публицистике, в теоретических работах марксистские пропагандисты постоянно обращались к опыту своей практической революционной деятельности; это обогащало их брошюры и статьи, делало их более доступными и интересными для передовых представителей борющегося пролетариата.

Теоретическая деятельность сторонников и учеников Маркса и Энгельса не замыкалась в национальных рамках. Многие из них сотрудничали в социалистической прессе других стран, их брошюры и книги переводились на языки многих европейских народов, что являлось значительным вкладом в укрепление международных пролетарских связей, в упрочение идей пролетарского интернационализма.

2. УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

А. Бебель

Август Бебель (1840—1913) — близкий друг и ученик Маркса и Энгельса был одним из основателей в 1869 году Социал-демократической рабочей партии Германии, ее идейным и политическим вождем, активным участником I Интернационала и одним из организаторов II Интернационала [1]. Как марксистский мыслитель и революцион-

[1] См.: *Овчаренко Н. Е.* Август Бебель. Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1963.

ный социал-демократический политик Бебель снискал широкое международное признание. Его высоко ценили Маркс, Энгельс и Ленин.

Бебель, обладая, по оценке Энгельса, «выдающимися теоретическими способностями» [1], внес крупный вклад в разработку ряда проблем марксистской теории. Идеи, содержащиеся в его трудах, созданных в 70—80-е годы XIX века, в значительной мере определяли мировоззрение, стратегию и тактику германской социал-демократии того времени. Ряд работ Бебеля может быть отнесен к числу лучших произведений марксистской мысли прошлого столетия. Важную роль в пропаганде, защите и теоретической разработке научного социализма сыграли его книги и статьи: «Наши цели. Полемика с «Demokratische Korrespondenz»» (1870), «Христианство и социализм» (1874), «Крестьянские войны в Германии в связи с главнейшими социальными движениями средних веков» (1876), «Шарль Фурье. Его жизнь и его теория» (1888). В 1879 году вышла первым изданием книга Бебеля «Женщина и социализм», выдержавшая десятки изданий не только в Германии, но и за ее пределами.

Важную роль в принципиальном обосновании позиции социал-демократии по ряду социально-экономических и политических вопросов сыграли отчеты о деятельности германского рейхстага в 1871—1874, 1874—1876 и 1887—1889 годах, написанные Бебелем, а также его статьи в социалистической печати, доклады и речи на партийных съездах.

Значение Бебеля как марксистского теоретика определяется тем, что он применил фундаментальные положения теории Маркса и Энгельса в самостоятельных исследованиях политики и экономики капитализма, истории классовой борьбы и социализма, сущности религии, ее классовых и гносеологических корней. Бебель выступил с последовательной марксистской критикой идеалистических концепций буржуазных историков, активно критиковал спекулятивные доктрины социал-дарвинизма, мальтузианства, этического социализма. Раскрывая органическую связь философского идеализма с материальными интересами господствующих классов, он противопоставил идеалистическим представлениям о соотношении бытия и сознания в жизни общества материалистическое понимание истории. Бебель первым среди последователей Маркса и Энгельса предпринял попытку применить материалистическое понимание истории к исследованию исторических событий. В своей книге «Крестьянские войны в Германии» в противоположность идеалистическим взглядам представителей «малогерманской» исторической школы (Г. Трейчке и Г. Зибель) Бебель подчеркивал, что вся политическая и идеологическая история должна выводиться из «общественных и особенно экономических отношений людей в различные исторические периоды» [2]. По его мнению, именно экономическое развитие «определяет социальное расслоение и обусловливает ему соответствующие формы государства и религии» [3].

---

[1] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 17 октября 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 243.

[2] См.: *Бебель А.* Крестьянские войны в Германии. М.; Л., 1928. С. 18.

[3] См. там же. С. 24.

Разъясняя в своих трудах, что объективные тенденции исторического процесса могут быть поняты только с позиций материалистического мировоззрения, Бебель подчеркивал, что человеческую историю нельзя объяснить законами природы, что именно экономическое развитие определяет эволюцию общества, классов, форм государства. Все содержание его исторических работ, по сути, подчинено пропаганде материалистического понимания истории и применению его как метода в конкретных исследованиях. Понятия и категории материалистической теории развития общества (общественное производство, класс, разделение труда, государство и другие) являлись для него основным методологическим средством разработки марксистской концепции социально-экономического развития германского общества в 70—90-е годы XIX века, обоснования неизбежности социальной революции в Германии.

Стержнем всей теоретической деятельности Бебеля была марксистская идея об исторической необходимости революционной замены капитализма социализмом, о социалистической революции как форме освобождения пролетариата от всех форм эксплуатации. Пропагандируя марксистскую теорию общественного развития, он анализировал возникновение и развитие буржуазного общества. В ходе критики капитализма, его экономических отношений эксплуатации Бебель обосновывал закономерность победы идущего на смену капитализму социалистического общества. С марксистских позиций Бебель разъяснял роль классовой борьбы в истории общества, историческую миссию рабочего класса. Упразднение буржуазного государства рассматривалось им как первоочередная задача революции, необходимое условие социального переворота. Бебель разрабатывал основы тактики использования буржуазного парламента для повседневной защиты интересов трудящихся и борьбы за осуществление ближайших требований социал-демократии при одновременном сохранении ориентации на свержение существующего строя.

Много сделано Бебелем для пропаганды материалистических, атеистических идей. Этим вопросам посвящены его выступления в рейхстаге, статьи в партийной прессе, работы «Парламентская деятельность германского рейхстага и ландтагов и социал-демократия с 1871 по 1874 г.», «Христианство и социализм», «Примечания к книге И. Гюйо и С. Лакруа «Социальные учения христианства»». Значение обоснования атеистических идей определялось тем, что, по сути, в этих работах решался вопрос об определении немецкой социал-демократией своего отношения к церкви и государству в условиях оживления идеологической деятельности протестантской и католической церквей, распространения в массах облаченных в религиозную форму социал-реформистских идей. Обращение к этим проблемам было вызвано также необходимостью критики проводившейся бисмарковским правительством политики «культуркампфа». В качестве действенного средства преодоления религии Бебель называет отделение церкви от государства и школы от церкви.

Бебель сосредоточил свое внимание на изучении идейных, исторических корней религии, ее классовых функций. Он отмечал, что с изменением форм классового господства меняются формы религии, что имеется тесная связь между социально-политическими и религиозными институтами. Поэтому нет и не может

быть чисто религиозных революций. «Все эти движения, без исключения, происходили и происходят по социальным причинам» [1],— писал Бебель.

Бебель рассматривал религию как определенное мировоззрение, отмечая связь религиозного миросозерцания с философским идеализмом. Анализируя отношения религии и идеализма, он, по сути, дал материалистическое решение основного вопроса философии — вопроса о соотношении духа и природы, бытия и мышления. Критикуя своих оппонентов Гюйо и Лакруа, утверждавших, что христианство основывается исключительно на философии Платона, Бебель доказывал, что оно «было необходимым результатом духовного состояния, вытекающего из... материальных противоречий» [2] общественной жизни древнеримской империи.

В брошюре «Христианство и социализм» Бебель показывал, что церковь и государство в антагонистическом обществе выступают союзниками в эксплуатации народных масс. Пропагандируя атеистические взгляды, он рассматривал борьбу с религией как часть классовой борьбы пролетариата, стремился конкретно-исторически подходить к формулировке задач пролетарской партии в деле пропаганды атеистического мировоззрения.

Наиболее полно мировоззрение Бебеля, его социально-экономические и политические взгляды выразились в книге «Женщина и социализм» [3]. Обратившись к исследованию положения женщины в различные исторические эпохи, он первым среди социалистических теоретиков начал разработку малоизвестного и вместе с тем чрезвычайно важного аспекта классовой борьбы пролетариата — вопроса об участии в ней женщин. Бебель доказал, что женщины при капитализме страдают не только вследствие социальной и юридической зависимости от мужчин, но также от экономической зависимости от капитала, как и пролетарии-мужчины.

Требование равноправия женщины выдвинуто и обосновано им как задача, полное осуществление которой возможно лишь при условии уничтожения капиталистического общества. Освобождение женщин рассматривалось Бебелем как одна из сторон освобождения рабочего класса, как одно из направлений расширения его классовой борьбы. Поскольку буржуазное общество не в состоянии устранить ни материальной зависимости, ни духовного гнета женщины, вовлеченной в систему массовой эксплуатации, то «огромное большинство женщин живейшим образом заинтересовано также и в том, чтобы существующий государственный и общественный строй был коренным образом преобразован, чтобы было устранено как рабство наемного труда, от которого больше всего страдает женский пролетариат, так и половое рабство, неразрывно связанное с нашими имущественными и производственными отношениями» [4].

---

[1] *Bebel A.* Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, 1970. Bd. 1. S. 304.

[2] Ibidem.

[3] Бебель работал над этой книгой с 1873 по 1878 год. Она вышла в свет в 1879 году под названием «Женщина в прошлом, настоящем и будущем», так как в условиях действия «исключительного закона» слово «социализм» не могло быть вынесено в заглавие. На протяжении всей своей жизни Бебель вновь и вновь возвращался к этой работе, уточняя и развивая многие ее положения, включая новые главы. При жизни Бебеля вышло пятьдесят изданий этого труда.

[4] *Бебель А.* Женщина и социализм. М., 1959. С. 43.

Круг вопросов, которые затронул Бебель в своей книге, чрезвычайно широк. Научное решение вопроса о роли женщины в социалистическом преобразовании общества предполагало рассмотрение многих конкретных научных проблем, связанных с исследованием соотношения социо- и антропогенеза в истории, с анализом докапиталистических формаций, естественнонаучных представлений о биологии и физиологии человека. Бебель дал своего рода канву марксистского решения этих сложных проблем, систематизировав многие идеи Маркса и Энгельса. Опираясь на эти идеи, самостоятельно анализируя обширный научный материал, Бебель пришел к диалектико-материалистическому пониманию человека как существа биосоциального, исследовал диалектику природных и социальных факторов в развитии человечества.

С марксистских позиций Бебель анализировал буржуазное государство, показал его классовую сущность и эксплуататорский характер [1]. Анализируя функции государства в капиталистическом обществе, он подчеркивал, что в рамках буржуазного государства сталкиваются антагонистические интересы различных классов и преодоление этих противоречий возможно лишь посредством уничтожения этого государства [2].

Энергично критикуя взгляды реформистов, Бебель доказывал необходимость революции как предпосылки социалистического преобразования общества, как политического насилия над эксплуататорами в целях установления социального равенства [3]. Бебель пропагандировал марксистское понимание необходимости революционного установления социализма, который является закономерным результатом развития антагонизмов буржуазного общества. Большое внимание он уделял будущему социалистическому обществу, включая экономику, политику, социальные отношения при социализме, роль науки, искусства в развитии гармонической личности будущего общества.

Книга «Женщина и социализм» не только сыграла положительную роль в полемике о «будущем государстве», которую неоднократно навязывали социал-демократам буржуазные идеологи разных толков. Будущее социалистическое общество предстает перед читателями книги как общество крупного хозяйства и постоянно возрастающей производительности общественного труда. В социалистическом обществе исчезает господство эксплуататоров, приходит конец господству мужчины над женщиной, не будет ни национальной ненависти, ни войн, ни религиозной вражды. «*В социалистическом обществе*,— писал Бебель,— *человечество впервые, будучи действительно свободным и стоя на своей естественной основе, будет сознательно направлять свое развитие*» [4]. Рост произ-

---

[1] См.: *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 370.
[2] См. там же. С. 372—373.
[3] См. там же. С. 364—365.
[4] Там же. С. 580.

водительности труда, развитие производительных сил, прогресс науки создадут, по мнению Бебеля, условия для всестороннего удовлетворения разнообразных — материальных и духовных — потребностей личности, станут «*источником высшего благосостояния и гармонического развития всех*» [1]. Он доказывал, что «разностороннее развитие — такова должна быть цель человеческого общежития» [2]. В этой связи он рассматривал вопросы организации воспитания в будущем обществе, формирования у молодого поколения материальных и духовных интересов, организации досуга людей будущего и т. д.

Высказывая те или иные предположения на этот счет, он вместе с тем признавал, что никто не может знать в деталях, как будущее поколение оформит свою социальную организацию и как наилучшим образом оно будет удовлетворять свои потребности. «Речь может идти... только о развитии общих принципов, постановка которых вытекает из сделанного анализа и проведение которых можно предусмотреть только до известной степени» [3].

Дальнейшим этапом в развитии марксистских воззрений Бебеля явилась его книга «Шарль Фурье» (1888). Исследуя основные идеи великого французского социалиста-утописта, Бебель углублял свое понимание научного социализма как качественно нового этапа в развитии социалистической теории.

Раскрывая принципиальное отличие научного социализма от социализма утопического, Бебель показывал особое значение, которое имеет «*представление о классовых противоречиях и классовой борьбе,* благодаря которой изменяются формы общественного строя,— представление, являющееся основой современного (т. е. марксистского.— *Ред.*) социализма» [4]. Обращаясь к истории, на примере эволюции рабовладельческого, феодального и буржуазного государства он разъяснял, что «формы, в которые выливается классовая борьба, переживают непрерывную эволюцию, но самый принцип классовых противоречий, являющийся *основой существования государства,* остается неизменным» [5]. В различных формах борьбы политических партий выражается в конечном счете *«лишь борьба во имя материальных интересов»* [6].

Бебель высоко оценил критику Фурье капитализма, его взгляд на социалистический строй как на общество, создающее все условия для всестороннего и гармонического развития личности, идею научной организации хозяйства при социализме, концепцию воспитания. Отмечая вклад Фурье в развитие социалистической доктрины, Бебель раскрыл ошибочность его социальных воззрений, выразившуюся в ограничении сферы социалистических преобразований сферой распределения и в тезисе о сохранении частной собственности на средства производства. Он видел основной порок концепции Фурье в игнорировании роли классов в истории, классовой борьбы как движущей силы общественного развития. В этой же книге Бебель исследовал вопрос о роли народных масс и личности в истории. Критика Бебелем идеалистической концепции культа героев, облеченная в форму рассуждений о судьбах великих современников Фурье, имела немаловажное значение для формирования классового самосознания немецкого пролетариата. Бебель подчеркнул роль народных масс в истории, характеризовал деятельность великих личностей как орудия исторического творчества масс.

---

[1] См.: *Бебель А.* Женщина и социализм. С. 436.
[2] Там же. С. 534.
[3] Там же. С. 439.
[4] *Бебель А.* Шарль Фурье: Его жизнь и его теория. М., 1923. С. 24.
[5] Там же. С. 156.
[6] Там же. С. 159.

Работы Бебеля, особенно ранние, не свободны от недостатков, типичных для немецких социал-демократов прошлого века. Он долгое время придерживался ошибочного тезиса о необходимости учреждения «народного государства», правда, у него этот термин стал постепенно и все в большей степени означать политическое господство пролетариата. И все же в своих рассуждениях о судьбе государства при социализме он делал упор на его отмирании, не учитывая должным образом особенностей переходного периода.

Но эти недостатки не могут умалить значение деятельности Августа Бебеля, который «отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым талантливым организатором и тактиком, самым влиятельным вождем международной, враждебной реформизму и оппортунизму, социал-демократии» [1].

В. Либкнехт

Старейший из лидеров германской социал-демократии Вильгельм Либкнехт (1826—1900) принадлежал к поколению участников революции 1848—1849 годов и членов Союза коммунистов, прошедших первоначальное революционное и идейное воспитание под непосредственным руководством Маркса и Энгельса [2].

Вместе с Бебелем он в 1869 году основал Социал-демократическую рабочую партию. Он был редактором центральных органов партии — газет «Der Volksstaat» (1869—1876) и «Vorwärts» (1876—1878, 1890—1900), где регулярно публиковались многие труды Маркса и Энгельса, документы Первого Интернационала. В частности, по инициативе Либкнехта в 1877—1878 годах в газете «Vorwärts» публиковались статьи Энгельса против Дюринга, затем изданные как отдельная книга «Анти-Дюринг». Он защитил эту работу Энгельса от нападок дюрингианцев на партийном съезде в Готе в 1877 году, утверждая, что после появления «Капитала» она является самой значительной научной работой в социалистической литературе.

В многочисленных статьях, брошюрах, докладах и агитационных речах Либкнехт уделял большое внимание вопросам текущей политической борьбы. При разъяснении целей и задач партии он часто обращался и к проблемам марксистской теории. Важнейшие из его работ 70—80-х годов, где рассматривались эти проблемы: «О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу» (1869), «От обороны к нападению» (1871), «Знание — сила, сила — знание» (1873), «К аграрному вопросу» (1874, второе, переработанное издание — 1876), «Что такое социал-демократы и чего они хотят» (1877), «Трутц — медный лоб» (1889—1890). Брошюры Либкнехта о революции 1848—1849 годов и о Парижской коммуне сыграли положительную роль в деле политического просвещения немецких рабочих.

Учение Маркса и Энгельса выступает в творчестве Либкнехта как теоретическое обоснование классовой борьбы пролетариата, как учение о противоречиях капитализма и путях их революционного преодоления. Либкнехт подчеркивал, что только в трудах

---

[1] *Ленин В. И.* Август Бебель // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 364.

[2] См.: *Чубинский-Надеждин В. В.* Вильгельм Либкнехт — солдат революции (1826—1900). М., 1968.

Маркса и Энгельса социализм стал наукой. «Капитал» Маркса Либкнехт назвал «великим произведением, впервые научно обосновывающим социал-демократию» [1]. Он отмечал, что учение Маркса и Энгельса является отражением в теории объективных социальных связей и отношений, объективных законов развития человеческого общества. «Наши теоретические положения,— писал он в брошюре «Что такое социал-демократы и чего они хотят»,— отнюдь не опираются на «идеи» или «принципы», изобретенные тем или иным спасителем человечества. Они являются лишь общим выражением фактических отношений существующей классовой борьбы, совершающегося у нас на глазах исторического движения» [2].

В научном социализме Либкнехт видел залог успехов социал-демократической партии в руководстве рабочим движением. Благодаря революционной теории социализм «основывается на ясном познании господствующих общественных отношений и имеет определенную, осуществимую программу по переустройству общества и государства...» [3]. Отказ от научного социализма, недооценка теории или отход в сторону оторванных от действительности утопических фантазий означали бы смерть для пролетарской партии. «Не забывайте же: сила социал-демократии в том, что она срослась с наукой,— отмечал Либкнехт в одном из писем.— В тот момент, когда мы порвем с наукой, мы перестанем быть партией и станем презренной шайкой крикунов, сектой» [4].

Обосновывая неизбежность победы социализма, Либкнехт неизменно проводил идею закономерности исторического процесса, представляющего собой непрерывную и закономерную смену отживших форм общественного устройства новыми, прогрессивными.

Либкнехт доказывал, что поступательное движение истории необратимо, оно не подвластно чьему бы то ни было личному произволу, так как развитие человеческого общества представляет собой объективный закономерный процесс [5]. В своих исторических сочинениях, в частности в оставшейся незаконченной «Истории французской революции» (он успел написать лишь введение), Либкнехт стремился вскрыть закономерность и неизбежность революционных конфликтов и потрясений.

Вместе с тем Либкнехт опровергал идею о «фатализме» теории Маркса и считал, что в истории есть место и для революционной активности человека. Объективная логика истории такова, подчеркивал Либкнехт, что люди могут быть свободными, лишь

[1] Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Berlin, 1964. S. 245.

[2] *Liebknecht W.* Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen. Chemnitz, 1894. S. 11.

[3] См.: *Либкнехт В.* От обороны к нападению // Ораторы рабочего класса: Сборник речей. М., 1962. С. 95.

[4] Либкнехт — М. Эттейлеру, 5 марта 1877 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 3091. Л. 1.

[5] Der Leipziger Hochverratsprozess vom Jahre 1872. Berlin, 1960. S. 26.

познавая законы развития и действуя в согласии с ними, используя их. При этом Либкнехт постоянно подчеркивал, что движение истории, прогресс человечества и его культуры определяются не прихотью «героев», «великих людей», а действиями масс, народов, классов. Он высмеивал тех буржуазных историков, которые смотрят «на историю человечества как на продукт нескольких из ряда вон выходящих либо добрых, либо дурных людей и в каждом событии, в каждом движении предполагают прихоть, своеволие того или другого индивидуума, которого они наделяют всевозможными сверхъестественными качествами, чтобы он подходил к той роли, которую они ему предназначали» [1]. Либкнехт призывал рабочих освободиться «от всякого суеверия, а особенно от всякого культа личности, самого худшего из всех культов идолопоклонства, так как живущие на земле идолы ближе к нам и потому опаснее, чем поселенные на небеса...» [2]. Социалистическая революция, говорил он, осуществится не волею того или иного «героя», а только посредством массовых действий революционного народа [3].

Опираясь на труды Маркса и Энгельса, Либкнехт рассматривал вопрос о месте капитализма в истории. Он разъяснял, что капитализм — преходящая фаза в социальном развитии, закономерно сменившая феодальное общество и столь же закономерно обреченная на гибель и замену социализмом. Он ярко и убедительно разоблачал свойственные капиталистическому строю антагонизмы и противоречия, связывал их устранение с грядущей социалистической революцией. Либкнехт последовательно критиковал любые поползновения приукрасить существующий строй и демагогию буржуазных идеологов и политиков относительно «социального партнерства», «государственного социализма», бисмарковской «социальной реформы».

Характеризуя капитализм, Либкнехт неизменно подчеркивал коренную противоположность интересов труда и капитала, пролетариата и буржуазии. Эти силы враждебны друг другу, между ними не может быть примирения. «Два мира стоят ныне непримиримо друг против друга — мир имущих и неимущих, мир капитала и мир труда, мир эксплуататоров и мир эксплуатируемых, мир буржуазии и мир социализма — два мира с противоположными целями, стремлениями, мировоззрениями и с различными языками. Два мира, которые не могут существовать рядом друг с другом, и один из них должен уступить место другому» [4]. Он неизменно и настойчиво повторял, что социал-демократия должна быть партией классовой борьбы, проводить пролетарскую классовую политику.

Принципиальное отличие пролетарской партии от буржуазных Либкнехт видел в том, что политика всех этих партий предполагает сохранение буржуазного общества, тогда как рабочая партия добивается уничтожения господства класса буржуазии в обществе.

---

[1] Ораторы рабочего класса. С. 101.
[2] Там же. С. 104.
[3] См. там же.
[4] Там же. С. 91.

Соответственно этому Либкнехт также высказывался о революционности пролетарской партии. Он утверждал: «Да, мы революционеры! Мы хотим переустройства современного общества с головы до ног» [1].

Либкнехт разъяснял марксистское учение о классовой сущности государства, критикуя представления о его надклассовом характере, свойственные реформистским и оппортунистическим течениям, в том числе — и в особенности — лассальянству. Поэтому последовательная борьба Либкнехта против этих иллюзий имела как теоретическое, так и практически-политическое значение. Он рассматривал государство как «политически организованное классовое господство» [2]. Это определение Либкнехт относил не только к полуабсолютистской германской империи, но и к буржуазно-демократическим республикам, где тоже необходимо сломить «классовое господство буржуазии, которая облекает государство или правительство властью для подавления трудящихся народных масс» [3]. Вместе с тем он отмечал, что при капитализме «экономическая зависимость превратит в чистую иллюзию все политические свободы, лишит их всякого практического значения» [4].

В этом ошибочном суждении сказалось упрощенное представление о политической системе капитализма, но в то же время Либкнехт в основном верно понимал то, что для осуществления нового общественного строя социал-демократия «предварительно должна завоевать государство» [5] и потому «социализм должен сражаться в первом ряду, стать передовым борцом в политической борьбе» [6]. Эту идею Либкнехт защищал в острейшей полемике против Шульце-Делича, против Бакунина и анархистов. Он тесно связывал перспективу социалистической революции со степенью овладения пролетариатом идеями марксистского учения.

Имея в виду постоянные обвинения в адрес социал-демократов со стороны реакции, что они якобы являются поборниками кровавого насильственного переворота, Либкнехт пояснял, что в принципе социал-демократия вовсе не считает кровавый, насильственный путь социалистического преобразования общества обязательным и предпочтительным. Наоборот, если бы это зависело от нее, она предпочла бы путь мирных преобразований. Но то, как пойдет историческое развитие, зависит во многом от господствующих классов. «Мы революционны,— отмечал Либкнехт,— но революционное движение, в котором и для которого мы действуем, только

---

[1] Ораторы рабочего класса. С. 105; см. также: *Liebknecht W.* Kleine politischen Schriften. Leipzig, 1976. S. 218—219.

[2] Die I. Internationale in Deutschland. S. 246.

[3] См.: *Либкнехт В.* Никаких компромиссов! М., 1958. С. 16.

[4] *Liebknecht W.* Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen. S. 12.

[5] *Либкнехт В.* Никаких компромиссов! С. 23.

[6] Там же. С. 22.

в том случае приведет к актам насилия и кровопролитию, когда этого захотят наши противники, т. е. правительство и буржуазия» [1].

Опыт показывает, говорил Либкнехт, что обычно реакция пыталась воспрепятствовать поступательному движению истории, применяла силу по отношению к революционным классам, что влекло за собой ее насильственное устранение. «Против насилия часто может помочь лишь насилие, и там, где насильственным путем препятствуют прогрессу человечества, было бы преступлением перед человечеством не противопоставить насилию насилие, если не остается иных средств и имеется надежда на успех» [2].

Высказываясь по вопросам тактики пролетарской партии, Либкнехт подчеркивал, что социал-демократы используют революционные средства борьбы, то есть такие средства, которые возможно скорее и вернее ведут к революции в данной конкретной обстановке. Тщательный анализ реальных условий борьбы диктует соответствующую тактику. Отсюда следует, что различие общественно-политических условий в разных странах определяет необходимое различие в тактике партий. «Поэтому совершенно неоправданно навязывать другой стране или даже всем странам в качестве единственно правильной тактику, которая хороша для одной страны. Это случается, к сожалению, очень часто и вносит путаницу во многие головы» [3]. Общность идеологии, цели и характера революционных партий не должна вести к единообразию средств борьбы; то, «что в одной стране является революционным долгом, требованием разума, может в другой быть непростительной глупостью и еще хуже — изменой партии» [4].

Либкнехт одним из первых вскрыл ограниченность буржуазного парламентаризма и выступил против насаждаемого лассальянцами культа всеобщего избирательного права. Весь мир обошли крылатые слова Либкнехта о Северогерманском рейхстаге как «фиговом листке абсолютизма» [5]. Выступая за самостоятельное политическое действие рабочего класса, он отвергал беспринципные компромиссы с буржуазно-юнкерской партией. Вместе с тем он призывал проявлять гибкость в выборе наиболее целесообразных форм и методов классовой борьбы. Либкнехту принадлежит известное определение непосредственных задач революционной рабочей партии: «Агитировать, организовывать, изучать» [6]. Вскрывая мелкобуржуазный характер социальной платформы анархистов, Либкнехт подверг критике тактику индивидуального террора, как бесплодную и по сути своей нереволюционную.

В своей брошюре «К аграрному вопросу» на основе анализа аграрных отношений в Англии, Франции, Германии Либкнехт показал необходимость и полезность обобществления земель. Вслед за Марксом и Энгельсом он защищал идею союза рабочего класса и крестьянства. «Без сельских рабочих и крестьян,— писал он,— наша борьба была безнадежной. С ними победа нам обеспечена» [7].

---

[1] Ораторы рабочего класса. С. 106.
[2] *Liebknecht W.* Kleine politischen Schriften. S. 226.
[3] Ibid. S. 218.
[4] Ibid. S. 227.
[5] Die I. Internationale in Deutschland. S. 187.
[6] Verhandlungen des Parteitags der deutschen Sozialdemokratie in St. Gallen. Abgehalten vom 2. bis 6. Oktober 1887. Hottingen; Zürich, 1887. S. 42.
[7] *Liebknecht W.* Zur Grund- und Bodenfrage. 2. Auflage. Leipzig, 1876. S. IV.

Обоснование исторической миссии рабочего класса и его революционной партии связано у Либкнехта теснейшим образом с утверждением принципов пролетарского интернационализма, идеей пролетарской солидарности. Он выводил эти принципы из общности интересов рабочих всех стран. «Так как способ производства, преобразования которого добивается социал-демократия,— говорил он,— господствует во всех цивилизованных странах, то очевидно, что борьба против этого способа производства, против современного общества не может ограничиваться лишь одной страной, что она является не национальной, а интернациональной борьбой» [1]. Разъясняя смысл лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», он призывал рабочих осознать, «что, несмотря на пограничные столбы, которые вас разделяют, ваше дело повсюду то же самое, что повсюду ваша нужда проистекает из тех же самых причин, что, следовательно, повсюду необходимы те же средства, чтобы покончить с вашей нуждой...» [2]. Отсюда следовал вывод: необходимо объединяться под общим боевым знаменем во имя общей цели.

Либкнехт сразу же оценил Парижскую коммуну 1871 года как государство пролетарское и приложил много усилий для разъяснения ее характера немецкому пролетариату. Он выступил в защиту Коммуны со статьями на страницах органа социал-демократической партии «Der Volksstaat». Его агитационно-пропагандистская деятельность в немалой степени способствовала вовлечению широких рабочих масс в движение солидарности с Коммуной, что послужило мощным фактором развития их классового сознания, усиливало влияние социал-демократии в рабочей среде.

Много сделал Либкнехт для борьбы против милитаризма и для разъяснения грабительского характера войн, развязываемых эксплуататорскими классами. Он подчеркивал, что «нельзя надеяться на мир, пока сохраняется причина, которая порождает состояние войны. Эта причина — современное классовое господство с его наемным рабством...» [3]. Либкнехт назвал милитаризм «неизбежным наростом на господствующей государственной и общественной системе» [4], несовместимым со свободой и благосостоянием народов. Он отмечал, что Интернационал последовательно борется за мир против войны. «Социал-демократия хочет,— писал он,— чтобы не велась никакая война, кроме войны в защиту свободы и прав народа...» [5]

У Либкнехта встречаются порой неточные в теоретическом отношении и даже ошибочные формулировки и положения. В частности, он допускал теоретические уступки лассальянству в понимании государства, переоценивал значение избирательных кампаний. Но несмотря на это, в решающие моменты классовых битв

---

[1] Der Leipziger Hochverratsprozess vom Jahre 1872. S. 116.
[2] Ibid. S. 117.
[3] *Liebknecht W.* Gegen militarismus und Eroberungskrieg. Berlin, 1986. S. 75.
[4] Ibid. S. 119.
[5] Ibid. S. 74.

он, под воздействием критики Маркса и Энгельса в конечном счете занимал верные позиции.

И. Дицген

Активную роль в пропаганде марксизма в рабочей печати играл Иосиф Дицген (1828—1888) — рабочий, самостоятельно пришедший к пониманию философии диалектического материализма, социал-демократ, активный участник I Интернационала [1].

Духовное развитие Дицгена происходило под заметным воздействием трудов Маркса и Энгельса, особое влияние на Дицгена оказал I том «Капитала», в пропаганде идей которого он принял участие, опубликовав в 1868 году в лейпцигской газете «Demokratisches Wochenblatt» рецензию на него. От исследования социально-экономических вопросов он постепенно перешел к занятиям философией, особенно теорией познания. На отзыв Марксу он отправил вскоре свое первое философское произведение «Сущность головной работы человека». Маркс в целом положительно оценил эту работу, отметив, что, несмотря на некоторую путаницу в понятиях, она «содержит много превосходного и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, даже достойного изумления» [2].

Общение с Марксом окончательно утвердило Дицгена на почве диалектико-материалистической философии, он с огромным уважением писал о Марксе и Энгельсе как о «признанных основателях» направления, к которому он принадлежит. В своих трудах Дицген пропагандировал идеи научного социализма, разъяснял рабочим значение материалистической философии, боролся против недооценки роли этой теории, отстаивал партийность философии, отчетливо сознавая ее социально-классовую природу. Он показал, что на долю пролетариата выпала великая миссия освобождения всех угнетенных, а тем самым уничтожение классов, как таковых. Философию Дицген рассматривал как теоретический фундамент пролетарской идеологии и как орудие классовой борьбы.

Не замыкаясь в философии, Дицген написал также ряд произведений, посвященных пропаганде марксистской политической экономии и научного социализма: «Экономические очерки» (1870), «Научный социализм» (1873), «Буржуазное общество» (1876). Некоторые из этих работ печатались сериями в рабочих газетах. Живое и яркое изложение марксистских идей, публицистический характер этих статей делали их доступными для широких пролетарских масс. Одним из популярных произведений Дицгена был вышедший в 1878 году брошюрой доклад «Будущее социал-демократии». Опираясь на экономическую теорию и философию марксизма, он в этом докладе попытался обрисовать задачи пролетарской революции, важнейшие черты социалистического общества. Дицген показал, что Маркс, создав научную теорию общественного развития, раскрыл сущность капитализма, доказал необходимость революционной замены его социализмом.

Дицген придавал большое значение тесной связи философии с пролетарским движением. Он объяснял, что пролетариату нужны глубокие исследователи-теоретики, ибо для его освобождения от наемного рабства одного чувства негодования против несправедливости недостаточно, на помощь должно прийти оружие разума. Освобождение рабочего класса требует от него приобщения к передовой науке, усвоения важнейшего в арсенале знаний.

Основное внимание в своей теоретической деятельности Дицген уделял материалистической теории познания, философским проблемам метода познания. В разработке «последних вопросов всякого

---

[1] См.: *Волкова В. В.* Иосиф Дицген. М., 1961; «Unser Philosoph» Josef Dietzgen. Frankfurt-am-Main, 1980.

[2] Маркс — Людвигу Кугельману, 5 декабря 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 482.

знания» он видел задачу своей жизни. Решению этой задачи он и посвятил главные свои философские труды: «Сущность головной работы человека» (1869), «Экскурсии социалиста в область теории познания» (1886), «Аквизит философии» (1887). По примеру своих учителей — Маркса и Энгельса — Дицген не замыкался в кабинетное, оторванное от живой жизни, академическое философствование. В социал-демократических изданиях он выступал защитником материалистического мировоззрения Маркса и Энгельса, противопоставляя его как откровенному идеализму, так и материализму «старой механистической школы». Разрабатывая философию марксизма, Дицген стал одним из «выдающихся социал-демократических писателей-философов Германии» [1].

Большой заслугой Дицгена было то, что в своих произведениях он проводил мысль о наличии двух основных лагерей в философии, умел видеть за полемикой философских школ борьбу материализма и идеализма. Материалисты, пояснял Дицген, утверждают, что «не мир — атрибут духа, но, наоборот, что дух, мысль, идея — многочисленные атрибуты этого материального мира» [2].

Отстаивая материалистическое мировоззрение, он критиковал — зачастую крайне едко — сторонников идеалистической философии, которых он называл «дипломированными лакеями поповщины». В серии статей «Философия социал-демократии» (1876), сравнивая философские направления, он в пылу полемики так отзывался о «примиренческих шарлатанах»: «Из всех партий самая гнусная есть партия середины». Он пояснял, что клерикальные иезуиты гораздо менее вредны, чем «либеральные», которые пользуются «демократией как поддельной этикеткой, чтобы подсунуть народу свой фальсифицированный товар и дискредитировать подлинные принципы» [3].

Раскрывая закономерности мышления, Дицген в основном правильно, хотя и несколько схематично, осветил вопрос о ступенях процесса познания. Он доказывал, что познание объективного мира осуществляется первоначально в форме чувственного восприятия, но постижение закономерностей и сущности явлений возможно только при помощи абстрактного мышления. Чувственный и рациональный моменты познания, подчеркивал Дицген, находятся в постоянной связи и взаимодействии.

Противопоставляя свои взгляды идеалистическим мистификациям, он писал: «Для нас, диалектических, или социал-демократических, материалистов, духовная мыслительная способность есть развившийся продукт материальной природы...» [4] Мышление Дицген считал естественной функцией, специфической функцией специфического материального тела — мозга. Он в основном правильно критиковал вульгарный материализм за отождествление сознания с материей. Но вместе с тем в изложении вопроса о различии материи и сознания он допускал

---

[1] См.: *Ленин В. И.* К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 117.

[2] *Дицген И.* Научный социализм // Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 249.

[3] Цит. по: *Ленин В. И.* Замечания на книге Дицгена «Мелкие философские работы» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 402.

[4] *Дицген И.* Экскурсии социалиста в область теории познания // Избранные философские сочинения. С. 108.

неточности, несколько расширительно толкуя их соотношение, что проявлялось в признании им материальности духовной деятельности. У него встречаются неудачные формулировки, которые давали повод думать, что Дицген стоит на позициях телеологии и пантеизма («всеобщая разумность», «целесообразность природы») [1].

Истинным методом познания Дицген считал диалектико-материалистический метод, он указывал, что именно этот метод помог Марксу и Энгельсу поднять социал-демократию до научной точки зрения. Диалектика, писал он,— это «солнце, от которого исходит свет, озаривший нам не только экономию, но и все развитие культуры, и которое в конце концов осветит и всю науку в целом...» [2]. Дицген в своих философских произведениях последовательно проводил мысль о зависимости категорий мышления от диалектики объективного мира. В работе «Аквизит философии» (1887) он подчеркивал, что «текучесть и изменчивость... категорий мышления являются лишь примером необходимой изменчивости и взаимной связи всех мыслей и понятий, которые в свою очередь служат, должны и хотят служить лишь примером и отображением универсальной жизни» [3].

Он критиковал метафизиков и их метод познания за абстрактность, за игнорирование ими движения и противоречий, составляющих суть явлений природы, за отрыв формы от содержания. Дицген утверждал, что движение является сущностью мира и поэтому «диалектическое искусство или логика... *есть абсолютное учение о развитии*» [4]. Только диалектическая логика способна правильно отразить объективный мир не только в развитии, но и в его противоречивости.

Дицген обосновывал идею неисчерпаемости и бесконечности человеческого познания в его движении к истине. Большой его заслугой явилось обстоятельное рассмотрение вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины. Он объяснял, что наши мысли не могут полностью совпадать со своими объектами. Познание приносит лишь относительную истину, в которой, однако, содержится часть абсолютной. Дицген показал ненаучность отделения абсолютной истины от относительной: они связаны между собой, ибо абсолютная истина состоит из бесконечного числа относительных, и все наши познания — суть части абсолютной истины.

---

[1] Неточная формулировка Дицгеном некоторых положений марксистской философии дала повод в начале XX века некоторым мелкобуржуазным идеологам представлять его то в качестве пропагандиста религии, то в качестве провозвестника некоего «левого» марксизма. Эта традиция была продолжена А. Паннекуком и К. Коршем, а затем некоторыми западногерманскими авторами. Безосновательность таких истолкований философских взглядов Дицгена показал исследователь из ГДР О. Фингер (*Finger O.* Joseph Dietzgen. Beitrag zu den philosophischen Leistungen des deutschen Arbeiterphilosophen. Berlin, 1977).

[2] *Дицген И.* Философия социал-демократии // Избранные философские сочинения. С. 295.

[3] Там же. С. 211.

[4] *Дицген И.* Аквизит философии и письма о логике. М., 1908. С. 188.

Решение проблем диалектики и гносеологии Дицген связывал с задачами пролетарской революции. Только материалистическая философия, обогащенная диалектикой, в состоянии дать верную картину общественного бытия и может содействовать самосознанию масс и прежде всего рабочего класса. Поэтому даже специальный вопрос философии о «границах познания» имеет отношение к борьбе социалистов за освобождение порабощенного народа [1].

Одной из главных заслуг Дицгена была бескомпромиссная борьба против всяческих форм агностицизма, против ставшего в 70-х годах модным призыва «Назад к Канту!». С возмущением он писал о том, что попы и профессора сходятся в том, что отрицают познавательную способность человеческого интеллекта. Совершенно определенно он выступил против идеалистических «школ» того времени — и против неокантианства, и против позитивизма. Он писал: «Ни одна вещь, ни один атом не познаваем до конца. Каждая вещь неисчерпаема в своих тайнах... Тем не менее мы ежедневно ближе знакомимся с вещами и узнаем, что нет ничего такого, что недоступно нашему уму» [2]. Система Канта оставила, по Дицгену, щель, через которую можно протащить идеализм и метафизику,— взгляд на материю как непознаваемую «вещь в себе». Сторонникам Канта он противопоставлял утверждение о том, что ничего абсолютно недоступного знанию не существует. В попытках Спенсера, Дюбуа-Реймона и др. обосновать теорию непознаваемости всего сущего Дицген видел стремление затушевать классовые противоречия, примирить науку с религией.

Творческая деятельность Дицгена получила высокую оценку Маркса и Энгельса. По-товарищески критикуя недостатки его философских взглядов, они оказывали ему поддержку и помощь, признавали оригинальность и самостоятельность его мысли. «И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля» [3],— писал Энгельс в 1886 году. Такую высокую оценку роли Дицгена полностью разделял Ленин. В статье «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» он писал: «Вот значение Дицгена: рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т. е. к философии Маркса» [4].

К. Каутский

В начале 80-х годов перешел на позиции марксизма и начал активную теоретическую деятельность Карл Каутский (1852—1938) — один из ведущих идеологов II Интернационала, главный редактор журнала «Die Neue Zeit» (1883—1917) [5]. Во второй половине 80-х годов

[1] См.: *Дицген И.* Границы познания // Избранные философские сочинения. С. 331.

[2] *Дицген И.* Экскурсии социалиста в область теории познания // Там же. С. 129.

[3] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 302.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 117.

[5] Подробнее о теоретических воззрениях Каутского см.: *Брайович С. М.* Карл Каутский — эволюция его воззрений. М., 1982; *Salvadori M. L.* Sozialismus und Demokratie. Karl Kautsky 1880—1938. Stuttgart, 1982; *Mende Hans-Jürgen.* Karl Kautsky — vom Marxisten zum Opportunisten. Studien zur Geschichte des historischen Materialismus. Berlin, 1985; *Holzheuer W.* Karl Kautskys Werk als Weltanschauung. München, 1972.

Каутский работал в Лондоне, тесно контактируя с Энгельсом. В работах, опубликованных в этот период, он основное внимание уделял пропаганде материалистического понимания истории и марксистской экономической теории [1].

Положительную роль в пропаганде экономического учения марксизма сыграли опубликованные в этот период статьи Каутского против Родбертуса и его сторонников [2]. Умело разъясняя основные положения Марксовой политической экономии, Каутский показал научную несостоятельность и реакционный политический смысл идеалистических по существу взглядов Родбертуса на экономические отношения капитализма. Значение этих критических выступлений определялось, в частности, тем, что среди членов социал-демократической партии было немало сторонников реформистской концепции «государственного социализма», идеологом которого и являлся Родбертус. В своей критике родбертусианских идей Каутский опирался на основные положения марксистской политической экономии и научного социализма. Вслед за Энгельсом он доказывал необоснованность притязаний Родбертуса на то, что именно он, а не Маркс, открыл происхождение прибавочной стоимости.

В связи с задачами политического просвещения немецкого пролетариата, в частности в целях расширения пропаганды экономического учения Маркса и Энгельса, возникла потребность в кратком и общедоступном изложении марксистской политической экономии. Нужна была книга, популяризирующая идеи «Капитала». Решая эту задачу, Каутский сначала предполагал перевести на немецкий язык известную книгу о «Капитале» Г. Девиля, но, по совету Энгельса, отказался от перевода и написал самостоятельную работу. В 1887 году он издал книгу «Экономическое учение Карла Маркса» [3], которая в рукописи была просмотрена Энгельсом [4]. Книга широко распространялась не только в Германии, но и за ее пределами. Она была переведена на ряд европейских языков. Являясь популярным изложением основ экономической теории марксизма, она для многих молодых членов рабочих партий (не только Германии, но и других стран) стала введением в изучение политической экономии Маркса. Пропагандируя основные идеи экономической теории марксизма на основе I тома «Капитала», а также на основе таких произведений, как «Наемный труд и капитал» и «Нищета философии», Каутский подчеркивал, что Маркс в процессе анализа капиталистической формации открыл в самой экономической структуре буржуазного строя объективные тенденции движения к социализму. Каутский доказывал, что единственный путь общественного прогресса — это «пере-

---

[1] В 80-е годы Каутским написаны такие известные работы, как «Экономическое учение Карла Маркса» (1886), «Томас Мор и его Утопия» (1887), «Классовые противоречия в эпоху французской революции 1879 года» (1889).

[2] См.: *Каутский К.* «Капитал» Родбертуса (1884); Ответ (1884); Последнее слово (1885); Из наследства Родбертуса (1886) // Сочинения. Т. 1. Экономические работы. М., 1928. Ч. 1. С. 269—348.

[3] *Kautsky K.* Karl Marxs ökonomische Lehren. Stuttgart, 1887.

[4] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 13 сентября 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 447.

ход средств производства в собственность всего общества, более полное и безусловное осуществление лишь наполовину проведенного капиталом превращения производства из частного в общественное. А вместе с этим начинается новая эпоха человеческой истории» [1].

Экономическое учение Маркса Каутский рассматривал как систему, в которой материалистическое понимание истории составляет основу экономических исследований, а экономические категории служат теоретическим обоснованием практических выводов о путях освобождения рабочего класса от эксплуатации.

Он подчеркивал, что в «Капитале» Маркс создал «новую экономическую и историческую систему» [2], соединяющую в единое целое факты исторического и экономического исследования, позволяющую познать конкретные исторические процессы и явления во всем многообразии их взаимосвязей, внутренних и внешних противоречий, дающую ключ к научному пониманию общества как сложной системы связей и отношений между классами. Значительное внимание Каутский уделил вопросу об исторических условиях возникновения капиталистического способа производства, как он изложен Марксом на страницах первого тома. Однако он сводил конкретно-историческое своеобразие капиталистического развития различных стран к различиям чисто внешнего порядка, оставляя в стороне идею Маркса о многообразии проявлений исторических закономерностей развития капитализма в различных странах.

Разъясняя идеи «Капитала», Каутский придерживался подлинника, стремился максимально полно воспроизвести ход мысли Маркса, его аргументацию. Для того чтобы сделать изложение более доступным, Каутский весь материал книги распределил по трем большим отделам. В первом из них рассматривались вопросы, связанные с возникновением капитала на основе товарного производства и обращения; во втором — сущность прибавочной стоимости, развитие форм ее производства; а весь третий отдел был посвящен разъяснению углубляющейся противоположности наемного труда и капитала, и именно под этим углом зрения излагались заработная плата, воспроизводство капитала, всеобщий закон накопления и историческая тенденция буржуазного способа производства. Разумеется, такой подход Каутского был некоторым отступлением от логики изложения самого «Капитала», что объясняется пропагандистским характером его книги.

Несмотря на некоторые неточности и упрощения, Каутский в основном правильно разъяснял основные идеи «Капитала». Довольно подробно и вместе с тем ясно и доступно он излагал сущность прибавочной стоимости, показывая, что ее источником является эксплуатация наемных рабочих. Особое внимание Каутский уделял вопросам, связанным с исследованием эволюции форм производства прибавочной стоимости и капиталистической эксплуатации. В «Капитале», отмечал он, Маркс, отталкиваясь от данного им определения стоимости, через рассмотрение последовательных ступеней развития относительной прибавочной стоимости в рамках кооперации и мануфактуры пришел к характеристике крупной машинной фабрики как исторически сложившейся формы интенсивной эксплуа-

[1] *Каутский К.* Экономическое учение Карла Маркса. М.; Л., 1930. С. 222.
[2] См. там же. С. 221.

тации пролетариев, превращающей их в частичных рабочих. Каутский подробно разъяснял сущность заработной платы, развитие различных ее форм.

В изложении экономической теории марксизма Каутский видел свою главную цель в том, чтобы показать вечность, неразрешимость антагонизма рабочих и капиталистов в буржуазном обществе, углубление и усиление противоречий капитализма. При этом Каутский исходил из того, что развитие буржуазного способа производства неизбежно ставит вопрос о его революционном преобразовании, о социалистической революции.

Каутский первым предпринял попытку популярно изложить идеи второго тома «Капитала» и, прежде всего, разъяснить основное содержание Марксовой теории воспроизводства и обращения капитала. Вскоре после его выхода в свет он опубликовал в «Die Neue Zeit» статью ««Нищета философии» и «Капитал»» (1886) [1]. Раскрывая теоретическое значение вышедшей в 1885 году в немецком переводе книги Маркса «Нищета философии», Каутский показал связь этого произведения с идеями «Капитала». Опираясь на Марксовы идеи, он пропагандировал материалистическое понимание истории, подчеркивая определяющее значение экономической сферы в общественном развитии.

В 80-е годы Каутский излагал основы марксистского понимания развития общества и в своих исторических работах, среди которых выделяется его книга «Классовые противоречия 1789 года» (издание 1-е — 1889, более поздние издания вышли в свет под названием «Классовые противоречия в эпоху Французской революции»). Каутский рассматривал в ней вопрос о роли личности и народных масс в историческом процессе. Подчеркивая роль народных масс, он критиковал идеалистические взгляды буржуазных историков, пытавшихся представить Французскую революцию результатом деятельности ораторов и философов, а классовую борьбу трудящихся лишь случайным эпизодом. Каутский противопоставил этим представлениям марксистское понимание классовой борьбы как главного фактора развития общества. Он показал действительные движущие силы революции 1789—1794 годов, подчеркнул ее историческую оправданность и закономерность. Пропагандируя учение Маркса и Энгельса о классах, Каутский одним из первых среди их соратников и последователей обратил внимание на сложность и неоднозначность этого понятия, характеризующего в марксизме не столько абстрактную общность людей в их отношении к средствам производства, продуктам и результатам труда, сколько сложную социальную систему, включающую в себя различные по уровню и типу взаимодействия связи, складывающиеся между людьми в общественном производстве, исторической практике в целом.

Общественные классы эпохи Великой французской революции характеризуются в брошюре Каутского как сложные общественные

[1] См.: *Каутский К.* Сочинения. Т. 1. Экономические работы. Ч. 1. С. 205—265.

структуры. Столкновение частных экономических и политических интересов различных социальных групп внутри каждого класса и определили, по мнению Каутского, содержание основных социальных конфликтов 1789—1794 годов, не сводимых зачастую к антагонизму между буржуа и феодалами — основному противоречию революции.

В работе «Классовые противоречия в эпоху Французской революции» Каутский специально подчеркивал, что с позиций диалектического, марксистского метода общество должно рассматриваться конкретно, «как чрезвычайно сложный и все более усложняющийся организм с самыми разнообразными классами и разнообразнейшими интересами» [1]. Конкретность анализа является для Каутского важнейшим достижением марксистского метода исследования общества, который не может ограничиваться констатацией в общей форме факта существования «классовых противоречий между трудом и капиталом», но «должен исследовать общественный организм во всех его деталях» [2].

Уделяя большое внимание соотношению частного и общего интересов в общественной жизни, Каутский вместе с тем не вполне диалектично подходил к вопросу о соотношении роли личности и народных масс в истории. В его подходе присутствовала известная односторонность, в частности выразившаяся в том, что он изображал человека лишь как орудие естественноисторической необходимости [3].

В своих работах 80-х годов Каутский стремился связать теоретические положения марксизма с насущными политическими задачами социал-демократии, с перспективой неизбежной замены буржуазного строя социалистическим. В этой связи его интересовал образ социалистического будущего, и Каутский обратился к исследованиям трудов «предшественников новейшего социализма» — теме, ставшей впоследствии одной из центральных в его творчестве.

В своей книге «Томас Мор и его Утопия» (1887) Каутский стремился создать образ идеального будущего общества. При этом он идеализировал утопические представления Мора, рассматривал их как теоретическое обоснование

---

[1] См.: *Каутский К.* Классовые противоречия в эпоху Французской революции. Харьков, 1923. С. 13.

[2] См. там же. С. 6.

[3] В подобной трактовке социальной закономерности, несомненно, присутствуют элементы дарвинизма, идеи которого Каутский разделял и активно пропагандировал в 80-е годы (см., например: Der Darvinismus und die Revolution // Der Sozialdemokrat. 1880. N 16; Der Einflus der Vermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien, 1880). Подчеркивая объективный характер исторического развития, Каутский рассматривал общественную закономерность как необходимый результат приспособления человека к природе. При этом он упускал из виду тот принципиально важный для диалектико-материалистического понимания истории факт, что отношение человека к природе реализуется только в форме отношения человека к человеку, как социальное отношение.

коммунизма. Подобный подход к домарксистскому утопизму объясняется в значительной степени тем, что Каутский не разграничивал четко таких понятий, как «утопия», «утопический социализм», «социализм» и «коммунизм». В учении Мора о будущем общественном устройстве он увидел черты, созвучные идеалам социализма XIX века: требования общественного разделения труда, распределения по труду, всеобщей трудовой повинности, чередования занятий физической и умственной деятельностью, уничтожения различий между городом и деревней, совместного обучения юношей и девушек. Основой общности имущества, равенства в труде и наслаждении является для Каутского, как и для Мора, уничтожение частной собственности.

По мнению Каутского, основанием коммунистических общественных отношений должны стать новый тип экономики и новая форма семьи. «Способ производства, хозяйство, семейный быт, брак,— пишет он,— вот те главнейшие вопросы, на которых известная коммунистическая система может развернуться во всех своих наиболее характерных чертах. Политической, также и идеологической надстройке мы придаем значительно меньшее значение» [1]. Политическая сфера исчезнет, следовательно, «о политике в коммунистической общине вообще много говорить не приходится. Что же касается идей, господствующих в ней, то, конечно, гораздо легче представить себе учреждения, отличающиеся от наших, чем будущие идеи и особенности характера вымышленного населения» [2].

Теоретическая деятельность Каутского 80-х годов по характеру и содержанию была подчинена основной цели — пропаганде основ научного социализма. Его труды стали для многих пролетарских революционеров введением в круг марксистских идей. «Мы знаем из многих работ Каутского,— писал Ленин,— что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата...» [3]

3. МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ СОЦИАЛИСТОВ

П. Лафарг

Поль Лафарг (1842—1911) — близкий друг и ученик Маркса и Энгельса, один из выдающихся деятелей французского и международного социалистического рабочего движения, внес значительный вклад в разработку марксистского учения и пропаганду марксизма среди широких масс французского и международного пролетариата [4]. Блестящий публицист, Лафарг опубликовал в различных европейских социалистических изданиях большое количество произведений по философии, политической экономии, истории религии и морали, эстетике и лингвистике, ряд острых, социально-политических памфлетов, среди которых выделяется подлинный шедевр — «Право на лень» (1880). Деятельность Лафарга, талантливого пропагандиста марксистского учения, высоко оценивал Ленин: «Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в пе-

---

[1] *Каутский К.* Томас Мор и его Утопия. Спб., 1905. С. 286.

[2] Там же.

[3] *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 278.

[4] См.: *Момджян Х. Н.* Поль Лафарг и философия марксизма. М., 1978; *Болдырев И. А.* Лафарг. М., 1984.

риод подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма...» [1]

Лафарг принимал деятельное участие в возрождении французского социалистического движения. В 1880 году он становится активным сотрудником газеты «L'Égalité» — органа ФРП. В этой газете он публикует ряд теоретических статей: «Классовая борьба», «Рабочая партия и капиталистическое государство», «Эволюция — революция», «На следующий день после революции» и др. Эти статьи стали важной вехой в организации систематической пропаганды марксизма во Франции, они явились яркой страницей в борьбе за утверждение идей научного социализма во французском рабочем движении. В них Лафарг критиковал различные идеалистические представления об источниках и движущих силах общественно-исторического развития.

В области философии пропагандистская деятельность Лафарга — это, прежде всего, защита марксистского материализма и материалистического понимания истории. В большинстве его трудов, в его исторических экскурсах в область древней культуры, мифологии, истории нравов значительное место занимают положения, касающиеся диалектики, ее законов и принципов.

Первой философской работой Лафарга, написанной с позиций марксистской философии, является «Эволюция — революция» (L'Égalité. 1880. № 5). В этой статье Лафарг выступает не только убежденным противником позитивизма и всякого идеализма, но и мыслителем, совершившим переход от метафизического материализма к материализму диалектическому. Теперь уже, не ограничиваясь признанием материальности мира, он рассматривал его в процессе вечного изменения и развития, показывая внутреннюю противоречивость явлений, их постепенное, эволюционное развитие, приводящее к скачкообразному, революционному переходу в новое качество. Он пояснял, что «к изучению всех естественных или общественных явлений можно применять один и тот же научный метод, метод диалектический, «наивысшую форму мышления»» [2]. Лафарг показал диалектику эволюционных и революционных процессов на примере общества, анализируя главные движущие силы общества — прогресс производительных сил и классовую борьбу. Опираясь на положения «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала», «Анти-Дюринга», Лафарг стремился в доступной форме донести до читателя-рабочего мысли о нарастании противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения, которое ведет буржуазное общество к социальной революции.

---

[1] *Ленин В. И.* Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 г. // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 387.

[2] *Лафарг П.* Эволюция — революция // Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 272.

Лафарг энергично критиковал плоский эволюционизм и механицизм позитивистов, в частности Г. Спенсера, раскрывал перед читателями реакционный смысл позитивистских измышлений. Эта критика имела немалое политическое значение, поскольку французские сторонники позитивистской идеологии стремились распространять среди пролетарских масс идеи социальной бесконфликтности, отрицающей значение политической борьбы рабочего класса.

Лафарг вел полемику и по вопросу об отношении марксизма к дарвинизму. Теория Дарвина широко обсуждалась в буржуазных академических кругах, на съездах естествоиспытателей, среди деятелей международной социал-демократии. Марксистской оценке теории Дарвина противостояли в то время различные ее интерпретации от буржуазно-либеральной до расистской и вульгарно-натуралистической. Причем указанные интерпретации отражали не только борьбу различных партий в науке и философии, но в конечном счете и борьбу противостоящих друг другу сил на политической арене. Лафарг критиковал социал-дарвинистов за то, что они механически переносят закономерности природы на развитие общества и трактуют борьбу классов с биологических позиций [1].

Первостепенное внимание Лафарг уделял пропаганде идеи социалистической революции.

Значительную роль в распространении марксистского учения о пролетарской революции сыграли статьи Лафарга «Классовая борьба» (L'Égalité. 1880. № 20), «Рабочая партия и капиталистическое государство» (L'Égalité. 1880. № 30), «На следующий день после революции» (Le Socialiste. 1887. № 113—116). Лафарг остро критиковал анархистские проекты захвата власти путем заговоров, отрицание ими значения повседневной политической борьбы, показывал необходимость вести революционную агитацию, гибко используя различные рычаги воздействия на буржуазное государство, защищая непосредственные материальные интересы трудящихся.

В своих статьях Лафарг подчеркивал, что революция должна быть массовой, революцией целого класса, политической, то есть имеющей целью захват пролетариатом государственной власти, которая используется им для начала экономической революции — экспроприации капиталистов и национализации производительных сил. Поскольку буржуазное государство есть орудие господства и угнетения, Лафарг доказывал, что его необходимо сломать: «Нужно взять приступом капиталистическое государство и вырвать у него один за другим все зубы, все когти» [2].

Подчеркивая решающую роль рабочего класса в будущих классовых сражениях, Лафарг наряду с этим особо отмечал значение такого субъективного фактора в революции, как сознательность и решимость авангарда пролетариата — его партии. «Партия, сознательно поставившая своей целью социально-экономическое переустройство, может иметь огромное влияние на ход... революции» [3].

В статье «Политика буржуазии» Лафарг разоблачал характер государства в капиталистическом обществе, которое является по-

---

[1] См.: *Лафарг П.* Экономический материализм Карла Маркса (1884) // Сочинения. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 436.

[2] *Лафарг П.* Рабочая партия и капиталистическое государство // Сочинения. Т. 1. С. 297.

[3] Там же. С. 237—238.

литически организованной властью буржуазии. Никакие реформы не меняют классовой эксплуататорской сущности буржуазного государства, политика которого и при монархическом, и при республиканском строе направлена против рабочего класса. Рабочая партия хотя и оказывает предпочтение республиканскому буржуазному правительству перед всеми остальными, но делает это лишь «до того дня, когда она будет достаточно сильна или политические обстоятельства будут достаточно благоприятны, чтобы она могла его свергнуть и установить диктатуру Пролетариата» [1].

Большое место в теоретических и публицистических произведениях Лафарга занимает вопрос о необходимости ликвидации частной собственности. Он решал этот вопрос, опираясь на основные положения марксистской теории об исторически преходящем характере частной собственности и о том, что к уничтожению капиталистической частной собственности подводит само развитие капитализма, процессы концентрации и централизации капитала, обобществления труда. Именно в этих процессах, считал Лафарг, реализуется действие экономической необходимости развития производительных сил общества. Необходимость социалистических преобразований он обосновывал нарастанием классовых антагонизмов буржуазного общества.

Значительный вклад внес Лафарг в пропаганду экономического учения марксизма. В статьях «Капиталистическая прибавочная стоимость», «Справедливость и несправедливость капиталистического обмена», «Капиталистическое производство» (1882) [2] и других, опубликованных в газете «L'Égalité», Лафарг главное внимание уделял популяризации идей произведений Маркса и Энгельса и прежде всего первого тома «Капитала».

В этих статьях Лафарг разъяснял основные положения Марксовой теории прибавочной стоимости. При этом он особое внимание уделил тому, чтобы, опираясь на конкретные факты, показать, что бедственное положение наемных рабочих является неизбежным спутником развития капиталистического производства, следствием закона прибавочной стоимости. Лафарг описывал развитие капиталистической промышленности, подробно характеризуя положение пролетариата в мастерской, на мануфактуре и машинной фабрике, рисовал разоблачающую капитализм картину ужасающей эксплуатации рабочих, в том числе женщин и детей. Анализируя переход к машинной индустрии, Лафарг отмечал, что никогда ни в каком обществе производительный класс не был так изнуряем столь вредным и опасным трудом, как при капитализме. Используя конкретные данные, он показал, как вместе с ростом богатства буржуазии одновременно происходит рост нищеты про-

---

[1] *Lafargue P.* La politique de la bourgeoisie//L'Égalité. 3 série. 18.XII 1881.

[2] L'Égalité. 3 série. 26.II—30.IV, 30.VII—5.XI 1882.— В основу статьи «Капиталистическое производство» Лафарг положил составленный им в 1880 году «Манифест Французской рабочей партии», отредактированный Марксом.

летариата и безработицы. Пока средства производства — собственность капиталистов (индивидуальных или ассоциированных), прибавочная стоимость останется единственной целью производства, будет происходить рост эксплуатации наемных рабочих и ухудшение их положения.

Пропагандируя марксистскую политэкономию, Лафарг умело критиковал буржуазных экономистов. В таких статьях, как «Теория прибавочной стоимости Карла Маркса и критика Поля Леруа-Болье», ««Капитал» Карла Маркса и критика М. Блока» (1884), Лафарг главное внимание уделял защите Марксовой теории стоимости и прибавочной стоимости. В этом смысле характерна статья, в которой критикуются взгляды М. Блока. Энгельс назвал ее великолепной и по стилю, и по существу [1]. В ней Лафарг показал несостоятельность и пустоту попыток Блока оспорить Марксову теорию стоимости и основанную на ней теорию прибавочной стоимости; особый акцент он делал на обосновании того, что вполне научно решить вопрос о происхождении прибавочной стоимости можно лишь на основе теории трудовой стоимости.

Значительным достижением в пропаганде и разработке экономической теории марксизма явилась работа Лафарга об эволюции собственности, опубликованная на немецком языке в «Социал-демократической библиотеке» [2], а затем в переработанном виде — в английском переводе [3] Лауры Лафарг. Эта брошюра стала основой изданной позднее, в 1895 году, книги Лафарга «Происхождение и развитие собственности» [4], которую высоко оценил Энгельс, писавший, что «в ней сплошь да рядом блестящий стиль, очень яркие исторические примеры, правильные и оригинальные мысли» [5]. Вместе с тем Энгельс отметил и некоторые неточности, в частности известную переоценку остаточных элементов родового коммунизма во Франции.

В своей книге Лафарг в то же время успешно разрабатывал важнейшие вопросы марксистской теории, уделив, в частности, большое внимание анализу капиталистической собственности. Последнее важно отметить в связи с тем, что Лафарг использовал здесь написанный им в 1880 году «Манифест Французской Рабочей партии», отредактированный Марксом [6].

Одно из главных достоинств книги Лафарга «Происхождение и развитие собственности» в том, что в ней он обосновывал связь исторической эволюции собственности с экономическим развитием общества. Он живо и увлекательно, и в то же время не в ущерб научности, проследил эту эволюцию, используя богатый

---

[1] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 23 ноября 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 208.

[2] *Lafargue P.* Die Entwicklung des Eigenthums. London, 1890.

[3] *Lafargue P.* The evolution of property. London, 1890.

[4] *Lafargue P.* Origine et évolution de la propriété // La propriété. Origine et évolution. Thèse communiste par Paul Lafargue. Réfutation par Yves Guyot. Paris, 1895. P. 299—530.

[5] Энгельс — Полю Лафаргу, 3 апреля 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 374.

[6] См.: Проект «Манифеста Французской рабочей партии» 1880 года. Вступительная статья и публикация Т. Л. Артемьевой // Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970. С. 448—480.

и интересный исторический материал. Вместе с тем он остро критиковал буржуазные представления о вечности существования частной собственности, капитала. Эволюцию частной собственности Лафарг сначала разобрал в связи с развитием феодальной собственности, которую он подробно рассмотрел не только в форме земельной собственности, но и как систему феодальных повинностей, в целом — как особый способ эксплуатации крестьянства. Раскрывая эксплуататорскую сущность феодализма, Лафарг показал историческую обоснованность смены феодальной собственности буржуазной.

Исследуя идеи «Капитала» Маркса, Лафарг выяснил значение капиталистических финансов, содержание деятельности финансовой буржуазии, эксплуатирующей все общество посредством государственного долга, акционерных обществ и биржи, приобретающей все возрастающее влияние в политической жизни, подчиняющей себе государственную власть. Он показал колоссальную мощь финансов с их пиратами-космополитами, разбойничающими во всех странах, которая усиливается и не зависит от формы политической власти, будь то деспотическая империя в Германии или демократическая республика Соединенных Штатов. Лафарг разъяснял, что владычество магнатов финансового мира — финансистов основывается на капиталистической эксплуатации рабочего класса и на государственном долге. Финансисты, по его мнению, исчезнут лишь после того, как пролетариат, взяв политическую власть, экспроприирует капиталистов, конфискует банки и упразднит государственный долг.

В течение всех 80-х годов Лафарг совместно с Гедом вел идейную борьбу против поссибилизма — социал-реформистского течения, возглавлявшегося П. Бруссом и Б. Малоном.

В статьях «Рабочая партия и капиталистическое государство» (1880), «Автономия» (1881), «Поссибилизм» (1882), «Коллективизм — коммунизм» (1888) и др. Лафарг раскрывал несостоятельность попыток поссибилистов спекулировать отдельными положениями научного социализма для прикрытия своей реформистской практики. В нескольких статьях под общим названием «Автономия» Лафарг развенчивал призывы поссибилистов к идеологической «автономии» местных партийных организаций, их стремление распространить среди рабочих федералистские настроения, их попытки помешать укреплению организационных основ Французской рабочей партии как единой национальной партии пролетариата. Он также критиковал утверждения поссибилистов о возможности установления социализма посредством постепенной муниципализации средств производства в рамках буржуазного общества, без революционного свержения пролетариатом господства буржуазии.

Лафарг написал ряд произведений по истории культуры, в которых он применил марксистскую методологию к изучению возникновения и развития морали и нравов, мифологии, религии и т. д. В своих трудах: «Исследование по вопросу о происхождении идеи добра и справедливости» (1885), «Матриархат. Очерки происхождения семьи» (1886), «Эволюция морали» (1886), «Религия капитала» (1887), «Обрезание, его социальное и религиозное значение» (1888) он выступил страстным пропагандистом марксистского историзма.

Опираясь на работы Энгельса [1] и в то же время разрабатывая ряд проблем вполне самостоятельно, Лафарг на основе материалистического понимания истории пытался обобщить новейшие данные историографии, этнографии, археологии,

[1] Так, в одном из писем к Энгельсу (12 июля 1885 года) Лафарг отмечал, что книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» стала для него открытием, в ней раскрывается смысл развития семьи, что является узловым вопросом для исследований древнейших обычаев и нравов (Engels F., Lafargue P. et L. Correspondance. Paris, 1956. Vol. 1. P. 299—300).

антропологии, исторической лингвистики. Так, в 1885 году в журнале «La Revue Philosophique de la France et de L'étranger» была опубликована большая научная статья Лафарга «Исследования по вопросу о происхождении идеи добра и справедливости». Этот труд французского марксиста примечателен прежде всего тем, что он один из первых опытов марксистского анализа истории мышления, первоначальных этапов движения человеческой мысли от живого созерцания, от чувственно-конкретных образов к абстрактным понятиям. Лафарг прослеживал генезис абстрактных понятий «справедливость», «добро», «зло», «число», «причина», «бесконечность» и пытался отыскать материальные истоки формирования этих понятий. Эта статья была направлена против новейшего спиритуализма, против попыток гальванизировать теорию врожденных идей, а также против различных субъективно-идеалистических трактовок так называемых «idées-forces» («идей-сил») и их влияния на общественное развитие. Лафарг видел задачу в том, чтобы развенчать миф о «внеисторическом» характере общих принципов «свободы», «равенства», «справедливости», так как представления о «вечности» этих принципов мешали раскрывать классовую сущность социальных отношений в буржуазном обществе.

Применяя марксистский метод, Лафарг добивался выявления реальных базисных истоков многообразных надстроечных явлений, в частности древнейших нравов, обычаев и традиций, религиозных идей и мифов. В то же время следует отметить, что Лафарг использовал неправильный термин «экономический материализм», называя так материалистическое понимание истории. В этой неточности термина иногда у Лафарга сказывалось определенное недопонимание отдельных сторон взаимоотношения базиса и надстройки, когда он, анализируя духовные явления, пытался найти их непосредственные причины в экономической жизни общества.

Лафарг рассматривал эволюцию морали и нравов в их связи с развитием общества, показывая на богатом историческом материале, как экономические и социальные сдвиги влияют на формы и содержание нравственной жизни. Он показал, что важнейшими социально-экономическими явлениями, резко изменившими нравственный облик человека, были раздел общинных земель и возникновение частной собственности на средства производства. «Частная собственность... с самого своего возникновения порождает инстинкты, чувства, страсти и понятия, которые, под ее влиянием, развиваются параллельно ее превращениям и которые останутся до тех пор, пока будет существовать частная собственность» [1]. Положение марксизма о том, что в истории эксплуататорских обществ постоянно воспроизводятся классовые антагонизмы, отмечал он, дает ключ к пониманию причин возникновения классовых систем морали, определенных, пронизанных классовым содержанием структур морального сознания. Иногда, впрочем, Лафарг трактовал эти вопросы упрощенно. «Социальная функция эксплуататора труда,— писал он, например,— требует от буржуа, чтобы он пропагандировал христианство, проповедуя смирение и послушание воле бога, который делит людей на господ и слуг, и чтобы он пополнил христианское учение вечными принципами демократии. Для него чрезвычайно важно, чтобы рабочие растрачивали свою интеллектуальную энергию в бесплодных спорах об истинах религии, о справедливости, свободе, морали, отечестве и других подобных ловушках для простаков...» [2]

---

[1] *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Сочинения. Т. 3. С. 81.

[2] Там же. С. 184.

Обращаясь к истории морали, Лафарг детально прослеживал историческую эволюцию индивидуализма. Он подчеркивал, что в антагонистическом обществе становление и развитие личности — в своей основе явление прогрессивное — сразу же сталкивается с противоречиями существующего порядка вещей, когда возвышение одного человека может идти только за счет эксплуатации и угнетения другого. Лафарг разъяснял, что идеология буржуазного индивидуализма направлена на обоснование эгоизма как доминирующего социального качества личности.

В 80-е годы Лафарг занимался также и эстетическими проблемами. В лучших своих работах он успешно применял диалектико-материалистический метод к разработке эстетических категорий и принципов, к анализу законов развития искусства.

Свои философско-эстетические взгляды Лафарг излагал на фоне широко и детально проводимых историко-культурных изысканий в виде литературно-критических очерков, посвященных таким крупнейшим писателям Франции, как Шатобриан, Бальзак, Гюго, Доде и Золя. В 80-х годах им были опубликованы «Дарвинизм на французской сцене», «Сафо» и другие. Уже в этих статьях Лафарг заявил о себе как талантливый полемист-теоретик, обрушивший всю силу своих удивительно точных критических оценок на упадочнические тенденции в искусстве буржуазного общества. Важнейшие явления литературной жизни Франции, и прежде всего французский натурализм, нашли в его статьях яркие характеристики. Борьба против буржуазной идеологии в области эстетики и литературной критики стала у Лафарга, как и у других последователей Маркса и Энгельса, борьбой за реализм и социалистический гуманизм.

Беспощадно обличая капитализм, царящие при нем анархию, конкуренцию и погоню за прибылью, Лафарг показал, что буржуазная система социальных отношений порождает специфическую, отупляющую массы литературу. Лафарг отмечал, что в больших городах образовался круг читателей особого рода романов, наполненных преступлениями, полицейскими приключениями, драматическими и фантастическими перипетиями. Буржуазия поощряет развитие этой тупоумной и разлагающей литературы потому, что она овладевает народным сознанием, усыпляет его и, подобно политическим фокусам буржуазного радикализма, отвлекает народ от осознания своих подлинных классовых интересов.

Лафарг принадлежал, по словам Ленина, к той когорте первых пролетарских революционных теоретиков-пропагандистов, которые с помощью, главным образом, печатного слова начали популяризировать мировоззренческие основы марксизма. Вооружая рабочие массы теоретически, пропагандисты давали им сразу «много идей», возвышая тем самым их сознание до научного понимания закономерностей общественного развития, сущности буржуазной эксплуатации, роли классовой борьбы и неизбежности гибели капитализма как социальной системы [1].

[1] См.: *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 66—67.

Ж. Гед

Жюль Гед (1845—1922) был одним из основателей и руководителей Французской рабочей партии, активным деятелем международного социалистического рабочего движения [1]. Он являлся одним из создателей и редакторов социалистической рабочей газеты «L'Égalité», которая с 1880 года стала органом ФРП. Маркс придавал большое значение этой газете, в частности, он указывал, что «именно «Égalité» (прежде всего благодаря переходу к нам *Геда* и работам моего зятя Лафарга) представляет собой первую «французскую» *рабочую газету* (в подлинном смысле этого слова)» [2].

Пропагандистскую деятельность Геда высоко оценивал Энгельс; в октябре 1881 года он отмечал: «...брошюры и статьи Геда — лучшие из появившихся на французском языке, к тому же он один из лучших ораторов в Париже» [3]. Вместе с тем, Гед не был последовательным марксистом, он воспринял лишь некоторые основные идеи научного социализма. Усвоив марксистские идеи не творчески, упрощенно, он стремился только популяризировать их, чтобы легче довести научный социализм до сознания рабочих.

Гед неустанно пропагандировал идею о неизбежности пролетарской революции как единственно верного пути в борьбе рабочего класса против капиталистического гнета, единственного условия создания нового общества, свободного от эксплуатации. Он активно отстаивал необходимость создания самостоятельной рабочей партии и проведение ею революционной политики, метко и остро критикуя реформизм поссибилистов.

Позитивное значение для пропаганды основ научного социализма имела брошюра «Коллективизм и революция», написанная Гедом в начале 1879 года, она пользовалась популярностью среди рабочих и неоднократно переиздавалась во Франции. В этой брошюре, привлекшей внимание Маркса, Гед стремился определить основные пути и средства уничтожения системы эксплуатации наемного труда и доказывал, что единственным действительным путем освобождения пролетариата является революция. Он отмечал, что лозунгом рабочего движения должны быть слова: «Коллективизм [4] и Революция», или, более точно,— «Коллективизм посредством Революции» [5]. Разъясняя значение и историческую оправданность пролетарской революции, Гед критиковал и раскрывал политическую вредность анархистских представлений о

---

[1] См.: *Белкин И. Д.* Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952.

[2] Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 5 ноября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 378.

[3] Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 25 октября 1881 г. // Там же. Т. 35. С. 189.

[4] Коллективизм во Франции (с конца 70-х годов XIX века) стал термином, как правило, обозначающим научный социализм; пропагандируя «коллективизм», Гед и его сторонники, по существу, популяризировали марксистские идеи.

[5] *Guesde J.* Le collectivisme par la révolution. Paris, 1935. P. 34.

революции как о военном перевороте, как о «восстании ради восстания без подготовки, без шансов на успех и почти без цели» [1]. Он считал, что революцию пролетариат может совершить не только посредством вооруженного захвата власти, но и мирным путем, используя, например, парламентские выборы, хотя признавал этот путь маловероятным. Гед доходчиво разъяснял отличие пролетарской революции от прежней, буржуазной: «В противоположность буржуазному 89 году (то есть Великой французской революции 1789 года.— *Ред.*), который обеспечил собственность лишь для немногих, рабочий 89 год обеспечит ее для всех» [2]. Он показал, что буржуазная революция не уничтожила эксплуатации трудящихся, эксплуататоров-феодалов сменили эксплуататоры-капиталисты. Напротив, пролетарская революция уничтожит всякую эксплуатацию, установив общественную собственность на средства производства, служащую благу всех трудящихся. Гед доказывал, что для освобождения рабочего класса необходима экономическая экспроприация капиталистического класса, которая может совершиться лишь вслед за политической экспроприацией буржуазии, то есть лишь после захвата пролетариатом государственной власти.

Перспективы революции Гед ставил в зависимость от двух основных обстоятельств: во-первых, от классового сознания, пробужденного у пролетариев длительной и активной пропагандой социализма, и, во-вторых, от организации сил рабочего класса.

Гед признавал огромное значение «независимой и боевой рабочей партии» [3]. Для успеха пролетарской революции рабочие должны организоваться в самостоятельную партию [4]. Среди различных форм организации рабочего класса Гед на первое место ставил партию, цель которой он видел в агитации за социальную революцию, в борьбе за революционное установление социализма.

Гед разъяснял, что только после завоевания государственной власти пролетариат сможет осуществить «обобществление, или ...национализацию» [5] средств производства, что приведет к исчезновению противоположных классов, на которые расколото общество. Пропагандируя необходимость введения общественной собственности на средства производства, он доказывал, что раздел средств производства в собственность между кооперативами рабочих или между муниципалитетами приведет лишь к возобновлению такой же конкуренции между коллективными собственниками, которая существует и между частными собственниками-капита-

---

[1] *Guesde J.* Le collectivisme par la révolution. Paris, 1935. P. 26, note 1.

[2] Ibid. P. 32—33.

[3] *Guesde J.* A Marx (1879) // Textes choisis (1867—1882). Paris, 1959. P. 103; см. также: Маркс — Жюлю Геду, конец 1878—начало 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 283.

[4] *Guesde J.* La République et les grèves. Paris, 1878 (1879). P. 32.

[5] *Guesde J.* Le collectivisme par la révolution. P. 20.

листами, к универсализации нищеты рабочих, к закрепощению их и их детей посредством определенного вида труда [1].

Пропаганда Гедом некоторых основных идей научного социализма не была свободна от противоречий. Неизбежность революционного переустройства общества он доказывал несколько схематично. Аргументы черпались из абстрактных идей «справедливости», «интересов общественного целого». Гед не раскрывал обусловленности революционного процесса обострением социально-экономических антагонизмов капитализма, хотя в то же время понимал значение крупного промышленного производства, как фактора, обуславливающего возможность перехода к социализму.

Гед популяризировал основы научного социализма также в многочисленных статьях, опубликованных в газете «L'Égalité» (2—3-й серии, в 1880—1882 годах). На страницах этой газеты он разъяснял идейное содержание программы Французской рабочей партии, принятой в 1880 году, в особенности — положения теоретического введения к ней, созданного Марксом [2]. В статьях «К друзьям и врагам», «Съезд в Реймсе», «Авторитаристы» [3] и др. Гед, поясняя революционное содержание программы, защищал организацию партии. Как уже отмечалось, он вместе с Лафаргом остро критиковал реформизм поссибилистов, их фактический отказ от революционной борьбы за социализм.

В своих статьях «Уроки профессору» [4] Гед отстаивал коллективизм, критикуя доводы буржуазного экономиста П. Леруа-Болье, утверждавшего, что коллективизм ведет к разрушению семьи, к несправедливости, угрожает свободе человека. Опровергая эти утверждения, Гед доказывал, что именно в буржуазном обществе господствует несправедливость в отношении большинства народа — трудящихся, что капиталистическая фабрика, на которой эксплуатируют женщин и детей, несет разрушение семейного очага рабочего. В брошюре «Общественные службы и социализм» [5] Гед отстаивал необходимость революционного установления общественной собственности. При этом он последовательно разоблачал реформистские иллюзии о том, что развитие государственной собственности при капитализме (почта, телеграф, транспорт, различные государственные монополии) приведет к установлению коллективистского общественного строя, то есть к установлению социализма без революции.

Пропаганда программы ФРП сыграла значительную положительную роль в упрочении позиций партии во французском рабочем движении. Во многом этому способствовал написанный в 1883 году Ж. Гедом и П. Лафаргом комментарий к программе, изданный в том же году отдельной брошюрой [6]. В этом комментарии они в доступной рабочим форме разъясняли основные положения научного социализма; доказывали, что рабочий класс будет свободен, станет господином своей судьбы лишь тогда, когда уничтожит частнокапиталистическое присвоение и заменит его коллективной,

---

[1] *Guesde J.* Le collectivisme par la révolution. P. 15—17.

[2] См.: *Маркс К.* Введение к программе Французской рабочей партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 246; *Guesde J.* Un premier mot // L'Égalité. 2 série. 30.VI 1880.

[3] L'Égalité. 3. série. 11.XII 1881, 1.I 1882.

[4] L'Égalité. 3 série. 1.I.1881; 15.I, 22.I, 1882; позднее статьи вышли отдельной брошюрой: Guesde J. Le Collectivisme au Collège de France. Paris, 1883. P. 32.

[5] *Guesde J.* Services publics et socialisme, Paris, 1883. P. 30.

[6] *Guesde J. et Lafargue P.* Le programme du parti ouvrier. Son Histoire — ses considérants — ses articles. Paris, 1883.

общественной собственностью на средства производства. Они показывали, что социализм требует экспроприации капиталистов революционным путем, так как только революция позволит рабочим овладеть политической властью и использовать ее для национализации производительных сил, для действительного обобществления средств производства и установления нового справедливого социального строя. В своей борьбе за революционное переустройство общественной жизни на социалистических началах рабочий класс, освобождая себя, освободит и всех трудящихся. Поэтому его союзником в борьбе против классового господства капиталистов, считал Гед, будет мелкая буржуазия, все трудящиеся, угнетенные в буржуазном обществе.

Пропаганда программы ФРП способствовала идейному и организационному сплочению партии на позициях революционного марксизма, расширению ее влияния среди рабочих. Комментарий Геда и Лафарга к программе ФРП получил международное признание и был опубликован в переводах на ряд европейских языков.

Г. Девиль

Значительная роль в пропаганде экономической теории марксизма принадлежала французскому социалисту, соратнику Ж. Геда и П. Лафарга, Габриелю Девилю (1854—1940).

Г. Девиль принимал самое активное участие вместе с Гедом в борьбе за организацию Французской рабочей партии, был членом редакции «L'Égalité», участвовал в международном социалистическом рабочем движении, был делегатом конгрессов II Интернационала, но в дальнейшем отошел от рабочего движения.

Сознавая те трудности, с которыми столкнутся рабочие, пытаясь овладеть марксистской экономической теорией, Девиль стремился разъяснять идеи Маркса. С этой целью он составил краткое изложение I тома «Капитала» и обратился к Энгельсу, прося его высказать свое мнение о качестве рукописи. Энгельс сделал ряд существенных замечаний, в частности рекомендовал отказаться от изложения всех проблем, исследованных в первом томе «Капитала», и сосредоточить все внимание на разъяснении главного — теории прибавочной стоимости и вытекающих из нее выводов [1], но в то же время отмечал правильность передачи идей Маркса в книге Девиля, за исключением некоторых неточностей, и живой слог, которым она написана. Девиль не сумел воспользоваться советами Энгельса, так как его торопил издатель. Но, несмотря на эти недостатки, книга Девиля сыграла положительную роль в пропаганде «Капитала».

Девиль правильно разъяснял сущность прибавочной стоимости как результата эксплуатации наемных рабочих капиталистами, показывал связь ухудшения положения пролетариата с ростом капиталистического богатства, неизбежность образования резервной армии труда, безработицы при капитализме. Девиль пропагандировал идею необходимости революционной замены капитализма социализмом, где человек будет свободен от эксплуатации и общество трудящихся сможет коллективно управлять принадлежащими ему средствами производства.

[1] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 19 сентября 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 55—56; Энгельс — Лауре Лафарг, 3 октября 1883 г. // Там же. С. 57—58; Энгельс — Карлу Каутскому, 9 января 1884 г. // Там же. С. 72—73.

Пропаганду экономической теории марксизма Девиль продолжил в курсе лекций «Эволюция капитала», который он начал читать в Париже 6 февраля 1884 года. Лекции читались по воскресеньям и пользовались заметным успехом [1], одновременно они издавались в виде брошюр. Энгельс высоко оценил их, назвав превосходными [2], и рекомендовал использовать социалистам других стран в пропаганде марксизма [3]. Резюмируя свои лекции, Девиль отмечал: «В этой серии лекций я хотел после описания зарождения капитала и стадий капиталистического способа производства, признавая его необходимость для известного исторического периода, показать, что в исторических условиях, достигнутых теперь, его уничтожение неизбежно...» [4]

В задачу Девиля входило изложить в лекциях Марксову экономическую теорию, опираясь на данные об экономическом развитии Франции. В этих лекциях он как бы исправлял некоторую абстрактность своего «Краткого изложения «Капитала»», показывая на конкретном историческом материале эволюцию буржуазного способа производства.

Курс был составлен из пяти лекций: «Зарождение капитала», «Образование пролетариата», «Кооперация и мануфактура», «Машина и крупная промышленность», «Конец капитала».

В лекциях умело разъяснялся исторически преходящий характер капитала как общественного отношения, подвергались критике буржуазные представления о «вечности» и «естественности» капитала, отождествляемого буржуазными экономистами со средствами производства. Описывая основные моменты эволюции форм эксплуатации трудящихся собственниками средств производства, Девиль показывал необходимость и закономерность смены одного способа производства другим. Используя исторический материал, Девиль давал правдивую и конкретную картину борьбы капитала с корпорациями цехов, разъяснял роль накопления денежного богатства купцами и ростовщиками в подрыве феодально-крепостнической системы.

Исторический процесс становления капитализма он показывал в связи с географическими открытиями, изобретениями, ростом торговли и развитием городов. Девиль нарисовал впечатляющую картину разорения крестьянства, обеднения ремесленников,— словом, превращения трудящихся в пролетариев; показал роль в этом процессе государства, в частности, законов против бродяжничества как фактора, стимулировавшего пролетаризацию населения.

Широко используя данные экономической истории, Девиль показывал развитие капиталистической системы эксплуатации наемного труда, ее разрушающее действие на рабочего и его семью. Он подробно описывал эволюцию форм производства прибавочной стоимости — кооперации, мануфактуры и капиталистической фабрики, убедительно разъяснял действие применения машин при капитализме на рабочего, превращение последнего в частичного рабочего, в придаток машины, полностью зависящего в своем труде от ритма функционирования машинной системы.

Ссылаясь на Парижскую коммуну, как на пример нарастания антагонизма между пролетариатом и буржуазией, Девиль разъяс-

---

[1] Paul Lafargue à Friedrich Engels du 6 février 1884 // Engels F., Lafargue P. et L. Correspondance. Paris, 1956. T. 1. P. 170.

[2] См.: Энгельс — Полю Лафаргу, 10 мая 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 125.

[3] См.: Энгельс — Флоренс Келли-Вишневецкой, 13—14 августа 1886 г. // Там же. С. 427—428.

[4] *Deville G.* L'évolution du capital. T. 5. Fin du capital. Paris, 1884. P. 16.

нял не только возможность, но и необходимость пролетарской революции, освобождающей рабочих от эксплуатации.

Работы Девиля, пропагандирующие основные положения «Капитала», пользовались заслуженной известностью. Они не только сыграли значительную роль в популяризации экономической теории марксизма для широкой публики, но и помогали рабочим — партийным активистам овладевать основами марксизма. Об этом свидетельствуют многочисленные переиздания работ Девиля о «Капитале» не только во Франции, но и, например, в России, где уже с 1885 года появились издания переводов его книги «Краткое изложение «Капитала»», а затем также и лекций об эволюции капитала, которые служили в 1880—1890-е годы и позднее пособием для занятий в рабочих кружках [1].

4. ПРОПАГАНДА МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТАМИ АМЕРИКИ, АНГЛИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ф. А. Зорге

Фридрих Адольф Зорге (1828—1906) — друг и соратник Маркса и Энгельса — был организатором секций I Интернационала в Северной Америке, в 1872—1874 годах — генеральным секретарем Генерального совета Интернационала [2]. В своей деятельности Зорге руководствовался советами Маркса и Энгельса, с которыми состоял в постоянной многолетней переписке.

Пропагандируя идеи научного социализма, Зорге придавал большое значение распространению произведений Маркса и Энгельса, в особенности «Манифеста Коммунистической партии». Зорге считал также важнейшей задачей пропаганду принципов I Интернационала, распространение его документов. Много сделал Зорге для воспитания американских рабочих в духе пролетарской солидарности и интернационализма. В частности, он считал важнейшей задачей разъяснение рабочим значения и смысла Парижской коммуны. С этой целью Зорге организовывал митинги и собрания, на которых американские рабочие заявляли о своей солидарности с коммунарами, он также организовал распространение в 1871 году в Северной Америке воззвания Генерального совета Интернационала «Гражданская война во Франции», написал предисловие к нему.

Борясь за расширение влияния идей научного социализма среди американских рабочих, Зорге хорошо понимал, что этого можно добиться, лишь сочетая большую пропагандистскую работу с защитой экономических интересов рабочих; в частности, борьба за восьмичасовой рабочий день является лишь предварительным условием и не может привести к полному освобождению рабочего класса от эксплуатации.

Зорге участвовал в основании Социалистической рабочей партии Северной Америки (1876—1877). Возглавив борьбу с лассаль-

---

[1] См.: *Уроева А. В.* Книга, живущая в веках. М., 1972. С. 137, 151—152.

[2] См.: *Румянцева Н. С.* Фридрих Зорге — человек упрямой справедливости. М., 1966.

янцами, которые возобладали в партии (1878), он критиковал их сектантскую линию, направленную на отказ от повседневной работы в массовых рабочих организациях — тред-юнионах. Несмотря на выход из партии, Зорге и в последующие годы прилагал много усилий для преодоления сектантского влияния в ней, для превращения ее в массовую пролетарскую партию. Зорге выступил как талантливый популяризатор марксистского учения. В 1876 году он опубликовал брошюру «Социализм и рабочий» [1], которая пользовалась у рабочих большой популярностью и выдержала несколько изданий.

Зорге показывал истинные цели социалистов, разоблачал легенду о том, что они хотят вообще уничтожить собственность, разделить все поровну между людьми. Он разъяснял, что социалисты видят свою цель не в отмене собственности или ее разделе, а в обобществлении всех средств производства, что позволит ликвидировать нищету трудящихся масс. В своей брошюре Зорге показал несправедливость, господствующую в буржуазном обществе: большая часть производимого богатства принадлежит тем, кто не работает, меньше всего достается тем, кто производит это богатство. Нарисовав картину бедственного положения трудящихся города и деревни, Зорге доказывал, что оно несправедливо, не может и не должно продолжаться и должно быть изменено. Он разъяснял, что рабочие, поднявшись на борьбу против капитала, смогут победить, если будут организованы. Когда рабочие объединятся для борьбы, тогда они станут такой огромной силой, которой ничто не сможет противостоять. Зорге обращался к читателям с призывом пропагандировать социалистические принципы, доказывать их истинность и справедливость сомневающимся, разъяснять, что социалисты образуют действительную и единственную партию рабочего класса.

Зорге последовательно отстаивал марксизм в борьбе с реформистскими идеями, получившими распространение в среде американских социалистов. В одной из статей в газете «The Workmen's Advocate» он раскрыл реформистскую природу идей сторонников социалиста-утописта Э. Беллами, которые пытались привлечь на свою сторону рабочих. Пропагандируя в этой статье ряд марксистских принципов, Зорге доказывал, что освобождение рабочего класса — дело самих рабочих, которые сами себя освободят от капиталистической эксплуатации, установят социализм, заменив частную собственность на средства производства общественной.

Наиболее значительными в пропагандистской деятельности Зорге были его статьи о рабочем движении в Северной Америке, опубликованные в «Die Neue Zeit» в 1890—1895 годах. В этой серии статей «Рабочее движение в Соединенных Штатах» охватывался период с 1830 по 1892 год. Основываясь на богатейшем фактическом материале, используя также оценки, содержащиеся в письмах Маркса и Энгельса к нему (тогда еще неопубликованных), Зорге выяснил особенности американского рабочего движения, проанализировал деятельность различных рабочих организаций.

[1] *Sorge F. A.* Socialism and the worker. N. Y., 1876.

В своих статьях он показал борьбу американского рабочего класса на фоне экономического развития страны, конкретно анализировал нарастание классовых антагонизмов в американском обществе в течение XIX века, разъясняя марксистское положение о том, что капитализм всем ходом своего развития создает пролетариат — класс, призванный уничтожить этот последний эксплуататорский способ производства. Он уделил большое внимание истории Гражданской войны в Америке, правильно оценил огромное значение победы над рабством для развития рабочего движения. Зорге отмечал, что место борьбы между рабством и свободным трудом заняла борьба между трудом и капиталом, что после Гражданской войны рабочий вопрос оказался в центре внимания социальной жизни Соединенных Штатов [1]. Он показал, что в этот период завершался процесс формирования пролетариата. Зорге раскрыл эксплуататорскую сущность американской буржуазии, нарисовал яркую картину борьбы американских рабочих за улучшение своего положения, в частности он уделил много внимания стачкам на железной дороге Балтимора — Огайо в 1877 году, в Чикаго в 1886 году. Зорге был убежден в силе американского рабочего класса, выражал в своих статьях глубокую уверенность в том, что, несмотря на жестокие репрессии, американские рабочие в борьбе против капитала выполнят свою великую освободительную миссию.

Эл. Маркс

Ярким представителем плеяды пропагандистов марксизма была младшая дочь Маркса — Элеонора Маркс (1855—1898), первая женщина-марксистка [2]. Ее сознание формировалось с детских лет под влиянием отца и Энгельса, в атмосфере теоретических дискуссий, обсуждения политических вопросов и практических революционных задач. Идейному развитию Элеоноры способствовали и ее дружеские связи с ведущими деятелями социалистического движения Германии, Франции, Австрии, США, русскими революционерами.

В пропагандистской деятельности Эл. Маркс явно прослеживаются два направления: систематическое выступление с начала 80-х годов в рабочей и демократической печати и непосредственное общение с рабочими [3].

Эл. Маркс последовательно отстаивала идеи пролетарского интернационализма. Она почти ежегодно выступала на созывавшихся в марте митингах памяти Парижской коммуны, рассказывая о героизме коммунаров, о подлинной сущности Парижской коммуны [4].

---

[1] См.: *Зорге Ф. А.* Рабочее движение в Соединенных Штатах. Спб., 1907. С. 84.

[2] См. биографию Эл. Маркс: *Kapp Y.* Eleanor Marx. Ld., 1976. Vol. 2.

[3] Работы Эл. Маркс печатали под именем Эл. Эвелинг (по мужу) или Маркс-Эвелинг.

[4] Речь была опубликована в газете «Justice» и еженедельнике «The Commonweal» 24.III 1888. Руководитель СДФ Гайндман, вспоминая о ее выступлении на митинге 1888 года, писал, что это была одна из лучших речей, которую он когда-либо слышал (*Hyndman H.* The Record of an adventurous life. Ld., 1911. P. 341).

Так, в письме, прочитанном в марте 1893 года на митинге в Абердине, Эл. Маркс рассказала о работе Маркса «Гражданская война во Франции», посвященной революции 1871 года и героической битве ее участников.

На митингах и в прессе Эл. Маркс выступала в поддержку ирландского народа, боровшегося за самоуправление Ирландии и против карательной политики британского правительства. Она излагала марксистское положение о необходимости поддержки рабочими метрополии борющегося угнетенного народа [1].

Эл. Маркс регулярно печатала в рабочей и социалистической печати статьи под общим серийным названием «Сообщения о международном рабочем движении» [2].

В этих кратких заметках Эл. Маркс старалась подвести рабочих к пониманию общих задач пролетариата всех стран и к осознанию ими коренной противоположности их интересов интересам правящих классов. Так, рассказывая о смертном приговоре, вынесенном чикагским рабочим за их участие в митинге, она подчеркивала, что это приговор, вынесенный классовым судом [3].

Эл. Маркс постоянно выступала перед рабочими в их политических клубах и с конца 80-х годов — на митингах членов «новых тред-юнионов» [4]. Пропагандистской деятельности Эл. Маркс, ее мужа Эд. Эвелинга и других социалистов большую помощь оказывал Энгельс. Цель этой пропаганды, писал он в 1887—1888 годах Зорге и Ньювенгейсу,— готовить создание рабочей партии [5].

Эл. Маркс, Эд. Эвелинг и их товарищи вели агитацию за законодательное введение 8-часового рабочего дня, требования, весьма популярного в массах, рассчитывая таким путем расшевелить массу политически инертных рабочих. В речах перед бастующими членами «новых тред-юнионов» Эл. Маркс показала, что они смогут добиться улучшения своего положения не путем компромиссов с предпринимателями, а путем упорной борьбы. Результатом ее пропагандистской деятельности был поворот многих лидеров «новых тред-юнионов» к социализму [6].

Отличительной чертой Эл. Маркс как пропагандиста были выступления перед женщинами-работницами; при этом она сама участвовала в организации

---

[1] После выступления Эл. Маркс на тысячном рабочем митинге 11 марта 1887 года в Гайд-парке лондонская «Daily Telegraph» писала о великолепном ораторском мастерстве госпожи Маркс-Эвелинг, об огромном интересе, который вызвала ее речь, «содержащая революционные и социалистические идеи» (Daily Telegraph. 12.IV 1887).

[2] Статьи печатались в ежемесячнике «To-day» в 1884 году (№ 1—5), в еженедельнике «Time» в марте — июне 1887 года; в газете «Workmen Times» (18.II, 4.III, 24.VI 1890). В социалистическом еженедельнике «The Commonweal» в 1885—1887 годах она вела постоянный раздел «О международном рабочем движении».

[3] Под влиянием ее статьи ряд политических рабочих клубов Лондона отправил правительству США телеграмму, требуя отмены приговора.

[4] «Новые тред-юнионы» в отличие от прежних союзов охватывали десятки тысяч малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих — докеров, шахтеров, работников газовой промышленности. Пропаганда социалистов, в первую очередь Эл. Маркс, сыграла большую роль в становлении и деятельности этих организаций.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 26; см. также: Т. 36. С. 546, 548, 551, 557 и др.

[6] *Mann T.* Memoirs. Ld., 1967.

их забастовок и первого профессионального союза. Еще в 1887 году она вместе с Эд. Эвелингом написала брошюру «Женский вопрос» [1], опираясь на работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Рассказывая в брошюре об ужасающем положении женской части британского пролетариата, авторы писали: «Мы должны видеть реальную причину рабского положения женщины в ее экономической зависимости; ее «эмансипация» означает прежде всего экономическую свободу» [2].

Другой пропагандистской работой Эл. Маркс, также написанной совместно с Эвелингом, была изданная в 1885 году брошюра «The Factory Hell» («Фабричный ад»).

В брошюре «Рабочее движение в Америке» Эл. Маркс и Эд. Эвелинг, рассказывая о положении американского пролетариата, обосновали вывод о необходимости создания самостоятельной пролетарской партии для успеха в борьбе как в Англии, так и в Америке.

Около 15 лет Эл. Маркс выступала с пропагандой идей социализма и в то же время непосредственно участвовала в английском рабочем движении, представляя в нем новый тип пропагандиста-марксиста, связанного с широкими рабочими массами.

Эд. Эвелинг

Эдуард Эвелинг (1851—1898) активно пропагандировал идеи научного социализма в 80-х — первой половине 90-х годов XIX века. Он пришел к марксизму от радикализма и буржуазного республиканизма, от участия в атеистическом движении. Высокообразованный человек, хороший оратор, он легко устанавливал контакт с аудиторией, перед которой выступал. Огромную роль в его становлении как социалиста сыграла его жена Элеонора Маркс, через которую он установил близкие отношения с Энгельсом.

Началом пропаганды Эвелингом научного социализма можно считать написанную им совместно с Элеонорой Маркс статью памяти Карла Маркса «Выдающийся руководитель социалистической партии» для радикальной газеты «Progress» (IV. 1883).

Эвелинг регулярно выступал в печати, с лекциями в демократических и рабочих обществах, на митингах и многое делал для политического просвещения их участников.

В том же 1883 году Эвелинг прочитал лекцию, в которой сравнивал роль Маркса в социологии с ролью Дарвина в биологии [3]. Эту же тему он развивал и позднее, опубликовав в «New Century Review» большую статью на тему «Чарльз Дарвин и Карл Маркс».

В 1884 году и позднее он выступал с рядом лекций (под псевдонимом Т. Р. Эрнест), в которых полемизировал с фабианским социалистом Б. Шоу, опровергавшим Марксову теорию стоимости. Затем последовал ряд лекций о политической экономии Маркса, в частности на тему «Капитал и прибавочная стоимость». В лекциях он излагал основные положения I тома «Капитала» [4].

---

[1] *Aveling Edw., Marx-Aveling El.* The Woman Question. Ld., 1887.— Этой брошюре предшествовала их статья в «The Commonweal» в августе 1885 года, в которой доказывалось, что последовательное решение женского вопроса возможно лишь в социалистическом обществе.

[2] Ibid. P. 28.

[3] Justice. 15.III 1884.

[4] Эвелинг принимал участие в подготовке перевода I тома «Капитала» на английский язык, вышедшего в 1887 году. Кроме того, Эвелинг переводил «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, вышедшее в Лондоне в 1892 году со специальным предисловием автора.

В эти же годы он являлся постоянным оратором на митингах безработных, в радикальных рабочих клубах, агитируя за повседневные требования рабочих (в первую очередь за закон о 8-часовом рабочем дне), доказывая необходимость самостоятельной политической борьбы за их интересы. От требований этих повседневных нужд Эвелинг переходил к критике политики правительства, вообще к критике капиталистического общества.

Энгельс высоко ценил пропагандистскую деятельность Эвелинга среди рабочих. В феврале 1888 года он писал одному из своих корреспондентов: «...Эвелинги... очень активно работают в ...клубах — единственных, имеющих здесь значение политических рабочих организациях», они «по нескольку раз в неделю выступают с докладами.., они теперь... самые популярные ораторы среди рабочих» [1].

Помимо совместных работ с Эл. Маркс, Эд. Эвелинг был автором ряда памфлетов, выходивших в виде небольших брошюрок, стоимостью в несколько пенни и распространявшихся в рабочих районах. Среди них «Социализм и анархизм» (1890), в которой он с марксистских позиций доказывал порочность анархистской тактики, отрицавшей необходимость легальной политической деятельности рабочих.

Материал лекций, прочитанных Эвелингом в рабочих клубах, об отличии радикализма от социализма вошел в его памфлет «Социализм и радикализм» (1895). Газета «Labour Leader» писала 19 октября 1895 года, что это «умнейшее и наиболее убедительное изложение социализма».

Непосредственное участие Эвелинга в подготовке первомайских демонстраций (1890—1895) — он был председателем комитета, готовящего выступления рабочих,— предоставляло ему широкую возможность агитировать за те требования, которые составляли политическую платформу «новых тред-юнионов» и созданной при поддержке Энгельса летом 1890 года политической рабочей организации, которая должна была стать основой будущей рабочей партии [2]. Эта организация мыслилась как ядро будущей пролетарской партии.

Эвелинг выступил и с серией статей в английской печати, рассказывая о континентальном социалистическом движении [3].

В 1896—1897 годах Эвелинг постепенно отходит от участия в социалистическом движении, но его заслугой остается пропаганда идей научного социализма наряду с непосредственным участием в рабочем движении Англии 80-х и первой половины 90-х годов. В эти годы Эвелинг являлся одним из активных социалистов, пропагандистом идей марксизма.

---

[1] Энгельс — Фердинанду Домеле Ньювенгейсу, 23 февраля 1888 г.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 26.

[2] Организация называлась «Лига борьбы за законодательное введение 8-часового рабочего дня и международную солидарность труда».

[3] Например, в «Daily Chronicle» 25 сентября 1890 года была опубликована его статья «Новая эра в истории германского социализма».

Л. Кшивицкий

Немало сделал для пропаганды марксизма выдающийся польский социолог и публицист Людвик Кшивицкий (1859—1941).

В социалистическое движение он включился в годы учебы в Варшавском университете (1878—1882), которые совпали с процессом становления революционного рабочего движения в Королевстве Польском. Летом 1880 года Кшивицкий познакомился с русским изданием «Капитала». Впоследствии он признавал, что экономический труд Маркса навсегда определил его отношение к общественным проблемам [1].

Полемизируя в газете «Przegląd tygodniowy» (1883) с идеологами варшавского позитивизма и программы «органического труда», Кшивицкий в своем анализе капиталистической формации опирался на труды Маркса и в завуалированной форме высказывался за революционный слом капиталистического строя [2].

В конце 1883 года Кшивицкий отправился за границу, чтобы организовать печатание польского перевода первого тома «Капитала», что удалось в 1884—1889 годах (в трех выпусках). Отдельным томом исследование Маркса вышло на польском языке в 1890 году [3].

Проживая в Швейцарии, Кшивицкий изучил главные произведения основоположников научного социализма, а некоторые из них перевел на польский язык; из работ Маркса это были «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», Предисловие «К критике политической экономии», из работ Энгельса — «Крестьянская война в Германии», «К жилищному вопросу», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [4]. В силу ряда причин только перевод последней книги появился в печати под заглавием «Начала цивилизации» [5].

С 1884 года Кшивицкий начал редактировать социалистическую газету «Przedświt» и систематически сотрудничать с журналом «Walka klas». В своих работах этого периода он неизменно развивал мысль о значении революционной теории в процессе перехода от стихийной классовой борьбы пролетариата к сознательному, организованному социалистическому рабочему движению. Кшивицкий стремился подвести своего читателя к выводу, что только социальная революция может стать радикальным средством избавления от присущих капитализму противоречий, устранит эксплуатацию и приведет к духовному раскрепощению трудящихся. Капиталистической системе хозяйствования, утверждал он вслед за Марксом, присущи кризисы перепроизводства, для человека не обеспечивается возможность осуществлять его естественнейшую социальную функцию — создавать материальные и духовные ценности [6]. Статьи Кшивицкого свидетельствовали о том, что в польской социалистической мысли постепенно вызревало понимание необходимости союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в революционной борьбе. Так, в статье «Социализм и крестьянство» («Przedświt», ноябрь 1884) перед рабочими-социалистами ставилась задача пропаганды социалистических идей среди безземельных и малоземельных крестьян и организации совместной борьбы

---

[1] Polska myśl filozoficzna i spoteczna. Warszawa, 1975. T: 2. S. 400.

[2] Początki marksistowskiej myśli ekonomicznej w Polsce. Wybór publicystyki z lat 1880—1885. Warszawa, 1957. S. 113—123, 131—135, 143—147.

[3] *Krzywicki L.* Wspomnienia. Warszawa, 1958. T. 2. S. 233—234.

[4] Ibid. T. 1. S. 293.

[5] *Engels Fr.* Początki ceywilizacji. Paryz; Lipsk, 1885.

[6] *Krzywicki L.* Wspomnienia. T. 2. S. 248, 258, 288—292.

против капиталистической системы. В других публикациях он выступал сторонником боевого союза польских пролетариев с революционным движением в России.

В многочисленных статьях, опубликованных в «Przedświt» и «Walka klas», Л. Кшивицкий выступал как борец за социальное и политическое освобождение трудящихся, как последовательный интернационалист. Главные темы его выступлений — политическая борьба пролетариата, проблемы его идеологического развития, популяризация исторического материализма и марксистской политической экономии.

Во второй половине 80-х годов Л. Кшивицкий создал цикл исследований, посвященный анализу исторического процесса, материалистического истолкования всемирной истории, внеся тем самым оригинальный вклад в становление марксистской ветви польской историографии и социологии. В связи с этим ученый активно разрабатывал теорию обусловленности общественного сознания бытием, взяв за исходную точку представления основоположников марксизма [2].

Значительное место в научном творчестве Л. Кшивицкого занимало изучение мировой общественной мысли. Он неоднократно выступал с резкой критикой анархизма. В статье «Сумасшедшие сторонники переворота» (1887) он рассматривал представителей этого идейного течения как идеологов мелкой буржуазии, которые в своей практике придерживаются «теории великих мужей» и априорно конструируют свой «идеальный» строй на основе субъективных желаний, а не на пути общественного прогресса [3].

Социальным утопиям («априорно выдвигаемым фантазиям» [4]) Кшивицкий противопоставлял не потерявшие интереса и ныне суждения о происхождении и роли передовых общественных идей, которые он рассматривал как продукт определенных социальных условий, уже сложившихся или же еще зарождающихся производственных отношений [5].

Д. Благоев

80-е годы XIX века явились периодом зарождения социалистического рабочего движения в Болгарии, одним из основателей которого стал высланный из России Димитр Благоев (1856—1924). Вернувшись в марте 1885 года на родину, он приступил к изданию журнала «Современ показател», целью которого, по его словам, «была популяризация марксистского понимания общественного развития» [6]. В цикле

---

[1] *Krzywicki L.* Wspomnienia. T. 2. S. 202—207.

[2] *Nazar R.* Z dziejów recepcji marksizmu w Polsce. Koncepcja materializmu historycznego w ujęciu Ludwika Krzywickiego. Warszawa; Poznan, 1987. S. 69.

[3] *Krzywicki L.* Idea a życie. Z wczesnej publicystyki (1883—1892). Warszawa, 1957. S. 217.

[4] Ibid. S. 256.

[5] Ibid. S. 266.

[6] *Благоев Д.* Краткие записки о моей жизни. М., 1981. С. 91.

своих статей под названием «Начало политической экономии» он раскрыл содержание основных идей экономического учения Маркса, а в статье «Почему нет счастья и как можно его достигнуть (посвящается рабочим)» изложил требования западноевропейской социал-демократии.

Первая марксистская брошюра появилась в Болгарии в 1888 году. Это была книга Ш. Дикштейна «Кто чем живет?» — популярное изложение теории прибавочной стоимости по «Капиталу» Маркса. Социалисты Болгарии знакомились с трудами Маркса и Энгельса преимущественно по русским переводам. Большая часть важнейших произведений Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Речь о свободе торговли», «Введение к критике гегелевской философии права» и др. были переведены с русского языка [1].

Большое влияние на формирование взглядов Благоева оказали его связи с группой «Освобождение труда», установившиеся еще в Петербурге. Знакомство с работами Плеханова против народничества помогло Благоеву не только расширить марксистские познания, но и преодолеть влияние народничества [2].

Благодаря русским переводам Благоев и его соратники знакомились также с работами лидеров международного социалистического движения, с трудами Каутского, Бебеля, Геда. Под их влиянием Благоев прочно становится на позиции революционного марксизма.

В сентябре 1891 года вышла в свет работа Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?». Это было первое оригинальное марксистское издание на болгарском языке, которое в доступной для широкого читателя форме излагало основы марксистского учения применительно к специфической обстановке Болгарии.

Эта работа Благоева была направлена против народников, которые в тот период пытались доказать, что в Болгарии нет условий для социализма, для рабочего движения, так как отсутствует, в основном, крупное промышленное производство, фабричный пролетариат. Основными причинами разорения крестьянства они считали не все более ужесточающиеся формы эксплуатации в сельском хозяйстве, а причины политического характера: милитаризацию, рост аппарата чиновников, полицейские методы управления и т. д. Поэтому народники отвергали учение Маркса о концентрации средств производства при капитализме в сельском хозяйстве, отрицали связь общественных идей с материальной жизнью общества и марксистское учение о классовой борьбе как движущей силе общественного развития, подчеркивая особую роль интеллигенции как единственно возможного творца идей.

---

[1] См.: *Уроева А. В.* О некоторых первых болгарских изданиях произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в их взаимосвязях с русскими переводами // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981. С. 98.

[2] См.: *Андреев К.* Философските връзки между руските и българските марксисти (1883—1917). София, 1976.

Благоев предпринял самостоятельное исследование экономического и общественно-политического развития Болгарии второй половины XIX века и наглядно показал, что страна развивается по капиталистическому пути. Процесс разорения крестьянства и мелких ремесленников привел к концентрации средств производства, к росту фабричного производства и пролетариата. Опираясь на марксистскую методологию, Благоев определил коренные тенденции общественного и политического развития Болгарии, которая в этот период только вступала в эпоху капитализма. Он обосновал применительно к условиям своей страны положение о том, что в процессе дифференциации болгарского общества на буржуазию и пролетариат именно социал-демократическая партия должна возглавить классовую борьбу рабочих и направить ее на достижение демократии и социализма [1].

Л. Франкель

В венгерской рабочей печати систематическую работу по популяризации марксистской теории вел Лео Франкель (1844—1896) — активный деятель Международного товарищества рабочих, участник Парижской коммуны, один из организаторов II Интернационала, друг и соратник Маркса и Энгельса.

Лео Франкель сотрудничал в различных социалистических газетах, пропагандируя основы марксизма, освещая вопросы рабочего движения. Особый интерес в связи с этим представляют его статьи в социалистической печати Австро-Венгрии.

В ряде статей в «Arbeiter-Wochen-Chronik» он активно пропагандировал уроки Парижской коммуны, подчеркивая необходимость создания политической партии рабочего класса, разъясняя, что экономическому освобождению наемного труда от капиталистической эксплуатации должно предшествовать его политическое освобождение — пролетарская революция. Франкель показал в этих статьях, что в «революции 18 марта» рабочий класс впервые взял власть в свои руки, что Коммуна стала предвестником нового, социалистического общества [2].

В значительной мере благодаря деятельности Франкеля была создана в 1880 году Всеобщая рабочая партия Венгрии, программа которой в основном правильно отражала коренные требования рабочего класса. Борясь за создание рабочей партии в Венгрии, Франкель подчеркивал значение политической борьбы рабочего класса, непримиримо критиковал реформизм. В статье «Таможенный протекционизм и свободная торговля» (1877) Франкель показывал, что классовые противоречия буржуазного общества неустранимы, и выступил против тех экономистов, которые утверждали, что рост национального богатства при капитализме обеспечивает улучшение положения рабочего класса [3]. Франкель решительно выступал против реформистских искажений задач классовой борьбы пролетариата [4]. Вместе с тем Франкель разъяснял необходимость использования всех легальных возможностей и форм для организации социалистической пропаганды, даже в тех случаях, когда открытая пропаганда научного социализма запрещена.

Определенную роль в пропаганде марксистского учения сыграла статья Франкеля «Карл Маркс» (1883). В этой работе он по-

---

[1] См.: Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX — начале XX века. М., 1984. С. 313.

[2] *Frankel L.* Arbeiterkongress in Paris (1876); Zum 18. März (1877) // Aranyossi M. Leo Frankel. Berlin, 1957. S. 291—293, 303—305.

[3] *Aranyossi M.* Leo Frankel. Berlin, 1957. S. 298—299.

[4] Ibid. S. 227.

казал основные вехи идейно-политического развития основателя марксизма. Не ограничиваясь изложением биографии Маркса, Франкель постарался также дать очерк основного идейного содержания марксизма. В яркой и доступной читателю форме Франкель разъяснял основные положения материалистического понимания истории, экономической теории и научного социализма. Он привлекал внимание рабочих к основным трудам Маркса, кратко характеризуя идеи, изложенные в «Манифесте Коммунистической партии» и в «Капитале» [1]. Маркс представал перед читателем-рабочим не только как гениальный теоретик и глубокий критик мелкобуржуазных теорий, в частности — прудонизма, но и как пролетарский вождь, как основатель и руководитель Интернационала.

Первые марксисты в Чехии и Румынии

В 70-х годах XIX века появляются первые переводы трудов Маркса и Энгельса на чешский язык. Особенно популярна была книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В 1878—1879 годах в Праге был издан перевод избранных глав «Капитала». Идеи марксизма распространяли И. Б. Пецка (1844—1896), Л. Запотоцкий (1852—1917), И. Гибеш (1851—1921), известные как «пионеры социализма». Однако «Манифест Коммунистической партии» вышел в чешском переводе только в 1898 году.

В распространении марксистских идей в Румынии большую роль в 80—90-х годах сыграл журнал «Contemporanul», где печатались некоторые произведения Маркса («Заработная плата, цена и прибыль») и Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). В парижском органе румынских социалистов «L'Ére nouvelle» (1893—1894) сотрудничали Энгельс, Лафарг и другие деятели социалистического движения. В пропаганде принципов исторического материализма, в критике мальтузианства и социал-дарвинизма принимали участие социолог и врач Штефан Стынка (1865—1897), писатель и литературный критик Райку Ионеску-Рион (1872—1895).

Материалистическую позицию в философии, в области естественных наук защищал И. Нэдежде (1854—1929). Заслугой известного революционера К. Доброджану-Геря (1855—1920) была пропаганда материалистической эстетики, борьба против анархизма и позитивизма. Однако в начале XX века Нэдежде и Доброджану-Геря становятся приверженцами реформизма, проводят оппортунистическую линию в рабочем движении.

* * *

Распространение марксизма в 70—80-х годах XIX века в Европе и США характеризуется тем, что вслед за Марксом и Энгельсом в эти годы марксистское учение пропагандировали также и их ученики и последователи. Именно в эти годы выдвинулись

[1] *Aranyossi M.* Leo Frankel. S. 362—369.

на передний край борьбы за идейное влияние на рабочее движение талантливые мыслители — сторонники теории Маркса, внесшие заметный вклад в пропаганду марксистского учения, а также в теоретическую разработку отдельных его сторон. Ценным в их практическом и теоретическом опыте было то, что в борьбе за расширение влияния идей марксизма на сознание пролетарских масс они самостоятельно искали и находили пути пропаганды марксизма, открывали новые формы организации социалистического движения. В своих трудах, посвященных проблемам политической экономии, философии, других общественных наук, а также вопросам теории и практики рабочего движения, они значительно расширили область применения марксистского учения, конкретизировали ряд его положений. Заслугой последователей, учеников и сторонников Маркса и Энгельса явилось также и то, что распространяя теорию марксизма, соединяя ее с рабочим движением, они защищали идеи научного социализма в полемике с буржуазными и мелкобуржуазными идеологами. Идейная борьба, которую они вели с немарксистскими течениями в рабочем движении, явилась одним из важнейших условий укрепления позиций политических партий пролетариата.

В то же время ориентация на пропаганду, являвшуюся главным направлением идеологической деятельности этих сторонников марксистского учения, вызвала определенное снижение уровня теоретического мышления, известное сужение круга рассматриваемых проблем и прямолинейность в их решении. История показала, что не все в их литературном наследии было равноценно, не все сохранило значение. В ряде случаев они не сумели избежать упрощенных или схематических решений, неточного толкования отдельных положений научного социализма, прямых ошибок.

Тем не менее пропагандой идей Маркса и Энгельса, популяризацией их произведений, собственными теоретическими трудами, публицистическими выступлениями они в немалой степени способствовали идейному воспитанию пролетарских масс, а также усилению воздействия марксистских идей на духовную жизнь общества того времени. Своей деятельностью пропагандисты марксистского учения внесли значительный вклад в обеспечение идейной победы марксизма в международном социалистическом движении. Победа марксизма над другими течениями социалистической мысли на рубеже 80— 90-х годов XIX века означала торжество последовательно интернационалистской идеологии в пролетарском движении, способствовала укреплению и расширению интернациональных связей рабочего класса и тем самым стала одной из важнейших предпосылок образования II Интернационала.

Глава восьмая

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1. МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами» [1],— писал Ленин в статье, посвященной памяти Энгельса.

В 40—50-х годах XIX века, когда царизм служил оплотом европейской реакции, интерес основоположников марксизма к России определялся в первую очередь злободневными политическими мотивами, прежде всего угрозой контрреволюционного похода царских войск в Западную Европу. Реакционная сущность внешней политики и идеологии русского царизма нашла отражение в статьях Энгельса о панславизме (1855) [2], в работе Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (1856—1857) [3],

---

[1] *Ленин В. И.* Фридрих Энгельс // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 13.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Германия и панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 11. С. 202—208; Демократический панславизм // Там же. Т. 6. С. 289—306.— Сохранился также подробный план неосуществившейся брошюры Энгельса о панславизме (ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888).

[3] Это произведение впервые полностью опубликовано на русском языке в журнале «Вопросы истории» (1989. № 1—3) и готовится к публикации в издании: Архив Маркса и Энгельса. Т. 17.

Памфлетный по характеру очерк Маркса, содержащий немало метких суждений о российской истории, в некоторых западных публикациях 50—60-х годов нашего столетия объявлялся его главным трудом о России. Отступая от принципов историзма, авторы этих публикаций переносили нелестные оценки, данные Марксом русскому царизму и его завоевательной политике, на современность, на СССР (см., например: The Russian Menace to Europe. By Karl Marx and Friedrich Engels. A Collection of Articles, Speeches, Letters and News Dispatches. London, 1953; Marx contra Russland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte. Stuttgart, 1960).

Подобное неисторическое понимание, по-видимому, было свойственно и тем, кто много лет препятствовал появлению этой работы Маркса в советских изданиях.

а также в большом цикле публикаций Энгельса (иногда совместно с Марксом) о Крымской войне [1].

Одним из итогов изучения Энгельсом дипломатических отношений XVIII—XIX веков был вывод о прогрессивной роли России по отношению к восточным странам, независимо от захватнических планов царизма: «...господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...» [2] С большой проницательностью оценивал Энгельс и политическое утверждение России на Дальнем Востоке: «Позиция на Тихом океане — море будущего» [3].

С начала 70-х годов XIX века наибольшее внимание Маркса и Энгельса привлекают особенности социально-экономического строя России, судьбы ее освободительного движения, роль в будущем революционном преобразовании Европы. Эта тема постепенно становится одной из ведущих в научной и практически-политической деятельности основателей марксизма.

С большим интересом знакомились они с произведениями Пушкина и других русских писателей, внимательно изучали сочинения Герцена, Чернышевского, Добролюбова [4]. К началу 80-х годов в библиотеке Маркса насчитывалось несколько сот томов по статистике, экономике, истории России; в частности, столь полно представленных в ней земских изданий, отражающих картину хозяйственной жизни и положение крестьянства в различных губерниях и местностях, не было и в Британском музее [5]. Результаты работы Маркса над этими книгами отражены в выписках и конспектах, общий объем которых (в 18 тетрадях) составляет свыше 100 печатных листов. Изложение источников нередко сопровождается собственными выводами и замечаниями Маркса [6].

Начало русской библиотеке Маркса положила книга экономиста-народника В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», присланная ему в октябре 1869 года из Петербурга переводчиком «Капитала» Н. Ф. Даниельсоном. Ознакомление с книгой показало Марксу, что этот большой труд весьма обстоятельно освещал интересовавшие его вопросы экономического состояния России и положения трудящихся масс. Уже в марте 1870 года книга была прочитана. Маркс сделал в ней много пометок, свидетельствовавших о его положительной оценке собранного автором фактического материала. Однако теоретические выводы Флеровского он подверг критике. Так, в идеализации

---

[1] См.: *Румянцева Н. С.* Изучение Ф. Энгельсом русской истории и русской культуры в 50-х годах XIX в. // Энгельс и проблемы истории. М., 1970. С. 259—282.

[2] Энгельс — Марксу, 23 мая 1851 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

[3] *Энгельс Ф.* Панславизм // ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888.

[4] См.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.

[5] См.: С. М. Степняк-Кравчинский — П. Л. Лаврову, август 1884 г. // Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 210.

[6] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 11—13, 16.— Подготовка очередных томов MEGA (IV отдел, т. 26—28, 30, 35), а также 24-го тома английского издания сочинений Маркса и Энгельса, выявила существенные ошибки в публикациях рукописей Маркса, посвященных русским аграрным отношениям, как во 2-м издании Сочинений (т. 18, 19), так и в указанных томах «Архива Маркса и Энгельса». Опубликованные там тексты не соответствуют часто расположению листов в рукописях, что затрудняет их использование.

общины и рабочих артелей Маркс видел «старую иллюзию» прудонизма. Вообще пометки на книге Флеровского свидетельствовали о критическом отношении Маркса к народническим утопиям. И тем не менее в обращении к членам русской секции I Интернационала Маркс с уважением отозвался об этом сочинении: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» [1].

Изучение Марксом русских источников диктовалось и чисто теоретическими интересами. Во втором издании I тома «Капитала» высокая оценка дана трудам Н. Г. Чернышевского, с одобрением упоминаются сочинения русских экономистов — Н. И. Зибера, И. И. Кауфмана, Евг. Де-Роберти. Научные занятия Маркса проблемами пореформенной экономики России нашли отражение во II томе «Капитала», в частности, при исследовании первой стадии кругооборота денежного капитала (пример с финансовыми затруднениями русских помещиков, пытавшихся перестроить свое хозяйство на капиталистический лад), при определении разницы между временем производства и рабочим временем (ссылка на Россию с ее чрезвычайно коротким рабочим периодом в сельском хозяйстве), при анализе причин возникновения и развития домашней промышленности и в ряде других случаев [2].

Однако основная масса подготовленного Марксом материала (конспекты, выписки), основанного на изучении русских источников, относилась к проблемам III тома «Капитала», то есть к вопросам земельной собственности и ренты. Но теоретического обобщения этого материала, с целью введения его в ткань основной рукописи, Маркс провести не успел — помешала его безвременная кончина [3].

Рукописные материалы Маркса о России не только свидетельство огромного и самоотверженного исследовательского труда, но и ценнейший источник, изучение которого помогает хотя бы приблизительно представить контуры незавершенных автором разделов «Капитала». Многие выводы и наблюдения, сделанные Марксом при рассмотрении земельных отношений в России, сохраняют свое актуальное значение и сегодня как для экономической науки вообще, так и для современной аграрной политики, в частности: обращение Маркса к факторам дифференциальной ренты; его суждения о добавочной прибыли с земель повышен-

---

[1] *Маркс К.* Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — членам Комитета Русской секции в Женеве // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 428.

[2] См. там же. Соч. Т. 24. С. 40, 126.

[3] См. там же. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 10.— В связи с тем, что результаты своего исследования форм земельной ренты в России Маркс не успел включить в рукопись III тома «Капитала», Энгельс считал целесообразным издать их отдельно (см.: Энгельс — Петру Лавровичу Лаврову, 28 января 1884 г. // Там же. Т. 36. С. 84).

ной плодородности или выгодно расположенных по отношению к рынкам сбыта, путям сообщения и пр.; указания на необходимость, принимая во внимание огромные пространства страны, изучать ее по всем главным экономическим районам, с учетом разнообразных условий и специфики (климата, почвенного покрова, рельефа) и многое другое [1].

Социально-экономическое развитие России после 1861 года. Роль общинного землевладения

Отражая тревогу народнически настроенной интеллигенции перед все более очевидным наступлением капитала, русские корреспонденты Маркса и Энгельса (Даниельсон, Засулич и др.) не раз просили их охарактеризовать пореформенное развитие России, в частности, рассмотреть возможные судьбы общины и ответить на самый острый для народников вопрос — должна ли Россия, как и все другие страны мира, обязательно пройти фазу капитализма [2].

Хотя по различным причинам Маркс и Энгельс так и не смогли подготовить на эти темы большой специальной работы, над поставленными вопросами они много размышляли, изучая десятки томов статистических изданий, труды видных русских ученых. Об этой напряженной работе свидетельствуют заметки Маркса о подготовке и проведении реформы 1861 года, статьи Энгельса из цикла «Эмигрантская литература» и особенно его брошюра «О социальном вопросе в России», Послесловие к ней и Предисловие к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» [3]. Среди эпистолярных документов — письмо Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки», ответ (и особенно наброски к нему) на письмо В. И. Засулич, переписка Энгельса с переводчиком «Капитала» Н. Ф. Даниельсоном.

В названных работах сформировалось марксистское понимание особенностей социально-экономического развития России в XIX веке.

Отправным пунктом новой истории России Маркс и Энгельс считали Крымскую войну 1853—1856 годов. Война, в которой государство с неразвитыми формами производства потерпело поражение от стран с современными его формами, сделала для России создание крупной промышленности и железных дорог, по их мнению, политической необходимостью. Россия не смогла бы удерживать независимое положение в мире, оставаясь сельскохозяйственной страной. Ей грозило бы, по образному выражению Энгельса, превращение в Индию — то есть колонию, экономически

---

[1] См.: *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. 1-е изд. М., 1975. С. 235—236.

[2] См.: Н. Ф. Даниельсон — Марксу, 21 августа (2 сентября) 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 423—424; В. И. Засулич — Марксу, 16 февраля 1881 г. // Там же. С. 435.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 501—548; Т. 19. С. 304—305, 422—441; Т. 22. С. 438—453.

подчиненную Англии [1]. Но создать крупную промышленность в России можно было только в рамках капитализма [2].

Предпосылкой этой, по определению Энгельса, «капиталистической революции», призванной сломать натуральное хозяйство и осуществить переход к буржуазному индустриализму, стала реформа 1861 года. Отмена крепостничества означала коренной социальный переворот, который содействовал зарождению пролетариата, росту промышленности и тем самым подготовке условий, при которых могла быть уничтожена капиталистическая эксплуатация трудящихся [3].

Внимательно изучая экономическую ситуацию в стране, Маркс и Энгельс обратили внимание на черты своеобразия в капиталистическом развитии России, где буржуазные отношения совмещались с пережитками крепостничества, капиталистические формы производства с архаичной общинной формой собственности. По замечанию Энгельса, в стране были представлены «все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой...» [4].

Наряду с многоукладностью экономики Маркс и Энгельс отмечали и другие специфические черты запоздалого по сравнению с Западной Европой развития российского капитализма. Среди таких особенностей относительно большая роль государства, осознавшего после Крымской войны, что развитие крупной промышленности стало политической необходимостью, и создавшего для нее при помощи протекционизма тепличную атмосферу [5]. Благодаря правительственному покровительству, в отличие от ведущих стран Запада, в России возник обратный порядок этапов формирования национального капитализма: строительство железных дорог, заимствование готовых технико-организационных форм капиталистического хозяйства (банковская система, акционерные общества [6] и т. д.) не венчало, а опережало рост промышленности.

Наконец, особо тяжелые формы эксплуатации народных масс вызывали накопление в стране острейших социальных антагонизмов, которые насильственно сдерживались полицейско-деспотическим строем.

И все же, как бы подводя итоги своим наблюдениям, Энгельс приходил к выводу, что черты своеобразия российского капита-

---

[1] См.: Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 18 июня 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 313—314.

[2] См.: Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 129.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22. С. 41.

[4] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Там же. Т. 36. С. 263.

[5] См.: Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 398—399.

[6] См.: Маркс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 10 апреля 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 289—291.

лизма лежат на общей линии мирового развития: «Но я не вижу,— писал он в 1892 году,— чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке» [1].

Наибольшее внимание Маркс и Энгельс уделяли рассмотрению аграрных отношений в России как «самого важного для России социального вопроса» [2]. Их особенно интересовали проблемы землевладения и землепользования, земельной ренты и положения русского крестьянства. На основании русских источников они выясняли, каким же образом было проведено освобождение крестьян, какую землю они получили, сколько за нее заплатили, каково их фактическое положение по отношению к помещику [3]. Так называемое освобождение крестьян Маркс рассматривал как «чудовищный обман» [4] со стороны царского правительства. Неудивительно, что реформу 1861 года сопровождали «общее волнение и бунты среди крестьян» [5]. Энгельс объяснял, что за образец был принят «прусский» метод отмены крепостничества в ухудшенном для крестьян виде. В итоге при разделе земли помещики получили львиную долю, и притом наиболее плодородной земли [6]. Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего владельца. Непомерный выкуп в пользу помещика, невыносимое бремя податей в пользу государства приводили крестьян к разорению и голоду [7]. Переход от натурального хозяйства к денежному привел к появлению в сельской общине большого имущественного неравенства. «Из всего этого ясно,— делал вывод в 1875 году Энгельс,— что общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению» [8].

Объясняя, что дальнейшее развитие капитализма в России обрекает на гибель общину, Маркс и Энгельс критически оценивали общинные утопии А. И. Герцена, П. Н. Ткачева и народников 70-х годов.

К сожалению, стена отчужденности встала между Герценом и основоположниками марксизма. Основных произведений Герцена (таких, например, как «Письма об изучении природы») они не знали, остались почти неизвестны им и его антикрепостнические выступления, проникнутые революционным духом, и его гуманистическое мировоззрение в целом.

С недоумением и настороженностью встретили они в начале 50-х годов XIX века статьи Герцена, заявлявшего, что Запад может спасти только русская община, а

---

[1] Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 22 сентября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 399.

[2] См.: *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Там же. Т. 12. С. 694.

[3] См.: Энгельс — Марксу, 26 января 1866 г. // Там же. Т. 31. С. 145.

[4] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 16. С. 128.

[5] См.: *Маркс К.* Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 422.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Там же. Т. 22. С. 262.

[7] См.: *Маркс К.* Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Там же. Т. 19. С. 428, 430, 435.

[8] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 545.

взятие Константинополя явится началом новой России, началом панславянской демократической и социалистической федерации [1]. Эти неосторожные пророчества, так же как и более поздние либеральные колебания Герцена, его обращения к Александру II по поводу крестьянской реформы сыграли роковую роль в отношениях Маркса и Энгельса к Герцену, которого они подозревали, так сказать, в демократическом панславизме и недопустимых уступках либеральной оппозиции [2]. Спустя десять лет, оценивая полемику Герцена и Чернышевского по поводу положения дел в России после реформы 1861 года, Маркс и Энгельс решительно встали на сторону последнего. В сочинениях Н. Г. Чернышевского они нашли более строгую, чем у Герцена, постановку вопроса об общине.

Чернышевский в отличие от Герцена видел в общине не завидное преимущество перед Западом, а результат неблагоприятных условий, запоздания исторического развития России. Вместе с тем, Чернышевский поставил вопрос так, как не ставили его Герцен и другие защитники общины.

Под влиянием передовых народов другие народы, преодолевая отжившие формы общественного устройства, могут, полагал он, в своем развитии «подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты» [3]. Условиями развития и усовершенствования общины, по Чернышевскому, была организация общественного производства и помощь техническими средствами, имеющимися на Западе, так как помимо духа коллективизма и товарищеской ассоциации он считал необходимым использование в сельскохозяйственном производстве усовершенствованных орудий и машин [4].

По справедливому наблюдению Энгельса, Чернышевский не был свободен от веры в «чудодейственную силу крестьянской общины» [5] и потому был утопистом. Однако выдвинутая им гипотеза о возможности страны с еще неразвитыми буржуазными отношениями перейти от феодализма к социализму, минуя капитализм, подкреплялась достаточно убедительными социально-экономическими аргументами.

Маркс внимательно изучал изданный в Женеве в 1872 году сборник статей Чернышевского об общинном владении землей. Он отметил сообщение о том, что сохранившиеся в России общинный дух и владение землей способствуют общинному производству работ, что было бы трудно исполнимо на Западе. Отчеркнул Маркс и место, где говорится об условиях организации общественного труда [6].

Маркс и Энгельс сочли подобную постановку вопроса о «сокращенном пути развития» (т. е. некапиталистическом пути) вполне правомерной и с тех пор с высоким уважением ссылались на Чернышевского, который «в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не

---

[1] См.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С. 238.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 430.

[3] См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5. С. 389.

[4] См. там же. С. 151—152, 387—389.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 451.

[6] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3406 (Кн.: Н. Г. Чернышевский об общинном владении землей. Женева, 1872. С. 47).

испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные» [1].

Маркс, по свидетельству Г. А. Лопатина, высоко ценил Чернышевского как ученого, называя его единственным оригинальным современным мыслителем, сочинения которого заслуживают изучения [2]. В послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком», мастерски показавшим «банкротство буржуазной политической экономии» [3].

До знакомства со взглядами Чернышевского Маркс связывал общину прежде всего с историческим прошлым России, указывал на ее поразительное сходство с древнегерманской общиной, подчеркивал патриархальный характер ее управления, видел в общине лишь объект бесцеремонной эксплуатации со стороны государства [4].

Статьи Чернышевского дали Марксу импульс для углубленного изучения состояния русской общины, натолкнули на выводы о возможностях ее конструктивной роли в социальном преобразовании России. В письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 года Маркс сообщал, что он намерен во II томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, заняться очень подробно ее русской формой [5]. С этого времени направлявшийся Марксу из Петербурга поток литературы о русских поземельных отношениях, о сельской общине не ослабевал ни на один год.

Размышляя о судьбах русской общины, Маркс широко изучал труды по истории общинного устройства у других народов (древних германцев, американских индейцев, коренного населения Индии и Алжира). Так, знакомство с исследованиями Маурера, Моргана, Ковалевского и других авторов позволило Марксу выявить исторические корни возникновения земледельческой общины. Он проследил стадии ее развития, увидел в ней не только реликтовый институт первобытного общества, но и несомненные внутренние достоинства: человеческую взаимопомощь, коллективное производство и демократию. Основательное изучение этой литературы и особенно русских статистических источников убеждало его в наличии внутренней противоречивости общины. Взаимодействие в ней общественной и частной собственности, совместного и индивидуального труда обусловливало врожденный дуализм общинного устройства, допускающий, в зависимости от общественных

---

[1] См.: *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

[2] См.: Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922. С. 71.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 17—18.

[4] См.: Маркс — Энгельсу, 7 ноября 1868 г. // Там же. Т. 32. С. 158.

[5] См. там же. Т. 33. С. 458.

условий, альтернативу — либо побеждает коллективное начало, либо собственническое [1].

Установление внутренней противоречивости общинного устройства, а также причин, порождающих его неизбежное разложение, явилось научной заслугой Маркса. Исходя из дуализма сельской общины, он вывел две альтернативные, но отнюдь не равные по потенциальным возможностям, линии дальнейшей ее судьбы — абстрактную возможность ее эволюции в более высокую общественную форму или же, реально более вероятную, неизбежность ее гибели.

Теоретическая постановка вопроса о возможности некапиталистического пути развития на основе общинно-коллективистских отношений побудила Маркса внести довольно существенное уточнение во французское издание «Капитала» (1875). Анализируя в первом немецком издании «Капитала» (1867) происхождение капиталистического производства, Маркс сделал вывод, что в классической форме экспроприация земли у сельского населения совершается только в Англии [2]. Поскольку перед этим заключением речь шла о процессе экспроприации крестьян в различных странах и в различные периоды истории, могло сложиться представление (и оно порой складывалось), что Маркс считал этот процесс неизбежным и общеобязательным для всех стран.

Признание альтернативного пути развития русской общинной собственности, то есть возможности ее сохранения и преобразования в подлинно социалистическую, потребовало уточнения текста о первоначальном капиталистическом накоплении. Во французском издании, вслед за упоминанием экспроприации земледельцев в Англии, была добавлена фраза: «Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» [3]. Данной фразой Маркс четко ограничивал историческую неизбежность процесса экспроприации крестьянской земли только Западной Европой. Иными словами, допускалось, что Восточная Европа и Россия могут развиваться другим путем. Вместе с тем, еще в 1872 году, подготовляя второе немецкое издание «Капитала», Маркс снял помещенное в добавлении к первому изданию полемическое замечание в адрес Герцена, который в общине видел средство к возрождению Европы [4].

Эти поправки, на первый взгляд незначительные, носили принципиальный характер, они не только свидетельствовали об изменении отношения Маркса к судьбам русской общины, но и являлись серьезной заявкой на дальнейшее исследование совершенно новой проблемы, иного типа общественного процесса по сравнению с тем,

---

[1] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 419.

[2] См. там же. Т. 23. С. 728.

[3] *Marx K.* Le Capital. Paris (1875). P. 315.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 448, 665 (примеч. 452).

который был всесторонне рассмотрен им в «Капитале». Маркс признавал исторически оправданной попытку русских народников «найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа» [1]. Вместе с тем, как добросовестный исследователь, он не считал себя вправе распространять выводы «Капитала», полученные при изучении центра мирового капитализма, на его периферию, какой являлась в то время Россия. Более того, он решительно возражал против утверждения известного идеолога народничества Н. К. Михайловского о том, что будто бы из текста «Капитала» следует, что все народы роковым образом обречены пройти путь Западной Европы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся [2]. Маркс не соглашался с такой фаталистической интерпретацией своего труда и напоминал, что его анализ происхождения капитализма ограничен странами Западной Европы [3].

В письме в редакцию русского демократического журнала «Отечественные записки» (1878) [4] он предостерегал от попыток рассмотрения хотя бы «поразительно аналогичных» общественных явлений вне их конкретной исторической обстановки. Только изучение эволюции этих явлений в отдельности, а затем сопоставление результатов позволяет найти ключ к их пониманию, «но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [5]. В этом замечании Маркс определил исключительное значение конкретности социального исследования, неприятие как оторванной от реальности теории, так и абсолютизации тех или иных исторических процессов и форм, исключающей возможность различных «отклоняющихся» вариантов общественного развития.

Основываясь на необходимости конкретного анализа российской действительности, Маркс отмечал, что «западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает» [6], и потому в специальном

---

[1] См.: *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 116.— Цитата из статьи Михайловского воспроизведена в рукописи Маркса по-русски.

[2] См. там же. С. 120.

[3] См.: Маркс — Вере Ивановне Засулич, 8 марта 1881 г. // Там же. С. 250.

[4] Неотправленное по каким-то причинам письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» было опубликовано в русской печати в конце 80-х годов по копии, полученной от Энгельса. Оно писалось в ответ на статью Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (см.: Отечественные записки. 1877. № 10. С. 320—356). Поскольку журнал был легальным, Маркс придал письму строго научную форму, избегая «опасных», в глазах цензуры, слов (революция, социализм) и запрещенных фамилий (Герцен, Чернышевский). Тем не менее интеллигентный читатель легко мог догадаться о терминах и именах, намеренно не названных автором письма.

[5] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 121.

[6] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. С. 412.

труде собирался исследовать вопрос о своеобразии исторического развития России. В сочетании полукрепостнических и буржуазных форм эксплуатации, обрекавших крестьянство на безземелье и нищету, Маркс увидел не только другую, по сравнению с Англией, форму экспроприации крестьян, не только страдания масс, пауперизацию сельского населения, но также сопровождаемый этими явлениями все более неизбежный процесс формирования крупного капиталистического производства в недрах полуфеодального государства. «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г.,— писал он,— то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя» [1].

Народнические экономисты иногда сообщали Марксу о признаках разложения общинных порядков, о дифференциации крестьянских хозяйств [2], но освободиться от «мечтательного преувеличения значения общины» [3] они не могли.

Классового антагонизма внутри крестьянства они не видели, ибо в то время еще мало было сведений об экономике деревни, о выделении в ней двух новых типов населения — сельской буржуазии и сельского пролетариата (батраки, поденщики и т. д.). К тому же фактам разложения общины большого значения не придавалось, их считали тревожными, но случайными явлениями. Все беды общинного владения землей приписывались внешним неблагоприятным условиям, в первую очередь подавляющему общину административному и податному гнету.

В то время как народники склонны были затушевывать факты разложения общины, Маркс в книгах, имевшихся в его библиотеке, отчеркивал как раз те места, где сообщалось о негативных явлениях внутренней жизни деревни — о разделе общинных земель и обращении их в частную собственность, о появлении кулаков и бедняков и т. д. [4] Пересчитав цифровые данные в статье известного статистика П. П. Семенова, Маркс пришел к заключению, что после 1861 года в деревне появилось 40% бедных и неимущих дворов. Пометка его гласила: «Хорош результат общинного владения землей!» [5]

На решающую роль внутренних факторов в разложении общины указывал и Энгельс, который увидел возможность появления большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины,

---

[1] *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 119.

[2] См.: Н. Ф. Даниельсон — Марксу, 17 (29) марта 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 404.

[3] См.: *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 386.

[4] ЦПА ИМЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5766 (Кн.: *Посников А. С.* Общинное землевладение. Ярославль, 1875. Вып. 1. С. IV).

[5] См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. 12. С. 128.

в индивидуальной обработке земли. Для Энгельса было очевидно, что «дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства» [1].

Постановка вопроса о возможности некапиталистического развития России

Гипотеза о возможности некапиталистического развития России впервые была изложена Энгельсом в брошюре «О социальном вопросе в России» (1875). Поскольку судьба общины еще не решена, писал он, «бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую... без того, чтобы русские крестьяне прошли через промежуточную ступень буржуазной парцелльной собственности» [2]. Энгельс упомянул необходимые, по его мнению, внутренние и внешние условия для такого преобразования общины: совместный общественный труд и помощь русскому крестьянину со стороны победившего пролетариата Западной Европы. Эта позиция нашла подтверждение в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882): «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [3].

Над решением этой проблемы много размышлял тогда и Маркс. Подготовляя ответ В. И. Засулич, обратившейся в феврале 1881 года к нему с просьбой осветить исторические судьбы России и ее земледельческой общины, Маркс попытался всесторонне аргументировать возможности превращения русского общинного землевладения в подлинно коллективистское [4]. Всесторонний анализ этих возможностей включал в себя учет как разрушительных тенденций, так и различных благоприятных факторов, содействующих прогрессу общины, в том числе и не рассмотренных ранее Энгель-

---

[1] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 544—545.— Позднее Энгельс разъяснял, что община возможна только при ничтожных имущественных различиях. Как только эти различия становятся значительными и более бедные становятся должниками богатых, дальнейшее существование общины невозможно (см.: Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 130).

[2] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 545—546.

[3] Там же. Т. 19. С. 305.

[4] Нужно сказать, что подготовка ответа давалась Марксу нелегко, о чем свидетельствуют четыре варианта ответа. Обнаруженные в 1911 году в архиве Лафарга эти варианты (и сам ответ) на письмо Засулич были опубликованы в 1924 году в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» (кн. I), но основательное их изучение в советской науке началось позже. Большой интерес проявили к этим рукописям и зарубежные ученые — Х. Шизума и Х. Вада (Япония), П. Поджио (Италия), о чем свидетельствуют их публикации (*Wada H.* Marx, Engels and Revolutionary Russia. Tokyo, 1975; *Poggio P.* Marx, Engels e la rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. Genova. 1974. N 1). Этим наброскам Маркса посвящен и специальный сборник статей, трактующих проблему «Маркс и периферия капитализма» (Late Marx and the Russian Road. Marx and the «peripheries of capitalism». London, 1984. P. IX).

сом, в частности социально-психологического и экономико-географического характера. Стечение разрушительных влияний (правительство, помещики, «новые столпы общества» — в лице промышленной буржуазии), если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно естественно, полагал Маркс, привести к гибели сельской общины [1]. Враждебные силы, заинтересованные в уничтожении общинной собственности, надеются создать из крестьян сельский средний класс, а огромное большинство бедных земледельцев превратить в рабочих, чтобы обеспечить себя наемным трудом [2].

Рассматривая благоприятные факторы эволюции общины, Маркс прежде всего обращал внимание на традиции коллективного труда русских крестьян на общинных лугах, при осушке болот и т. д. Привычка к артельным отношениям, считал он, облегчит «переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному» [3]. Благоприятствовал «кооперативному труду, организованному в широком масштабе», и физический рельеф российских земель, позволяющий применять машины [4].

Здесь стоит отметить, что Энгельс впоследствии осторожнее оценивал роль общественного труда в русской деревне. Так, он довольно скептически отнесся к мнению Чернышевского о том, что уральские казаки со своей общественной обработкой земли будут очень рады, если доживут до введения машин, требующих хозяйства в огромных размерах. Энгельс предупреждал, что такая коллективная форма хозяйства может искусственно сохраняться по финансовым соображениям при совершенно различных режимах власти — и при царизме, и в условиях казарменного коммунизма [5].

Маркс, как и Энгельс, задавался вопросом, откуда взять оборудование, удобрения, агрономические методы, необходимые для организации коллективного труда? Ответ он видел в наличии благоприятной исторической среды русской общины, существовавшей одновременно с развитым капиталистическим производством Запада, и заключал, что поэтому «она имеет возможность использовать все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его кавдинские ущелья» [6]. При этом Маркс полагал, что первоначальные издержки, как интеллектуальные, так и материальные, русское общество само было обязано предо-

---

[1] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 409.

[2] См. там же. С. 410, 415.

[3] См. там же. С. 405.

[4] См. там же. С. 407, 408, 420.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 442—443.

[6] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 407—408.

ставить сельской общине, за счет которой оно жило так долго и в которой оно должно искать свой «источник возрождения» [1].

Размышления Маркса по поводу факторов, необходимых для установления нового типа общинного землепользования, не помешали ему признать, что в действительности сельская община почти доведена до края гибели, став объектом эксплуатации со стороны государства, помещика, кулака [2]. Однако неизбежности полного краха общины в то время, по мнению Маркса, еще не было. Надежды на возрождение общины он связывал прежде всего с коренным изменением социальных условий ее существования: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» [3].

Обдумывая различные варианты исторического процесса, определяющего судьбы русской общины, Маркс не исключал запоздания революции на Западе и возможности революционных преобразований первоначально в одной лишь России. В черновиках ответа Маркса на письмо Засулич мы читаем: «Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» [4]. Это вполне гипотетическое предположение, в котором имплицитно содержится идея неравномерности капиталистического развития и вызревания революционного процесса, в других работах Маркса развернутого обоснования, как известно, не получило. Видимо, он склонялся к мнению Энгельса, который, принимая во внимание слабость промышленной базы в России, допускал возможность социалистического преобразования русской общины только при активной материальной поддержке победившего пролетариата Запада.

С таким выводом не могли согласиться идеологи народничества, в частности постоянный корреспондент Энгельса Н. Ф. Даниельсон, который и в 90-х годах XIX века продолжал рассуждать об искусственности и бесперспективности российского капитализма.

Вынужденный признать, что капиталистические отношения проявились в России «во всей своей наготе», Даниельсон все еще возлагал надежду на русское «общество», которое, наконец, осознает опасность капитализма и основой своего экономического базиса сделает общину [5]. Анализируя экономическое развитие страны, Даниельсон останавливался на характеристике отдельных проявлений этого процесса, как, например, рост железных дорог и кредитных учреждений, а сам факт упрочения капиталистических отношений в российской экономике воспринимался им негативно и рассматривался лишь как нежелательный вариант хозяйственного развития.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 408.
[2] См. там же. С. 408—410.
[3] Там же. С. 410.
[4] Там же. Ср. с. 401.
[5] См.: Н. Ф. Даниельсон — Энгельсу, 3 (15) октября 1892 г.; 23 апреля 1893 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 628—629, 652.

Энгельс подходил к оценке экономической ситуации России иначе. Он стремился охватить весь процесс развития капитализма в его целом, обращая внимание на факты расслоения крестьянства на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, на тенденцию превращения земледелия в товарное производство, на появление большого внутреннего рынка для крупной промышленности. Делая вполне определенный вывод о том, что община обречена на гибель и что капитализм в России все более утверждается, Энгельс отклонял сомнения своего корреспондента, призывал его понять, что «капитализм открывает новые перспективы и новые надежды» [1].

В 90-х годах историческая возможность для России миновать капиталистическую стадию исчезла, по мнению Энгельса, окончательно. Такая возможность, объяснял он, существовала только в прошлом, в первые десятилетия после крестьянской реформы 1861 года. Если бы в 1860—1870 годах Западная Европа созрела для свержения капитализма, полагал он, то Россия, возможно, могла бы остановить свою эволюцию в направлении к капитализму, и русские были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время более или менее нетронутой. Но поскольку в развитых странах тогда «пышно расцветала капиталистическая промышленность», а у власти прочно стояла буржуазия, «производить сверху государственно-социалистические эксперименты» в России было бы, по мнению Энгельса, исторически нереально [2]. Сама же по себе община была обречена, поскольку «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождал из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения» [3].

Хотя полностью миновать стадию капитализма Россия в 90-х годах уже не могла, это не исключало, по Энгельсу, возможности сокращения данной стадии. При этом он пояснял, что только когда капитализм будет преодолен на своей западноевропейской родине и когда отставшие страны увидят на живом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу, только тогда и Россия и некоторые другие страны, в которых уцелели родовые порядки, смогут встать на путь «сокращенного процесса развития» [4]. Так он, в частности, полагал, что после революции в Западной Европе болгарские родовые об-

---

[1] Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 130.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 450—451; Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 24 февраля 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 33—34; Энгельс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 17 октября 1893 г. // Там же. С. 129—130.

[3] *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 444.

[4] См. там же. С. 446.

щины явились бы «великолепным отправным пунктом для дальнейшего развития к коммунизму, совсем как русский «мир»» [1].

И все же перспективы революционного обновления России рассматривались Энгельсом в целом чересчур оптимистично. Хотя и с оговорками, он иногда допускал, что процесс общественного переустройства в России может проходить сравнительно легко, почти одновременно с Западом, ибо «часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития...» [2].

Ход истории не подтвердил гипотезы Маркса и Энгельса о возможности некапиталистического развития России, но их прогноз о конечной социалистической перспективе российской революции оправдался. Оправдался он отчасти и в отношении общины.

Как и предвидели Маркс и Энгельс, российская революция спасла общину от гибели. Октябрьский Декрет о земле придавал ей второе дыхание, она могла бы стать элементом возрождения коллективной организации сельского производства. В 1927 году на территории РСФСР в общинном пользовании находилось свыше 90% крестьянских земель.

В партийной печати в конце 20-х годов XX века проходила полемика по вопросу о роли общины в социалистическом строительстве [3]. Сторонники общины напоминали положение Маркса из набросков письма к Засулич, что все зависит от исторической среды, в которой община находится [4]. А. В. Чаянов и некоторые другие авторы не только выступали за создание в деревне многообразных кооперативных форм хозяйствования, но и пропагандировали идеи кооперации в общественной жизни сельского населения [5]. Однако принудительная полная коллективизация подорвала еще не утраченные до конца общинные традиции, ликвидировала доказавшую свою эффективность сельскохозяйственную кооперацию. Остатки общинного устройства — этой демократии деревенского «мира» — были безжалостно сметены.

Начиная с 70-х годов XIX века важное место в теоретической деятельности основоположников марксизма заняла задача осмысления особенностей исторического развития России. Овладение обширным статистическим материалом, знакомство с трудами русских ученых и общественных деятелей и прежде всего с произведениями Чернышевского, позволили Марксу и Энгельсу гораздо точнее, чем экономистам народнической школы, определить направление социально-экономического развития страны, наметить перспективы освободительного движения.

Между народническим учением о самобытном пути к социализму посредством возрождения общины и допущением Маркса и Энгельса возможности для России при определенных условиях

---

[1] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 9 октября 1886 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 462.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 446. Ср. с. 445.

[3] См.: *Кубанин М.* Община при диктатуре пролетариата // На аграрном фронте. 1926. № 11—12; *Устинов М.* К вопросу о формах землепользования // Большевик. 1927. № 19—20.

[4] См.: *Суханов Н.* Община в советском аграрном законодательстве // На аграрном фронте. 1926. № 11—12. С. 110.

[5] См.: *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. М., 1926.

избежать капиталистической фазы развития общества была принципиальная разница. Доктрина народников во многом исходила из субъективных идеалов интеллигенции, считавшей себя способной выбирать более благоприятные пути развития общества, а также из односторонне интерпретированных фактов экономической статистики. В отличие от этого исходные начала марксистской концепции некапиталистического развития определялись учетом внутренних и внешних материальных условий, при которых было возможно постепенное преобразование общины в социалистический кооператив.

Марксистское предположение о возможности некапиталистического пути развития в период всемирного господства капитала было лишь смелым научным предвидением. Иного пути, кроме капиталистического, история в то время не знала. Только Октябрьская революция и ликвидация колониальной системы создали для отставших народов возможность выбора некапиталистического пути развития. В Азии и Африке возникла целая группа стран социалистической ориентации. Однако сложное и противоречивое развитие этих стран долгое время не находило достаточно всестороннего и взвешенного анализа в марксистских исследованиях. Среди обществоведов преобладало скорее чувство эйфории, чем логика анализа. Не учитывались высказанные основоположниками марксизма опасения по поводу судеб социализма в случае территориального [1] и экономического преобладания капитализма [2].

Процесс реального воплощения идеи некапиталистического пути развития оказался гораздо более сложным и противоречивым, чем это ожидалось в теории. Предсказанная основоположниками марксизма возможность сокращенного развития отстающих стран, минуя стадию капитализма, оказалась крайне суженной. Выяснилось, что идея постепенного создания предпосылок для перехода к собственно социалистическим преобразованиям не подкреплена прежде всего материально, недостаточно обусловлена с точки зрения соотношения экономических и политических сил в мире. В итоге многие страны, избравшие капиталистическую ориентацию и пользующиеся помощью международного капитала, оказались гораздо более продвинутыми в экономическом и социальном плане.

В России «сочетаются все условия революции»

Размышления Маркса и Энгельса по поводу русской общины тесно увязывались ими с вопросом о революционной судьбе России. При этом вопрос о возможности российской революции основатели научного социализма рассматривали с учетом всего многообразия внешних и внутренних факторов. Единство всемирно-исторического процесса вовсе не понималось ими как создание равномерно развитой системы буржуазных государств [3]. Связь более развитых стран с менее развитыми, по их представлению, могла бы породить в последних аналогичные противоречия, даже революционное движение [4].

---

[1] См.: Маркс — Энгельсу, 8 октября 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 295.

[2] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Там же. Т. 19. С. 413.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. С. 427, 428.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 78—79.

Итоги революции 1848 года позволили существенно дополнить эти выводы указанием на дополнительные революционные потенции, рождаемые системой всемирного господства капитала: «В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше» [1]. Уже в то время Маркс допускал, что сигнал к европейской революции не обязательно должен последовать из наиболее развитых стран, его может дать и одна из угнетенных, а потому более отсталых, наций — Польша, Венгрия или Италия [2].

В условиях наступившего после поражения Парижской коммуны «мирного» периода, когда в порядок дня встал постепенный подход к следующему этапу пролетарской борьбы, для рабочего класса Западной Европы требовались поиски новых решений революционных задач. Размышляя в 70-е годы XIX века над путями революционного процесса в Европе, определяя его главные силы и возможные резервы, Маркс и Энгельс предусматривали различные варианты развития событий и соответственно различную роль в каждом отдельном случае стран Запада и России. При этом изучение ими революционных потенций России, особенностей освободительного движения на ранних стадиях формирования капитализма способствовало дальнейшему развитию политической теории социализма. Получили дополнительное обоснование и конкретизацию марксистские представления о революционной ситуации, о движущих силах и типе русской революции, вопрос о ее международном значении.

Внимание Маркса и Энгельса к России в эти годы определялось заметным общественным подъемом в стране, вызванным последствиями Крымской войны и осуществлением крестьянской реформы 1861 года. Помимо необходимости следить за реакционными внешнеполитическими акциями царизма у Маркса и Энгельса возникла необходимость внимательно наблюдать за классовой борьбой в русском обществе, изучать различные течения общественной мысли, заботиться о включении российской революционной демократии в общий фронт действий европейского пролетариата. Так, анализ итогов проведенной царизмом реформы позволил им сделать целый ряд выводов: что масса крестьянского населения, ограбленного помещиками, поставлена «в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем» [3], что «так называемое освобождение крестьян создало на-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Третий международный обзор // Соч. Т. 7. С. 467.

[2] См.: *Маркс К.* Революционное движение в Италии // Там же. Т. 6. С. 85; *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // Там же. С. 303; *Энгельс Ф.* Прусская армия и революционное восстание народа // Там же. С. 515.

[3] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 547.

стоящую революционную ситуацию» [1] и что Россия «давно уже стоит на пороге переворота...» [2].

Самоотверженная активность демократической интеллигенции, шедшей в деревню для социалистической агитации, первые стачечные столкновения на российских фабриках и заводах, знаменитая речь русского рабочего Петра Алексеева перед судом, смело предвещавшая гибель царизма,— все это заставляло Маркса и Энгельса с волнением ждать известий из России, постоянно напоминать западноевропейским революционерам, что кроме Германии и Австрии они должны особенно внимательно следить за Россией, которой в ближайшем будущем предстоит играть наиболее важную роль [3].

Заявляя, что Россия несомненно находится накануне революции, что «все необходимые для этого элементы уже созрели» [4] и что «здесь сочетаются все условия революции» [5], Маркс и Энгельс принимали во внимание и объективные социально-экономические предпосылки и субъективные факторы, которые предопределяли «твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции» [6]. Имелся в виду кризис «верхов», проявлявшийся в уступках и колебаниях правительства, а также кризис «низов» — «грозное недовольство крестьян» [7], ограбленных реформой и доведенных до положения, когда «невозможно ни жить, ни умереть» [8].

Однако Маркс и Энгельс не переоценивали революционных возможностей крестьянства. Иронизируя по поводу народнических иллюзий о русском народе как «революционере по инстинкту», о готовности России к «всенародному бунту» (о чем постоянно толковали Бакунин и Ткачев), Маркс и Энгельс предполагали, что революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, и лишь затем крестьяне «развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса...» [9]. К тому же в своих прогнозах Энгельс был предельно чуток к изменениям обстановки внутри России. Вдумчивая оценка постигшего страну в 1891 году голода позволила ему обрисовать

---

[1] Энгельс — Зало Ферберу, 22 октября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 315.

[2] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 27 сентября 1877 г. // Там же. Т. 34. С. 229.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России // Там же. Т. 19. С. 123; Энгельс — Августу Бебелю, 15 октября 1875 г. // Там же. Т. 34. С. 130.

[4] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 27 сентября 1877 г. // Там же. Т. 34. С. 229.

[5] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 548.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 144.

[7] См.: *Энгельс Ф.* Введение к брошюре «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 18. С. 568.

[8] См.: *Энгельс Ф.* Европейские рабочие в 1877 году // Там же. Т. 19. С. 144.

[9] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 548.

перспективы революционного взрыва в тот момент в очень пессимистических тонах. Энгельс понимал, что крестьяне бессильны, ибо не пойдут дальше местных восстаний, бесплодных без поддержки городов, где нарождающийся пролетариат еще слишком слаб для революции [1]. Имея в виду трусость и беспринципность вскормленной государством буржуазии, он сомневался в том, что она решится посягнуть на царизм; и только в случае дворцового переворота или удачного покушения власть могла бы перейти к буржуазии [2].

В полемике против Ткачева, который проповедовал необходимость немедленного восстания во имя социалистической революции, Энгельс объяснял, что в России нет еще необходимых предпосылок для такой революции: достаточно высокого уровня производительных сил, сильного пролетариата [3]. Речь могла идти только о буржуазной или буржуазно-демократической революции, подобной революциям в Западной Европе 1789 и 1848 годов. Впоследствии к вопросу о сходстве будущей российской революции с революциями Запада обращался и Ленин [4].

Если в 50-х и даже в начале 80-х годов Маркс и Энгельс допускали, что «Россия находится накануне своего 1789 года» [5], за которым неизбежно последует 1793 год [6], то в 90-х годах Энгельс сравнивал положение в России с ситуацией в Германии в 1845—1859 годах [7] и утверждал, что «революция, остановившаяся в 1848 г. на польской границе, стучится теперь в двери России...» [8]. В последнем случае имелась, очевидно, ввиду уже не «чисто» буржуазная, а буржуазно-демократическая революция, в которой участие в борьбе с абсолютизмом примет рабочий класс в условиях, когда уже ясно обнаруживается его антагонизм с буржуазией.

Маркс и Энгельс не считали возможным издалека давать российским революционерам советы о способах и формах борьбы, а признание ими революционизирующей роли удачного покушения на царя не являлось безоговорочным одобрением индивидуального террора как средства политической борьбы. Отношение Маркса и Энгельса к индивидуальному террору не было одно-

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 29 сентября — 1 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 136.

[2] См. там же. С. 137.

[3] См.: *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Там же. Т. 18. С. 537—538.

[4] См.: *Ленин В. И.* Революция типа 1789 или типа 1848 года? // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 380—382.

[5] Энгельс — Зало Ферберу, 22 октября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 315.

[6] См.: *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России // Там же. Т. 12. С. 701. Ср.: *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России // Там же. Т. 19. С. 124.

[7] См.: Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 26 февраля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 345.

[8] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Там же. Т. 22. С. 47.

значным. В качестве тактики рабочего движения они, безусловно, террор отвергали, но допускали его как способ борьбы непролетарских революционеров и только в строго определенных условиях. В начале 70-х годов они не разделяли бакунинского восторга по поводу покушения Каракозова, возмущались террористическими прокламациями Нечаева и Бакунина с их апологией политического убийства, призывом действовать кинжалом, ядом и пулей [1]. В 1879 году Энгельс осудил террор «Народной воли», поскольку первоначально принял народовольцев за русских анархистов — противников политической борьбы, которые, «став на путь убийств, лишь таскают каштаны из огня для конституционалистов...» [2].

В дальнейшем отношение Маркса и Энгельса к действиям «Народной воли» изменилось. Односторонне информированные о размахе действий «Народной воли» ее лондонскими представителями, они тем не менее надеялись, что взрывы, которыми революционеры стремились подорвать царизм, разбудят народ и подтолкнут крестьянство к восстанию. Переоценивая готовность страны к революции, они видели в покушениях на царя эффективное средство для ее разжигания. Энгельс считал, что Россия 80-х годов была «подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль» [3]. Ему казалось, что наступил один из тех «исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить» [4]. Подобного взгляда придерживался и Маркс, противопоставляя народовольцев немецкому социал-демократу Мосту, который восхвалял тогда террор как «теорию» и «панацею». В письме к дочери Женни 11 апреля 1881 года Маркс с одобрением отозвался о манифестах «Народной воли», которые стремятся убедить Европу, что ее тактика является «специфически русским, исторически неизбежным способом действия...» [5]. Тем самым Маркс с видимым удовлетворением подчеркивал, что в среде русских революционеров признается ограниченное значение террора и нет стремления представлять его универсальным и наиболее успешным методом борьбы.

Ленин, гораздо ближе чем Маркс знакомый с деятельностью «Народной воли», отдавая должное героическим усилиям ее бор-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 397—398, 407, 412.

[2] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 19 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 344.

[3] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 23 апреля 1885 г. // Там же. Т. 36. С. 260.

[4] Там же.

[5] См. там же. Т. 35. С. 148.

цов, неоднократно повторял, что террор является не чем иным, как *«единоборством*, всецело осужденным опытом истории» [1]. Он четко отличал боевые действия революционеров *«вместе с народом»* (например, партизанскую борьбу рабочих дружин) [2] от индивидуального террора как «специфически интеллигентского способа борьбы» [3].

Отказ марксизма от индивидуального террора как средства политической борьбы пролетариата носил принципиальный характер и опирался на идею исторической инициативы масс и вытекающую из нее тактику массовых политических действий, выступающих как движущая сила революционного процесса. Маркс и Энгельс твердо верили в грядущую историческую миссию российского пролетариата. В своем послании председателю Славянского митинга, созванного 21 марта 1881 года в честь десятилетней годовщины Парижской коммуны, они пророчески предсказывали, что освободительное движение в России неизбежно приведет, «быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны» [4]. Тем самым они обусловливали неизбежность включения России в общий поток международного освободительного движения. Объединение революции западноевропейского пролетариата и антифеодальной крестьянской войны, объективно направленной и против капитализма, Маркс и Энгельс считали возможным не только для России, но и для всех стран, находящихся на докапиталистической ступени развития [5].

Если в 50-х годах Маркс и Энгельс только предполагали, что революция в России приобретет международное значение, то в 70-х и 80-х годах они уже были твердо убеждены, что Россия чревата событиями величайшего значения для будущего, что русская революция станет «ближайшим поворотным пунктом» истории, положит начало «всемирной социальной революции» [6].

Энгельс в статье «Европейские рабочие в 1877 году» (1878) рассматривал возможную победу демократической революции в России с учетом ее влияния на всю систему международных связей и противоречий. Исчезновение огромной военной державы, являвшейся «со времен французской революции... становым хребтом объединенного европейского деспотизма», коренным образом

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 375.

[2] См.: *Ленин В. И.* От обороны к нападению // Там же. Т. 11. С. 268.

[3] См.: *Ленин В. И.* Самодержавие и пролетариат // Там же. Т. 9. С. 130.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 252.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 446.

[6] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 19 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 344; Энгельс — Иоану Надежде, 4 января 1888 г. // Там же. Т. 37. С. 6. — В беседе с Г. А. Лопатиным, по воспоминанию последнего, Энгельс допускал, что России может принадлежать и «революционная инициатива *нового* социального переустройства» (см. там же. Т. 21. С. 490.— Приложения).

изменило бы политическую карту Европы, ибо привело бы к крушению Германской империи, к распаду Австро-Венгрии, возрождению Польши и малых славянских народов Восточной Европы, расцвету национальной жизни самого русского народа и возникновению «настоящего рабочего движения в России» [1].

Спустя 10 лет, Энгельс в письме румынскому социалисту И. Нэдежде от 4 января 1888 года дополнил свои суждения, предсказывая, что после революции «благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии и в сотрудничестве с Западом разовьет свои обширные интеллектуальные силы...» [2].

В этом же письме Энгельс высказывал мысль о том, что революция в России «спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны» [3]. Впоследствии эта мысль развивалась в его статье «Внешняя политика русского царизма» (1890). Однако предположение Энгельса о том, что падение самодержавия предотвратит мировую войну и что русское Национальное собрание решительно положит конец всяким завоевательным планам [4], исходило из явной переоценки им «миролюбия» буржуазного парламента. Как показала история, российская буржуазия, вовлеченная в соперничество ведущих капиталистических группировок, связала себя участием в военных блоках европейских государств, и не свержение самодержавия, а установление власти пролетариата обеспечило установление мира.

Глубокое знакомство с политической ситуацией в России помогло Энгельсу назвать и приблизительные сроки российской революции. В связи с началом царствования Николая II он предположил, что «самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха...» [5]. Некоторое время спустя, Энгельс в письме к Плеханову делает такое ироническое предсказание судьбы последнего русского царя: «А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II» [6]. Это высказывание, очевидно, принадлежит к тем «оправдавшимся научным пророчествам» Энгельса, о которых с уважением писал Ленин, объясняя ход мировой истории [7].

Маркс и Энгельс, писал Ленин, «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение» [8].

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 146.

[2] Там же. Т. 37. С. 5.

[3] См. там же. С. 5—6.

[4] См. там же. Т. 22. С. 48.

[5] Энгельс — Виктору Адлеру, 22 декабря 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 293. Ср.: Энгельс — Эдуарду Вайяну, 5 марта 1895 г. // Там же. С. 349.

[6] Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 8 февраля 1895 г. // Там же. С. 334.

[7] См.: *Ленин В. И.* Пророческие слова // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472.

[8] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И.Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» // Там же. Т. 15. С. 247.

Хотя близость этой революции они часто переоценивали, их ошибка, по Ленину, была ошибкой «гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач...» [1].

Несмотря на всесторонний анализ капиталистического развития России после реформы 1861 года, Маркс и Энгельс еще не имели в своем распоряжении тех социально-экономических данных, которые позволили позднее первым русским марксистам выработать целостную концепцию российской революции. Однако в определении ее объективных причин, ее всемирного значения они были правы. Несколько поколений русских борцов вдохновляло признание Марксом и Энгельсом огромных заслуг русских революционеров в борьбе с царизмом, их убежденность в том, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [2].

2. РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ 40—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА И МАРКСИЗМ

Первые отклики на произведения Маркса и Энгельса в русской общественной мысли

В поисках надежных путей общественного прогресса, способов освобождения страны от ига самодержавия и крепостничества представители нарождавшейся в России в 40-х годах XIX века революционной демократии обращались к осмыслению опыта буржуазных революций Западной Европы, к изучению прогрессивной общественной мысли современного им Запада. В попытках объяснения исторического процесса они живо воспринимали и самостоятельно трактовали диалектику Гегеля, материализм Фейербаха, социалистические идеалы великих утопистов. Приобщаясь к духовной жизни Запада, русские мыслители 40-х годов XIX века познакомились и с некоторыми ранними произведениями Маркса и Энгельса вскоре после их публикации.

Известно, что выдающийся теоретик революционного демократизма В. Г. Белинский с одобрением встретил появление в 1843 году в журнале «Отечественные записки» статьи близко знакомого ему писателя В. П. Боткина «Германская литература». Эта статья включала в себя изложение, а местами и целые фрагменты памфлета Энгельса «Шеллинг и откровение», в котором антигегелевская «философия откровения» позднего Шеллинга была подвергнута уничтожающей критике с характерных для левогегельянства позиций защиты диалектики и порицания философской реакции. Сочувственно отнесся к публикации Боткина и А. И. Герцен. Белинский и Герцен использовали критику Шеллинга для борьбы со сторонниками официальной идеологии «самодержавия, православия и народности», а также с русскими шеллингианцами, объединявшимися вокруг журнала «Москвитянин».

[1] *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 249.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Соч. Т. 19. С. 305.

В 1845 году произошло знакомство Белинского и Герцена со статьями Маркса и Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике», написанными уже с позиций разрабатываемых ими в то время положений научного коммунизма. Белинский, в библиотеке которого имелось это издание, оставил на полях ряд пометок, свидетельствующих о большом впечатлении, которое произвела на него Марксова критика религии, содержавшаяся в статье «К критике гегелевской философии права. Введение». Об этом же свидетельствует и его письмо к А. И. Герцену [1].

Первым крупным марксистским трудом, получившим известность в России, стала книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», изданная в Лейпциге в 1845 году. Вскоре, после ее выхода в свет, в «Литературной газете» (Спб., 1845. № 25) появилась одобрительная рецензия, в которой книга Энгельса была названа «весьма замечательной». Известно, что экземпляр этой книги имелся в библиотеке организатора революционного кружка 40-х годов М. В. Петрашевского. Была в библиотеке петрашевцев и книга Маркса «Нищета философии». Цензура разрешила в 1848 году провоз в страну этого произведения, ссылаясь на то, что «предмет сочинения не может быть применен к России и представляет умозрения довольно отвлеченные» [2].

В 40-х годах XIX века в Париже происходит личное знакомство Маркса с представителями российского общественно-литературного движения. Среди них были и будущий теоретик анархизма М. А. Бакунин и публицисты буржуазно-демократического толка П. В. Анненков, Н. И. Сазонов и другие. Влияние взглядов Маркса и Энгельса на этих представителей русской общественной мысли прослеживается уже в публицистике 40—60-х годов [3].

Так, общение с основоположниками марксизма, знакомство с их произведениями, в частности с «Нищетой философии» Маркса, помогло Анненкову хотя бы отчасти разобраться во взглядах Прудона, в событиях французской революции 1848 года [4]. В свою очередь литературное посредничество Анненкова, как установили советские ученые, сказалось в правильном понимании Белинским исторической роли буржуазии, а также в близких к Марксу оценках Чернышевским выступлений рабочих Парижа в июньские дни 1848 года [5].

В период революции 1848 года имена Маркса и Энгельса получили европейскую известность. Вышедший тогда «Справочный энциклопедический словарь» представлял русской публике Маркса и Энгельса как «главнейших проповедников нового германского материализма» [6].

Напуганные революционными событиями царские власти наложили запрет на упоминание в печати, в университетских лекциях «коммунистических намеков», «несбыточных теорий об общности капиталов и недвижимых имуществ» [7], но произведения Маркса

---

[1] См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 250.

[2] ЦГИА СССР. Ф. 779. Оп. 4. Д. 117. Л. 44.

[3] См.: *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969. С. 7—31.

[4] См.: *Конобеевская И. Н., Смирнова В. А.* К. Маркс, Ф. Энгельс и П. В. Анненков // Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 482—483, 487—488.

[5] См. там же. С. 491—498.

[6] См.: Справочный энциклопедический словарь. (Под ред. А. В. Старчевского). Спб., 1848. Т. 11. С. 139.

[7] См.: *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863 гг.). Спб., 1892. С. 343; *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1909. С. 174—177.

начинают проникать в Россию. Книги «Нищета философии» и «К критике политической экономии», как отметил Маркс в письме к Кугельманну 12 октября 1868 года, «нигде не нашли такого большого сбыта, как в России» [1]. Несколькими годами ранее предметом журнальной полемики стал труд Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Интерес к нему был вызван и тем обстоятельством, что в начале 60-х годов в России появились сразу два перевода книги немецкого экономиста Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего» (вышедшей в Германии еще в 1848 году). Марбургский профессор выступал в ней защитником капитализма и с целью опровержения идеи об общественной собственности яростно нападал на Энгельса.

В то время как «благонамеренные» журналы сочувственно встретили филиппики Гильдебранда против социализма, «Современник» Чернышевского отвергал рассуждения немецкого экономиста в пользу буржуазии и частной собственности, косвенно намекая на возможность осуществления социалистического идеала в будущем [2]. Опубликованная в «Современнике» статья идейного сподвижника Чернышевского Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» [3] являлась частью изложением, а частью и прямым переводом книги Энгельса.

В 60-х годах XIX века имя Маркса начинает встречаться на страницах русских газет в связи с конгрессами Международного товарищества рабочих. «Современник» в одной из статей поместил извлечения из «Учредительного манифеста» Интернационала [4], а П. Н. Ткачев, впоследствии известный идеолог революционного народничества, опубликовал его «Устав». Это было первое произведение Маркса, полностью переведенное и изданное в России [5]. Впрочем, книга, в которой он был напечатан, вскоре после издания была конфискована.

Значительные трудности встали на пути распространения в России «Манифеста Коммунистической партии» — все его издания запрещались цензурой вплоть до начала XX века. Выпущенный в 1869 году в Женеве перевод Бакунина содержал принципиальные отступления от оригинала. Понятие «класс» переводилось как «сословие», а такие понятия как «классовые противоречия» и «восстание» — как «сословные различия» и «бунт». Только увидевший свет в 1882 году в Женеве перевод Плеханова (с предисловием авторов к русскому изданию) получил распространение в революционных кружках, неоднократно перепечатывался.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 472.

[2] См.: «Современное обозрение» // Современник. 1861. Т. 86 (№ 3). С. 70.

[3] См.: Современник. 1861. Т. 89 (№ 9—10). С. 131—172, 485—518.

[4] См.: Современник. 1865. Т. 108 (№ 5—6). С. 472—473.

[5] «Устав» был опубликован в качестве приложения к книге: *Бехер Э.* Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. Спб., 1869. С. 432—458.

Русская секция Международного товарищества рабочих

Наиболее значительным фактом участия российских революционеров в деятельности Международного товарищества рабочих, а также отражения интереса русских революционеров-демократов к научному социализму стало создание его Русской секции, образованной группой политических эмигрантов в Женеве. Это были Н. И. Утин, А. Д. Трусов, В. И. и Е. Г. Бартеневы, Е. Л. Томановская (Дмитриева), А. В. Корвин-Круковская. В марте 1870 года эта группа направила Марксу письмо, в котором извещала о создании в Женеве Русской секции Международного товарищества рабочих и просила Маркса быть представителем секции в Генеральном совете. Подтверждая верность идеям своего учителя Чернышевского, русские революционеры заявляли, что их цель — пропаганда принципов Интернационала и объединение русских рабочих во имя этих принципов. Одновременно они выражали готовность разоблачать раскольнические действия Бакунина, бороться с панславизмом [1].

В ответном послании Маркс от имени Генерального совета сообщал о единодушном принятии Русской секции в состав Интернационала, а от себя лично — о своем согласии быть ее представителем в Генеральном совете. Рассматривая царизм как одну из опор реакционных режимов на европейском континенте, Маркс видел в его уничтожении высокую задачу российских социалистов [2].

Русская секция издавала в Женеве журнал «Народное дело», который знакомил российских революционеров с деятельностью Интернационала. Заслугой «Народного дела» следует считать выступления против анархизма бакунистов и мелкобуржуазного реформизма прудонистов, признание необходимости политической борьбы рабочего класса.

Впервые в истории русской общественной мысли в публикациях Секции подтверждался важнейший принцип пролетарского движения: «*Освобождение рабочего класса... должно быть достигнуто усилиями самих рабочих*» [3]. Секция призывала вести пропаганду для пробуждения самосознания в рабочем классе [4] и к организации в России «политической рабочей партии», основанной на тех же началах, что и Международное товарищество рабочих [5].

Заслугой редакции «Народного дела» явилось также издание нескольких произведений Маркса в русском переводе, в частности «Учредительного манифеста Международного товарищества рабочих» и его «Временного Устава» (в переводе Корвин-Круковской).

---

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 168—170.

[2] См.: *Маркс К.* Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих — членам Комитета Русской секции в Женеве // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 427—428.

[3] Цит. по: Экономическая платформа Русской секции I Интернационала. М., 1959. С. 211.

[4] См. там же. С. 209.

[5] См. там же. С. 216.

Маркс высоко оценил стремление Русской секции, выраженное в послании к нему,— «направить русское революционное движение в общее русло движения европейского пролетариата» [1] и осудил нападки Бакунина и Нечаева на «Народное дело» — печатный орган, «защищавший программу и организацию Интернационала» [2]. На эту сторону деятельности Русской секции впоследствии обратил внимание Ленин, отметивший, что к 1869—1870 годам «относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал» [3]. Действительно, издания Секции нашли путь в Россию и распространялись в революционных кружках в самых различных частях страны.

Видная роль Русской секции Первого Интернационала в истории освободительного движения России определяется также и тем, что перед российскими революционерами она выдвигала в качестве серьезной альтернативы не бакунистскую идею крестьянского бунта, а перспективу организованной при помощи западноевропейского пролетариата всенародной социальной революции [4].

Деятельность Русской секции Интернационала была тесно связана с событиями первой пролетарской революции — Парижской коммуны. Героинями Коммуны стали три молодые русские женщины — Томановская, Бартенева и Корвин-Круковская (Жаклар). Посланная по предложению Маркса в восставший Париж как корреспондент Генерального совета Интернационала Томановская (в Париже она действовала под фамилией Дмитриева) сумела создать «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым», а в дни последнего наступления версальцев командовала вместе с Луизой Мишель женским батальоном [5].

Героический подвиг Парижской коммуны вызвал волну революционных настроений и в самой России, оказал влияние на формирование политического сознания наиболее передовых рабочих. Так, например, участники первых российских пролетарских организаций, изучая историю возникновения и гибели Парижской коммуны, верно восприняли идею революционной борьбы и возможность захвата власти рабочими [6]. Во многих городах распрост-

---

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 182.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // Соч. Т. 18. С. 395.

[3] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 287.

[4] См.: Экономическая платформа Русской секции I Интернационала. С. 149—151, 153—154.

[5] См.: *Книжник-Ветров И. С.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М., 1964.

[6] См.: *Итенберг Б. С.* Связи передовых рабочих России с революционным движением Запада (70-е годы XIX в.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 22.

ранялась изданная в Цюрихе на русском языке брошюра Маркса «Гражданская война во Франции». В октябре 1871 года группа студентов юридического факультета Петербургского университета обратилась к Марксу с просьбой привлечь их к деятельности Международного товарищества рабочих [1].

Успехи Интернационала внушали серьезную тревогу царским властям, опасавшимся проникновения в Россию социалистических идей. В марте 1872 года Комитет министров заявил, что каждый замешанный в деятельности Интернационала будет немедленно выдан любому государству по его просьбе. Еще ранее на все пограничные посты была направлена депеша с требованием задержать Маркса, если он попытается проникнуть в Россию [2]. Полицейские власти направили в Лондон нескольких агентов для слежки за членами Генерального совета, но все они вскоре были разоблачены [3].

Полемика вокруг «Капитала»

Исключительно важную роль в распространении идей марксизма в России сыграло издание в 1872 году на русском языке I тома «Капитала». В России этот труд, случайно пропущенный цензурой, сразу же привлек внимание передовой интеллигенции, стал значительным событием духовной жизни. В письме к Марксу от 25 октября (6 ноября) 1880 года Исполнительный комитет «Народной воли» сообщал, что «Капитал» сделался «настольной книгой образованных людей» [4].

Дискуссия вокруг «Капитала» нашла широкое отражение в русской печати 70-х годов [5]. Особо необходимо отметить рецензию профессора Петербургского университета И. И. Кауфмана, который сумел сжато изложить суть диалектико-материалистического метода «Капитала». Маркс в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» с одобрением цитировал эту рецензию [6].

«Капитал» изучался во многих народнических кружках. Конспект нескольких разделов имелся у С. Л. Перовской. Многие народники-пропагандисты являлись знатоками этого произведения и объясняли его содержание наиболее подготовленным рабочим, среди которых были такие пролетарские вожаки, как Петр Алексеев и Степан Халтурин [7]. Ростовский рабочий Андрей Карпенко составил по «Капиталу» краткий конспект политической экономии для выпущенного в 1883 году пропагандистского журнала южных народовольцев «Рабочий» [8].

---

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 217.

[2] См.: *Лехтблау Л.* Полицейские донесения о Марксе // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 76—77.

[3] См.: *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. С. 107—109.

[4] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 427.

[5] См.: *Реуэль А. Л.* Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марксизм. М., 1956. С. 237—286.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 19—21.

[7] ЦГАОР. Ф. III отд., 3 эксп. Д. 536. Ч. I. 1880. Л. 319 об.

[8] См.: *Невский В.* По дороге к марксизму // Литературное наследство. 1932. № 2. С. 77.

Признание в печати, в пропагандистских кружках научных достоинств «Капитала» еще не означало принятия марксизма. В книге Маркса видели не столько научный труд о закономерностях и этапах развития капитализма, сколько гневное обличение западноевропейской буржуазии, своего рода тревожный сигнал, предупреждавший против пришествия в Россию власти капитала.

Полемика вокруг «Капитала» все же способствовала ознакомлению передовой интеллигенции с содержанием экономического учения Маркса. Нападки на «Капитал» со стороны реакционной прессы и некоторых либеральных публицистов вызвали отповедь со стороны профессора Киевского университета Н. И. Зибера, который с едким сарказмом высмеял научную несостоятельность критиков Маркса.

В статьях Зибера, в его книге «Давид Рикардо и Карл Маркс...» объективно излагалось, а местами и воспроизводилось текстуально, содержание I тома «Капитала» — теория стоимости и прибавочной стоимости, учение о концентрации производства, о рабочем дне и заработной плате и др. [1] Защищал Зибер от нападок буржуазных критиков и диалектический метод «Капитала». В этом отношении большое значение имела рецензия Зибера на книгу Энгельса «Анти-Дюринг», а также его статья «Диалектика в ее приложении к науке». Благодаря этим работам, опубликованным в 1879 году и содержащим обширные фрагменты из книги Энгельса, русские читатели получили возможность познакомиться с важнейшими положениями марксистской диалектики [2].

В своих работах Зибер объяснял взаимосвязь социализма и материализма, обращал внимание на противоположность мировоззрения и метода Маркса и Гегеля. Признавая капитализм необходимой подготовительной ступенью к новому обществу, Зибер одновременно отмечал беспочвенность народнической веры в общину, в самобытность экономического строя России. Неудивительно, что в своей идейной борьбе с народничеством первые русские марксисты нередко использовали его публикации.

Зибер в общем правильно излагал основные положения экономического и философского учения Маркса, который ценил этого русского экономиста как последователя его теории стоимости и капитала [3]. По некоторым конкретным вопросам экономической теории на Зибера ссылался в работах 90-х годов Ленин [4].

В 70-х годах XIX века, когда на первый план выдвинулся вопрос о судьбах капитализма в России, имена основоположников

---

[1] См.: *Зибер Н. И.* Избр. эконом. произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1.

[2] См.: *Володин А. И.* «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века. (Историко-философские очерки). М., 1978. С. 136—164.

[3] См.: *Маркс К.* Послесловие ко второму изданию «Капитала» 1873 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 19.

[4] См.: *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 222; К характеристике экономического романтизма // Там же. Т. 2. С. 156, 168, 179, 181.

марксизма приобрели большую известность в революционных и научных кругах.

Довольно широкое знакомство российской интеллигенции с произведениями творцов научного коммунизма — своеобразный исторический феномен. В то время как в промышленно развитых странах Запада буржуазия пыталась замалчивать имена Маркса и Энгельса, в сравнительно отсталой России в печати довольно свободно велась дискуссия вокруг «Капитала», в журналах излагалось содержание «Анти-Дюринга». Еще в большей степени были популярны в революционных народнических кружках экономические идеи «Капитала». Объяснялось это прежде всего неуклонным процессом развития российского капитализма, ростом пролетариата и его стихийного движения, чего не могла объяснить народническая доктрина крестьянского социализма. Несомненным стимулом интереса к марксистской литературе для русских революционеров явилось и упрочение марксизма в зарубежном рабочем движении.

Однако при отсутствии в России 60—70-х годов самостоятельного политического движения рабочего класса, пролетарских организаций социалистического направления представители прогрессивных течений общественной мысли еще не могли увидеть в учении Маркса качественно новой ступени в развитии философии и политической экономии, не могли осознать революции, происшедшей в общественной науке, а тем более воспринять марксизм как идеологию пролетариата. И все же интерес в России к «Капиталу» и другим произведениям основоположников марксизма, особенно в среде разночинно-демократической интеллигенции и в кругах оппозиционно-либеральной профессуры,— неотъемлемая и своеобразная черта русской общественной мысли того времени, отмеченная, кстати, и самим Марксом [1].

Уже в 70-е годы проявились весьма несходные мотивы обращения русских общественных деятелей к учению Маркса, своеобразные его интерпретации. Отражение марксизма в русской общественной мысли приобрело различные социально-классовые оттенки. Так, представители нарождающегося буржуазного либерализма, русские сторонники катедер-социализма, в отличие от западноевропейских, не только не замалчивали экономическую теорию Маркса, но даже использовали ее положения о закономерности победы капиталистического способа производства в целях обоснования экономических привилегий и политических притязаний российской буржуазии. Революционная народническая интеллигенция воспринимала главным образом критическую сторону «Капитала», декларировала иногда свое согласие с материалистическим пониманием истории, но толковала его упрощенно, не допуская возможности применения марксизма к российской

[1] См.: Маркс — Фридриху Адольфу Зорге, 5 ноября 1880 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 380; Маркс — Лауре Лафарг, 14 декабря 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 342.

действительности. Либеральные экономисты-народники, считавшие идеи «Капитала» «общепринятой теорией», также были не в силах отрешиться от романтического взгляда на самобытность российского хозяйственного развития. При этом, по наблюдению Ленина, они стремились прикрыть свой романтизм возможно более частыми ссылками на теорию Маркса [1].

Полемика по вопросу о судьбах русского экономического развития, начатая после появления I тома «Капитала», продолжалась десятилетия — вплоть до конца XIX века и выхода в свет книги Ленина «Развитие капитализма в России». Причем в целях обоснования той или другой схемы дальнейшего развития страны, участники этой полемики не раз ссылались на Маркса, подвергая в иных случаях его идеи неверному толкованию и искажению.

«Оригинальным явлением» общественной мысли России Ленин называл подобное использование народнической литературой марксистского учения. «...В России,— писал он,— теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!» [2]

В трудах представителей самых различных общественных направлений можно было встретить цитаты из «Капитала», ссылки на мнение Маркса. Показательны в этом смысле выступления в печати на рубеже 70—80-х годов либеральных народников типа В. П. Воронцова, который, хотя и ссылался на авторитет Маркса, тем не менее утверждал, что «в России нет почвы для развития капитализма» [3]. Ко всему прочему Воронцов выступил противником освободительного движения и ждал милостей для крестьянства от самодержавия. На эту позицию отошел и Н. Ф. Даниельсон, прежде объявивший себя учеником Маркса, а в 90-е годы возлагавший на правительство задачу спасения «народной промышленности» и общины. В письме к Даниельсону от 5 марта 1895 года Энгельс выразил несогласие с некоторыми выводами в его книге «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» [4]. Как следует из переписки третьих лиц, речь шла о несогласии именно с конечными выводами Даниельсона [5]. Однако Энгельс не успел написать задуманную им рецензию на эту книгу.

Вскоре после кончины Энгельса Даниельсон перед лицом небывалого промышленного подъема 90-х годов, неотвратимого шествия капитала, признал, что надо в первую очередь создать стройный и цельный труд о землевладении и распаде общины, труд, оживленный «органической теорией». Сознавая свою неподготовленность для выполнения этой обширной задачи, Даниельсон полагал, что «настало время взяться за теоретическую разработку экономических явлений трудом целой группы лиц, объединенных общей программой, составленной лицом или группой лиц, вполне компетентных в постановке теоретических вопросов» [6]. Но такая задача оказалась не по силам экономистам-народникам.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 246.

[2] *Ленин В. И.* По поводу юбилея // Там же. Т. 20. С. 162—163.

[3] См.: *В[оронцов] В. [П.]* Судьбы капитализма в России. Спб., 1882. С. 284, 294.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 349.

[5] А. Конов — Н. Ф. Даниельсону, 25 февраля 1895 г. // ЦПА ИМЛ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 4048.— В этом письме кратко излагается содержание не дошедшего до нас письма Энгельса с отзывом о книге Даниельсона.

[6] ЦПА ИМЛ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 4794.

Исследование русского социально-экономического строя, процесса утверждения капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности с марксистских позиций выполнил Ленин в книге «Развитие капитализма в России», где обращают на себя внимание не только общность методологических принципов с рукописными материалами Маркса по России, но и совпадение многих источников, сходные приемы в методике их обработки. Преемственная связь с идеями основателей научного социализма, которая прослеживается уже в ранних трудах Ленина, не помешала ему сделать новые экономические и социально-политические выводы, которые на более широком статистическом материале значительно обогатили сделанный еще в середине 80-х годов плехановский анализ капиталистического развития страны как раз в канун первой российской революции, ставшей решающей проверкой применения марксизма к условиям России.

Марксизм и идеология народничества

Хорошо понимая, что время для вступления российского пролетариата на авансцену исторического процесса еще не настало, Маркс и Энгельс с живейшим интересом и горячим сочувствием наблюдали за борьбой революционных народников против самодержавия, всемерно поддерживали идею боевого союза западноевропейского рабочего класса с русской революционной демократией. Для них было очевидно, что революционный демократизм и пролетарская революционность не только существенно отличны друг от друга, но и связаны между собой многими общими чертами, преемственностью демократических идей, готовностью к решительной борьбе за свои идеалы.

Идеологию народничества Маркс и Энгельс рассматривали как закономерный этап развития демократической мысли в России, понимали, что в общинных иллюзиях отражаются реальные проблемы социально-экономического развития страны. В общине они видели не только наивную утопию, но и возможную, при условии победы демократической революции в России и пролетарской на Западе, точку опоры для дальнейшего развития страны по пути социализма. Если воспользоваться выражением Ленина, Маркс и Энгельс разглядели в народнической доктрине «здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно», стремление присоединить русское крестьянство к мировому социалистическому движению [1].

С живейшим интересом и сочувствием Маркс и Энгельс наблюдали не только за боевой деятельностью народников, но и за их поисками теоретического обоснования своей борьбы, за их программными документами, нелегальной печатью. Основоположникам научного социализма были понятны и близки утопическо-социалистические идеи аграрной демократии, коллективистские начала общинного строя, идеалы равенства и социальной справедливости.

[1] См.: *Ленин В. И.* Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263.

Деятелей народнических организаций, начиная с участников Русской секции Интернационала, Маркс и Энгельс безусловно включали в общий фронт революционной борьбы на Западе, видели в них не только союзников, но и соратников, которые по своим дарованиям и характеру «принадлежат к лучшим людям нашей партии» [1]. Готовность к самоотверженной борьбе за свободу была важнейшим критерием для оценки деятельности народнических организаций, а создание «Народной воли» рассматривалось как несомненная победа для европейского социалистического движения. В письме к Зорге от 5 ноября 1880 года Маркс сообщал, что в России «наш успех еще значительнее. Мы имеем там... *центральный комитет террористов...*» [2]. Свободные от какой-либо предвзятости и узости взглядов, Маркс и Энгельс, знавшие об анархических тенденциях «чернопередельцев», не отказывались от деловых связей с ними, тотчас откликались на письма и просьбы Плеханова и Засулич, невольно способствуя тем самым переходу русских революционеров на позиции марксизма. Отмечая, что «среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии» [3], Маркс и Энгельс, очевидно, допускали возможность, что некоторые русские революционеры со временем смогут перейти на идейные позиции пролетариата. Этот прогноз начал подтверждаться еще при жизни Маркса, когда группа «бывших чернопередельцев» во главе с Плехановым начала усваивать марксистское учение, вести пропаганду научного социализма.

Обширная переписка Маркса и Энгельса с русскими общественными деятелями содержит немало примеров взаимного обмена информацией, наблюдениями и мыслями, порою открытой, а иногда неявной полемики. Несомненно, что немаловажное значение для обеих сторон приобретали теоретические беседы при личном общении. В какой-то мере марксистские идеи оказали влияние на философско-исторические взгляды Бакунина и Ткачева, которые заявляли о своей приверженности историческому материализму, хотя в действительности понимали его в духе «экономического» материализма. Под влиянием трудов Маркса и Энгельса, личного общения с ними, другой видный идеолог революционного народничества, П. Л. Лавров, отказался от некоторых положений субъективистского характера (например, от переоценки роли «критических личностей»), содержавшихся в его «Исторических письмах» (1869). Лавров обратил внимание на роль масс, классов и классовой борьбы в истории, с большим интересом следил за рабочим движением на Западе, принимал участие в Парижской коммуне и

---

[1] См.: Энгельс — Иоганну Филиппу Беккеру, 14 июня 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 411.

[2] См. там же. Т. 34. С. 380.

[3] *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Там же. Т. 18. С. 522.

деятельности Интернационала. И все же этот убежденный революционер и эрудированный ученый не сумел выработать цельное и последовательное мировоззрение, стремился соединить народничество с марксизмом, субъективно-социологические воззрения с материалистическим пониманием истории.

Мировоззрение революционного народничества в целом носило эклектический характер. Идейные традиции Герцена и Чернышевского своеобразно сочетались в нем с идеями зарубежных теоретиков мелкобуржуазного социализма, дополненными отдельными положениями экономической теории Маркса. Как сообщал Энгельсу в 1878 году Г. А. Лопатин, русские социалисты «ухитряются подчас соединять воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь... из Прудона, Маркса и Дюринга...» [1].

«Самоотверженные искания» русских революционеров в области чистой теории, которые были отмечены Энгельсом [2], несомненно относились к социалистически-утопической мысли революционных народников. Сравнительная отсталость России, малочисленность и неразвитость пролетариата мешали представителям передовой революционной мысли понять и усвоить марксизм. Энгельс объяснял Плеханову, что в России, где «одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же в интеллектуальном отношении окруженной более или менее эффективной китайской стеной, которая возведена деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» [3].

В 90-х годах Энгельс подвел итоги народнического движения с его верой «в чудодейственную силу крестьянской общины», из недр которой должно было прийти социальное возрождение, верой, поднявшей воодушевление и энергию героических передовых борцов, «которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до... возможности капитуляции» [4]. «...Этих людей,— продолжал Энгельс,— мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но разделять их иллюзии мы вовсе не обязаны» [5].

Характерный для народников социологический субъективизм явился философской основой их мировоззрения и одновременно ведущим стимулом их революционной активности, принявшей в конце концов форму заговора и террора.

Несомненным симптомом начавшегося кризиса народнической идеологии было появление еще на рубеже 70—80-х годов в петербургских революционных кружках людей, которые стали именовать себя «русскими социал-демократами»

---

[1] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 346.

[2] См.: Энгельс — Евгении Эдуардовне Паприц, 26 июня 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 147.

[3] См.: Энгельс — Георгию Валентиновичу Плеханову, 26 февраля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 344.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Там же. Т. 22. С. 451.

[5] Там же.

и даже «марксистами» [1]. Руководители «Народной воли» через своих представителей установили в 1880 году связь с Марксом, направили ему послание с просьбой о поддержке, а также переслали отредактированную А. Желябовым «Программу рабочих, членов партии «Народная воля»» [2]. С начала 80-х годов появляются революционные кружки и издания, пытавшиеся соединить идеи народничества и научного социализма (журнал «Студенчество», сборник «Социалистическое знание»).

Своеобразной попыткой примирить традиции народовольчества со все более укреплявшимися в среде революционной интеллигенции идеями марксизма была программа, созданная в 1886 году А. И. Ульяновым. Участник нелегального кружка в Петербургском университете, он оценивал книгу либерального народника В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» как ошибочную, противоречащую фактам действительности, сомневался в прочности крестьянской общины. А. Ульянов основательно изучил «Капитал», перевел для опубликования в нелегальном издании статью Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение».

Подготовленная А. Ульяновым программа кружка являлась попыткой объединения воззрений народовольцев и социал-демократов. В программе заявлялось, что по своим убеждениям члены группы считают себя социалистами. В этом документе развивалась также идея о неизбежности социализма как результата капиталистического развития и порождаемой им борьбы классов.

Придавая решающее значение в революционной борьбе рабочему классу, который должен «составить ядро социалистической партии», А. Ульянов считал, что у его группы нет существенных расхождений с социал-демократами [3]. Если марксистское влияние на теоретические положения программы бесспорно, то в выборе тактики террора А. Ульянов и его товарищи следовали заветам «Народной воли». Между тем осмысление уроков ее борьбы с самодержавием приводило революционную молодежь к мысли о том, что цареубийство 1 марта 1881 года оказалось пирровой победой, вызвало наступление политической реакции. Идейный разброд и организационный хаос заставляли революционеров по-новому взглянуть на свою деятельность.

Успешная революционная пропаганда на фабриках и заводах, начатая еще в начале 70-х годов и включавшая в себя ознакомление рабочих с опытом I Интернационала и Парижской коммуны, побуждала народническую интеллигенцию обратить внимание на российский пролетариат и его первые организации. Несомненное воздействие на пробуждение интереса русских революционеров к научному социализму оказало и образование в Западной Европе рабочих социалистических партий, открыто провозгласивших марксизм своим знаменем.

Именно в это время начался подлинный диалог русской демократической мысли с Марксом и Энгельсом. Фундаментальный труд Маркса — «Капитал» — в той или иной мере повлиял и на профессорскую кафедру и на журнальную публицистику, проник в рабочий кружок и в студенческую коммуну, стал настольной книгой многих революционеров. Для широких слоев демократической интеллигенции Маркс и Энгельс стали самыми крупными

---

[1] См.: Русские социал-демократы в 1879 году // Историко-революционный сборник. М., 1924. Т. 2. С. 412—415; *Русанов Н. С.* На родине, 1859—1882. М., 1931. С. 232, 236.

[2] В ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС в фонде Маркса сохранился этот экземпляр «Программы» с его пометками (см.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2.).

[3] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 377, 379.

авторитетами в области общественных наук. Революционеры-народники, прогрессивные ученые-экономисты с уважением и доверием обращались к ним за советами и разъяснениями по ряду теоретических вопросов, в особенности касающихся развития экономики России. Характерно, что наряду с революционными народниками, как, например, Лавров и Лопатин, круг российских знакомых Маркса включал и его «научных» друзей [1], среди которых видное место занимали такие известные ученые, как социолог М. М. Ковалевский, историк Н. И. Кареев, экономисты Н. И. Зибер и Н. А. Каблуков.

С начала 80-х годов XIX века в русской общественной мысли начался поворот к марксизму. Наиболее способные к самокритическому анализу представители революционной интеллигенции, вследствие мучительного отказа от общинных иллюзий народничества и разочарования в избранных народниками способах борьбы, постепенно приходили к теории научного социализма, вставали на идейно-политические позиции рабочего класса. «Марксизм,— писал Ленин,— как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [2]. Эти искания облегчались тем обстоятельством, что революционная Россия, начиная с 40-х годов XIX века, обладала, по мнению Ленина, «таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [3].

Суровый полицейский режим в России способствовал тому, что особое значение для теоретических поисков, для пропаганды опыта западноевропейского рабочего движения в то время приобрела вынужденная царизмом революционная эмиграция. «В ней, и только в ней,— писал Ленин,— ставились в годы безвременья и затишья важнейшие принципиальные вопросы всей русской демократии» [4]. Первой российской организацией марксистов стала созданная в 1883 году в Швейцарии группа «Освобождение труда».

3. ПЕРВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ МАРКСИСТОВ — ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ И ГРУПП В РОССИИ

Неуклонный рост численности пролетариата, подъем стачечного движения на рубеже 70—80-х годов XIX века, пробуждение интереса передовых рабочих и революционной демократической

[1] См.: Маркс — Николаю Франциевичу Даниельсону, 19 сентября 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 323.

[2] *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

[3] См. там же.

[4] *Ленин В. И.* Еще один поход на демократию // Там же. Т. 22. С. 89.

интеллигенции к произведениям основоположников научного социализма свидетельствовали о том, что в России подготавливается почва для восприятия революционным движением идей Маркса. Однако только к середине 90-х годов XIX века процесс распространения марксизма охватил крупнейшие промышленные центры, приобрел общероссийское значение.

Г. В. Плеханов — выдающийся русский марксист

Зачинателем пропаганды марксистской теории в России явился Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918).

Революционную деятельность он начал восемнадцатилетним студентом Горного института в Петербурге, когда в 1874—1875 годах сблизился с революционными народниками и принял активное участие в «хождении в народ». После смелой, обличающей царизм речи в декабре 1876 года, на первой в России политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге, Плеханов перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. В 1879 году он возглавил народническую организацию «Черный передел» [1], возникшую после раскола «Земли и воли».

В идейном отношении Плеханов до начала 80-х годов находился под влиянием народнических воззрений Бакунина и Лаврова, однако к этому времени он уже изучил I том «Капитала», знал и о других произведениях Маркса и Энгельса. Принимая активное участие в рабочем движении Петербурга, Плеханов сблизился с видными рабочими-революционерами, среди которых были С. Халтурин и П. Моисеенко. Вместе с другими народниками он питал надежду на то, что участники фабричных кружков пойдут в деревню и помогут поднять крестьян на революционную борьбу.

В результате преследований царских властей, Плеханов с 1880 года находился в политической эмиграции в Швейцарии и Франции, где приступил к глубокому изучению недоступных ему ранее произведений Маркса и Энгельса, западноевропейской социально-политической и философской литературы. Одновременно Плеханов приобщался к опыту международного пролетарского движения, познакомился с первыми польскими и французскими марксистами, завязав дружбу с Людвиком Варыньским и Шимоном Дикштейном, Полем Лафаргом и Жюлем Гедом. Все более и более он проникался учением марксизма, ставшего к тому времени ведущим течением социалистической мысли, идеологией первых рабочих партий Западной Европы.

Решающий шаг в преодолении народнических иллюзий и переходе на позиции марксизма был сделан Плехановым в начале 1882 года, когда он приступил к работе над переводом «Манифеста Коммунистической партии» (издан в мае 1882 года под грифом «Русской социально-революционной библиотеки»). В небольшом вступлении к книге, носившем, однако, программный характер, Плеханов писал: «Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий,

[1] Это название символизировало одно из основных требований новой организации — революционный пересмотр грабительской реформы 1861 года, отнявшей у крестьян значительную часть земли.

научного обоснования социализма» [1]. Далее Плеханов развивал положение о том, что будущее российского освободительного движения не в крестьянском бунте, не в успехах заговорщиков-интеллигентов, а в борьбе рабочего класса, в его объединении, в ясном осознании им своих интересов. При этом, в отличие от народнических теоретиков, объединявших понятием «рабочий класс» все слои трудящихся, Плеханов подчеркивал, что рабочий класс — это прежде всего «рабочие наших промышленных центров», которые начинают самостоятельно мыслить, стремиться к освобождению, создавать свои организации [2]. Свидетельством решительного отхода Плеханова от полуанархических воззрений «чернопередельцев» стало также признание необходимости политической борьбы для низвержения самодержавия.

Принципиальное значение имела высказанная Плехановым мысль о возможности применения марксистского учения к России. Проводя идею единства исторического процесса, он заявлял, что познание особенностей российского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского общественного развития, для изучения которого незаменимым источником являются сочинения Маркса и Энгельса [3].

Работа над переводом «Манифеста Коммунистической партии» явилась переломным этапом в идейном развитии Плеханова. Он не только усвоил и признал основополагающими принципы марксизма, но и осознал возможность их приложения к российской действительности, стал активно пропагандировать учение Маркса среди российской революционной эмиграции. Именно в это время он перешел на позиции научного социализма, революционной социал-демократии.

В Предисловии к русскому изданию «Манифеста» Плеханов, по существу, выразил те идеи, которые в развернутой форме были изложены им в написанной полтора года спустя брошюре «Социализм и политическая борьба» — одном из первых изданий группы «Освобождение труда».

Начало деятельности группы «Освобождение труда»

Плеханов и его единомышленники не сразу решились полностью отказаться от народнических взглядов, порвать связи с руководителями народовольческой организации. Находившиеся под впечатлением ее героических подвигов в борьбе с царизмом, товарищи Плеханова какое-то время склонялись к объединению с «Народной волей» для совместных действий. Однако общую платформу для создания такой единой организации выработать не удалось.

Необходимо отметить, что в отличие от Плеханова, члены его

---

[1] *Плеханов Г. В.* Предисловие к первому русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8, ч. 1. С. 23.

[2] См. там же. С. 24.

[3] См. там же. С. 24—25.

кружка, или «бывшие чернопередельцы», как они называли себя с весны 1882 года, с некоторым отставанием следовали за ним по пути овладения теорией научного социализма. Плеханов раньше и решительнее, чем его товарищи, признал факт развития капитализма в России, разложение сельской общины, осознал роль рабочего класса как основной движущей силы в предстоящей революции. Однако знакомство с рабочим и социал-демократическим движением на Западе, изучение произведений Маркса и Энгельса, влияние и вдохновляющий пример Плеханова помогли его товарищам по-новому оценить опыт русского освободительного движения, стать на позиции марксизма.

Идейное сплочение женевской группы эмигрантов завершилось созданием 25 сентября 1883 года первой организации российских марксистов — группы «Освобождение труда», в которую, помимо Плеханова, вошли В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов.

В объявлении об издании «Библиотеки современного социализма» — своем первом программном документе — группа «Освобождение труда» извещала о том, что ее деятельность направлена на решение двух взаимосвязанных идейно-политических задач:

— распространение идей научного социализма путем перевода произведений Маркса и Энгельса;

— критика народнических идей и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России [1].

Важнейшее значение для пропаганды марксизма в России в 80—90-х годах XIX века имела деятельность группы «Освобождение труда» по переводу и распространению трудов Маркса и Энгельса. Перевод произведений основоположников научного социализма и их соратников осложнялся в то время тем, что марксистская терминология на русском языке еще только складывалась, и первые русские марксисты нередко выступали новаторами в ее разработке. Для тогдашнего русского читателя — рабочего и даже интеллигента — необходимы были также поясняющие текст введения и примечания. Кроме того, члены группы «Освобождение труда» считали необходимым сопровождать публикуемые переводы приложениями в виде других работ Маркса и Энгельса, дополнявших и разъяснявших основное произведение.

Первой книгой основоположников научного социализма, выпущенной в серии «Библиотека современного социализма» в январе 1884 года, был труд Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». В качестве приложения были напечатаны три главы из книги Энгельса «Анти-Дюринг» — «Теория насилия». Перевод текстов с немецкого оригинала был осуществлен В. И. Засулич.

В 1886 году также в переводе Засулич вышла книга Маркса «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона» (1847), снабженная

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903): Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 33.

приложениями — отрывком из работы Маркса «К критике политической экономии» и отрывком из его речи в Кёльне на процессе против Рейнского окружного комитета демократов в феврале 1849 года. В своем вводном замечании к последнему отрывку Засулич протестовала против выдумок бакунистов и некоторых зараженных катедер-социализмом профессоров о том, что Маркс был сторонником лишь мирного прогресса, только «законных способов действия» [1].

Тексту «Нищеты философии» были также предпосланы Предисловие Энгельса к ее первому немецкому изданию (1884), содержавшее критику воззрений Родбертуса, и письмо Маркса редактору газеты «Der Social-Demokrat» И. Б. Швейцеру от 24 января 1865 года, которое Энгельс рекомендовал поместить в качестве предисловия к русскому переводу труда Маркса, так как там давалась оценка философских взглядов Прудона [2].

Засулич перевела также две статьи Энгельса: «Внешняя политика русского царизма», написанную им специально для журнала группы «Освобождение труда» — «Социал-демократ» (1890. № 1, 2), и «О социальном вопросе в России» (1875) с Послесловием (1894) автора к последней работе (издана в 1894 году в «Библиотеке современного социализма», сер. 2, вып. 2).

Плеханову принадлежал перевод одного из главных теоретических произведений научного социализма — «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельса, выпущенный в «Библиотеке современного социализма» в 1892 году. В приложении к книге были помещены «Тезисы о Фейербахе» и отрывок из «Святого семейства» о французском материализме XVIII века. В обширных примечаниях Плеханов прослеживал развитие философских взглядов русских революционных демократов, подвергая критике мировоззрение либеральных народников.

Всего же с 1882 по 1900 год группой «Освобождение труда» было переведено и издано полностью или в виде значительных отрывков 30 произведений Маркса и Энгельса.

Переводы сочинений основоположников марксизма, а также другие издания группы «Освобождение труда», выпущенные за границей, нелегально ввозились в Россию, проникали в рабочие кружки, в среду передовой части интеллигенции, студенчества, способствуя тем самым теоретической подготовке первых российских социал-демократов. В течение ряда десятилетий переводы произведений Маркса и Энгельса, осуществленные группой «Освобождение труда», были одними из лучших. Так, упоминая в статье «Карл Маркс» о разных изданиях «Манифеста Коммунистической партии», Ленин рекомендовал перевод, осуществленный Плехановым; он, в частности, отмечал: «...полный и наиболее точный перевод этого, а равно и других произведений Маркса см. в заграничных изданиях большей частью группы «Освобождение труда»» [3].

«Profession de foi русского социал-демократизма»

Значительную роль в распространении марксистского учения в России сыграла публикация собственных произведений членов группы «Освобождение труда», посвященных критике народничества, изложению основ научного социализма, обоснованию применимости марксизма к российским условиям.

---

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903). С. 41.

[2] См.: Энгельс — Вере Ивановне Засулич, 6 марта 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 104.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 83.

Плеханов и его единомышленники стремились своими работами сделать более доступным учение Маркса для русских революционеров из рабочего класса и из среды интеллигенции, вставшей на точку зрения этого класса, и тем самым создать условия для образования партии российского пролетариата.

Российские последователи Маркса и Энгельса, критикуя ошибочность народнических взглядов на задачи революционной борьбы, искали другие пути для подготовки революции в России. В этих целях Плеханов обратился к анализу особенностей развития капитализма в России пореформенной эпохи, которые состояли прежде всего в том, что в стране еще сохранялись значительные пережитки феодально-крепостнических отношений, социальный и политический гнет самодержавно-помещичьего государства, а в духовной жизни общества были сильны реакционно-монархические, религиозные, консервативные идеологические течения.

Вместе с тем Плеханов и члены его группы не упускали из виду необходимости философско-теоретического обоснования общих задач революционной борьбы и интернационального единства национальных отрядов международного рабочего класса, выступающих против капитализма и реакции (в частности, против российского царизма, являвшегося одним из «злейших жандармов Европы»).

«Библиотеку современного социализма» открывала брошюра «Социализм и политическая борьба» (1883). В этом произведении Плеханов выступил против народников как теоретик, не только усвоивший, но и применяющий марксистское учение в единстве его составных частей.

Важнейшее место в брошюре занимала критика бланкистского понимания политической борьбы. Плеханов очень решительно отмежевался от народовольческих планов заговорщического захвата власти группой революционеров-разночинцев, устанавливающих опеку над пролетариатом. Только сам пролетариат, понявший условия своего освобождения и созревший для него, может взять государственную власть в свои руки. Плеханов подчеркивал, что диктатура рабочего класса имеет своей целью не только разрушение политического господства эксплуататорских классов, не только предотвращение ударов реакции, но и обеспечение сознательного участия производителей в организации производства, в управлении всеми функциями социально-экономической жизни, в обсуждении и решении общественных дел [1].

Вслед за Энгельсом, Плеханов показал несостоятельность утверждений народнического теоретика, проповедника российского бланкизма Ткачева о том, что слабость русской буржуазии облегчит революционный переворот, который сразу приведет страну к социализму. Плеханов исходил в то время из предположения,

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956—1958. Т. 1. С. 101—102.

что России предстоит первоначально антифеодальная революция крестьянского типа, и лишь дальнейшее развитие производительных сил, рост политической зрелости пролетариата создадут предпосылки для социалистической революции. Если общественные условия производства не созрели для социалистической организации, их не создать никакими декретами, добавлял он [1].

Хотя брошюра была посвящена главным образом политическим задачам освободительного движения, эти задачи увязывались и с проблемами экономического развития России. При этом, в характеристике Плехановым российской экономики, в его критике народнических утопий действенно сочетались научный социализм, политическая экономия, диалектический и исторический материализм. Плеханов показал, что утверждения народников о неприменимости теории научного социализма к России основаны на неправильном понимании выводов из «Капитала» Маркса и неверном истолковании фактов социально-экономического развития страны.

В брошюре разъяснялось значение марксизма как «величайшей и самой революционной общественной теории XIX века», а также подчеркивалась необходимость дальнейшего развития марксистской теории, поскольку «без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова» [2]. Вслед за установлением основных положений нового учения, утверждал Плеханов, должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов [3]. Эффективную защиту и пропаганду марксизма в этой брошюре высоко оценил впоследствии Ленин, назвав ее первым «profession de foi русского социал-демократизма» [4], то есть выражением его целей и принципов.

Плеханов о судьбах капитализма в России и о характере предстоящей революции

В 1885 году группа «Освобождение труда» выпустила в свет книгу Плеханова «Наши разногласия» — первый крупный труд русской марксистской литературы. В этом произведении Плеханов стремился развернуто ответить на наиболее острые для российских революционеров вопросы — о направленности экономического развития России и изменении ее классовой структуры, об идейно-исторических корнях народничества и его теорий, о социально-политическом характере предстоящей революции и о насущных задачах социалистов.

Главным вопросом русской общественной мысли в начале 80-х годов стал вопрос о судьбах капитализма в России. Уже во введении к своей книге Плеханов отверг абстрактно-моралистическую постановку вопроса народниками: «должна» или «не должна» Рос-

---

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 103.

[2] См. там же. Т. 1. С. 95.

[3] См. там же. С. 69—70.

[4] См.: *Ленин В. И.* По поводу «Profession de foi» // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311.

сия пройти через «школу» капитализма? Плеханов показал, что отрицание исторической неизбежности капитализма в России обусловлено субъективистской методологией народнических идеологов, в силу которой они не могут отличить необходимого от желаемого и выступают в роли метафизиков, не имеющих «ни малейшего понятия о диалектике общественного развития» [1].

Впоследствии, в 1894 году, Ленин поддержал критику Плехановым народнической постановки вопроса о судьбах капитализма в России. Плеханов, писал тогда Ленин, на вопрос: «должна ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития?» — отвечал так, «как только и мог отвечать марксист: Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересовать лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной их эволюции. Поэтому не дал он и прямого ответа на такой неправильно поставленный вопрос, а ответил вместо того так: «Россия *вступила* на капиталистический путь»» [2].

С помощью статистики, критически им использованной, Плеханов опроверг народнический миф о «народном производстве», показав, что в русской деревне идет процесс превращения натурального хозяйства в товарное путем образования домашней системы крупного ткацкого производства и что начинается уже переход от домашней мануфактуры к фабрике [3]. Как следствие развития товарного производства и денежных отношений рушились старые устои крестьянской общины, появились кулаки и обездоленные батраки, вынужденные наниматься к сельским богатеям или уходить на фабрики. И если народники, не отрицая отдельных случаев разложения общины, ссылались только на внешние неблагоприятные для нее условия (тяжелый налоговый гнет и тому подобное), то Плеханов выявлял внутренние причины ее распада, создававшие основу для нарождения в деревне частной земельной собственности [4]. Соответственным этим фактам был его вывод о будущем общины: «...по внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития... При переходе к этим последним, ей предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма...» [5]

Для Плеханова к этому времени уже выявилась наивность народнической веры в социалистический характер сельской общины, в устойчивость мелкого землевладения. Система капиталистической конкуренции в производстве хлеба, доказывал он, подчинит

---

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 135—136.

[2] *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 197—198.

[3] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 234—242.

[4] См. там же. С. 268—285.

[5] Там же. С. 347.

мелких землевладельцев неумолимым законам товарного производства, а эти законы неизбежно создадут капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника, расколют крестьянство на два враждебных лагеря — эксплуатирующего меньшинства и трудящегося большинства [1].

Злободневное звучание для критики народничества имел и анализ идейных истоков его экономических и социальных доктрин. Плеханов с иронией отмечал, что в одном из ведущих течений народничества — бакунизме — смешались утопические теории Запада с «русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона — с сельской общиной, Фурье — со Стенькой Разиным» [2].

В своей критике экономических взглядов народничества Плеханов не избежал некоторых неточностей и ошибок. Он, например, считал «неопровержимым» лассальянский «железный закон заработной платы» [3], недостаточное внимание уделял остаткам феодально-крепостнических отношений в деревне. Но в главных выводах о всеобщих закономерностях социально-экономического развития России Плеханов прочно стоял на позициях марксизма.

Одну из основных задач своих первых произведений Плеханов видел в разрушении народнических иллюзий о возможности немедленной социалистической революции. Выяснение реальных тенденций экономического и социального развития страны позволило ему с позиций научного социализма осветить перспективы освободительного движения, по-новому определить цели и задачи российских революционеров. Красной нитью через всю книгу проходит идея о необходимости скорейшего создания рабочей партии, опирающейся на марксистскую программу.

В 90-х годах Плеханов окончательно расстался со своим предположением о возможности значительно сократить стадию капитализма в России (тезис, на котором он настаивал в своих первых марксистских работах) [4]. Вслед за Чернышевским Плеханов пришел к пониманию того, что искусственно сокращенный процесс развития не всегда приносит такие же результаты, как процесс более продолжительный и естественный. Он все более утверждался в мысли о необходимости для России пройти нормальное «европейское развитие», предвидел трудности и опасности создания социализма в отсталой стране, не имеющей демократических традиций. «Нет ли основания думать,— задавался вопросом Плеханов в работе о Чернышевском,— что более или менее продолжительный процесс капиталистического развития создает такие политические, умственные и нравственные качества трудящегося клас-

---

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 288.

[2] См. там же. С. 336.

[3] См.: *Плеханов Г. В.* Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. 1. С. 54, 55.

[4] См., например: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 352—353.

са, каких мы вовсе не найдем в народе, не покидавшем в течение всей своей истории допотопных «устоев» своего быта?» [1]

Разработка программных положений российской социал-демократии

В первые же месяцы существования группы «Освобождение труда» Плеханов подготовил для нее проект программы. После его доработки в 1885 году был создан новый вариант, предназначенный уже для российского социал-демократического движения,— «Проект программы русских социал-демократов». В этом документе в основном с марксистских позиций рассматривались цели и задачи революционного движения. Отмечая, что в России трудящиеся массы находятся под двойным гнетом — развивающегося капитализма и отживающего крепостничества,— Плеханов от имени русских социал-демократов провозглашал конечную цель борьбы пролетариата — полное освобождение труда от гнета капитала. Вместе с тем, учитывая, что царский деспотизм является серьезным препятствием на пути к этой цели, в качестве первой политической задачи революционной партии он выдвигал задачу низвержения абсолютизма и завоевания демократической конституции.

Важнейший пункт проекта программы гласил: «...русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии» [2]. Социал-демократы должны направить свою агитацию прежде всего на промышленных рабочих, а затем увлечь за собой беднейшую часть крестьянства [3]. Коренные интересы крестьянства обеспечивались требованием радикального пересмотра аграрных отношений (пересмотра условий выкупа земли и наделения ею крестьянских общин). Таким образом, в программном проекте в зародыше содержалась мысль о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции.

Возможность осуществления конечных целей социал-демократии Плеханов, вслед за основоположниками научного социализма, связывал с завоеванием пролетариатом политической власти во всех или, по крайней мере, в нескольких наиболее развитых (цивилизованных) странах.

Программный проект Плеханова не был, однако, свободен от ошибок и непоследовательности, нечетких теоретических положений. Отчасти это может быть объяснено недостаточной тогда развитостью общественных отношений (что касается, прежде всего, оценки революционных потенций крестьянства). В других случаях сказывалось некритическое отношение к опыту социал-демократии Запада, в частности к Готской программе. Наконец, нельзя не учитывать и известного влияния народнических идей. Характерно, что

---

[1] *Плеханов Г. В.* Н. Г. Чернышевский // Избр. филос. произв. Т. 4. С. 140 (примеч.).

[2] *Плеханов Г. В.* Проект программы русских социал-демократов // Там же. Т. 1. С. 379.

[3] См. там же. С. 379, 380—381.

эти ошибки проекта программы 1885 года Ленин считал для того времени естественными [1].

Говоря о недостатках программных проектов группы «Освобождение труда», следует принимать во внимание условия их возникновения. В России сторонники марксизма насчитывались в то время единицами. Первые русские марксисты обращались с призывом встать под знамена социал-демократии главным образом к революционерам-народникам. Для успешности такого обращения требовались определенные тактические уступки народникам, о чем впоследствии вспоминал сам Плеханов: «Когда мы обращались к ним в своих писаниях, мы, в интересах пропаганды своих идей, становились иногда на их собственную точку зрения...» [2] Полагая невозможным, писал Плеханов в 1902 году в «Заре», «не считаться с народническими симпатиями,— скажем откровеннее: предрассудками,— тогдашних русских революционеров» [3], в программу включили требование государственной помощи производительным товариществам — весьма одобряемое народниками известное лассальянское требование «Готской программы». Условное же допущение Плехановым террора как средства политической борьбы объяснялось стремлением занять компромиссную позицию в полемике с народнической интеллигенцией, в середине 80-х годов находившейся еще под обаянием героических акций «Народной воли». Необходимо отметить, что уже в книге «Наши разногласия» Плеханов в сдержанном тоне (что объяснялось тогдашним настроением значительной части демократической интеллигенции), но вполне определенно выяснил несостоятельность террористической тактики «Народной воли». Она, по словам Плеханова, не способствовала расширению освободительного движения, сводила его к «героическим действиям небольших партизанских кучек» [4].

В «Проекте программы русских социал-демократов» (1885) впервые в концентрированном виде были сформулированы идеи научного социализма в применении к особенностям российского рабочего движения. Высказав в 1899 году ряд критических замечаний по поводу плехановского проекта, Ленин полагал, что этот проект может быть положен в основу программы российской социал-демократии [5]. Позднее, в период первой российской революции, Ленин положительно оценил аграрную часть программы Плеханова, считая верными ее принципы [6] и отмечая, что

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 222, 226.

[2] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 19. С. 242.

[3] См. там же. Т. 12. С. 214.

[4] См.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 364.

[5] См.: *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216, 217.

[6] См.: *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов // Там же. Т. 16. С. 232.

первые русские социал-демократы «сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и посейчас» [1].

Защита и пропаганда Плехановым марксистских идей

В своих работах 80-х годов Плеханов с марксистских позиций освещал коренные проблемы исторического процесса, подвергал развернутой критике субъективно-идеалистические взгляды идеологов народничества. Уже в брошюре «Социализм и политическая борьба», отметив, что научный социализм изгоняет идеализм из его последнего убежища — социологии, Плеханов разъяснял, что «научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т. е. он объясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений...» [2] Достаточно четко излагал Плеханов учение Маркса об общественно-экономических формациях, их структуре: экономическом базисе как реальной основе общества, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют известные формы общественного сознания.

Плеханов в своей брошюре защищал марксистские представления о диалектическом характере общественного развития. «История есть величайший диалектик» [3], заявлял он, отмечая, что «часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием» [4]. Вопреки теоретикам народничества, отрицавшим применимость теории научного социализма к России, Плеханов утверждал: «Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» [5]. Отвергая народнические обвинения марксизма в фатализме, Плеханов объяснял, что в истории действуют как объективные, так и субъективные факторы, но роль последних он иногда недооценивал.

В стремлении разъяснить полную несостоятельность народнического субъективизма Плеханов порою излишне абсолютизировал закономерный и необходимый характер исторического процесса, утверждая, что законы истории действуют «с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы» [6]. В условиях полемики с народниками это преувеличение было объяснимо, но оно отнюдь не свидетельствовало о фаталистическом понимании Плехановым законов общественного развития.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Пересмотр аграрной программы рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 242.
[2] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 70.
[3] Там же. С. 77.
[4] Там же. С. 77—78.
[5] Там же. С. 72.
[6] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Там же. Т. 1. С. 289.

В книге «Наши разногласия» Плеханов в остром противоборстве со сторонниками Ткачева и народовольцев, которые непомерно преувеличивали революционную миссию интеллигенции и проповедовали заговорщические способы борьбы, развивал марксистские взгляды на роль передовых идей, классов и личности в истории.

Уже в первых своих произведениях Плеханов придавал большое значение общественному сознанию, особенно революционным идеям в науке и общественной мысли, рассматривал развитие познавательной и преобразующей деятельности людей, активность человеческого мышления, связанного с практикой, как важный источник социального и научного прогресса. Он доказывал, что передовые философские и социально-политические идеи, утверждающие необходимость качественных, революционных преобразований, могут превратиться в действительность, если овладеют сознанием масс и прежде всего самого передового класса современности — пролетариата. «Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства,— писал Плеханов,— революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире» [1].

Оригинальные взгляды развивались Плехановым и в отношении экономики будущего общества. Он подходил к мысли о том, что социализм не имеет специфически присущего ему экономического механизма, выразил сомнение в возможности прямого продуктообмена, к чему склонялись тогда марксисты. Он видел «огромную долю наивности» в толках об организации обмена без денег. Эту идею он развенчивал, указывая не только на ее источник — Прудона, но и на несостоятельность ее в практической жизни. Безденежный обмен поведет, полагал он, если не к натуральному хозяйству, то к весьма замедленному развитию экономики. По его мнению, на практике этот принцип полностью реализовать не удастся, ибо рядом со «справедливым» социалистическим обменом продуктов будет неизбежно возникать, дополняя его, старый, так сказать «языческий», обмен на деньги. Плеханов предсказывал, что подобное «уродливое денежно-безденежное хозяйство» посадит на мель все социалистические планы [2].

В какой-то мере предсказание Плеханова относительно наивных иллюзий якобы последовательно социалистического прямого обмена реализовалось в практике военного коммунизма. Оказалось

---

[1] *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 95.

[2] См.: *Плеханов Г. В.* Наши разногласия // Там же. С. 341.

верным и предвидение замедленного развития хозяйства, основанного на безденежной форме обмена, а также предсказание неэффективности сочетания денежной и безденежной форм обмена.

Для теоретического воспитания первого поколения российских марксистов немалое значение имели историко-философские произведения Плеханова «Карл Маркс о французском материализме XVIII века» (1885), «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891) и фундаментальный труд о Чернышевском (1890—1892). В этих работах Плеханов стремился подчеркнуть преемственную связь русской марксистской мысли с наиболее плодотворными идеями мировой философии, с материалистическими традициями революционных демократов в России.

Ценные достижения философского наследия в России Плеханов рассматривал как источник научного мировоззрения, духовный стимул борьбы. В своих работах он ясно показал, что без знания истории философии невозможен критический подход к развитию теоретической мысли и, следовательно, нельзя понять роль революционного переворота в общественной науке, совершенного марксизмом.

Идейно-теоретическая деятельность В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода

Весомый вклад в дело пропаганды и защиты марксистской теории в России принадлежал соратникам Плеханова по группе «Освобождение труда» — В. И. Засулич (1849—1919) и П. Б. Аксельроду (1850—1928).

Первой теоретической работой, свидетельствовавшей о переходе Засулич на позиции марксизма, стало написанное ею предисловие «От переводчицы» для русского издания труда Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (Женева, 1884).

В отличие от народнических и буржуазно-либеральных авторов, воспринимавших с оговорками лишь экономическое учение Маркса, Засулич призывала революционную интеллигенцию к полному, всестороннему изучению экономических, исторических и философских воззрений научного социализма, что могло бы помочь ей найти прочную сферу деятельности в российском революционном движении [1]. Исходя из такого понимания марксистской теории, Засулич давала объективный анализ социально-экономического развития России и классовой структуры общества. Выдвигая на авансцену политической борьбы «сознательный и сильный рабочий класс», Засулич одновременно ставила вопрос о необходимости систематической пропаганды идей научного социализма среди русского пролетариата [2].

В 1886—1887 годах Засулич работала над созданием «Очерка истории Международного общества рабочих» — крупного научного труда, посвященного истории I Интернационала. Обращение Засулич к деятельности первой международной пролетарской организации, созданной и руководимой Марксом и Энгельсом, к историческому опыту борьбы основоположников марксизма с анархистскими, прудонистскими, бланкистскими теориями и раскольнической деятельностью Бакунина в Интернационале имело немаловажное значение в условиях все более обостряющегося противоборства русских марксистов с мелкобуржуазными идеологами народничества.

---

[1] См.: Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда» (1883—1903). С. 37.

[2] См. там же. С. 40—41.

«Очерк» Засулич охватывал почти всю историю I Интернационала (с 1864 по 1873 год), однако опубликовать его полностью тогда не удалось; в 1879 году отдельной брошюрой было издано только девять глав [1]. Как главное завоевание Интернационала Засулич выделяла идею пролетарской международной солидарности, направленную на объединение усилий рабочих разных стран в их борьбе за свои классовые интересы. «Интернационал,— отмечала она,— дал почувствовать рабочему классу... ту коллективную силу, которую придавало ему объединение» [2].

Уже в первых своих выступлениях на страницах нелегальных изданий группы «Освобождение труда» Засулич показала себя не только убежденным пропагандистом марксистских идей, но и серьезным исследователем проблем общественного развития России и стран Западной Европы.

Большой интерес представляют статьи Засулич, написанные на рубеже 80—90-х годов, среди которых выделяется работа, опубликованная в журнале «Социал-демократ» (1890, № 1), под названием «Революционеры из буржуазной среды». Впервые в русской революционной литературе Засулич с позиций марксистской науки провела анализ характера, причин и движущих сил революционных событий во Франции конца XVIII — середины XIX века и в Германии XIX века. Подробно освещая расстановку классов в эпоху великих буржуазных революций, она показала, что революции в основном делали пролетарии и другие люди труда, а плодами их всегда пользовалась буржуазия.

Значительное место в работе посвящено истории революционного движения в России, и в частности истории народничества 60—80-х годов, причинам возникновения этого течения и его идейной эволюции. Раскрывая читателю этапы этой эволюции, Засулич сумела показать ошибочность и бесперспективность террористической тактики народников в деле борьбы с самодержавием. Она считала, что «террор и все вызванное им настроение были сильной бурей, но в закрытом пространстве», которая только исчерпывала и истощала силы революционеров [3].

Отмечая слабость и противоречивость теоретической программы народничества 70-х годов, Засулич, так же как и Плеханов, высоко оценивала его боевой демократизм, героическую и самоотверженную борьбу за интересы народа. В то же время в народническом движении 80-х годов она сумела разглядеть процесс его идейной эволюции «вправо», на позиции либерально-буржуазные, и не только вскрыла социальные корни этого явления, но, вслед за Плехановым, подвергла его всесторонней критике.

Проблемам социал-демократического движения, критике буржуазных экономических теорий посвящал свои работы П. Б. Аксельрод.

В статье «Социализм и мелкая буржуазия», написанной одновременно с брошюрой Плеханова «Социализм и политическая борьба», Аксельрод разъяснял русским революционерам, что именно пролетариат «представляет собою как бы социальный фокус революционных стремлений нашей эпохи, концентрирующихся в идее социалистического переворота» [4]. Особое значение он придавал борьбе рабочего класса России, который должен выступить «во главе трудящихся классов своей родины на поле *всемирной* борьбы труда против капитала» [5].

В статье «Политическая роль социальной демократии и последние выборы в германский рейхстаг» (1890) Аксельрод на примере политической ситуации в Германии выделял роль социал-демократии как ведущей силы в борьбе за политическое господство рабочего класса [6].

В работе «Учение Джорджа» (1883), опубликованной в легальной печати под псевдонимом, Аксельрод критиковал народническую теорию «устойчивости»

---

[1] Первую публикацию 10—17-й глав см. сборник: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. С. 427—548. Главы 1—9 перепечатаны в кн.: *Засулич В. И.* Избранные произведения. М., 1983. С. 41—107.

[2] *Засулич В. И.* Избранные произведения. С. 107.

[3] См. там же. С. 144.

[4] См.: Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 213.

[5] См.: *Аксельрод П.* Рабочее движение и социальная демократия. Ч. 1. Господство капитала и борьба против него. Женева, 1885. С. 148.

[6] См.: Социал-демократ. Кн. 4. Женева, 1892. С. 44—45.

мелкого производства, отмечая неизбежность процесса разорения мелких производителей и возникновения наемного труда [1]. В этом вопросе Аксельрод оказался близок к оценкам учения Г. Джорджа, данным Энгельсом в статье «Рабочее движение в Америке» [2].

Историческое значение деятельности группы «Освобождение труда»

Большой интерес Маркса и Энгельса к историческим судьбам России и к ее революционному движению, активная поддержка ими русского издания «Манифеста Коммунистической партии» в переводе Плеханова способствовали установлению личных контактов, а затем дружественных связей первых русских марксистов с Энгельсом.

В марте 1884 года, отвечая на сообщение Засулич о переводе ею «Нищеты философии» на русский язык, Энгельс писал: «То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России» [3].

Получая издания группы «Освобождение труда», Энгельс все более убеждался, что ее основатели — последовательные и верные марксисты. Именно поэтому в письме к Засулич, переславшей ему книгу Плеханова «Наши разногласия», Энгельс в апреле 1885 года заявил: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше» [4].

Дружеские отношения с Энгельсом способствовали участию Плеханова и Засулич в международной рабочей печати, содействовали установлению тесных связей с социалистами Германии, Франции и балканских стран, особенно Болгарии [5].

Активная пропаганда марксизма группой «Освобождение труда» получила признание среди видных деятелей европейских социалистических партий. В 1889 году Плеханов по инициативе П. Лафарга принял участие в учредительном конгрессе II Интернационала в Париже. Это было знаменательное событие для рабочего движения России. Тем самым российские социал-демократы заявили о своей солидарности с международным рабочим классом. От имени русских социал-демократов Плеханов выступил на конгрессе с речью, которую закончил словами: «Революционное дви-

---

[1] См.: Дело. 1883. № 9. С. 57.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 345—353.

[3] Там же. Т. 36. С. 104.

[4] Там же. С. 260.

[5] Для пропаганды марксизма в Болгарии большое значение имели переводы на болгарский язык ряда произведений Маркса и Энгельса, изданные в Женеве группой «Освобождение труда».

жение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» [1].

Члены группы «Освобождение труда» прилагали много усилий для распространения марксистской литературы в России. Были установлены связи с революционными кружками в Петербурге (группы Д. Благоева и М. И. Бруснева), в Москве («Общество переводчиков и издателей»), в Вильно и других крупных городах. Поскольку в условиях подполья, в обстановке постоянных полицейских преследований этим кружкам обычно не удавалось достичь теоретической зрелости и развернуть широкую литературно-издательскую деятельность, группе «Освобождение труда» выпала роль не только теоретического центра зарождавшейся русской социал-демократии, но и заграничной издательской базы, которая снабжала местные организации революционной литературой и прежде всего переводами произведений Маркса и Энгельса. Молодые революционеры воспитывались на этой литературе, пропагандировали марксистские идеи среди передовых рабочих и студенческой молодежи и тем самым способствовали распространению идей марксизма.

Критика утопических взглядов идеологов народничества, данная в сочинениях Плеханова и его соратников, не встретила, однако, понимания в большинстве народнических кружков; кое-где книгу «Наши разногласия» даже сжигали. Тем не менее реакция революционных народников на первые труды русских марксистов не была однозначной.

В России стали появляться кружки, где с одобрением воспринимали критику народовольчества, появившуюся в момент широкого разочарования результатами этого движения, с интересом знакомились с новыми для них положениями марксистской теории. Так, в 1884 году о «прекрасной цели» группы «Освобождение труда» по «разработке социалистических теорий школы Маркса и Энгельса» с сочувствием писал подпольный белорусский журнал «Гомон» [2]. Положительно откликнулся на брошюру «Социализм и политическая борьба» и «Московский общестуденческий союз» в своем обращении «К товарищам» (январь, 1884) [3] — самом раннем из дошедших до нас откликов на программное выступление Плеханова. Еще более одобрительная оценка влияния Плеханова на образ мыслей народнических групп содержалась в вышедшем в Казани сборнике «Социальный вопрос» (1888. № 1), где прямо заявлялось о том, что труды Плеханова сделали неизбежным превращение некоторых народников в социал-демократов [4].

От резкой критики и нападок в адрес «самозваных марксистов» некоторые деятели народнического движения шли к полупризнанию, а позднее и к полному признанию теоретических работ Плеханова. Именно такую эволюцию претерпели взгляды В. Курнатовского, М. Ольминского и многих других революционеров, ставших позднее видными большевиками.

Идейно-теоретической деятельности Плеханова и его товарищей посвящено немало работ советских и зарубежных обществоведов. В 20-е годы XX века дискуссии вокруг имени первого русского марксиста принимали достаточно острые формы. Только после XX съезда КПСС стало возможным объективное исследование теоретических взглядов Плеханова и членов его группы, что нашло отражение в обшир-

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8, ч. 1. С. 86.
[2] См.: Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 135.
[3] См.: Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 172—181.
[4] См.: Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 137.

ной научной литературе [1]. Вместе с тем в некоторых работах, появившихся в 60—70-х годах на Западе, идейный облик Плеханова существенно искажался, поскольку он изображался типичным поборником буржуазной европеизации России, а его философские взгляды объявлялись примитивными [2].

В последние годы некоторые западные историки отходят от подобных ложных концепций. Это относится, например, к прогрессивным исследователям из ФРГ В. Гайерхосу и Т. Цимке, в книгах которых использован широкий круг источников, в том числе документальные материалы из советских архивов, современная советская научная литература [3]. Посвященные Плеханову и группе «Освобождение труда» исследования появились в Болгарии (А. Веков) [4], в ГДР (Д. Иена, Э. Мит) и в других социалистических странах.

Наметившиеся среди советских исследователей разногласия по отдельным, нередко существенным вопросам деятельности Плеханова получили отражение в журнальной полемике, участники которой старались опираться на ленинскую концепцию возникновения российской социал-демократии [5].

Историческую заслугу деятелей группы «Освобождение труда» Ленин видел в том, что они «восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских социал-демократов» [6]. Помогая российским революционерам овладеть теорией научного социализма, освободиться от народнических иллюзий, анархистских и бланкистских взглядов на методы и формы борьбы, группа «Освобождение труда» «сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [7]. Литературные произведения группы «стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи» [8]. Труды группы «Освобождение труда», в особенности произведения Плеханова, сохраняют свое значение как составная часть наследия марксистской мысли и сегодня.

---

[1] См., например: *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 1883—1894. М., 1959; *Иовчук М. Т.* Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М., 1960; *Чагин Б. А.* Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л., 1963; *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975; Марксистская философия в XIX веке. Кн. 2. М., 1979; *Курбатова И. Н.* Начало распространения марксизма в России. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983; Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903. Л., 1985 и ряд других работ.

[2] См., например: *Baron S. H.* Plekhanov — The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963; *Kolakowski L.* Die Hauptströmungen des Marxismus: Entstehung — Entwicklung — Zerfall. München; Zürich, 1977—1979. Bd. 2.

[3] *Geierhos W.* Vera Zasulič und die russische revolutionäre Bewegung. München, 1977; *Ziemke Th.* Marxismus und Narodničestwo. Entstehung und Wirken der Gruppe «Befreiung der Arbeit». Frankfurt am Main, 1980.

[4] *Веков А.* Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. София, 1978.

[5] См.: К вопросу об оценке группы «Освобождение труда» // Вопросы истории КПСС. 1986. № 6. С. 135—145.

[6] См.: *Ленин В. И.* Попятное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

[7] См.: *Ленин В. И.* Идейная борьба в рабочем движении // Там же. Т. 25. С. 132.

[8] См.: *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Там же. С. 95.

Возникновение социал-демократических кружков и групп в России

Вслед за группой «Освобождение труда» социал-демократические кружки стали возникать в самой России. Интеллигенты и рабочие, входившие в эти кружки, далеко не всегда разделяли последовательно марксистские взгляды, продолжали сохранять некоторые народнические иллюзии. Тем не менее марксизм за 10—12 лет (1883—1895) прочно укоренился в передовых слоях интеллигенции и рабочего класса. Этому способствовало и широкое распространение марксистской литературы в российских революционных кружках социал-демократического направления.

Первая попытка наладить издание трудов основоположников научного социализма внутри России была предпринята нелегальной группой, назвавшей себя «Обществом переводчиков и издателей».

Организаторами этой группы, возникшей в Москве в конце 1882 года, были студенты университета (В. И. Распопин и др.). «Общество» поддерживало контакты с группой «Освобождение труда», переиздало работу Плеханова «Социализм и политическая борьба», выпустило отдельной брошюрой полученное из Женевы «Письмо к товарищам».

За два года своей деятельности «Общество» нелегально издало целый ряд трудов Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал» [1], «Гражданская война во Франции», «К жилищному вопросу». Кроме того, в трех сборниках «Социалистическое знание», выпущенных «Обществом» в 1883—1884 годах, были помещены произведения Энгельса: «Развитие социализма от утопии к науке» (с примечаниями переводчиков), Введение и первые четыре главы книги «Положение рабочего класса в Англии», отрывки из «Анти-Дюринга».

О стремлении отдельных членов «Общества» к усвоению экономического учения Маркса свидетельствовала опубликованная позднее в «Юридическом вестнике» (1887. № 11 и 12) статья Распопина «Частновладельческое хозяйство в России. (По земским статистическим данным)», ставшая первым опытом марксистского анализа процесса капиталистической перестройки помещичьего хозяйства. Это исследование Ленин широко использовал в книге «Развитие капитализма в России» [2].

С целью расширения издательской деятельности «Общество переводчиков» установило непосредственную связь с Энгельсом [3], но дальнейшие планы издания произведений Маркса и Энгельса не осуществились — в 1884 году «Общество» было разгромлено полицией.

В поисках правильной революционной теории, в идейном развитии к марксизму более зрелыми оказались революционные группы Благоева, Точисского и Бруснева. Первая из них возникла в Петербурге в декабре 1883 года, позднее стала называться «Партия русских социал-демократов».

Инициаторами ее создания явились несколько революционно настроенных студентов Петербурга. Видную роль среди них сыграл студент университета

---

[1] «Манифест Коммунистической партии» был напечатан в переводе Плеханова (по женевскому изданию 1882 года), работа Маркса «Наемный труд и капитал» — в переводе Дейча (по женевскому изданию 1883 года).

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 191, 214, 232, 263, 286; ср.: Там же. Т. 1. С. 515.

[3] См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 501—504.

Димитр Благоев (1856—1924), будущий основатель Болгарской коммунистической партии и выдающийся деятель международного рабочего движения.

В своей пропаганде среди рабочих благоевцы критиковали народническую тактику заговора и террора, доказывали, что успешная освободительная борьба возможна лишь в результате активных действий народных масс, путем общенародной революции крестьян и рабочих [1]. Вслед за группой «Освобождение труда» они пришли к пониманию того, что социальная революция в России должна пройти через два этапа — буржуазно-демократический и социалистический [2]. Однако в программных установках благоевской группы содержались и непреодоленные элементы лассальянства, возникшие под влиянием Готской программы Германской социал-демократии, служившей в то время примером для деятелей социалистического движения многих стран.

«Партия русских социал-демократов» внесла новую страницу в историю рабочей печати в России, создав свой печатный орган — газету «Рабочий» (вышло всего два номера — в январе и июле 1885 года). Издание ее Ленин считал «едва ли не единственной попыткой создать с.-д. рабочую печать в России», в период с 1883 по 1895 год [3].

Заметное место в истории рабочего и социал-демократического движения в России принадлежит петербургскому «Рабочему союзу», больше известному как брусневская группа, по имени одного из своих руководителей М. И. Бруснева (1866—1937).

Петербургский «Рабочий союз» был основан революционно настроенной студенческой молодежью и рабочими-социалистами и действовал с конца 1887 до лета 1893 года. В мрачные годы реакции, под непрерывными угрозами полицейских репрессий он на протяжении почти шести лет способствовал выработке марксистского мировоззрения передовых рабочих и вел последовательную идейную борьбу с эпигонами «Народной воли», являясь наиболее разветвленной и значительной в то время из существовавших до «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» пролетарских организаций. Заслугой руководителей «Союза» явилось и то, что они стремились выйти за рамки только кружковой пропаганды, пытались оказывать посильное влияние на стихийно развивавшееся рабочее движение, внося в него элементы агитации. Организация петербургским «Рабочим союзом» политической манифестации на похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова (1891) и первомайских сходок (1891, 1892) положила начало политическим демонстрациям рабочих под флагом социал-демократизма.

Характерной особенностью в деятельности «Рабочего союза» была его приверженность идее пролетарского интернационализма. Открытым вызовом царизму и политической реакции явились публичные заявления «Союза» о своей солидарности с венгерским и польским социал-демократическим движением [4]. Благодаря же непосредственному участию польских социал-демократов во многих делах петербургской организации, идея русско-польского революционного союза получила свое реальное воплощение.

Важнейшей задачей брусневская группа считала подготовку из рабочей среды сознательных социал-демократов — вожаков, организаторов и пропагандистов,— «будущих российских Бебелей», способных самостоятельно вести революционную работу среди своих товарищей [5].

Бруснев и многие члены его группы были убежденными социал-демократами, разделяли взгляды группы «Освобождение труда». Однако, как вспоминал впо-

---

[1] См.: Программа первого в России с.-д. кружка // Былое. 1918. № 13. С. 48.

[2] См. там же. С. 43—45.

[3] См.: *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 95—96.

[4] См.: *Орехов А. М.* Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887—1893 гг. М., 1979. С. 165—166, 177.

[5] См.: *Бруснев М. И.* Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 20.

следствии участник «Рабочего союза», известный деятель партии Л. Б. Красин, мировоззрение у брусневцев, конечно, не было таким стройным и законченным, какое «в это время, несомненно, было у Г. В. Плеханова и его товарищей» [1]. И все же осознанием необходимости «объединения, обучения и организации рабочего класса» [2], популяризацией этой идеи в пролетарской среде брусневцы вносили реальный вклад в процесс слияния социализма с рабочим движением.

Одновременно с «Рабочим союзом» в Петербурге в 1891—1892 годах существовал студенческий социал-демократический кружок, во главе которого стоял Ю. О. Цедербаум (Мартов). Кружок установил связи с Плехановым, послал ему мандат на конгресс II Интернационала и даже принял название «Петербургская группа «Освобождение труда»» [3].

Социал-демократическое направление в революционных кружках зарождалось с конца 80-х годов не только в столицах, но и на периферии, в том числе в промышленных городах Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Поволжья.

В Казани началась деятельность одного из первых пропагандистов марксизма в России Н. Е. Федосеева (1871—1898).

Решающее влияние на идейное формирование Федосеева оказали произведения Маркса и Энгельса, а также некоторые работы Бебеля, Либкнехта, Каутского, Лафарга, Геда. Большую роль в становлении марксистских взглядов Федосеева сыграла книга Плеханова «Наши разногласия».

Федосеев в 1887 году установил связи с передовыми рабочими Казани, горячо выступал на тайных рабочих собраниях против народнической идеологии, тактики народовольцев. Федосееву и его товарищам удалось создать несколько кружков, на собраниях которых изучались произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, обстоятельно разбирались программы различных революционных партий и организаций. Однако выработать собственную программу в кружках Федосеева не удалось. Не успели кружковцы наладить и выпуск марксистской литературы: из подготовленных к печати книг Маркса («Нищета философии», «К критике политической экономии») и Энгельса в начале 1889 года было выпущено только гектографированное издание брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Начавшиеся летом 1889 года аресты прервали революционную деятельность Федосеева и образованных им кружков. После освобождения из тюрьмы Федосеев был выслан под надзор полиции во Владимир, где возобновил революционную работу.

Характеризуя деятельность этого пламенного революционера, Ленин впоследствии писал: «Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» [4].

---

[1] См.: *Красин Л. Б.* Дела давно минувших дней // Пролетарская революция. 1923. № 3 (15). С. 9.

[2] См.: М. И. Бруснев — Н. П. Сивохину, 22 января 1892 г. // Вопросы истории КПСС. 1968. № 11. С. 109.

[3] См.: *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». С. 245.

[4] *Ленин В. И.* Несколько слов о Н. Е. Федосееве // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 325.

Начало революционной деятельности Ленина

С конца 80-х годов начинается революционная биография Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Поступив в августе 1887 года в Казанский университет, Владимир Ульянов стал активным участником нелегального самарско-симбирского землячества, включился в деятельность революционного студенческого кружка. Члены этого кружка, по определению полиции — «крайне вредного направления», изучали марксистскую литературу, налаживали связи с рабочими.

4 декабря 1887 года в Казанском университете состоялась сходка, имевшая политическую направленность. В ее подготовке и проведении принимал деятельное участие студент Владимир Ульянов. Сходка стала для него первым боевым крещением на революционном пути. Как активный организатор студенческого выступления он был арестован и заключен в тюрьму, а затем исключен из университета и выслан в деревню Кокушкино Казанской губернии под негласный надзор полиции.

В ссылке Владимир Ульянов усердно изучал общественно-политическую литературу, произведения революционных демократов, в особенности труды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. С увлечением прочитал он и роман Чернышевского «Что делать?», в котором его привлекли художественно яркие образы революционеров, пафос борьбы за социалистические идеалы.

По возвращении в Казань из ссылки осенью 1888 года Владимир Ильич вступает в один из нелегальных кружков марксистского направления, созданных Федосеевым. В это время вполне определилось критическое отношение Владимира Ульянова к идеологии народничества. В кружках горячо обсуждались работы Плеханова, особенно книга «Наши разногласия». Плехановская критика народнических идей сыграла крупную роль в идейном развитии молодого Ленина.

Еще большее значение в начале революционной деятельности Ленина имел самарский период — с мая 1889 по август 1893 года. Именно в эти годы его настольными книгами стали первый и второй тома «Капитала», на страницах немецких и русских изданий которого остались многочисленные пометки и подчеркивания — свидетельство его упорной работы по овладению теорией научного социализма, тщательного изучения главного труда Маркса [1]. В Самаре Ленин перевел «Манифест Коммунистической партии»; к сожалению, эта рукопись не сохранилась [2].

Документом, подтверждающим огромный интерес молодого Ленина к трудам основоположников марксизма, изданным на языке оригинала, является и недавно опубликованное письмо Владимира Ильича от 27 декабря 1889 года (посланное из Самары в Лейпциг книготорговой фирме Ф. А. Брокгауза), в котором содержится просьба прислать ему второе немецкое издание I тома

[1] См.: Ленинский сборник XL. С. 160.

[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М., 1970. С. 46.

«Капитала» и книгу «К критике политической экономии» Маркса, а также произведение Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и ряд других его сочинений [1].

В Самарский период завершилось идейное развитие молодого Ленина. Когда в 1893 году Владимир Ульянов приехал в Петербург, он, по воспоминаниям Н. К. Крупской, поразил тогдашних марксистов своим знанием произведений Маркса и Энгельса [2].

* * *

В 80—90-е годы социал-демократия в России существовала еще только как идейное течение, как марксистское направление общественной мысли; она действовала без рабочего движения, отдельно от него. Разобщенность рабочего и социал-демократического движений обусловила слабость того и другого. Научный социализм, не слитый с борьбой пролетариата, оставался учением, не влиявшим активно на революционную практику, а стихийное рабочее движение, без научной теории, не могло вылиться в сознательную и организованную классовую борьбу пролетариата.

Задача соединения научного социализма с рабочим движением России начала решаться только в середине 90-х годов XIX века. Труды Плеханова подготовляли этот процесс, содействовали формированию российской социал-демократии, разработке первой программы нашей партии. Поворот в развитии социал-демократического движения был связан с превращением пролетариата в главную политическую силу общества, с теоретической и практической деятельностью Ленина и созданного им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

---

[1] См.: Новый документ Владимира Ильича Ленина // Коммунист. 1986. № 1. С. 3.

[2] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1960. С. 305.

Глава девятая

МАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВО II И III ТОМАХ «КАПИТАЛА»

Смерть автора в 1883 году прервала работу над «Капиталом», который и Маркс и Энгельс рассматривали как важнейшее, во многом итоговое произведение разработанного ими революционного учения. У Энгельса не было ни малейших сомнений в том, что отныне его главной задачей в области развития и пропаганды марксистской теории должна стать работа по подготовке к изданию следующих томов «Капитала».

Если после выхода в свет I тома «Капитала» реакция на него была более чем сдержанной, то в 70 — начале 80-х годов в научной периодике, монографической и учебной литературе «Капитал» выступает как предмет критики в прямой или косвенной форме около ста раз. В ход пущена версия о мнимом плагиате со стороны Маркса у теоретика «государственного социализма» Карла Родбертуса — версия, которую Энгельс позже опроверг в предисловии ко II тому «Капитала» [1]. Предпринимаются и попытки изобразить Маркса простым учеником классиков буржуазной политической экономии [2].

Представители разных школ и течений буржуазной экономической науки выступили единым фронтом против Марксова пони-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 10—24.

[2] «Как бы реагировали некоторые из сегодняшних его почитателей, — писала, например, либеральная «Kölnische Zeitung» в связи с кончиной Маркса,— если бы узнали, что свою теорию о труде и даже об общественно необходимом рабочем времени как мере стоимости он взял у Адама Смита?» (Их имена переживут века: Международные отклики на смерть Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М., 1983. С. 107—108). Буржуазный экономист Адольф Хельд противопоставлял «правильный метод» всей немецкой политической экономии, заключающийся прежде всего в том, что меновая стоимость трактуется как «субъективное представление», объективному методу Рикардо и Маркса (*Held A.* Sozialismus, Sozialdemokratie und Sozialpolitik. Leipzig, 1878. S. 66).

мания капитала как отношения между людьми по поводу производства, а не суммы средств производства. В противовес марксистской теории стоимости, они отстаивали тезис о полезности как внутренней мере меновой стоимости и цены «благ». Особую активность при этом проявили сторонники так называемой «новой исторической школы», или катедер-социализма (Луйо Брентано, Адольф Вагнер, Юлиус Лер, Альберт Шеффле, Густав Шмоллер и др.),— одной из разновидностей субъективно-психологического направления вульгарной политэкономии.

Эмпиризм, подмена исследования сущности капиталистического способа производства описанием тех форм, в которых на поверхности выступают производственные отношения капитализма, характерные для методологии как «новой исторической школы», так и других направлений тогдашней экономической мысли Германии («старой исторической школы», теории предельной полезности), также не обошедших «Капитал» своим вниманием, в полной мере проявились в том, что основной линией критики марксистского экономического учения стало противопоставление положений изложенной в I томе трудовой теории стоимости и прибавочной стоимости повседневному опыту, фактам реальной действительности.

Такого рода критику Энгельс предвидел еще до выхода в свет I тома «Капитала». Ознакомившись с корректурными листами, он написал Марксу, что его теория прибавочной стоимости встретит возражения со стороны вульгарных экономистов, которые станут доказывать, что весь труд рабочего оплачивается капиталистом, а из калькуляции совершенно очевидно, что в основе цены лежат издержки производства, а не стоимость. «Хоть и страшно поверхностна эта аргументация,— писал Энгельс Марксу,— ...все-таки я удивляюсь, что ты не принял это во внимание, ибо такое возражение будет тебе *наверняка* немедленно сделано, и было бы лучше заранее его устранить» [1].

Маркс тотчас же ответил, что опровергнуть такие возражения можно, лишь показав, как стоимость товара превращается в цену производства, а соответственно прибавочная стоимость — в прибыль и, далее, в среднюю прибыль. «Это предполагает предварительное изображение *процесса обращения капитала,* так как при этом играет роль оборот капитала и т. д. Поэтому данная проблема может быть изложена лишь в третьей книге (*том* II содержит вторую и третью книги). Здесь обнаружится, на чем основывается *характер представлений* филистера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь».* И далее он заметил: «Если бы я захотел *предупредить* все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод исследования. Наоборот, этот метод имеет то

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 264.

преимущество, что он *ставит* этим господам на каждом шагу *ловушки* и тем вынуждает их преждевременно обнаружить свою непроходимую глупость» [1].

Скорейший выход в свет следующих частей Марксова труда должен был захлопнуть «ловушки» и внести теоретическую ясность в решение сложнейших вопросов политической экономии.

1. II ТОМ «КАПИТАЛА»

Работа Маркса над II томом «Капитала»

Теоретическое богатство и новизна идей II тома «Капитала» во многом объясняют, почему Маркс так долго, почти четверть века, работал над ним [2] и тем не менее не успел довести начатое до конца.

Начало самостоятельных исследований Марксом процесса обращения капитала относится к 1857—1858 годам, периоду создания рукописи «Критика политической экономии». Уже здесь были поставлены такие важные вопросы, как проблема реализации общественного капитала, влияние оборота капитала на определение стоимости и др., которые впоследствии составили содержание двух отделов II тома «Капитала». Однако экономическая рукопись 1857—1858 годов была хотя и важным, но лишь первым шагом в разработке целостной концепции обращения капитала. Многие моменты не получили еще здесь отражения, другие же были только намечены, но не решены [3].

Новым этапом стала объемистая, в 200 печатных листов, рукопись 1861—1863 годов. В ней Марксу удалось продвинуться дальше в понимании внутреннего механизма капиталистической экономики, в том числе и воспроизводственных процессов.

В данной рукописи впервые проведено различие между капиталистами «класса I» и «класса II», то есть, по существу, между двумя основными подразделениями общественного воспроизводства, и тем самым заложен фундамент для создания знаменитых схем воспроизводства, впоследствии дополненных и развитых Лениным. Именно в этом черновом варианте будущего «Капитала» окончательно были сформулированы методологические принципы дальнейшего исследования, отчетливо очерчены направления развития пролетарской политической экономии. Но все же и в нем Маркс пока не дал подробного, стройного изложения своей теоретической системы. Несмотря на то что в 1857—1858 и 1861—1863 годах в первом приближении были намечены контуры всех трех частей «Капитала», предстояла еще работа по окончательному уточнению их содержания, «доводка» отдельных разделов общего плана.

В 1863—1865 годах был создан третий, последний черновик всего будущего произведения в целом. Именно тогда, весной 1865 года, возник первый реальный прообраз II тома (II книги) «Капитала», «рукопись I», по нумерации Маркса.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 266.— Впоследствии Маркс писал, что «если бы захотели сразу «объяснить» все явления, кажущиеся противоречащими закону, то пришлось бы дать науку *раньше* науки» (Там же. Т. 32. С. 461).

[2] Более подробно история работы Маркса над II томом «Капитала», а также теоретическое содержание и значение некоторых его вариантов рассмотрены в статье: *Чепуренко А. Ю.* Из истории второй книги «Капитала» Маркса // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 206—248.

[3] Подробнее см.: Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 годов). М., 1987. С. 132—152.

«Рукопись I» состояла из трех больших глав, впоследствии трансформировавшихся в отделы II тома. И по структуре, и по содержанию она представляет собой систематическое изложение учения об обращении капитала, приобретающего здесь стройный вид. Впервые сформулировано и выделено в самостоятельную главу понятие кругооборота капитала, наполнилась более глубоким содержанием глава об обороте капитала. В третьей главе намечены и рассмотрены важнейшие пункты теории воспроизводства всего общественного капитала.

Маркс не считал данную рукопись окончательной редакцией II книги: текст написан бегло, почти без редакционной правки, во второй (особенно) и в третьей главах он носит подчас почти конспективный характер, примечания лишь обозначены, но не написаны. Однако для уяснения самому себе состава и структуры книги II большего, очевидно, и не требовалось.

В 1866—1867 годах, готовя к печати I том, Маркс не оставляет надежд вскоре после его выхода завершить и II том «Капитала». С этой целью еще до появления из печати I тома он создает «рукопись III» (в ней законспектированы работы, которые, видимо, должны были быть процитированы во II томе) и «рукопись IV», которую Энгельс охарактеризовал впоследствии как «подготовленную к печати обработку первого отдела и первых глав второго отдела книги II» [1]. Однако работа над II книгой была прервана, и, решив возобновить ее в конце 1868 года, Маркс в итоге написал совершенно новый вариант II тома, «рукопись II» (1868—1870) [2].

В отличие от первого черновика 1865 года, в «рукописи II» гораздо детальнее разработаны и оборот капитала, и проблема воспроизводства — настолько подробно и обстоятельно, что вторая глава данной рукописи, об обороте капитала, стала фактически единственным источником, который был использован Энгельсом при подготовке II тома «Капитала»; да и глава III, хотя подвергалась в дальнейшем переработке, тем не менее по степени детализации составленных в ней схем воспроизводства превосходит даже окончательный текст третьего отдела II тома «Капитала». И все же Марксу было ясно, что его работа над II томом не завершилась на этом: подробнейшим образом рассмотрев, как осуществляется *простое* воспроизводство, он не проанализировал в «рукописи II» *расширенное* воспроизводство капитала (хотя предпосылки для этого, бесспорно, были созданы еще в рукописи 1861—1863 годов).

Возобновить свою работу над II томом «Капитала» Маркс смог только во второй половине 70-х годов; подготовка 2-го немецкого (1873) и авторизованного французского (1872—1875) изданий I тома «Капитала», а затем болезнь надолго прервали его исследования по вопросам, относящимся ко второй и третьей книгам.

Между апрелем 1877 и июлем 1878 года возникают V, VI и VII рукописи книги II, представляющие собой новые попытки Маркса обработать текст для печати. (Энгельс смог воспользоваться материалами этих рукописей при редактировании первого отдела II тома «Капитала» [3].) Кроме того, несколько ранее (до 5 марта 1877 года) по просьбе Энгельса, работавшего над критическим очерком истории политэкономии, который составил содержание главы X «Анти-Дюринга», Маркс детально рассматривает взгляды своих предшественников в области теории общественного воспроизводства [4].

Последним вариантом книги II «Капитала» стала «рукопись VIII», над которой Маркс работал, вероятно, между осенью 1879 и началом 1880 года (она почти целиком была использована Энгельсом при подготовке третьего отдела II тома [5]). Маркс не оставлял надежды подготовить к печати второй том «Капитала». Когда в конце 1881 года издатель Мейснер сообщил, что считает необхо-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 7.

[2] То обстоятельство, что III и IV рукописи возникли раньше II, объясняется просто: нумеруя в конце 70-х годов имеющиеся черновики II тома, Маркс сначала пометил два *полных* варианта, а затем — наброски *отдельных* частей.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 8.

[4] См. там же. Т. 20. С. 252—262; см. также: Marx-Engels-Werke. Bd. 34. S. 69—70.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 28.

димым новое, 3-е немецкое издание I тома, Маркс был «скорее недоволен» этим, ибо все свои силы хотел посвятить работе «исключительно над окончанием II тома» [1]. Однако выполнить свое намерение он не успел.

Подготовка II тома к печати

О том, насколько неотложным делом считал Энгельс скорейший выпуск в свет следующих частей «Капитала», свидетельствует тот факт, что уже вскоре после кончины друга он приступил к разбору бумаг и рукописей Маркса и 25 марта 1883 года сообщил его дочери, Лауре Лафарг, что им обнаружен сверток, в котором «оказалась бо́льшая часть, если не весь второй том «Капитала» — свыше 500 стр. ин-фолио», но тут же сделал оговорку, что не известно ни то, в какой степени том подготовлен к печати, ни то, что еще может быть найдено [2].

Более обстоятельное знакомство с рукописями позволило Энгельсу уже в конце августа 1883 года следующим образом охарактеризовать черновики II и III книг «Капитала»: «Наряду с совершенно разработанными частями — другие только в набросках, все в черновом виде, за исключением, примерно, двух глав. Цитаты в беспорядке, записаны все вместе, как попало, собраны только для того, чтобы позже сделать из них выборки» [3].

К январю 1884 года Энгельс настолько продвинулся в изучении черновиков Маркса, что мог написать П. Л. Лаврову: «Что касается второго тома, то я, наконец, начинаю в нем разбираться. Для второй книги, «Обращение капитала», для наиболее важных ее частей, для начала и конца, у нас есть варианты, сделанные в 1875 г. и позднее. Тут надо будет только привести цитаты согласно имеющимся указаниям. Для средней части книги есть не менее четырех вариантов, написанных до 1870 года; в этом единственное затруднение» [4].

Весной 1884 года Энгельс окончательно убедился в том, что подготовка к изданию второй и третьей книг будет делом весьма нелегким. Поэтому он принимает решение выпустить их отдельно — «сначала... вторую книгу «Капитала», а затем последуют третья и «Теории прибавочной стоимости»... Так дело двинется быстрее» [5].

Работа над II томом потребовала огромного напряжения сил: «...рукописи большей частью в таком состоянии, что я, для того чтобы установить только предварительную редакцию, вынужден каждый вечер работать над продиктованным,— сообщал Энгельс в одном из писем.— В настоящий момент это отнимает у меня все свободное время» [6].

И все же 31 декабря 1884 года он порадовал давнего друга Ф. А. Зорге известием о том, что книга II (около 600 печатных

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 199; см. также С. 201.
[2] См. там же. С. 389.
[3] Там же. Т. 36. С. 50.
[4] Там же. С. 83.
[5] Там же. С. 113; см. также С. 115.
[6] Там же. С. 143.

страниц) пойдет в январе в печать. Оценивая сделанное, Энгельс писал, что «поработать пришлось немало» [1]. В апреле — мае 1885 года печатание II тома «Капитала» было в основном закончено. Предисловие Энгельс подписал «в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г.» [2].

Таким образом, менее чем за два года Энгельс, завершив в 1883 году начатую Марксом работу по подготовке третьего немецкого издания I тома, проделал гигантскую, весьма кропотливую работу по разбору рукописей, сопоставлению различных вариантов и отбору для окончательной редакции, свел воедино Марксов текст, местами также его стилистически обработав. II том поистине стал трудом двоих — Маркса и Энгельса.

Содержание и теоретическое значение II тома «Капитала»

Характеризуя в одном из писем вторую книгу «Капитала», Энгельс заметил, что она «будет еще более головоломной, чем первая,— во всяком случае, в начале. Но это чудесные исследования, из которых люди впервые поймут, что такое деньги, что такое капитал и многое другое» [3]. Говоря так, он подразумевал, очевидно, первый отдел II тома, «Метаморфозы капитала и их кругооборот».

Этот отдел должен был стать своеобразным мостиком от I ко II тому «Капитала», и не случайно из восьми рукописей, относящихся к данной части Марксова труда, семь были так или иначе посвящены разработке проблем этого отдела: в том «артистическом целом», каким хотел видеть свой труд автор, переходы от одной книги к другой, от одного круга проблем к другому должны были быть безукоризненными как в теоретическом, так и в методологическом отношении.

Основное содержание I тома «Капитала» составило исследование процесса капиталистического производства. Предваряющая его сделка на рынке, в ходе которой капиталист превращает свои деньги в товар (рабочую силу и средства производства), а также завершающая процесс реализация произведенного товара, его превращение в деньги, то есть стадии Д — Т и Т — Д, исследовались там «лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания... процесса производства капитала» [4]. Теперь же, по Марксу, надлежало более подробно исследовать «те различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал и которые он то принимает, то сбрасывает при повторении кругооборота... понять эти формы в их чистом виде» [5], отвлекаясь от всех тех моментов количественного характера (несовпадение по величине реальных цен и стоимостей, возможные скачкообразные изменения величины стоимости элементов производительного ка-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 227.
[2] Там же. Т. 24. С. 24.
[3] Там же. Т. 36. С. 144.
[4] См. там же. Т. 24. С. 31.
[5] Там же. С. 31, 32.

питала в течение кругооборота под воздействием разных привходящих факторов и т. п.), которые «не имеют ничего общего со сменой форм и образованием форм как таковыми» [1].

Каковы же эти формы, которые капитал попеременно принимает и сбрасывает, совершая свой жизненный цикл? Это известные и уже, казалось бы, досконально исследованные в I томе деньги, товар, процесс производства товара. Но теперь, будучи рассмотрены как моменты движения одного и того же капитала (капитальной стоимости), как разные его ипостаси, они утрачивают свою внешнюю самостоятельность, выступают в роли (и обнаруживают свойства) денежного, товарного и производительного капитала. «Те две формы, которые капитальная стоимость принимает на стадиях своего обращения, суть формы *денежного капитала и товарного капитала;* ее форма, относящаяся к стадии производства, есть форма *производительного капитала.* Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает эти формы и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, есть *промышленный капитал;* слово промышленный употребляется здесь в том значении, в котором оно охватывает всякую, ведущуюся капиталистически отрасль производства» [2]. Предназначение денег с точки зрения всего процесса жизнедеятельности данного индивидуального капитала — купля не просто товаров, а вещественных носителей производительного капитала; функция процесса производства — не просто создание товара, но создание товара, содержащего прибавочную стоимость, а произведенный товар не просто должен быть продан, но при этом должна реализоваться произведенная прибавочная стоимость — только в этом случае товар выступает как товарный капитал.

Маркс подчеркивает, что «денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные виды капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предпринимательства» (эти обособившиеся от промышленного самостоятельные виды капитала рассматриваются позднее, на стадии исследования более конкретных форм капиталистических отношений в III томе «Капитала»). «Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает все эти три формы одну за другой» [3].

Капитал в процессе своей жизнедеятельности последовательно совершает ряд метаморфоз, переходя из формы денежного в форму производительного капитала, а из этой последней — в форму товарного капитала. Цепочка метаморфоз, смотря по тому, с какой из форм начать ее рассматривать, образует кругооборот денежного

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 32.
[2] Там же. С. 60.
[3] Там же.

капитала Д — Т... П... Т′ — Д′, производительного капитала П... Т′— Д′— Т — П или товарного капитала Т′— Д — Т... П... Т′. Кругооборот денежного капитала наиболее наглядно подтверждает, что целью капиталистического производства является нажива, увеличение размеров первоначально авансированного капитала, причем процесс производства выступает только как мимолетная фаза, «неизбежное зло» процесса накопления капитала. В кругообороте же производительного капитала, напротив, в качестве всего лишь исчезающего момента производства ради производства фигурирует процесс обращения. Наконец, в кругообороте товарного капитала обнаруживается вся важность реализации произведенной капиталистом товарной продукции как по стоимости, так и по натуральной форме для бесперебойного функционирования данного индивидуального капитала.

Кругооборот, или обращение, капитала протекает в пространстве и времени. Поскольку процесс производства и процесс простого товарного обращения выступают как моменты жизненного цикла капитальной стоимости, постольку «все время, в течение которого капитал совершает свой кругооборот, равняется... сумме времени производства и времени обращения» [1]. Время обращения, в течение которого никакой стоимости не создается, предстает на поверхности как такой же фактор процесса образования стоимости, что и время производства. На деле же, как показал Маркс, время обращения влияет на величину стоимости единственно в сторону уменьшения: чем бóльшую долю в совокупном времени кругооборота составляет время обращения, тем меньше, при прочих равных условиях, та величина, на которую возрастает капитальная стоимость, ибо тем меньше времени остается собственно на процесс производства. То же относится, естественно, и к большинству издержек обращения — за исключением тех из них, которые, строго говоря, связаны с продолжением процесса производства в сфере обращения (транспортные и т. п.).

Идеи, сформулированные Марксом в связи с рассмотрением кругооборота капитала, были чрезвычайно глубокими и совершенно новыми для политической экономии.

Исследование процесса кругооборота индивидуального промышленного капитала позволило всесторонне обосновать тезис о том, что капитал есть движение, процесс, и «поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое». А следовательно, «те экономисты, которые рассматривают самостоятельное существование стоимости как просто абстракцию, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu (в действии.— *Ред.*)» [2]. Таким образом, был сделан еще один шаг в постижении сущности буржуазного производства: капитал, который в I томе «Капитала» — впервые в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 138.
[2] Там же. С. 121.

политической экономии — был охарактеризован как производственное **отношение** (а не как совокупность средств производства), теперь предстал как **процесс,** то есть как находящийся в постоянном движении, превращении, формообразовании.

В отличие от первого во втором отделе II тома, «Оборот капитала», Маркс изложил вопросы, которые предшествующая экономическая наука своим вниманием не обошла. Однако только «Капитал» внес принципиальную ясность в их решение.

«Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс», Маркс определил как оборот капитала. Буржуазной политической экономии до Маркса не удалось согласовать тот факт, что капитал — в зависимости от того, быстрее или медленнее он оборачивается,— может принести его владельцу весьма различную прибыль, с трудовой теорией стоимости. Представлялось, будто обращение обладает некоей «капиталотворческой» силой, будто оно способно играть активную роль в образовании стоимости, причем ее величина непостижимым образом зависит от размеров всего примененного капитала, а не только той его части, которая расходуется на оплату рабочей силы.

Подвергнув весьма тщательному рассмотрению теории основного и оборотного капитала своих предшественников, прежде всего физиократов, А. Смита и Д. Рикардо, Маркс доказал, что в основе этой иллюзии, преодолеть которую оказались не в силах не только сами агенты капиталистического способа производства, но и буржуазные теоретики, лежит смешение деления капитала на постоянный и переменный с делением его на основной и оборотный капитал. Это смешение сколь неверно, столь же и закономерно, ибо взгляд ни капиталистического предпринимателя, ни теоретика-экономиста никогда не проникал под поверхность обращения, в скрытую от постороннего взгляда сферу буржуазного производства. Между тем, как было впервые показано во втором отделе II тома «Капитала», необходимо отличать ту роль, которую играют отдельные компоненты капитала в процессе самовозрастания стоимости, от той роли, которую играет их потребительная стоимость в процессе обращения, оборота капитальной стоимости.

С точки зрения процесса производства, самовозрастания капитала различаются, как выяснилось в I томе «Капитала», постоянный капитал (средства производства), стоимость которого по мере износа лишь переносится на продукт, и переменный капитал (рабочая сила), обладающий способностью создавать новую стоимость, в том числе прибавочную стоимость. С точки зрения процесса оборота выделяются основной (средства труда) и оборотный (предмет труда и рабочая сила). Различие между ними — уже не в том, переносят ли они свою стоимость на продукт или создают новую стоимость, а лишь в том сугубо формальном обстоятельстве (напомним, в начале II тома «Капитала» было подчеркнуто, что главная его задача — исследование тех форм, которые принимает в процессе своего обращения капитал, «в их чистом виде»), **как** происходит этот процесс — как однократный акт или же как длительный процесс.

При таком рассмотрении объективно возникают предпосылки для известной путаницы, которая характерна для домарксовой экономической мысли. «Определенные свойства, которыми обладают средства труда по своей натуральной форме», буржуазные экономисты, писал Маркс, «превращают в свойства непосредственно основного капитала, например, физическую неподвижность, скажем, дома. Но ведь легко показать, что другие средства труда,

которые как таковые тоже являются основным капиталом, обладают противоположными свойствами, например, физической подвижностью, как, скажем, корабль. Или же экономическую определенность формы, проистекающую из обращения стоимости, они смешивают со свойством, присущим самой вещи: как будто вещи, которые сами по себе вообще не являются капиталом, а становятся таковым лишь при определенных общественных отношениях, как будто эти вещи уже *сами по себе*, по своей природе могли бы быть капиталом в той или иной определенной форме, основным или оборотным... Но лишь при капиталистическом способе производства и средства труда и предмет труда становятся капиталом, притом «производительным капиталом»... Вместе с тем различие средств труда и предмета труда, вытекающее из природы процесса труда, проявляется в новой форме — в форме различия основного капитала и оборотного капитала» [1].

Формальные особенности оборота различных частей капитала, однако, вполне осязательно дают почувствовать себя в практике капиталистического хозяйствования. Они проявляются в различном характере авансирования, износа и возмещения основного и оборотного капитала. Если оборотный капитал, входя в процесс производства, переносит на продукт всю свою стоимость и целиком потребляется в натуральной форме, а потому и возмещаться должен регулярно и полностью, то основной капитал переносит на продукт в ходе одного производственного цикла лишь часть своей стоимости (износ), причем как потребительная стоимость он продолжает функционировать на протяжении еще более или менее продолжительного времени. Следовательно, основной капитал нуждается в возмещении как по стоимости, так и в натуральной форме лишь эпизодически, тогда как используется он в процессе производства непрерывно. Отсюда возникают такие явления, как физический и моральный износ основного капитала, его ремонт, амортизация и т. п., детально исследованные Марксом во II томе.

Наконец, на этой основе был раскрыт действительный характер воздействия времени оборота, различий в его продолжительности у равновеликих капиталов, вложенных в разные отрасли производства, на размеры авансируемого капитала, а равно и производимой за определенный период времени прибавочной стоимости. Во II томе было показано, что скорость оборота капитала, его продолжительность совершенно безразличны «для самого производства прибавочной стоимости. Последнее зависит от величины примененного переменного капитала и от степени эксплуатации труда. Но указанное обстоятельство изменяет величину того денежного капитала, который приходится авансировать для того, чтобы в течение года привести в движение определенное количество рабочей силы, и, следовательно, оно определяет годовую норму прибавочной стоимости» [2]. Это обстоятельство оказалось весьма важным для рассмотренного в III томе «Капитала», то есть на более конкретной стадии исследования, превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли и соответственно превращения прибавочной стоимости в прибыль.

Марксу удалось решить важнейшую проблему политической экономии — разграничить вопрос об источнике стоимости и прибавочной стоимости и вопрос о факторах, влияющих на их величину. Благодаря исследованию механизма оборота капитала Маркс преодолел царившую в политической экономии путаницу, которая была связана со смешением постоянного капитала с основным,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 181.
[2] Там же. С. 352.

а переменного — с оборотным, а также с непониманием принципиально различной роли в процессе образования стоимости, времени производства и времени обращения.

Здесь же, в этом отделе, была разъяснена и еще одна загадка, мучившая буржуазных экономистов и совершенно сбившая с толку Прудона, который никак не мог понять, откуда берутся «дополнительные» деньги на реализацию прибавочной стоимости, вновь созданной в процессе производства. Ответ Маркса был прост и остроумен: «...как бы это ни казалось парадоксальным на первый взгляд, класс капиталистов сам бросает в обращение те деньги, которые служат для реализации заключающейся в товарах прибавочной стоимости... Он бросает их в обращение не как авансированные деньги, следовательно, не как капитал. Он расходует их как покупательное средство в целях своего индивидуального потребления. Следовательно, класс капиталистов не авансирует этих денег, хотя он является исходным пунктом их обращения» [1].

Исследованием, проведенным в первом и втором отделах, было подготовлено составляющее огромное научное достижение рассмотрение воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Оно составило предмет заключительного, третьего отдела II тома «Капитала».

Если на предыдущих стадиях исследования речь шла все время об индивидуальном капитале, обособившейся частице всего капитала общества, то теперь Маркс поставил перед собой грандиозную задачу — понять и объяснить сам механизм процесса обращения всего общественного капитала как совокупности одновременно, разнонаправленно и самостоятельно движущихся отдельных индивидуальных капиталов.

В третьем отделе Маркс начинает свое исследование с тщательного анализа и критики своих предшественников в теории воспроизводства — физиократов и А. Смита. В сущности, уже Кенэ, основоположник возникшей на заре развития буржуазного общества и буржуазной экономической науки физиократической системы, предпринял попытку «немногими крупными штрихами» показать, «каким образом годовой продукт национального производства определенной стоимости распределяется посредством обращения так, чтобы, при прочих неизменных условиях, могло совершаться простое воспроизводство этого продукта, т. е. воспроизводство в прежнем масштабе» [2]. Хотя эта попытка и носила во многом с неизбежностью наивный характер, хотя она и была предана затем полному забвению последующими поколениями буржуазных экономистов (Маркс восстановил справедливость, вернув из небытия «Экономическую таблицу» Кенэ), автор «Капитала» увидел главное: французскому экономисту XVIII века удалось свести бесчисленные индивидуальные акты обращения в «характерно-общественное массовое движение», в обращение между «крупными функционально определенными экономическими классами общества», а также понять особенности обращения и возмещения отдельных частей всего общественного продукта по стоимости и в натуральной форме [3]. Что же до Смита, то он «в своем анализе процесса воспроизводства пошел назад» [4]. Это проявилось прежде всего в том, что Смит, как показал Маркс, ошибочно исключил из совокупной стоимости годового продукта общества такую ее составную часть, как изношенный постоянный капитал. Смит ошибочно считал, что стоимость не только может быть

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 376.
[2] Там же. С. 404.
[3] См. там же.
[4] См. там же. С. 405.

разложена на доходы отдельных классов, но что последние могут рассматриваться также и в качестве «первоисточников» всякой меновой стоимости. Этим воззрением он «широко раскрыл двери для вульгарной политической экономии» [1].

Во II томе было дано строго научное решение проблемы воспроизводства общественного капитала. Оно основывалось, во-первых, на последовательном рассмотрении процесса воспроизводства в единстве его стоимостной и натурально-вещественной сторон, во-вторых, на понимании различной функциональной роли, которую играют в потоке общественного воспроизводства различные составные части совокупного продукта, произведенного обществом (постоянный капитал, переменный капитал, прибавочная стоимость) и специфическая натуральная форма, в которой они производятся и потребляются, в-третьих, на выделении двух уровней исследования всего процесса — простого и расширенного воспроизводства.

Последовательное проведение этих основных принципов позволило Марксу свести все многообразие сфер производства и отраслей приложения промышленного капитала к двум основным подразделениям — производству средств производства (I подразделение) и производству предметов потребления (II подразделение), а стоимостную структуру продукта, W, произведенного в каждом подразделении, представить в виде суммы стоимости изношенного постоянного капитала, примененного переменного капитала и произведенной прибавочной стоимости: $c_1 + v_1 + m_1 = W_1$

$$c_2 + v_2 + m_2 = W_2.$$

Далее, исходя из сформулированных предпосылок и иллюстрируя свой анализ числовыми примерами, Маркс установил, что для нормального осуществления простого воспроизводства необходимо, чтобы осуществлялись следующие пропорции:

$$(v_1 + v_2) + (m_1 + m_2) = W_2$$
$$c_1 + c_2 = W_1.$$

Иными словами, для того чтобы рабочие и капиталисты могли реализовать заработную плату и прибавочную стоимость, то есть полностью удовлетворить свои потребности в предметах потребления, вся вновь созданная обществом стоимость по сумме должна быть равна стоимости продукта II подразделения; в то же время необходимо, чтобы были возмещены изношенные в обоих подразделениях средства производства, воспроизводством которых занимается I подразделение,— значит, суммарная стоимость их амортизации должна быть равна стоимости продукта I подразделения.

При расширенном воспроизводстве, когда не вся прибавочная стоимость «проедается» капиталистами, но определенная ее часть идет на расширение производства, эти условия несколько модифицируются:

$$v_1 + m_1 > c_2$$
$$c_1 + c_2 < W_1$$
$$(v_1 + v_2) + (m_1 + m_2) > W_2.$$

Расширяющееся воспроизводство в обоих подразделениях предполагает, иначе говоря, что вновь созданная в I подразделении стоимость не будет целиком потрачена на удовлетворение личных потребностей рабочих и капиталистов, поскольку же она воплощена в средствах производства, это означает, что некоторая их часть может пойти на расширение общественного воспроизводства, но лишь в том случае, если суммарная стоимость износа постоянного капитала общества окажется меньше, нежели стоимость продукта I подразделения, средств производства. Иначе говоря, не все произведенные обществом средства производства

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 419.

придется пустить на возмещение выбывших, некоторая часть составит потенциал расширения производства. В свою очередь, вся вновь созданная обществом стоимость должна превышать стоимостной продукт II подразделения (т. е. не будет целиком поглощена непроизводительным потреблением).

Мало того, что впервые в истории экономической науки Маркс в общем и главном выявил основные стоимостные и натурально-вещественные пропорции и очертил важнейшие встречные потоки общественного воспроизводства,— во II томе «Капитала» он также раскрыл роль и источники формирования денежной массы, обращение которой обслуживает и обеспечивает ход капиталистического воспроизводства, выяснил особенности воспроизводства отдельных составных частей совокупного стоимостного продукта общества (постоянного капитала I и II подразделений, переменного капитала и прибавочной стоимости в каждом из них и т. д.).

Таким образом, во II томе «Капитала» был сделан значительный шаг в направлении решения важнейшей задачи, выяснения того, «*как* закон стоимости прокладывает себе путь» [1]. Путем строго научного исследования было доказано, что как жизнедеятельность индивидуальных капиталов, так и функционирование всего экономического организма буржуазного общества регулируется и направляется законом стоимости, который формирует стоимостную структуру общественного продукта, управляет потоками товаров и денег.

II том «Капитала» оказал глубокое воздействие на современную экономическую науку, прежде всего обоснованной в нем методологией, позволяющей сочетать анализ экономических явлений в статике с изучением динамики народнохозяйственных процессов. На этой методологии базируется концепция народнохозяйственного планирования (межотраслевой баланс и т. д.), ее пытается использовать, «встроив» в собственную теоретическую модель, эконометрика на Западе.

Благодаря выходу второго тома «Капитала» положения I тома, которые пытались оспорить представители академической науки, прежде всего в Германии, обнаружили свою непосредственную связь с практикой хозяйственной жизни капиталистического общества.

В предисловии ко II тому Энгельс кратко охарактеризовал вначале рукописные материалы, которыми он воспользовался при подготовке к изданию II тома «Капитала», затем подробно остановился на получившем хождение еще в последние годы жизни Маркса, но особенно после его смерти, обвинении, будто теория прибавочной стоимости «списана» у немецкого экономиста И. К. Родбертуса. Опровергая этот вымысел, Энгельс не только показал несостоятельность попытки представить своего великого друга заурядным компилятором, но фактически впервые раскрыл

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 461.

читающей публике исторические корни политической экономии рабочего класса.

Критика взглядов Родбертуса дала Энгельсу возможность, во-первых, кратко охарактеризовать достижения Смита и Рикардо в трактовке основной экономической категории капиталистического способа производства — прибавочной стоимости, ибо Родбертус остался целиком «в плену тех экономических категорий, которые он нашел у своих предшественников» и, подобно Рикардо, смешивал прибавочную стоимость с одной из ее превращенных форм — с рентой [1], во-вторых, раскрыть принципиальную новизну теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса.

Энгельс указал на те решающие моменты, в которых Маркс сделал значительный шаг вперед в сравнении с классиками буржуазной политической экономии: исследование природы труда, образующего стоимость; анализ происхождения денег из товара; выяснение специфической роли товара рабочая сила во взаимном обмене капитала и труда; установление принципиальных различий между постоянным и переменным капиталом; открытие двух форм прибавочной стоимости — абсолютной и относительной; создание первой научной теории заработной платы; изложение основных черт и исторических тенденций капиталистического накопления, а потому и капиталистического способа производства вообще. Таким образом, Энгельс дал не только краткое резюме основных идей I тома, но и обрисовал вклад Маркса в развитие политической экономии.

В предисловии очень точно были сформулированы два основных противоречия, которые школа Рикардо, а в ее лице буржуазная политическая экономия вообще, оказалась не в состоянии разрешить, оставаясь на позициях трудовой теории стоимости. Домарксова экономическая наука не смогла согласовать с законом стоимости, во-первых, тот факт, что стоимость «труда», приобретаемого капиталистом, меньше стоимости производимого продукта, во-вторых, то обстоятельство, что капиталы, применяющие различное количество живого труда, приносят тем не менее одинаковую прибыль. Показав, что первая из указанных проблем уже была решена в I томе, а вторая — еще будет решена в III томе «Капитала», причем именно на базе трудовой теории стоимости, Энгельс тем самым подчеркнул, что Марксово экономическое учение прямо продолжает научные традиции классической буржуазной политической экономии и поэтому не имеет ничего общего с вульгарной политэкономией, использующей непоследовательность и ошибки школы Рикардо в решении проблемы происхождения прибавочной стоимости для дискредитации трудовой теории стоимости вообще.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 24. С. 17.

Первые отклики на II том «Капитала». Русский перевод

Уже после первого беглого ознакомления с черновыми рукописями II тома «Капитала» Энгельс проницательно заметил в одном из писем, что эта часть Марксова труда «очень разочарует вульгарных социалистов», ибо «содержит почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования процессов, которые происходят внутри самого класса капиталистов, и ничего такого, из чего можно было бы фабриковать ходкие словечки и громкие фразы» [1]. Иными словами, он предрекал II тому такую же судьбу, какая постигла первый выпуск «К критике политической экономии» (1859),— и оказался прав. Хотя в 1883 году в публикациях, появившихся в связи с кончиной Маркса в рабочей и социал-демократической прессе Европы, выражалось настойчивое пожелание, чтобы Энгельс как можно скорее довел до конца труд Маркса, однако II том «Капитала» не стал в тот период предметом широкой пропаганды, теоретики социал-демократии уделили этому произведению недостаточное внимание.

По поводу же буржуазных экономистов Германии Энгельс с иронией писал, что «немецкая «наука» глазеет на этот новый том, не будучи способной понять его; только благодетельный страх перед последствиями мешает ее представителям критиковать книгу публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание» [2]. В 1885—1890 годах появилось немногим более 10 статей и рецензий, написанных представителями «новой исторической школы» (В. Лексис, Г. Гросс, Ю. Лер, Г. Зётбеер, Г. Адлер, О. Варшауэр), теории предельной полезности (Р. Мейер, Ф. Ю. Нойман, Е. Бём-Баверк), и других течений вульгарной буржуазной политэкономии, в которых так или иначе речь заходила о II томе «Капитала». Однако, за исключением статьи и книги профессора политической экономии Густава Гросса [3], который, при несогласии с методологией и выводами Маркса, все же признал значительный вклад, внесенный им в учение об обращении и распределении благ (в частности, благодаря впервые проведенному в политической экономии различению между I и II подразделениями общественного производства), все остальные оппоненты оказались не в состоянии высказаться по существу изложенной во II томе теории. Они ограничились репликами по поводу его «тяжеловесности», «малой доступности», «большого количества абстрактных построений», выуживанием отдельных ошибок в арифметических подсчетах и т. д.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 55.

[2] Там же. С. 324.

[3] *Gross G.* Marx, Karl: Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Zweiter Band, Buch II // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Leipzig, 1886. H. 2. S. 261—270; ders. Wirtschaftsformen und Wirtschaftsprinzipien. Ein Beitrag zur Lehre von der Organisation der Volkswirtschaft. Leipzig, 1888.

Значительный резонанс вызвало появление II тома «Капитала» в России. И это неудивительно. Появления II тома основного труда Маркса ждала вся передовая общественность России, которая внимательно следила за работой над ним Энгельса.

В 1884 году в «Вестнике Народной воли», в статье «За пределами России», П. Лавров писал: «Ожидаемое издание второго тома «Капитала» Маркса, собрания его сочинений и его подробной биографии, составленной его другом и товарищем, Ф. Энгельсом, составит такое крупное явление в социалистической литературе, которому уже очень давно не было подобного» [1].

Рецензия либерального экономиста М. Герценштейна на II том «Капитала» появилась в сентябре 1885 года, то есть спустя два месяца после выхода книги в Германии. Несмотря на то, что времени на ознакомление с «новым сочинением Маркса» у московского рецензента было крайне мало, он все же заметил относительно заключительного отдела II тома: «У Маркса мы встречаем грандиозную схему, обнимающую все народное хозяйство. Когда экономисты трактовали об этом вопросе, они никогда не могли устоять на такой высоте, на которой можно было бы охватить все народное хозяйство». Объяснение механизма общественного воспроизводства, подчеркивает русский рецензент, «составляет очень трудную задачу, выполнение которой заставляет нас признать за вторым томом Маркса крупное значение в теоретической экономии» [2].

Журнал «Русское богатство» нашел необходимым напечатать в № 10—12 за 1885 год подробный реферат, в котором обстоятельно были разобраны содержание и теоретическое значение первых двух отделов II тома «Капитала». М. Филиппов, давая достаточно подробное изложение основных идей и комментируя их, отмечал, что «для читателя, умеющего вдумываться в прочитанное... отвлеченные формулы вскоре облекаются плотью и кровью, и ему становится ясной глубокая жизненность вопросов, возбужденных Марксом» [3].

Уже в конце декабря 1885 года, то есть меньше чем через полгода после выхода из печати немецкого издания, появилось русское издание II тома «Капитала». Как и вышедший в 1872 году перевод I тома, данное издание стало первым переводом новой части труда Маркса на иностранный язык. Н. Ф. Даниельсон, инициатор и один из переводчиков I тома, вновь, с согласия Энгельса, выступил в роли переводчика. С начала марта 1885 года, получая от Энгельса корректурные листы немецкого издания, Н. Ф. Даниельсон в короткий срок сумел подготовить книгу к изданию [4]. «...Изучать эту книгу — наслаждение (перевод ее уже закончен). По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Чарлзом Дарвином» [5],— писал Даниельсон Энгельсу по завершении работы.

---

[1] Вестник Народной воли. Женева. 1884. № 2. Отдел «Современное обозрение». С. 4.

[2] *Герценштейн М.* Новое сочинение Маркса // Русская мысль. М., 1885. Кн. 9, разд. XI. С. 70, 71.

[3] *Филиппов М.* Посмертный труд Карла Маркса // Русское богатство. Спб., 1885. № 10. С. 180.

[4] Подробнее см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 505—506, 509—512, 529—531; *Каратаев Н. К.* К библиографии русских изданий «Капитала» К. Маркса // Труды библиотеки АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 122—125, 132—133; *Грин Ц. И.* Переводчик и издатель «Капитала»: Очерк жизни и деятельности Н. Ф. Даниельсона. М., 1985. С. 114—128.

[5] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 520.

Даниельсон просил Энгельса написать специальное предисловие к русскому изданию. В России, считал он, мало известен Родбертус, которого Энгельс критиковал в предисловии ко II тому. Кроме того, Даниельсон опасался, что цензура не пропустит предисловия Энгельса и что это может послужить поводом к запрещению всей книги. Энгельс не счел необходимым писать особое предисловие и предоставил Даниельсону право действовать по своему усмотрению. Даниельсон оставил предисловие Энгельса почти без изменений, исключив из него лишь некоторые выражения, которые могли послужить поводом для запрещения книги, и сам написал «Предисловие к русскому изданию». В нем он дал краткое изложение содержания II тома, обратив внимание читателя на раздел о воспроизводстве, который он считал лучшим в книге. Кроме того, Н. Ф. Даниельсон высказал собственные соображения по этому вопросу.

Энгельс нашел предисловие Даниельсона превосходным, сделав лишь замечания по части терминологии.

Прогрессивная российская интеллигенция высоко оценила усилия переводчика и издателя. «Вы предприняли большое дело, решившись издать 2-й том «Капитала» в русском переводе...— говорил, в частности, в письме к Даниельсону известный экономист А. И. Чупров, который к тому времени уже был, по-видимому, знаком с оригиналом.— Я нахожу, что в этом томе очень много нового и важного в научном отношении. Конечно, он не так хорошо отделан, как первый том, и потому, пожалуй, не найдет столько читателей, но во всяком случае уважение к памяти автора привлечет внимание к этому, давно жданному произведению» [1].

В начале 90-х годов прошлого века, когда народники выступили с тезисом о слабой жизнеспособности российского капитализма вследствие узости внутреннего рынка, Ленин, опираясь главным образом на идеи отдела о воспроизводстве II тома «Капитала», смоделировал рост рынков сбыта для капиталистической индустрии. В частности, он пришел к выводу об опережающем росте I подразделения общественного производства по сравнению со II подразделением, что отражало реалии становления промышленного капитализма. Впоследствии, в ходе развернувшихся уже в первые десятилетия XX века дискуссий об империализме, идеи II тома «Капитала» вновь обрели актуальность в связи с обсуждением вопроса о том, обладает ли капитализм возможностями развития без экспансии в «мировую некапиталистическую среду» (отголоском этой дискуссии являются некоторые идеи современных леворадикальных авторов теорий «зависимого развития», «периферийного капитализма»).

[1] Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 362.

2. III ТОМ «КАПИТАЛА»

Работа Маркса над III томом «Капитала»

Уже в первоначальном варианте «Капитала» — экономической рукописи 1857—1858 годов — Маркс на основе созданной теории стоимости и прибавочной стоимости подходит к правильному решению одной из центральных проблем III тома «Капитала» — проблемы соотношения прибавочной стоимости, отражающей сущность капиталистической эксплуатации, с ее превращенной, поверхностной формой, прибылью. В конце данной рукописи Маркс на этой основе намечает научное объяснение падения нормы прибыли — факта, который не смогла истолковать вся предшествующая буржуазная политическая экономия. Тем самым был сделан первый шаг на пути к раскрытию механизма функционирования буржуазной экономики, конкретных его форм.

Значительно дальше продвинулся Маркс в экономической рукописи 1861—1863 годов — втором черновом варианте «Капитала». В XV и XVI тетрадях данной рукописи, а также в являющихся ее составной частью «Теориях прибавочной стоимости» нашло отражение большинство вопросов, которые составили основу III тома «Капитала».

Одно только перечисление проблем, которые здесь впервые раскрыты с достаточной полнотой,— издержки производства, цена производства и средняя прибыль, механизм межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, торговый и денежный капитал, земельная рента, доходы и их источники,— позволяет судить о степени разработанности в данной рукописи проблем, составивших содержание завершающей теоретической части «Капитала». О научной глубине, с которой Маркс раскрыл указанные проблемы в рукописи 1861—1863 годов, говорит тот факт, что впоследствии, при написании рукописи третьей книги, он в ряде случаев брал целые фрагменты из этого более раннего варианта, используя их в ряде будущих глав или их отдельных частях [1].

В 1863—1865 годах был создан третий черновой вариант «Капитала», в котором Маркс впервые в целостном виде изложил свое экономическое учение. Именно в этот период был написан единственный полный вариант рукописи третьей книги. Анализ процесса капиталистического производства, взятого в целом, принимает здесь те черты, которые были в основном сохранены Энгельсом в III томе. Исчерпывающую характеристику данной рукописи дал Энгельс в предисловии к III тому «Капитала». Черновой характер рукописи, представлявшей собой, по словам Энгельса, «первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами» [2], ясно свидетельствует о том, что Маркс собирался в скором времени приступить к подготовке ее к печати [3].

Уже в процессе подготовки I тома «Капитала» или, скорее всего, сразу же после того, как он вышел в свет, Маркс составил две подборки материалов, на обложках которых он записал «Относящееся ко 2-й книге» и «Относящееся к 3-й книге». Среди материалов, которые сюда включил Маркс,— два наброска

---

[1] Дословные совпадения с рукописью 1861—1863 годов сохранились и в окончательном тексте III тома «Капитала». Ср., например, главу XVI «Товарно-торговый капитал» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 301—304) с соответствующим фрагментом рукописи 1861—1863 годов (Там же. Т. 48. С. 394—400).

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 4.

[3] К этому его всячески побуждал и издатель. В своем письме Энгельсу от 7 мая 1867 года Маркс писал, что «Мейснер требует второй том не позже конца осени» (Там же. Т. 31. С. 251).

начала первой главы третьей книги, из которых Энгельс впоследствии составил первую главу III тома «Капитала» [1].

В этих же подборках находится рукопись, содержащая изложение законов нормы прибыли. Ссылки на страницы первого немецкого издания I тома «Капитала», на «рукопись I» второй книги, позволяют предположить, что данная рукопись написана летом — осенью 1867 года. И хотя окончательные сроки подготовки третьей книги становились все более неопределенными, тем не менее из переписки Маркса и Энгельса весной 1868 года видно, что в этот период Маркс вновь возвращается к работе над проблемами книги, в частности, к вышеупомянутой рукописи [2].

И в последующий период, практически до конца жизни, Маркс постоянно возвращался в своей работе к проблемам третьей книги «Капитала». Об этом свидетельствуют, в частности, тетрадь с математическими вычислениями, относящаяся, по оценке Энгельса, к 70-м годам, которая представляла «в уравнениях отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли» [3], а также небольшой фрагмент 1876 года, который Энгельс вставил в отдел о земельной ренте [4]. Сюда же следует добавить многочисленные тетради Маркса с выписками об аграрных отношениях в ряде стран, в первую очередь России и США [5], а также тетради с выписками по другим вопросам, тематически примыкающим к третьей книге «Капитала»,— денежный капитал, кредит, история торговли, банковское обращение. Но Маркс до конца своих дней так и не приступил к реализации этого замысла.

Подготовка III тома к печати

Как только издателю была отправлена последняя часть рукописи II тома, Энгельс сразу же приступил к расшифровке основной рукописи III тома «Капитала». Начав эту работу в конце февраля, он уже в июне 1885 года в письме к Бебелю сообщает, что в своей главной части рукопись продиктована переписчику. В конце июля 1885 года эта работа была завершена [6]. Столь длительный срок первоначального этапа объясняется тем, что Энгельс стремился по ходу дела начерно отредактировать те или иные части рукописи.

Но при всей своей важности расшифровка рукописи являлась лишь преддверием основной работы. Главные трудности Энгельс должен был преодолеть при редактировании. В предисловии к III тому «Капитала», отмечая особенности данной рукописи, он писал: «Как правило, начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи...» [7] Ему пришлось провести титаническую работу по упорядочению изложения и подготовить

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 6.— В этой же подборке содержатся третий и четвертый варианты начала первой главы, которые Энгельс не использовал (подробнее см.: *Казьмина И. Г.* Работа Энгельса над подготовкой к изданию третьего тома «Капитала» Маркса // Из истории марксизма. М., 1961. С. 383; *Miskewitsch L., Wygodski W.* Über die Arbeit von Marx am II. und III. Buch des «Kapitals» in den Jahren 1866 und 1867 // Marx-Engels Jahrbuch. 1985. N 8. S. 198—212).

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 55—57, 59—65.

[3] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 6.

[4] См. там же, ч. 2. С. 303—305.

[5] См., в частности, об этом письма Маркса Мейеру и Даниельсону (Там же. Соч. Т. 32. С. 459; Т. 33. С. 458).

[6] См. там же. Т. 36. С. 245, 288, 292, 324.

[7] Там же. Т. 25, ч. 1. С. 4.

текст, который возможно точнее отражал бы замысел Маркса. Кроме того, Энгельс заполнил пробелы в рукописи. Так, например, он написал главу IV, «Влияние оборота на норму прибыли», которая была лишь обозначена в рукописи. Энгельсу принадлежит более 60 примечаний, вставок и редакционных пометок, в которых он не только дополняет рукопись, но в ряде случаев развивает и уточняет ряд положений Маркса с учетом новых явлений в развитии капиталистического способа производства, обозначившихся на пороге 90-х годов XIX века.

Но и помимо тех трудностей, которые были обусловлены незавершенностью самой рукописи, целый ряд других обстоятельств затягивали ее подготовку к печати: огромная работа, связанная с участием Энгельса в германском и международном социалистическом движении, подготовка к печати новых и переиздание старых произведений Маркса. Одни только английское (1887) и 4-е немецкое (1890) издания I тома «Капитала» потребовали от Энгельса много времени и сил. Наконец, ухудшающееся здоровье не позволяло ему быстро продвигаться вперед. Тем не менее свой научный долг перед рабочим движением и памятью друга он выполнил. В 1894 году III том «Капитала» вышел в свет.

Теоретическое значение III тома «Капитала»

Научное значение III тома «Капитала» состоит прежде всего в том, что в нем завершается анализ буржуазных производственных отношений. В первом томе своего труда Маркс исследовал эти отношения так, как они складываются непосредственно в процессе производства капитала, во втором он проанализировал новые черты, налагаемые процессом обращения капитала, в третьем производство и обращение исследуются в единстве. Здесь глубоко раскрыта эксплуататорская сущность капитализма в единстве с формами ее проявления, дан всесторонний анализ процесса распределения и присвоения прибавочной стоимости, созданной всем рабочим классом, между промышленными, торговыми, денежными капиталистами и земельными собственниками. Тем самым Маркс завершил исследование экономических и социальных основ антагонистических противоречий классов буржуазного общества. Он неопровержимо доказал, что освобождение рабочего класса от эксплуатации и социальной несправедливости возможно только при условии его революционной борьбы, причем не против отдельного капиталиста или группы капиталистов, а против всего класса буржуазии, какова бы ни была конкретная сфера приложения капитала ее отдельных представителей.

Содержащийся в третьем томе анализ капиталистического способа производства и соответствующих ему экономических отношений доводится Марксом до таких конкретных форм, в которых они фигурируют в повседневной практике и обыденном сознании агентов производства.

Тем самым Маркс не только «достраивает» верхние этажи грандиознейшего здания своего экономического учения, но и завершает критику буржуаз-

ной политической экономии, которая даже в лице своих лучших представителей не смогла удовлетворительно согласовать с открытым ею внутренним принципом экономической системы — стоимостью — тех конкретных экономических форм, в которых протекает жизнедеятельность капитала. И если в первом и втором томах «Капитала» Маркс раскрывает половинчатость, а нередко и просто ошибочность взглядов своих предшественников на внутреннюю природу производственных отношений буржуазного общества, то в третьем томе он показывает несостоятельность и беспомощность буржуазной политической экономии в рассмотрении реальной формы этих отношений, формы, которая с необходимостью «весьма сильно отличается от их внутреннего, существенного, но скрытого основного содержания и на деле искажает его и противоречит как ему самому, так и соответствующему ему понятию» [1].

Поскольку представления агентов производства «скользят» по поверхности буржуазных отношений, постольку это объективно ведет к затемнению и мистификации эксплуататорской природы капиталистических производственных отношений. Поэтому в ходе своего анализа в третьем томе Маркс постоянно исследует не только новые формы капитала, порождаемые движением капиталистического производства и обращения, взятых в целом, но и прослеживает, каким образом у буржуазных экономистов все больше создается видимость самостоятельности капитала как источника прибыли.

Эта видимость явлений и послужила для вульгарной политической экономии основой для таких представлений о буржуазных производственных отношениях, которые, по сути, стали их апологией, поскольку в них отрицались эксплуатация рабочего класса буржуазией и антагонизм между ними. Так, согласно этим представлениям буржуазных экономистов, прибыль и процент есть порождение капитала, рента — земли, труд же создает только заработную плату.

Научное значение третьего тома «Капитала» состоит в доказательстве того, что прибыль, процент, рента являются превращенными формами прибавочной стоимости в сфере распределения. Это научное достижение Маркса стало возможным потому, что рассмотрению конкретных форм прибавочной стоимости предшествовал ее анализ как «общей формы» [2], данный в первом томе «Капитала». Маркс впервые в политической экономии вывел прибыль, процент и ренту из прибавочной стоимости.

Прибыль, подчеркивал он, «лишь посредством анализа надлежит выводить» из прибавочной стоимости. В этом четко выразилось принципиальное отличие методологии Маркса от метафизического метода Рикардо. Если Рикардо ставил перед собой цель (и в этом была большая заслуга для своего времени) — **согласовать** категории политической экономии с определением стоимости товара трудом, то Маркс поставил перед собой более глубокую и верную в научном отношении задачу — **вывести** все категории политической экономии из теории стоимости, проследить их развитие. Подчеркивая отличие своего анализа от метода Рикардо, Маркс писал: «У Рикардо односторонность проистекает также из следующего: он вообще хочет доказать, что различные экономические кате-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 228.
[2] См. там же. Т. 32. С. 9.

гории или отношения *не противоречат теории стоимости*, вместо того чтобы, наоборот, проследить их *развитие*, со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы, или раскрыть развитие самой этой основы» [1].

Исходная проблема, поставленная и решенная Марксом в III томе «Капитала» — образование цены производства на основе закона стоимости. Маркс начинает свое исследование с анализа нового круга отношений, в который вступает всякий индивидуальный капитал как часть общественного капитала. В качестве такового он должен воспроизвести себя, то есть реализовать полученную им в результате эксплуатации рабочих прибавочную стоимость. Такой взгляд на индивидуальный капитал с самого начала предполагал рассмотрение как отношения капитала к самому себе, так и его отношение к другим капиталам. Эти новые моменты в определении господствующего отношения буржуазного общества, каковым и является капитал, как раз и исследуются Марксом в первых двух отделах третьего тома.

Важной стороной в характеристике капитала является его самовозрастание. Эксплуататорская сущность отношения «капитал — труд» была раскрыта Марксом в первом томе при анализе непосредственного процесса производства и выражена в категории «норма прибавочной стоимости». При этом было показано, что в заработной плате оплаченным представляется весь труд, то есть в этой превращенной форме находит отражение мистификация источника прибавочной стоимости относительно наемного рабочего. В третьем же томе «Капитала» Маркс прослеживает, каким образом возрастание стоимости капитала утрачивает видимую связь с подлинным источником — с эксплуатацией наемного труда.

Уже в первом отделе при анализе превращения прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли Маркс отмечает, что стоимость капиталистически произведенного товара выступает в обыденной практике капиталистов в виде суммы издержек производства и прибыли. Но в издержках производства, которые являются необходимой формой индивидуального капитала и в которой он только и выступает на поверхности капиталистического производства, исчезает всякое различие между существенным делением капитала. «Так как при видимом образовании издержек производства нельзя обнаружить никакого различия между постоянным и переменным капиталом, то изменение стоимости, совершающееся во время процесса производства, неизбежно связывается не с переменной частью капитала, а со всем капиталом» [2].

Обращение капитала закрепляет и усиливает эту видимость. Помимо рабочего времени, капиталисту здесь приходится учитывать и время обращения, выступающее как граница для произ-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. 2. С. 160.
[2] Там же. Т. 25, ч. 1. С. 44.

водства прибавочной стоимости. Вместе с тем наблюдение действительной практики реализации товаров и получения прибыли способствует тому, что «та первоначальная форма, в которой противостоят друг другу капитал и наемный труд, замаскировывается вмешательством таких отношений, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость представляется не продуктом присвоения рабочего времени, а избытком продажной цены товара над издержками его производства...» [1]. Соответственно происходит превращение нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Именно она дает капиталисту ответ на вопрос о степени возрастания его капитала. Вместе с тем, на данном этапе прибыль не утрачивает связи с прибавочной стоимостью: прибыль количественно совпадает с прибавочной стоимостью, следовательно, непосредственно определяется эксплуатацией занятых данным капиталистом рабочих.

Если бы Маркс завершил свой анализ на данной стадии, то подобное определение прибыли противоречило бы реальной действительности, ибо выходило бы, что в различных сферах производства в силу различного органического строения капитала и скорости оборота существовали бы различные нормы прибыли для одинаковых по величине индивидуальных капиталов. Между тем на практике равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли. Именно это противоречие с законом стоимости стало камнем преткновения для рикардианской школы, а неспособность теоретически объяснить его привела в конечном счете эту школу к краху, так как этот факт порождал представление, «будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние» [2].

Маркс в ходе дальнейшего анализа во втором отделе третьего тома показывает мнимую неразрешимость этого противоречия, выясняя, каким образом именно на основе закона стоимости происходит выравнивание норм прибыли. Взаимодействие многих капиталов, предполагающее как один из важнейших моментов распределение прибавочной стоимости, есть не что иное, как конкуренция, в рамках которой индивидуальные капиталы реализуют себя как части общественного капитала. Каждый из них реализует не прибыль, равную произведенной им самим прибавочной стоимости, а среднюю прибыль. В этой последней, заключает Маркс, в снятом виде содержится, с одной стороны, отношение всего класса капиталистов к рабочему классу (производство прибавочной стоимости), с другой — отношение капиталов друг к другу (ее распределение). Цена производства и сред-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 51.
[2] Там же. С. 167.

няя прибыль, выступающие в реальной жизнедеятельности капитала, являются превращенными, мистифицирующими суть дела формами, в основе которых лежат стоимость и прибавочная стоимость, выражающие сущность капиталистического способа производства. Вместе с тем, Марксов теоретический анализ превращения стоимости в цену производства, соответственно — нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, явился в определенной мере отражением исторического развития товарного производства и обмена, ибо обмен товаров по их стоимостям требует «гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития» [1]. Маркс считал правильным «рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически как prius (предшествующее.— *Ред.*) цен производства» [2].

Анализ процесса формирования цен производства и средней прибыли позволил Марксу дать научное объяснение закону тенденции нормы прибыли к понижению.

Сам факт падения нормы прибыли отмечался и Смитом, и Рикардо. Определяя факторы роста темпов накопления капитала, Рикардо не мог не понимать, что тенденция падения нормы прибыли выражает замедление темпов роста капитала. Приближение прибыли к нулю — это «буржуазные «сумерки богов» в представлении Рикардо, день страшного суда» [3]. Для Рикардо, однако, данная объективная тенденция была непостижимой, ибо он усматривал в ней не проявление исторического, преходящего характера капитализма, а признак крушения экономической жизни общества, как такового. «...Экономисты,— писал Маркс,— считающие, подобно Рикардо, капиталистический способ производства абсолютным, чувствуют здесь, что этот способ производства сам создает себе пределы, и потому приписывают эти пределы не производству, а природе (в учении о ренте)» [4].

Маркс нашел разгадку падения нормы прибыли потому, что в отличие от предшествующей политической экономии, которая исследовала движение только индивидуального капитала, рассматривал движение совокупного общественного капитала как целого, он научно обосновал закон тенденции нормы прибыли к понижению как закон движения всего общественного капитала.

С точки зрения движения всего общественного капитала второстепенное значение имеет обособление отдельных его частей — промышленного, торгового, ссудного капиталов, получающих промышленную прибыль, торговую прибыль, процент. В связи с этим Маркс подчеркивал: «Мы намеренно даем изложение этого закона раньше, чем показали распадение прибыли на различные обособившиеся одна от другой категории... в результате этого распадения. Прибыль, о которой мы говорим здесь, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая представлена лишь в отношении ко всему капиталу... Следовательно, понижение

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 193.
[2] См. там же. С. 194.
[3] Там же. Т. 26, ч. 2. С. 604.
[4] Там же. Т. 25, ч. 1. С. 265.

нормы прибыли выражает убывающее отношение самой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, и потому оно независимо от какого бы то ни было распределения этой прибавочной стоимости между различными категориями» [1]. В третьем отделе III тома Маркс с исчерпывающей полнотой доказал, что понижение нормы прибыли является результатом развития самого общественного производства в условиях капитализма. Развитие производительных сил — это, по словам Маркса, историческая задача и оправдание капитала, воплощается в росте органического строения капитала, в уменьшении доли, приходящейся на переменный капитал.

Вместе с тем Маркс подчеркивал, что речь идет не об **абсолютном законе** падения нормы прибыли, а о **тенденции** к ее понижению, поскольку существуют противодействующие этому падению причины: повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала.

Рассматривая эти факторы, Маркс убедительно доказал, что они так или иначе связаны с усилением степени эксплуатации рабочего класса. Повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, относительное перенаселение самым непосредственным образом выражаются в росте массы прибавочной стоимости и тем самым противодействуют падению нормы прибыли. Капиталисты, таким образом, компенсируют падение нормы прибыли ростом массы прибавочной стоимости, усилением эксплуатации рабочего класса.

Анализируя тенденцию падения нормы прибыли, Маркс постоянно подчеркивает, что развитие производительных сил в рамках буржуазного общества воплощается в колоссальной концентрации капитала в руках немногих. В силу анархии и диспропорциональности развития отраслей производства накопление капитала приводит к относительному его перепроизводству, зримо проявляющемуся в периодических кризисах, в результате которых капиталистические отношения приводятся в соответствие с их новым материальным базисом. Но эти отношения вновь и вновь становятся границей для развития производительных сил, каждый раз воспроизводя в расширенном масштабе антагонистические противоречия, свойственные капиталу. Неустранимость в рамках буржуазного производства кризисов, как писал Маркс, определяется тем, что «средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала» [2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 234.
[2] Там же. С. 274.

До Маркса пытался решить проблему кризисов Сисмонди. Заслуга его состоит в самой постановке вопроса о кризисном развитии капитализма. Сисмонди указал на противоречие между производством и потреблением, однако считал его единственным противоречием капитализма и ошибочно выводил кризис из «недопотребления» народных масс.

Маркс показал, что причиной кризисов на самом деле является основное противоречие капитализма, противоречие же между производством и потреблением лишь в **конечном счете** определяет наступление кризиса. Расширение производства предметов потребления наталкивается на низкий уровень потребления народных масс, на низкий платежеспособный спрос. Кризис перепроизводства, обнаруживающийся первоначально в отраслях, производящих предметы потребления, с необходимостью захватывает и отрасли, производящие средства производства, то есть низкий уровень потребления кладет предел расширению капиталистического производства в целом. Однако некоторый период времени возможно развитие капиталистического производства за счет интенсивной работы первого подразделения, и, следовательно, противоречие между производством и потреблением не непосредственно, а лишь в конечном счете обусловливает кризис. Поэтому капитализму свойствен не **перманентный** кризис перепроизводства, как это утверждали Сисмонди и его последователи, а **периодические** кризисы, сменяющиеся периодами промышленного подъема. Капиталистическое расширение воспроизводства осуществляется циклически, материальной же основой цикла является обновление основного капитала.

Совершенно новым в политической экономии является данный в третьем томе «Капитала» анализ торгового и ссудного капиталов, торговой прибыли и процента.

Предшественники Маркса рассматривали торговый и ссудный капитал как самостоятельные формы капитала, не связанные с промышленным капиталом и существующие рядом с ним. В силу этого загадкой для них оставалась природа торговой прибыли и процента. Маркс определил торговый и ссудный капитал как обособившиеся части промышленного капитала, вскрыл источник торговой прибыли и процента, раскрыл их сущность как конкретных форм прибавочной стоимости. Обособление торгового и ссудного капиталов диктуется законами производства и воспроизводства общественного капитала и в целом целью капиталистического производства.

При рассмотрении торгового (купеческого) капитала и торговой прибыли Маркс опирается как на результаты исследования форм товарного и денежного капитала во втором томе «Капитала», так и на предшествующий анализ цены производства и средней прибыли. С точки зрения всего общественного капитала купеческий капитал есть не что иное, как находящаяся на рынке часть промышленного капитала, но такая часть, которая

теперь существует и функционирует исключительно как товарный и денежный капитал.

Соответственно определяются Марксом место и роль купеческого капитала в формировании цены производства и средней прибыли. С одной стороны, купеческий капитал, будучи капиталом обращения, выполняет операции по купле и продаже капиталистически произведенного товара. Как таковой, он не производит и не может производить никакой прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, как необходимая функциональная форма промышленного капитала, без которой последний не может обойтись, он косвенно влияет на процесс образования стоимости. Сокращая время обращения, расширяя рынок и сводя к минимуму издержки обращения в рамках всего буржуазного общества, торговый капитал способствует увеличению производимой промышленным капиталом прибавочной стоимости. Благодаря свободному переливу капитала, превращению собственно промышленного капитала в купеческий и обратно, устанавливается единая средняя норма прибыли. И купеческий капитал точно так же получает свою долю в общей массе прибыли соответственно своей величине, как и промышленный капитал.

Маркс показывает, что иллюзия, будто купеческий капитал сам по себе создает прибыль, проистекает из характерных моментов в его движении. Во-первых, хотя купеческий капитал обслуживает всего лишь смену форм капитальной стоимости, но его форма движения (Д — Т — Д′) тем не менее ничем не отличается от всеобщей формы движения капитала. А так как смешение существенных и формальных характеристик капитала присуще вульгарной политической экономии, то нет ничего удивительного, что ее представители в этом формальном тождестве видели основание для отождествления торгового капитала с промышленным, представляя его наряду с земледелием, добывающей промышленностью как всего лишь особый вид промышленного капитала. Во-вторых, видимость «самостоятельности» купеческого капитала еще больше усиливается, если рассматривать его оборот в отрыве от движения промышленного капитала. При таком подходе представляется, что купец может произвольно накидывать на цену товара ту или иную надбавку. Маркс показывает, что эта видимость проистекает из того, что одна и та же норма торговой прибыли в различных отраслях торговли в зависимости от продолжительности оборота повышает продажную цену товаров на совершенно различные в процентном отношении величины по отношению к стоимости этих товаров. Кажется, что процесс обращения, как таковой, определяет цены товаров независимо от процесса производства, тем самым в наибольшей степени проявляется мистифицирующая роль торгового капитала относительно источника стоимости. Как отмечал Маркс, «все поверхностные и превратные воззрения на процесс воспроизводства в его целом взяты из представлений о купеческом капитале и из тех представлений, которые вызываются его специфическими движениями в головах агентов обращения» [1].

Исходным и конечным пунктом жизнедеятельности всякого капитала являются деньги. Вместе с тем в процессе кругооборота капитала и шире — в ходе капиталистического воспроизводства — происходит постоянное высвобождение части капитала в денежной форме. В результате образуется и развивается особый вид капи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 343.

тала — денежный ссудный капитал. Этот денежный капитал, приносящий проценты, выступает как потенциальный капитал, который централизуется банковско-кредитной системой и в дальнейшем в форме ссуды предоставляется функционирующим капиталистам (промышленным и торговым), получающим таким образом возможность применить его как действительный капитал. Банки не создают новых капиталов, они лишь централизуют и перераспределяют посредством кредита имеющиеся в наличии свободные денежные капиталы общества, содействуют их наиболее полному использованию в самовозрастании действительного капитала. Исходя из этой роли денежного ссудного капитала в реализации цели капиталистического производства, Маркс раскрыл его содержание как товара особого рода. Банки отдают денежный капитал в ссуду функционирующим капиталистам. «Тем самым,— писал Маркс,— помимо потребительной стоимости, которой они обладают в качестве денег, они приобретают добавочную потребительную стоимость, именно ту, что они функционируют как капитал. Их потребительная стоимость состоит здесь как раз в той прибыли, которую они производят, будучи превращены в капитал» [1].

Именно капитал, приносящий проценты, в наибольшей степени обнаруживает отрыв от действительного источника прибавочной стоимости — эксплуатации рабочей силы в непосредственном процессе производства. Внутреннее движение, приводящее к образованию процента на капитал, здесь погашено, капиталистическое отношение «срастается» с деньгами как вещью. Именно в этой форме фетишизация и мистификация буржуазных производственных отношений получает свой законченный вид. Кажется, что способность самовозрастать присуща деньгам как таковым. Этому соответствует и формула движения капитала, приносящего проценты (Д — Д′); вместо действительного движения — превращения денег в капитал — здесь имеется лишь одна его бессодержательная форма. Не случайно поэтому «пристрастие» вульгарной политической экономии к ссудному капиталу, который является для нее «настоящей находкой, такой формой, в которой уже невозможно узнать источник прибыли и в которой результат капиталистического процесса производства, отделенный от самого процесса, приобретает некое самостоятельное бытие» [2].

Важным достижением Маркса в анализе движения ссудного капитала стал вывод о своеобразном «раздвоении» капитала, объективной обусловленности распадения всякого индивидуального капитала на капитал-собственность и капитал-функцию и, соответственно, прибыли — на процент и предпринимательский

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 372.
[2] См. там же. С. 432.

доход. Последний, как показал Маркс, приобретает видимость своей противоположности — форму платы за труд по надзору и управлению. Таким образом, Маркс раскрыл здесь корни явлений, которые приобрели массовый характер уже после его смерти, на монополистической стадии развития капитализма. Это рост слоя рантье, живущих стрижкой купонов, появление капиталистических предпринимателей новой формации в лице высшей прослойки управляющих крупными капиталистическими предприятиями и т. д.

Развитие ссудного капитала приводит к образованию кредитно-банковской системы, на основе которой развиваются акционерные общества. В результате возникновения этой новой формы капитала прибавочная стоимость также получает новую форму своего существования — дивиденд на акции. Акции представляют собой лишь титулы собственности, дающие право на определенный регулярный доход, являются ценными бумагами, обращаются на рынке и могут перепродаваться с прибылью. Движение капитала здесь как бы удваивается, наряду с действительным капиталом появляется бумажный дубликат — фиктивный капитал, существующий в виде изменения цены акций как ценных бумаг и обращения последних.

Маркс проанализировал также и форму денежного капитала, связанную с развитием государственного кредита. Он показал, что облигации (долговые обязательства государства) обеспечивают получение их владельцами доходов как в форме процентов по государственному долгу, источником для уплаты которых служат налоги, так и в форме прибыли от перепродажи облигаций, цена которых постоянно колеблется. Маркс разъяснил, что в отличие от акционерного капитала капитал государственного долга является иллюзорным, чисто фиктивным капиталом, так как он — бумажный дубликат несуществующего капитала. Денежные суммы, взятые государством взаймы, не применялись как капитал и не предназначались к затрате как капитал. Положения Маркса, в которых раскрыта сущность государственного долга, приобретают особое значение в наше время, когда задолженность капиталистических государств достигла угрожающе огромных размеров и продолжает расти, являясь в то же время своеобразным финансовым обеспечением усиления господства монополий.

Итак, Маркс показал, что производственные отношения шаг за шагом претерпевают дальнейшую мистификацию. Капитал, будучи специфическим отношением производства, приобретает образ вещи, притязания на доход, а капиталист утрачивает роль агента процесса производства, становясь простым собственником ценных бумаг. Вместе с тем Маркс трактовал эти явления как выражение процесса обобществления производства, а акционерные общества и кредитно-банковскую систему — как такие формы капиталистического способа производства, которые непо-

средственно подводят к более высокой ступени организации общественного производства [1].

Маркс завершает рассмотрение превращенных форм прибавочной стоимости изложением теории ренты, содержащимся в шестом отделе третьего тома «Капитала».

Проблемой ренты Маркс начал заниматься еще в начале 50-х годов в связи с изучением буржуазной политической экономии. Уже в письме к Энгельсу от 7 января 1851 года Маркс, излагая и оценивая теорию ренты Рикардо, высказал в противовес ей отдельные положения, которые, однако, скорее были постановкой проблемы ренты, чем ее окончательным решением.

Отдельные положения теории ренты содержатся и в других письмах и материалах 50—60-х годов, в частности в рукописи «Размышления», где Маркс определяет ренту как часть прибыли, и особенно в письмах к Энгельсу от 2 и 9 августа 1862 года. Имея в виду содержание этих двух писем Маркса, Ленин писал: «Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты...» [2].

В этих письмах Маркс изложил некоторые исходные позиции своей теории ренты. «Ты увидишь,— писал Маркс Энгельсу 2 августа 1862 года,— что при моем понимании «абсолютной ренты» *земельная собственность* действительно (при известных исторических условиях) *удорожает* цены на сырье. С коммунистической точки зрения это можно хорошо использовать.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то совсем *не обязательно,* чтобы *абсолютная рента* уплачивалась при всех обстоятельствах и с земель *всех категорий...* Она не выплачивается там, где — фактически или юридически — *нет собственности на землю»* [3].

Учитывая значение этих выводов, Маркс особо подчеркивал настоятельную необходимость решения проблемы абсолютной ренты, которую отрицал Рикардо. В письме к Энгельсу от 9 августа 1862 года Маркс писал: «Единственное, что я должен *теоретически* доказать, это *возможность* абсолютной ренты без нарушения закона стоимости. Это тот пункт, вокруг которого вертится *теоретический* спор со времени физиократов и до наших дней. Рикардо отрицает эту возможность; я ее утверждаю» [4].

Маркс отмечал, что ошибка Рикардо состоит здесь в том, что «он постоянно предполагает такие условия, при которых либо не существует капиталистического производства, либо не существует — фактически или юридически — *земельной собственности.* А ведь речь идет именно о том, чтобы исследовать закон при наличии этих вещей» [5].

В завершенном виде теория ренты изложена в «Капитале» Марксом на основе анализа прибавочной стоимости и решения проблемы образования средней прибыли и цены производства.

Маркс дал научное определение ренты как «добавочной прибыли», которая по своему содержанию является прибавочной стоимостью. Развивая теорию ренты, Маркс расширил предмет исследования. В отличие от предшественников, которые знали и рассматривали лишь дифференциальную ренту по плодородию земель и их расположению от рынков сбыта, он проанализировал и дифференциальную ренту, связанную с дополнительным вло-

---

[1] Так, характеризуя банковскую систему, Маркс писал, что в ней «дана форма общественного счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форма» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 156).

[2] *Ленин В. И.* Карл Маркс // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 70.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 30. С. 220.

[4] Там же. С. 225.

[5] Там же. С. 225—226.

жением капитала в землю и соответствующей интенсивному ведению сельского хозяйства. Рассматривая ее, Маркс раскрыл экономические преимущества интенсивного земледелия по сравнению с экстенсивным ведением сельскохозяйственного производства.

Маркс впервые в политической экономии дал общее понятие дифференциальной ренты как формы добавочной прибыли. Последняя по существу является избыточной прибылью сверх средней, которая образуется в результате применения отдельным капиталистом усовершенствованного метода производства. Однако она носит временный характер, присваивается этим отдельным капиталистом только до того времени, пока под воздействием конкуренции данный усовершенствованный метод производства не становится достоянием всей отрасли или ряда отраслей. Тогда избыточная прибыль исчезает и капиталист вновь получает прибыль по средней норме.

Добавочная прибыль, создаваемая в земледелии, превращается в ренту, является исключительным и постоянным преимуществом отдельных производителей сельскохозяйственных продуктов в результате того, что они монополизируют и используют естественные производительные силы, повышающие производительную силу труда. Этот естественный базис повышенной производительной силы труда возникает не из капитала, как это имеет место в промышленности при использовании капиталистом усовершенствованного метода производства, а из применения капиталом монополизированной естественной производительной силы. Добавочная прибыль, «этот избыток,— говорит Маркс,— происходит не от его капитала как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, могущей быть монополизированной, ограниченной в своих размерах, именно потому этот избыток превращается в земельную ренту» [1].

Маркс показал, что возникшая таким образом рента всегда является дифференциальной, потому что она не участвует в образовании общей цены производства, а предполагает ее как данную. Она является результатом относительного повышения производительной силы труда, создаваемого природой и монополизированного отдельным производителем. Маркс подчеркивал, что «сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда» [2].

Обе проанализированные Марксом формы дифференциальной ренты по сути едины, поскольку и та и другая представляют собой добавочную прибыль, возникающую в результате роста производительной силы труда при исключительных (по сравнению

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 197.
[2] Там же.

с другими участками земли) условиях хозяйства, безразлично, связано ли это с естественным плодородием земель, или с искусственно созданным вследствие дополнительных вложений капитала. «В таком случае ясно,— говорит Маркс,— что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней» [1].

Дифференциальная рента предполагает капиталистическую аренду земли. Здесь выступают три агента отношений — земельный собственник, капиталист-арендатор и сельскохозяйственные рабочие. Дифференциальная рента выражает не только антагонистические отношения капиталистической эксплуатации, но и противоречия между земельными собственниками и сельскохозяйственной буржуазией. Не вся добавочная прибыль принимает форму ренты и присваивается земельными собственниками, частично (до истечения срока договора) она присваивается в виде прибыли капиталистами-арендаторами. С этим связана борьба земельных собственников и арендаторов за сроки арендных договоров.

Маркс раскрыл сущность ренты и показал, что класс земельных собственников паразитирует на всем обществе в целом, включая и капиталистов, которые вкладывают капиталы в землю, необходимые для получения ренты. «Таким образом,— писал Маркс,— чем больше капитала вкладывается в землю, чем выше развитие земледелия и цивилизации вообще в данной стране, тем выше поднимается рента — как с акра, так и вся сумма рент, тем колоссальнее та дань, которую платит общество крупным землевладельцам в форме добавочной прибыли, пока все категории земли, уже освоенные, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот... И тем не менее он всегда выходит из положения благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренту вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из земли капиталистом» [2]. Огромное значение имеет созданная Марксом теория абсолютной земельной ренты.

Органическое строение капитала в земледелии ниже, чем в промышленности, и, следовательно, капитал, вложенный в землю, создает бóльшую прибавочную стоимость, чем равновеликий ему капитал в промышленности. Если бы существовало свободное приложение капитала к земле, вся созданная в сельском хозяйстве прибавочная стоимость участвовала бы в процессе распределения всей совокупной прибавочной стоимости между капиталистами. Но частная земельная собственность, говорит Маркс, выступает

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 230.
[2] Там же. С. 281.

как граница для капитала, исключает свободный перелив капитала из других отраслей хозяйства в земледелие. В связи с этим сельскохозяйственный продукт продается не по общественным ценам производства, а по стоимости. Разница между стоимостью сельскохозяйственного продукта и общественной ценой производства и составляет источник абсолютной ренты, присваиваемой наряду с дифференциальной (если речь идет о лучших и средних землях) земельными собственниками. Собственники же наихудших участков земли получают за их использование только абсолютную ренту.

Величина абсолютной ренты зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью, находится в обратном отношении к техническому прогрессу в земледелии. Причиной абсолютной ренты, а стало быть, и дороговизны является монополия частной собственности на землю.

Как и при рассмотрении дифференциальной ренты, Маркс подчеркивал реакционную роль частной земельной собственности и паразитизм класса земельных собственников.

Маркс дал анализ докапиталистических форм ренты. Отработочную, продуктовую и денежную ренту он трактовал как специфическую экономическую форму, в которой выражаются отношения господства и порабощения на различных этапах развития феодализма и зарождения в его недрах буржуазных отношений. Маркс раскрыл принципиальное отличие докапиталистической ренты от ренты при капитализме.

В последнем, седьмом отделе Маркс завершает анализ капитализма как системы буржуазных производственных отношений, он подытоживает здесь данное в третьем томе научное рассмотрение паразитических доходов буржуазных и крупных земельных собственников, источником которых является прибавочная стоимость, полученная в результате эксплуатации рабочего класса.

Опираясь на проведенный анализ природы прибыли, процента, ренты, Маркс дает аргументированную критику так называемой «триединой формулы» Сэя. Сэй и его последователи выводили нетрудовые доходы — прибыль и ренту — соответственно из капитала и земли. Раскрывая участие средств производства, земли и труда в создании товара, стоимости и прибавочной стоимости, Маркс еще раз подчеркнул паразитический характер доходов капиталистов и земельных собственников.

Разъясняя свое понимание капитала, Маркс писал, что «капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» [1]. Капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Овеществленный в средствах производства он противостоит рабочему классу как эксплуатирующая, угнетающая его сила.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 380—381.

Критикуя «триединую формулу» Сэя, Маркс дал оценку в целом вульгарной политической экономии как ненаучной, ибо она «в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства» [1].

В заключительном отделе третьего тома содержится обобщенная характеристика капитализма как исторически сложившейся системы производственных отношений, в основе которых лежит эксплуатация труда капиталом. В связи с этим Маркс указывал, что процесс капиталистического воспроизводства есть воспроизводство специфических производственных отношений — антагонистических отношений труда и капитала.

Характеризуя то общее и обязательное, что свойственно всем способам производства, независимо от их специфического характера, процессу производства и воспроизводства материальных условий существования человеческой жизни вообще, Маркс отмечал, что прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей всегда должен существовать. Однако те специфические производственные отношения, в условиях которых осуществляется этот прибавочный труд, делают его специфической категорией для каждой общественно-экономической формации.

Прибавочный продукт свойственен всем формациям. «Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д.,— замечает Маркс,— он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества» [2].

Раскрывая это положение, Маркс дал диалектическую оценку исторического места капитализма, продолжив тем самым линию, намеченную еще в «Манифесте Коммунистической партии». С одной стороны, замечал он, «капитал,— а капиталист есть лишь персонифицированный капитал и функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей, или рабочих, определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте» [3].

С другой стороны, он говорил и о «цивилизаторских сторонах капитала», понимая под ними прежде всего то, что капитализм принуждает к прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые выгоднее для развития производительных сил

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 383.
[2] Там же. С. 386.
[3] Там же. С. 385.

и создания условий для дальнейшего прогрессивного развития человечества, чем это было при прежних формах производства — при рабстве, крепостничестве. При рассмотрении этого вопроса он сформулировал методологически важные положения, которые могут быть применены (с учетом, разумеется, различий социальных отношений) и к социалистическому хозяйствованию. К ним относится указание на то, что «действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается» [1]. Исходя из этого, Маркс, в порядке прогноза, высказывался о направлении развития в будущем обществе. Основное здесь заключается в создании производительных сил и таком росте на их основе производительности общественного труда, который позволил бы сократить общественное рабочее время на производство материальных благ, создать свободное время для всестороннего совершенствования человеческой личности. Степень цивилизованности человеческого общества Маркс и Энгельс измеряли степенью развитости человеческой личности, ее свободы.

Капитализм, в силу действия его основного закона, не может создать условия для всестороннего развития членов общества. «Но постоянная тенденция капитала,— писал Маркс,— заключается, с одной стороны, в *создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд*» [2].

Только будущее коммунистическое общество, где возникнут условия для всестороннего развития человеческой личности, создаст действительное богатство, каковым Маркс считал не только изобилие материальных благ, но также и свободное время всех членов общества.

3. «КАПИТАЛ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX ВЕКА

Идейная борьба вокруг экономического учения Маркса развернулась уже в конце 60-х годов прошлого века, вскоре после выхода в свет в 1867 году первого тома «Капитала». В 80—90-е годы (в связи с появлением второго и особенно третьего томов) она значительно обострилась. От исхода полемики, которую повели с буржуазными и мелкобуржуазными критиками Энгельс и его последователи, во многом зависели судьбы марксизма как целостного учения, его влияния на международное рабочее движение.

Особое место в теоретической дискуссии уже в 80-е годы XIX века заняла проблема соотношения закона стоимости, сфор-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 2. С. 386.

[2] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // Там же. Соч. Т. 46, ч. 2. С. 217.

мулированного Марксом, и средней прибыли. Подход к решению этой проблемы впервые наметил Маркс в экономических рукописях 1861—1863 и 1863—1865 годов. На основании последней Энгельс впоследствии подготовил к печати III том «Капитала». Большой вклад в дальнейшее развитие марксистского понимания проблемы внес Энгельс в написанной им в дополнение к третьему тому и опубликованной уже после его смерти статье «Закон стоимости и норма прибыли».

Взяться за разработку этого вопроса Энгельса побудило то обстоятельство, что вслед за появлением II тома «Капитала» с его предисловием, в котором он бросил «вызов» Родбертусу и его школе, приглашая объяснить среднюю прибыль на основе закона стоимости, появилось довольно много работ, написанных, как выразился Бём-Баверк, словно бы «на соискание премии за разрешение загадки о «средней норме прибыли» и ее отношении к закону стоимости» [1]. С 1884 по 1895 год, то есть с момента выхода II тома и до появления III тома «Капитала», а затем статьи Энгельса, в европейской и американской печати появилось свыше 30 статей и даже несколько книг на эту тему.

Среди этих работ выделялись, безусловно, три отмеченные Энгельсом попытки ответа на вопрос, которые были сделаны Лексисом, Фиреманом и Шмидтом, а также статья В. В. (Воронцова) «Что такое ценность», по-видимому, неизвестная Энгельсу. Эти экономисты стремились найти решение проблемы в пределах трудовой теории стоимости, однако, будучи не в силах согласовать свое решение с Марксовой теорией, они были вынуждены «исправлять» исходные принципы, на которых построена вся система «Капитала». В сочетании с целым рядом более общих ошибок, связанных с непониманием метода «Капитала», это вело к пересмотру всего экономического учения марксизма.

И Лексис, и Воронцов, и Фиреман трактовали закон стоимости Маркса как естественный закон, присущий всем общественно-экономическим формациям, то есть в духе классической буржуазной политэкономии. В их построениях, правда, имелись некоторые различия, которые обусловливали своеобразие в понимании каждым из них Марксовой теории.

Лексис, считая законы осуществляющегося посредством конкуренции распределения прибавочной стоимости столь же вечными и неизменными, как и закон стоимости, делал вывод о том, что «естественные, нормальные, средние цены товаров, в которых выражаются нормальные меновые стоимости, не соответствуют заключенному в отдельных товарах застывшему общественно необходимому рабочему времени... Разрешение этого противоречия невозможно, если рассматривать различные виды товаров в отдельности и если их стоимость должна быть пропорциональна их цене» [2]. Лексис полагал, что закон стоимости Маркса сохраняет значимость лишь с точки зрения всего общественного продукта в целом, но не в отношении отдельных составляющих этот продукт товаров. Стоимость отдельного товара Лексис на этом основании объявляет «идеальной» и пишет, что «эти

---

[1] *Böhm-Bawerk E.* Kleinere Abhandlungen über Kapital und Zins. Leipzig, 1926. S. 324.

[2] *Lexis W.* Die Marx'sche Kapitaltheorie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, neue Folge. 1885. Bd. 11. S. 461, 462.

идеальные стоимости не получают пропорционального выражения в реальных ценах, однако с успехом могут рассматриваться как исходный пункт движения, приводящего к действительным ценам... Если Маркс на самом деле пытался в III томе своего сочинения сохранить значение своей теории стоимости вне очерченных нами рамок, то можно сразу же с уверенностью заявить, что он находится на ложном пути» [1].

Предпринятая в 1887 году попытка решения проблемы (по-видимому, неизвестная европейской научной общественности) принадлежала русскому народнику Воронцову. Он рассматривал стоимость («ценность» в его терминологии) как отношение, лежащее в основе буржуазного общества. Однако это отношение он представлял, по существу, как отношение человека к природе: «Ценность — это сумма затрат производительных сил, требующаяся для доставления человеку данного предмета, или нечто, находящееся в прямом количественном соответствии с этой затратой» [2]. Этот вечный закон производства присущ любой форме общества, однако его действие модифицируется законами распределения, которые не зависят от законов производства и являются в конечном счете фактором, обусловливающим специфическую форму организации общества. Поэтому трудовой теории стоимости отнюдь не противоречит феномен средней прибыли: дело лишь в том, что «в новейшем типическом обществе распределение продуктов основано не на принципе труда или потребностей, а на начале частной собственности» [3].

К. Шмидт попытался объяснить среднюю прибыль таким образом, чтобы в то же время сохранить применимость закона стоимости и в отношении отдельных товаров. Однако его решение приводило к такому «расширению» понятия общественно необходимого труда, которое сводило на нет отличия марксистской политэкономии от политэкономии вульгарной [4].

Тем не менее в концепции Шмидта были и рациональные моменты, развитые впоследствии Фиреманом.

Фиреман в своей статье «Критика теории стоимости Маркса» основывался в значительной мере на том, что уже было сделано Лексисом и Шмидтом, однако он пошел дальше них. Это подметил Энгельс, давший в предисловии к III тому «Капитала» довольно высокую оценку его вкладу в решение проблемы, назвав статью Фиремана «значительной» [5]. В письме Шмидту он отмечает, что Фиреман решил поставленную проблему «на две трети» [6]. Его подход был в основном лишен элементов, свойственных вульгарной политэкономии. Различие между концепцией Фиремана и решением, данным в «Капитале», высветило, по существу, неспособность рикардианства подняться до уровня марксизма в освещении этой ключевой проблемы политической экономии капитализма.

По мысли Фиремана, теория стоимости Маркса должна послужить решению двух задач: во-первых, установить принцип, лежащий в основе товарообмена; во-вторых, объяснить распределение денежных доходов между различными классами. Тем самым и может быть раскрыт механизм функционирования современного буржуазного общества. Однако позволяет ли то определение товара,

---

[1] *Lexis W.* Op. cit. S. 464, 465.

[2] *(Воронцов) В. В.* Что такое ценность? // Северный вестник. Спб. 1887. № 4. С. 15.

[3] Там же. С. 36.

[4] Анализ положительных и негативных моментов концепции, выдвинутой Шмидтом в 1889 году в книге «Средняя норма прибыли на основе закона стоимости Маркса», дан Энгельсом в предисловии к III тому «Капитала». С правильностью этого анализа согласился и сам Шмидт.

[5] К. Шмидт ознакомился с предисловием еще до выхода III тома. В письме, адресованном Энгельсу, он выразил свое несогласие со столь высокой оценкой заслуг Фиремана, считая, что последний не продвинулся в постановке и решении вопроса дальше, чем он сам (см.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 486—487).

[6] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 12 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 354.

которое дано Марксом в первой главе I тома «Капитала», решить эти вопросы? Фиреман дает отрицательный ответ: «На первых страницах «Капитала» мы читаем, что товар есть такая вещь, которая в силу своих свойств может удовлетворять различные человеческие потребности и в то же время является носителем меновой стоимости... Но подобное определение столь же подходит к капиталистически произведенному товару, сколь и к товару некапиталистическому. Совершенно непонятно, почему благодаря анализу охарактеризованного таким образом товара мы получим именно объяснение сущности капиталистического производства, а не иной формы товарного производства, например, общества простых товаропроизводителей. Напротив, данное определение применимо скорее при исследовании общества простых товаропроизводителей, ибо в нем отношения проще и отсутствует распределение денежной выручки от товаров» [1].

Фиреман приходит к утверждению, что «надежда Маркса путем анализа товаров непосредственно объяснить правило, управляющее товарообменом в обществе капиталистического товарного производства, недостаточно обоснована» [2]. По его мнению, противоречие между законом стоимости и средней прибылью неустранимо, если уже в исходном пункте, при характеристике товара, не раскрыть все основные признаки, отличающие товар буржуазного общества, и не внести целый ряд поправок к сформулированному в начале I тома «Капитала» закону стоимости. Каковы же должны быть эти поправки? Они касаются главным образом не стоимости самой по себе, а меновой стоимости.

Фиреман отмечает, что меновая стоимость (цена) товара буржуазного общества включает в себя прибыль и ренту, величина которых влияет на цену. Поэтому их следовало бы с самого начала учитывать Марксу, если бы он исследовал капиталистический товар. С другой стороны, помимо того, что товары являются продуктами труда, им присуще и то общее, что они суть материальные вещи, основу же последнего свойства, по Фиреману, образуют издержки их производства. Следовательно, при рассмотрении меновой стоимости необходимо было также привлечь к исследованию категорию издержек производства.

Далее Фиреман непосредственно сопоставляет определение стоимости, данное Марксом, с теми категориями, которые привлекаются при исследовании конкуренции и порождаемых ею отношений. Подобно Рикардо, соотнеся их друг с другом, Фиреман сознает, что логическим выводом отсюда будет отказ от трудовой теории стоимости. Поэтому он вынужден объявить, что это противоречие является внешним противоречием между вечными законами производства и законами распределения (или, как он их называет, «условно-историческими специфическими законами производства и распределения»), присущими только капитализму. Законы распределения маскируют подлинную природу законов производства, вследствие чего все основные понятия в науке о буржуазном способе производства приобретают некую двойственность. Прибавочная стоимость в виде прибыли есть условно-историческая категория, в которой существование прибыли связывается всецело с авансированным капиталом. Поэтому она и регулируется величиной этого авансированного капитала, а не величиной произведенной этим капиталом прибавочной стоимости.

Таким образом, Фиреман верно понимает, что разрешение проблемы, возникающей только в развитом буржуазном обществе, должно быть дано в рамках теории, отражающей специфику именно этого общества. Однако он не понимает, что абстракция товара (и стоимости) у Маркса и есть наиболее абстрактная характеристика *капиталистического* способа производства. Пытаясь дать науку раньше науки, он непосредственно подводит под закон стоимости, сформулированный в самом начале системы «Капитала», все богатство действительных отношений буржуазной экономики и в результате оказывается вынужденным придать закону стоимости внеисторический характер. Следовательно, несмотря на общее понимание регулирующей роли закона стоимости в общественном производстве, в общеметодологическом плане Фиреман не продвинулся дальше Смита и Торренса, недостатки построений которых Маркс показал еще в «Теориях прибавочной стои-

[1] *Fireman P.* Kritik der Marx'schen Werttheorie // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, dritte Folge. 1892. Bd. 3. S. 794.

[2] Ibid.

мости» [1]. Таковы были наиболее значительные попытки объяснения «загадки» средней прибыли исходя из закона стоимости Маркса, предпринятые до выхода в свет III тома «Капитала».

Непонимание специфически исторического характера закона стоимости и всей построенной на этом основании системы категорий «Капитала» закрывало всем вышеупомянутым авторам путь к решению задачи. Попытки же непосредственно, без анализа промежуточных звеньев сопоставить закон стоимости и фактические цены, по которым реализуются товары на капиталистическом рынке, приводили их к выводу, что трудовая теория стоимости является всего лишь рабочей гипотезой, обеспечивающей наиболее логичное, но не единственно правильное объяснение экономических явлений буржуазного общества, а закон стоимости — фикцией, хотя и необходимой в рамках теории.

«Закон стоимости и норма прибыли» Энгельса

Опубликование III тома «Капитала» во многом само по себе способствовало опровержению ошибочных взглядов на закон стоимости и среднюю прибыль у Маркса. Однако появление статей Зомбарта и Шмидта, в которых стоимость получала трактовку «мысленного, логического факта», «научной гипотезы», вынудило Энгельса вернуться к данной проблеме. В выступлениях Зомбарта и Шмидта он увидел нечто большее, нежели неточную и расплывчатую формулировку основного понятия экономического учения марксизма. Высказывания Зомбарта, который тогда выступал как сочувствующий марксизму университетский профессор, и Шмидта — одного из наиболее одаренных среди немецкой социал-демократии экономистов, свидетельствовали о кантианской трактовке марксизма в вопросах методологии. Поэтому Энгельс счел необходимым высказаться по данной теме со всей определенностью и показать, что «здесь речь идет не только о чисто логическом процессе», но что этот процесс вполне отражает реально происходящие вещи, то есть что предмет этого процесса мышления задан не им самим, а действительным историческим развитием. При этом Энгельс сосредоточил свое внимание, естественно, не на доказательстве того, что реальность закона стоимости обнаруживается в необходимом характере связи, существующей между стоимостью и ценой производства в зрелом буржуазном обществе (ибо этот аспект потребовал бы изложить заново все три теоретических тома «Капитала»), а на историческом очерке становления и развития условий действия закона стоимости в добуржуазных формациях. Обращение Энгельса к этой стороне дела было вполне оправданно, ибо исторический аспект проблемы у Маркса был лишь намечен [2], и его разработка представлялась поэтому в научном плане тем более необходимой.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. 1. С. 67; ч. 3. С. 69, 70 и др.

[2] Об этом пишет и сам Энгельс в своей статье (см. там же. Т. 25, ч. 2. С. 471).

Энгельс в своей статье исходит из того, что общая норма прибыли (а значит, и цена производства), если употребить выражение Маркса, «есть результат и не может быть исходным пунктом» [1]. Но как результат она выступает двояким образом: в процессе восхождения от абстрактного (стоимость) к конкретному (общая норма прибыли, цена производства) в теории, отображающей систему производственных отношений зрелого буржуазного общества, а также в действительном историческом процессе возникновения и развития капитала в недрах добуржуазных способов производства. Первый момент зафиксирован в «Капитале», второй — отчасти в десятой главе III тома «Капитала» и в статье Энгельса. Между двумя этими моментами существует единство.

Они тождественны, поскольку и при логическом методе, и при историческом методе воспроизведения предмета речь идет о развитии понятия о процессе, происходящем с одним и тем же определенным предметом — капиталом. Они различны, так как в одном случае исследуется логика объекта, развивающегося на собственной основе, в другом случае — процесс его исторического становления. Историческое изложение носит подчиненный характер, ибо теоретически верно представить историю развития товара (стоимости) и превращения обмена по стоимости в обмен по ценам производства можно только в том случае, когда уже понято, что такое стоимость и цена производства в развитом состоянии, то есть когда выявлены их определения и раскрыто их отношение в рамках капиталистического способа производства. Последнее же достигается как результат применения логического метода развития теории, поскольку он обеспечивает проникновение в сущность цены производства — стоимость,— позволяет раскрыть роль стоимости в системе отношений развитого капитализма, как наиболее общей и абстрактной формы.

В то же время историческое изложение данного вопроса возможно, так как цена производства (и общая норма прибыли), в отличие от стоимости, есть вполне конкретное, эмпирически данное, «осязаемое» отношение, которое может быть показано методом перехода от предшествовавшего конкретного к данному конкретному, то есть историческим методом.

Исторический очерк вопроса был необходим, поскольку только так можно было наглядно и убедительно продемонстрировать, что теория, развитая в «Капитале», есть отражение, слепок действительных экономических отношений, и показать подлинную, а не мнимую преемственность в историческом развитии общества.

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 191.

Буржуазная критика «Капитала». Бём-Баверк

Когда третий том «Капитала» вышел из печати и «тайна» средней прибыли была научно объяснена через рассмотрение превращения стоимости в цену производства, буржуазные критики перешли от попыток опровергнуть Маркса «извне» к попыткам разрушить его теорию «изнутри», пытаясь найти в «Капитале» ошибки, внутренние противоречия.

Историческая школа с ее отрицанием существования объективных экономических законов, со сведением политической экономии к истории народного хозяйства оказалась бессильной объяснить социально-экономические процессы капитализма. Широкое распространение марксизма и рост рабочего движения вынуждали буржуазных экономистов заняться выработкой такой теории, которую можно было бы противопоставить экономической теории Маркса.

В 70—80-х годах XIX века возникло новое направление буржуазной политической экономии — теория предельной полезности, которая фактически стала господствующей теорией. Большую роль в распространении этой теории сыграли работы австрийского экономиста Е. Бём-Баверка.

Бём-Баверк подверг критике уже не отдельные, произвольно выхваченные места и положения учения, а объявил теоретически несостоятельной всю теорию Маркса. Еще в 1884 году в работе «История и критика теорий прибыли» он выступил против теории стоимости Маркса, изложенной в I томе «Капитала» [1]. После выхода в свет III тома Бём-Баверк написал книгу, специально посвященную критике всего учения,— «К завершению Марксовой системы» [2].

Фундаментом экономической теории Маркса является теория стоимости. Против нее-то и выступил Бём-Баверк. Согласно Бём-Баверку, у товара, или блага, имеется множество других свойств, помимо стоимости: он может обладать той или иной степенью редкости по отношению к потребности, быть предметом спроса и предложения, предметом присвоения, продуктом природы и т. д. Маркс, по мнению Бём-Баверка, применяет совершенно произвольные приемы, делая именно стоимость основой соизмеримости благ. В «Капитале» он якобы пришел к своим выводам не в результате изучения фактического материала, а путем подгонки их под заранее сформулированные выводы. Сам ход доказательств со-

---

[1] *E. von Böhm-Bawerk.* Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. Innsbruck, 1884. S. 363.

[2] *E. von Böhm-Bawerk.* Zum Abschluss des Marx'schen Systems. Berlin, 1896.— В русле идей Бём-Баверка выдержаны нападки и других представителей теории предельной полезности, появившиеся в это время (*Mühlpfort.* Karl Marx und die Durchschnittsprofitrate // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 3. Folge. 10. Bd. Jena. 1895. S. 92 ff.; *Komorzynski.* Der dritte Band von Karl Marx «Das Capital» // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. Sechster Band, Prag, Wien, Leipzig, 1897. S. 242 ff.).

стоит, как считает Бём-Баверк, из большого числа самых явных логических и методологических ошибок, которые лишают анализ Маркса всякой доказательности.

Одна из главных ошибок Маркса, полагал Бём-Баверк, заключалась в том, что он для обоснования своих положений предпочитал путь чисто логического доказательства, диалектической дедукции из сущности обмена и игнорировал «вполне естественный вид доказательства, именно — *психологический*». Маркс не исследовал мотивы, которые управляют людьми в обмене при определении цен. Между тем именно из характера этих мотивов, по мнению Бём-Баверка, и можно было бы сделать вывод о типичном способе действия людей, и, следовательно, о той зависимости, которая существует между ценами товаров и количеством труда, необходимого для производства товаров. Только такой метод дает наилучший результат [1].

По Бём-Баверку, стоимость товаров определяется субъективной оценкой покупателя и зависит от субъективного ощущения насыщения потребности. Методологическая основа теории Бём-Баверка заключается в том, что он пытается объективное общественное отношение вывести из индивидуального отношения, которое может служить исходным пунктом лишь для субъективных оценок.

С таких позиций объяснить законы развития общества было невозможно, и Бём-Баверк фактически объявлял капитализм вечной формой общественного производства. Напротив, Марксов анализ товара необходимо приводит к выводу об исторической обусловленности буржуазного способа производства. «Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными и специфические особенности формы стоимости, следовательно особенности формы товара, а в дальнейшем развитии — формы денег, формы капитала и т. д.» [2]

Исходя из своих методологических предпосылок, Бём-Баверк основной порок учения Маркса усматривал в пресловутом противоречии между I и III томами «Капитала». Бём-Баверк утверждал, что выводы третьего тома стоят в резком противоречии с выводами, сделанными в первом томе; экономическая теория Маркса не выдержала испытания при соприкосновении с действительностью; закон стоимости теряет свою силу в условиях капиталистического хозяйства; решение проблемы средней прибыли в III томе основывается якобы на отказе от закона стоимости.

---

[1] См.: *Бём-Баверк*. Критика теории Маркса. М., (б. г.). С. 74—75.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 91.

Таким образом, критика со стороны Бём-Баверка сводилась главным образом к противопоставлению существенных внутренних закономерностей развития капиталистического способа производства и тех превращенных форм, в которых они выступают на поверхности — и в сознании рядового агента буржуазного производства. При этом австрийскому экономисту оказалось совершенно недоступным понимание раскрытой в «Капитале» диалектической связи между стоимостью, прибавочной стоимостью и ценой производства, средней прибылью: он перенес их противоположность в иную плоскость, доведя ее до полного разрыва между «логической конструкцией» и «реальностью». Излишне говорить, что подобного рода критику, как уже отмечалось в начале данной главы, предвидели и Энгельс, и Маркс еще накануне появления первого тома «Капитала».

Как бы то ни было, однако данная линия критики «Капитала» вскоре после выхода в свет его третьего тома становится доминирующей в буржуазной литературе.

III том «Капитала» в России

III том «Капитала» вызвал многочисленные отклики в русской прессе и литературе. Так, вскоре после выхода книги на немецком языке в журнале «Научное обозрение» появилась небольшая рецензия М. Филиппова [1]. Эта заметка имела целью сообщить читателям о выходе третьего тома. Отметив огромные трудности, которые пришлось преодолеть Энгельсу при подготовке рукописи Маркса к печати, автор выражал уверенность в том, что «Энгельс так близко знал Маркса и так проникся его учением, что особенно существенные отступления от Маркса у него едва ли могут оказаться». Но рецензия представляла собой только краткий перечень вопросов, рассматриваемых в книге.

Более подробная рецензия на третий том была дана С. Булгаковым [2]. Уделив основное внимание вопросу, «насколько новая книга Маркса устраняет затруднения в приложении трудовой теории ценности» [3], Булгаков пришел к выводу, что III том «Капитала» не оправдал его ожиданий и что Маркс не разрешил противоречия между законом стоимости и законом равных средних прибылей. «Здесь (т. е. в III томе.— *Ред.*),— писал Булгаков,— должны были разрешиться противоречия, в которые впадает трудовая теория ценности в своем последовательном развитии... но habent sua Fata libelli, и судьба «Капитала» довольно печальна» [4].

Предвосхищая Бём-Баверка, он утверждал, что анализ цены производства, данный в III томе, находится в «противоречии с выводами классического анализа ценности, которым открывается I том».

---

[1] См.: Научное обозрение. 1895. № 14. С. 442—444.

[2] *Булгаков С.* Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская мысль. 1895. № 3. С. 1—20.

[3] Там же. С. 2.

[4] Там же. С. 1—2.

В 1896 году вышел в свет русский перевод третьего тома, в 1897 году в «Новом слове» за сентябрь была опубликована на русском языке работа Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли». Ознакомление с этой работой Энгельса [1] и более глубокое изучение III тома «Капитала» были причиной того, что Булгаков изменил свою точку зрения, высказанную в статье «Третий том «Капитала» К. Маркса». Расходясь со своею же прежней позицией, Булгаков в статьях 1896—1898 годов выступил в защиту теории стоимости и цены производства Маркса, хотя и допустил некоторую непоследовательность и несогласованность в решении этих проблем. В них Булгаков полемизирует с Е. Бём-Баверком, В. Зомбартом и др.

Основной и правильной мыслью всех этих работ Булгакова было положение о том, что понять Марксов анализ цены производства, данный в III томе «Капитала», можно лишь тогда, когда будет понято, что стоимость выражает определенные развивающиеся общественные отношения, которые в свою очередь находят овеществление, материальное выражение в меновых актах, меновых пропорциях. Только с этих позиций и может быть понят процесс превращения стоимости в цену производства.

«Я вижу в ней (трудовой ценности.— *Ред.*),— писал Булгаков,— прежде всего общественное отношение, лишь находящее свое выражение в меновых пропорциях, вы же только эти пропорции видите, и с коммерческой точностью хотите исчислить соотношения, в них выраженные. С меня довольно указания, что данные общественные отношения приводят к иррациональному выражению, математически точное измерение их невозможно, но в целях научного познания общих и основных тенденций, а следовательно и для понимания грубой рыночной практики изменений в ценности этого измерения вполне достаточно» [2].

Статьи Булгакова 1896—1898 годов, направленные на защиту и разъяснение теории стоимости Маркса, объективно сыграли положительную роль в том смысле, что были написаны в период, когда как в Европе, так и в России началась дискуссия вокруг так называемого «противоречия между I и III томами «Капитала»».

В 90-е годы отношение к «Капиталу» со стороны официальной экономической науки в России резко изменилось. Профессора университетов принимаются всерьез «уничтожать» Маркса. С выходом третьего тома в России снова развертывается дискуссия вокруг экономической теории Маркса. В «поход» против Маркса выступили Бунге, Слонимский, Нежданов и др. [3] Хотя по отдель-

[1] О том, что Булгаков знал эту работу Энгельса, свидетельствует упоминание о ней в его статье «О некоторых основных понятиях политической экономии», статья 1-я (Научное обозрение. 1898. № 2).

[2] *Булгаков С.* О некоторых основных понятиях политической экономии // Научное обозрение. 1898. № 2. С. 341.

[3] См.: *Бунге Н.* Очерки политико-экономической литературы. Спб., 1895. С. 113—171; *Слонимский Л.* Экономическое учение Карла Маркса. Спб., 1898; Жизнь. № IV, VII, VIII, IX; *Нежданов П.* Трудовая теория ценности и закон равной нормы прибыли // Жизнь. 1899. № 6.

ным, частным вопросам их взгляды были различны, но все они стремились доказать, что теория трудовой стоимости не объясняет явлений капиталистической действительности и поэтому несостоятельна. Так, например, П. Нежданов приписывал Марксу определение цены производства «как *средней продажной цены товара, разложенной на свои необходимые составные элементы и посредством этого разложения поставленной в необходимую связь с трудовой ценностью*» [1]. На этой основе он пытался опровергнуть тезис о совпадении суммы цен производства с суммой стоимости и в целом Марксов анализ цены производства как превращенной формы стоимости.

Верную позицию в этом вопросе занимал Булгаков, отметив, что «когда говорится, что сумма цен равна сумме ценности и совокупная прибыль равна совокупной прибавочной ценности, то имеется в виду указать не точное соответствие цен ценностям, а прибыли прибавочной ценности, а лишь *направление*, в котором совершается их движение, тенденцию, которая вовсе не имела того строгого значения, которое придают ей сторонники коммерческого понимания» [2].

Появились также и работы, содержащие критику сформулированного Марксом закона тенденции средней нормы прибыли к понижению.

Первым с критикой марксистского учения о законе тенденции нормы прибыли к понижению выступил русский экономист, теоретик «легального марксизма» М. И. Туган-Барановский в статье «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса». Приписывая Марксу такую трактовку данного закона, при которой он превращался из тенденции в абсолютную, фатальную закономерность, Туган-Барановский задался целью опровергнуть существование этого закона. Его усилия были направлены на то, чтобы доказать неизменность нормы прибыли на протяжении нескольких циклов капиталистического воспроизводства. В обоснование своей позиции он выдвинул утверждение о возможности роста производительности труда без уменьшения стоимости продукта. Теоретические построения Туган-Барановского вызвали широкую критику не только со стороны марксистов, но и со стороны «легальных марксистов» — П. Маслова, М. Филиппова и др.

Более тонкую попытку опровергнуть закон тенденции нормы прибыли к понижению предпринял П. Б. Струве в статье «Основная антиномия теории трудовой ценности». В отличие от Туган-Барановского, Струве не отрицал факта падения нормы прибыли, но объявил самую норму прибыли «чисто социальной категорией, относящейся к разделению совокупного общественного продукта

---

[1] *Нежданов П.* Трудовая теория ценности и закон равной нормы прибыли // Жизнь. 1899. № 6. С. 292.

[2] *Булгаков С.* О некоторых основных понятиях политической экономии // Научное обозрение. 1898. № 10. С. 1658.

между социальными классами». Падение нормы прибыли он объяснял конкуренцией капиталистов.

Струве попытался искусственно разделить категории «Капитала» на политико-экономические и «чисто социальные». При этом категории политической экономии, наиболее ярко вскрывающие противоречия капитализма, оказались «чисто социальными». Это наводило на мысль, что противоречия капитализма не имеют глубоких экономических корней и проистекают лишь из устранимых неурядиц в отношениях между классами общества.

Норма прибыли в ее движении наиболее ярко вскрывает противоречивый, а поэтому преходящий характер капитализма как определенной общественно-экономической формации. Объявив эту категорию «чисто социальной», Струве и пытался доказать, что, упорядочив процесс распределения прибылей между капиталистами, можно не только прекратить снижение нормы прибыли, но добиться того, что она будет возрастать.

В защиту Марксова учения о законе тенденции нормы прибыли к понижению выступил А. Богданов [1]. Он показал, что Туган-Барановский извратил теорию трудовой стоимости. Противопоставляя схемам Туган-Барановского марксистский анализ закона тенденции нормы прибыли к понижению, Богданов на цифровых примерах проиллюстрировал историческую тенденцию падения нормы прибыли.

Богданов рассматривал движение нормы прибыли не на примере одной отрасли, как это делал Туган-Барановский, а на примере движения всего капиталистического производства. Тем самым Богданов еще раз подчеркнул, что закон тенденции нормы прибыли есть показатель неизбежной гибели капиталистического способа производства.

* * *

Отчасти под влиянием выдвинутого Бём-Баверком тезиса о фундаментальном противоречии между I и III томами «Капитала», во многом же под влиянием набирающих силу тенденций к критическому пересмотру Марксова учения усилились идейные шатания среди теоретиков и идеологов европейской социал-демократии, и прежде всего германской. По выходе в свет III тома к окончательному убеждению в невозможности согласования средней прибыли с трудовой теорией стоимости Маркса пришел Э. Бернштейн, опубликовавший в начале 1895 года пространную рецензию на III том «Капитала». Уже тогда Бернштейн высказал определенные сомнения в правильности основных идей экономического учения марксизма [2]. Позднее, в письме к К. Каутскому от 1 сен-

[1] См.: *Богданов А.* Основная ошибка Туган-Барановского // Научное обозрение. 1899. № 9.

[2] *Bernstein E.* Der dritte Band des «Kapital» // Die Neue Zeit. Stuttgart, 1895. 1. Bd. S. 333—338, 364—371, 388—398, 426—432, 485—492, 516—524, 624—632.

тября 1897 года, он подтвердил, что именно III том дал последний толчок, заставивший его пересмотреть свое отношение к научному социализму. Каутский тогда отверг скептические суждения Бернштейна о содержании и теоретическом значении заключительного теоретического тома Марксова труда, как и его неверные представления о последовательности создания «Капитала» (Бернштейн подхватил выдвинутую еще итальянским вульгарным критиком Маркса А. Лориа и опровергнутую Энгельсом идею о том, будто Маркс опубликовал I том «Капитала», еще не имея полной ясности по проблемам последующих частей этого труда). Но при этом Каутский не уделил достаточного внимания разъяснению идей III тома. Показательно в этом отношении то обстоятельство, что он включил главу «Прибавочная стоимость и прибыль», где он изложил основы Марксовой теории о прибыли, лишь в восьмое издание своей книги «Экономическое учение К. Маркса» (1903 г.). Отмеченное невнимание к теоретическому значению III тома «Капитала» свидетельствовало об определенных слабостях в теоретических позициях лидеров социал-демократии того времени, что вполне выразилось в ходе полемики в партии по фундаментальным теоретическим вопросам во второй половине 90-х годов [1].

[1] См. настоящее издание, глава XII, § 1, 2.

Глава десятая

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ МАРКСИЗМА В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЭПОХИ (конец 80 — середина 90-х годов XIX века)

1. МАРКСИЗМ И КЛАССИЧЕСКАЯ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Обстоятельства возникновения труда Энгельса о Фейербахе

80 — 90-е годы XIX века — период смены поколений в социалистическом движении. Плеяда молодых революционеров, активно включившихся в теоретические дискуссии и политическую практику социал-демократии, стремилась к адекватному усвоению всего идейного богатства марксизма, не довольствуясь бытовавшими в те годы поверхностными и фрагментарными представлениями о теоретическом фундаменте научного социализма, его философских основах и источниках. Исследование истории марксизма, идейного контекста возникновения тех или иных революционных идей, анализ самого процесса формирования диалектико-материалистического учения с позиций зрелого марксизма становились важными факторами, способствующими росту интеллектуального потенциала социалистического движения, осознанию его связи и преемственности с классическими гуманистическими традициями духовной культуры прошлого. В последнее десятилетие своей жизни Энгельс приложил немало усилий для осуществления этой задачи. Его активная разносторонняя теоретическая деятельность в эти годы была направлена на подытоживание идейных исканий его и Маркса, систематизацию и периодизацию основных направлений и этапов развития диалектико-материалистического учения [1]. В русле этих усилий складывается новое самостоятельное направление марксистских исследований — история марксизма.

Проблемы генезиса и развития диалектического и исторического материализма как составной части марксизма Энгельс рассматривает в этот период в своей известной, подводящей опреде-

[1] Подробнее о деятельности Энгельса как пропагандиста и популяризатора ранее написанных им и Марксом работ см. главу 7 настоящего тома.

ленные итоги философской публикации «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» [1].

Поводом для создания книги была просьба дать критический разбор сочинения буржуазно-либерального датского автора, социолога К. Н. Старке (1858—1926) о Людвиге Фейербахе, с которой обратилась к Энгельсу редакция журнала «Die Neue Zeit».

Энгельс согласился проделать эту работу, однако не ради подробного разбора книги Старке, содержание которой не отличалось особенной научной глубиной или оригинальностью. Подлинная цель Энгельса — теоретический анализ закономерностей той переломной эпохи интеллектуальной истории человечества, которая привела к возникновению диалектико-материалистической философии. Энгельс поставил перед собой задачу — дать обобщающую характеристику ее теоретических источников и вместе с тем раскрыть основные принципы марксистского анализа истории всемирной философии.

Энгельс обратил внимание читателей на тот факт, что, хотя после поражения революции 1848—1849 годов немецкая классическая философия в ее положительном содержании была надолго предана почти полному забвению, в последней трети XIX века она, казалось, переживала в Европе «что-то вроде возрождения» [2]. Однако это «возрождение», приукрашенное словами о «верности» классическому наследию, несло на себе печать эпигонства. Еще в 1862 году за «возвращение к Канту» стал ратовать Э. Целлер, а в 1865 году лозунг «Назад к Канту!» был провозглашен О. Либманом, и в Германии как повальная мода стало распространяться неокантианство, которое оказало немалое влияние и на рабочее движение: его активно использовало для обоснования своих взглядов оппортунистическое течение в германской социал-демократии. Немного позднее образовалось так называемое англо-гегельянство (оно получило название «абсолютный идеализм»). Однако обращение буржуазной мысли конца XIX века к немецкой классической философии было почти повсеместно сопряжено с распространением искаженных о ней представлений.

Некоторые интерпретаторы стремились превратить диалектику Гегеля в субъективистское и иррационалистское учение, либо вообще отбросить. Фейербаха изображали позитивистом или субъективным идеалистом, близким к иррационализму.

Искажение взглядов Гегеля и Фейербаха было тесно связано с попытками изобразить учение Маркса в виде «частного варианта» философии Гегеля и Фейербаха, а также в виде результата «суммирования» их философии, что в корне искажало историю формирования марксизма. Принимая все это во внимание, Энгельс считал полезным с позиции диалектико-материалистического мировоззрения как можно точнее охарактеризовать отношение марксизма к выдающимся представителям классической немецкой философии — Гегелю и Фейербаху, высветить подлинные ценности в

---

[1] Эта работа, написанная в 1886 году, была напечатана в журнале «Die Neue Zeit» (1886. N 4, 5). В 1888 году переиздана отдельной книгой, в качестве приложения к которой Энгельс впервые опубликовал обнаруженные им в бумагах Маркса «Тезисы о Фейербахе» (1845).

[2] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 370—371.

учении этих великих философов, забытые и искаженные философской мыслью конца XIX века.

Раскрывая отношение марксизма к его основным философско-теоретическим источникам и характеризуя сам процесс возникновения марксизма, Энгельс дал целостную характеристику диалектического и исторического материализма. Книга Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» стала вторым после «Анти-Дюринга» произведением, в котором всесторонне освещался теоретический переворот в философии, совершенный марксизмом,— теперь уже не только в плане его содержания, но также с точки зрения отношения к предшествовавшим философским учениям и традициям и через анализ отношения к категории практики.

Основной вопрос философии

Отправным пунктом для решения этой сложной и многосторонней идейно-теоретической задачи в произведении «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» стала дальнейшая разработка марксистского понимания сущности философского сознания. В этой связи Энгельс выделяет основной вопрос философии и впервые в истории дает его обобщенную теоретическую формулировку. Основным этот вопрос именуется потому, что от его решения, как показал Энгельс, зависит характер истолкования всех других философских законов и категорий и прочих философских проблем, в том числе оценок социальной действительности и определения путей ее коренного преобразования, принципиальное решение острой жизненной коллизии необходимости и свободы и установления ориентиров практической деятельности.

«Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии,— писал Энгельс,— есть вопрос об отношении мышления к бытию» [1]. При этом данную пару понятий («мышление» и «бытие») — понятийную оппозицию, характерную для классической немецкой философии и в особенности для Гегеля,— Энгельс применял как во многом близкую парным понятиям «природа и дух», «материя и сознание», но им все же не вполне тождественную. Подходя к содержанию основного вопроса философии исторически, Энгельс имеет в виду, что мировоззренческая оппозиция природы и духа соответствует ранним этапам становления и развития философии. Понятия «бытие», «материя», «сознание» носят более обобщенный и теоретически оформленный характер, они характерны для более зрелой стадии развития философского сознания и науки вообще.

Рассматривая коренную антитезу философских направлений, Энгельс писал: «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 282.

следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [1]. Тем самым уже из постановки основного вопроса философии он выводил главное направление идейной поляризации историко-философского процесса и закладывал теоретический фундамент для создания последовательно научной концепции истории философии, способной теоретически охватить процесс ее развития как диалектический, как движение через борьбу противоположностей.

Надо заметить, что уже Гоббс, Дидро, Гольбах, Фейербах, а из идеалистов Шеллинг и Гегель довольно определенно выделили материализм и идеализм как основные и противоположные друг другу направления в философии. Но никто из этих мыслителей не выяснил, как возникла эта противоположность и как она исторически видоизменялась. В отличие от них, Энгельс рассматривает ее именно в развитии, раскрывая при этом основные социальные и познавательные детерминанты последнего.

Так, возникновение идеализма Энгельс связывает с тем, что первобытные люди задумывались над вопросом «об отношении... души к внешнему миру» [2] и человеческому телу. Это была, может быть, самая ранняя форма постановки основного вопроса философии, и здесь корни предфилософского мышления и ранних видов религии совпадают.

Начало ясной поляризации философских течений Энгельс относит к классическому периоду античности, когда возникло, как потом выразился Ленин, противоборство «линий» Платона и Демокрита [3]. В средние века, отмечал Энгельс, основной вопрос философии выступал в неявном виде, например как вопрос о том, был ли мир создан творцом или же он существует вечно, хотя и находится при этом в определенной корреляции с богом. Далее, в процессе развития науки и философии, материалистическое миропонимание проявлялось в форме так называемого натуралистического пантеизма, превратившего бога как идеальное начало в оживляющую весь космос «естественную «мировую душу»». Деизм, сузивший функции бога до одного только акта творения Вселенной, был другой формой начавшегося отказа от идеалистического понимания действительности. И это было связано с тем, что на заре Нового времени основной вопрос философии встал снова «со всей резкостью» [4].

Неверно было бы представлять дело так, будто бы ориентация на основной вопрос философии в ходе исследования истории

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 283.

[2] См. там же. С. 282.

[3] См.: *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 131.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 283.

философии превращает ее в упрощенную и даже примитивную схему, сводящуюся к контрасту между основными направлениями — материализмом и идеализмом, и только. Энгельс был противником подобной вульгаризации. Он видел в основном вопросе философии общий ориентир направления исследований, отнюдь не исчерпывающий собой, однако, ни состава существующих философских течений, ни всего богатства содержания изучаемых концепций и систем.

Анализируя процесс движения мысли, Энгельс сам использует целый ряд категориальных оппозиций, охватывающих различные моменты этого движения,— свободу и необходимость, разум в истории и действительность и др. В своей работе о Фейербахе, где рассматриваются и другие представители классической немецкой философии конца XVIII — первой трети XIX века, Энгельс оставил нам образцы очень конкретных оценок творчества Канта, Гегеля, Фейербаха и других мыслителей. В Канте, например, он увидел не только агностика и дуалиста, но и одного из предшественников марксистской диалектики. Как особое течение, находящееся в весьма непростых отношениях с двумя основными выделенными им философскими направлениями, Энгельс исследует агностицизм, основоположники которого в философии Нового времени — Юм и Кант — «играли очень значительную роль» [1] именно как агностики. Как отмечает Энгельс, особенно сильное развитие агностицизм получил уже после того, как классическая немецкая философия себя исчерпала и появились признаки упадка буржуазной мысли. Критикуя агностицизм, Энгельс подходит к нему как к сложному и неоднозначному явлению, показывая, как в одних случаях (например, у некоторых неокантианцев) эта философская позиция является «лишь стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него» [2], в других — смягченной разновидностью идеализма и т. д.

В основном вопросе философии Энгельс выявил две стороны, взаимосвязанные и обусловливающие друг друга,— онтологическую и гносеологическую. Отличаясь одна от другой, они в то же время составляют неразрывную целостность. В онтологическом плане основной вопрос философии требует решить, что именно — материя или сознание — действует в мире как исходная порождающая причина и что является результатом этого порождения, иными словами, что́ в бинарной оппозиции духа и материи является первичным и что́ вторичным. Вторая сторона основного вопроса философии связана с необходимостью выяснить, как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру и в состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действитель-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 284.
[2] См. там же.

ном мире составлять верное отражение действительности [1]. При поверхностном подходе к работе Энгельса может возникнуть впечатление, будто он, по существу, искусственно связал здесь два совершенно разных вопроса. Но постановка вопроса Энгельсом в действительности является логичной и необходимой, ибо в тенденции материализм и идеализм действительно тяготеют к диаметрально различным трактовкам вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к физическому миру. Мировоззренческое признание первичности материи при последовательном проведении этого тезиса с необходимостью влечет за собой и признание того гносеологического вывода, что именно материя является источником познания. Принципиальная познаваемость материи онтологически обусловлена тем, что сознание не является чем-то чужеродным по отношению к ней, но есть ее, материи, продукт. С другой стороны, правильное решение вопроса о познаваемости мира необходимо опирается на признание первичности материи и вторичности сознания и вообще познавательных способностей человека.

Предмет философии

Исследование сущности тех проблем, которые ставит и решает философия, Энгельс связывает с анализом ее предмета. Рассматривая перспективы развития философии как части духовной культуры, Энгельс явно стремится как можно четче очертить сферу ее компетенции, которая в традиционной философии была принципиально неопределенной и предельно широкой. При этом намечается тенденция к ее ограничению путем расширения сферы знания, добываемого конкретными науками. «За философией, изгнанной из природы и из истории,— пишет Энгельс,— остается... еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» [2]. Эта мысль появилась в «Людвиге Фейербахе...» не впервые, так как аналогичные формулировки присутствуют и в «Анти-Дюринге», и в «Диалектике природы». Все они, по сути, направлены против спекулятивного философствования, которое заменяло неизвестные науке «действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями», замещало «недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении» [3]. Мысль Энгельса была направлена и против претензий философии навязывать те или иные выводы конкретным наукам. Во второй половине XIX века подобные посягательства встречались нередко в Германии у Г. Т. Фехнера, В. Вундта, Р. Лотце, во Франции — у Ш. Ренувье и др.

Энгельс исходил из того, что построение природоведения в виде спекулятивной натурфилософии типа гегелевской противо-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 283.
[2] Там же. С. 316.
[3] См. там же. С. 304.

речит тенденциям и результатам естественнонаучного исследования, которое развивается по пути создания общей картины мира, органично включающей в себя философские материалистические положения, так что всякая попытка воскрешения и навязывания ей извне придуманных натурфилософских концепций «не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*» [1]. Очевидно также, что марксистский материализм не мог удовлетвориться и гегелевским пониманием теории познания, логики и диалектики как «царства чистой мысли». Исходя из того, что подлинно научный материализм носит глубоко диалектический характер, Энгельс подчеркнул, что объектом посягательства философии по-прежнему остается учение о наиболее общих законах диалектического развития не только познающего мышления, но также природы и общества. Как и в «Анти-Дюринге», он определяет марксистскую диалектику как науку «об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления...» [2], считая, что диалектика мышления в понятиях должна быть «сознательным отражением диалектического движения действительного мира» [3]. Определение материалистической диалектики как науки показывает, что в философии диалектического и исторического материализма материализм и диалектика связаны неразрывно. Марксистский диалектический и исторический материализм — это учение, обладающее как мировоззренческим, так и теоретико-познавательным содержанием, что и находит отражение уже в самой постановке и решении в марксизме основного вопроса философии в единстве двух его сторон.

Решение основного вопроса философии об отношении мышления к бытию не отрывается в марксизме от практического отношения людей к окружающему миру. Преодолев ограниченность прежнего материализма, марксизм распространил диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии на познание общественной жизни. Критерием истины, согласно Энгельсу, также и в решении основного философского вопроса является практика, а использование ее уроков требует всестороннего рассмотрения активной творческой деятельности людей по преобразованию окружающего нас мира в наших же, человеческих, интересах.

Гуманистическая направленность присуща критике Энгельсом агностицизма, которая занимает в его книге видное место: агностики не верят в силу и способности человека познавать мир и ставить это познание на службу преобразованию мира в интересах человека и его будущего. Среди агностиков конца XIX века были философы и естествоиспытатели различной ориентации;

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 305.
[2] См. там же. С. 302.
[3] См. там же.

одни из них стояли на позициях идеализма, лишь прикрытого агностической аргументацией. Таковыми явились неокантианцы в Германии и юмисты в Англии. Но были и другие, которых Энгельс называет «стыдливыми материалистами». У них агностические формулы играли роль отговорок «на всякий случай», либо они проводили в своих естественнонаучных исследованиях материалистическую линию, но в публичных выступлениях если не отказывались прямо от материализма, то обходили молчанием вопрос о материалистическом характере своего общего миропонимания. Подвергнув критике агностические ограничения познавательных возможностей и перспектив человека, выражавшие фактически недоверие к человеку, его способностям и силам, Энгельс подчеркивал, что самое «решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике, именно в эксперименте и в промышленности» [1]. Развитие познания происходит как осуществляющееся «тождество мышления и бытия» [2] в том узко и строго определенном смысле, что истинное познание охватывает, так сказать, содержание самой действительности со все большей полнотой.

Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха в их отношении к марксизму

Историко-философский процесс рассматривался Энгельсом в рамках общей диалектической зависимости философии от материальной основы,— зависимости, порой запутанной, затемненной, опосредованной различными социальными процессами и событиями политической и идейной жизни общества, другими, кроме философии, формами общественного сознания, но в конечном счете все же проявляющейся в общем характере и направленности философских решений [3].

На примере Гегеля и Фейербаха Энгельс показал сложный характер зависимости философских концепций от социальных условий, в которых они возникают и действуют. Он очертил те исторические условия, в которых развивалась немецкая философия в первой половине XIX века, в канун буржуазно-демократической революции 1848—1849 годов в Германии, когда социально-экономические и политические противоречия в стране породили исключительно интенсивную идеологическую, и в частности философскую, борьбу.

Специфическое отражение этих конкретно-исторических условий, в которых развивалось творчество Гегеля, Энгельс видит в знаменитом изречении Гегеля: «Все действительное разумно; все разумное действительно» [4]. На первый взгляд оно было прямо направлено против всякой критики в адрес существующих поряд-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 284.
[2] См. там же. С. 283.
[3] См. там же. С. 312.
[4] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 274.

ков, а в философии — против позиции наиболее передовых французских просветителей XVIII века, которые бичевали современное им феодально-абсолютистское общество как «неразумное» и потому подлежащее отрицанию. При таком понимании формулы Гегеля, для которого она давала известное основание своей абстрактностью, немецкая и вообще европейская действительность первой трети XIX века, в которой сохранялось еще много феодальных черт, приведенным изречением безоговорочно санкционировалась. Не случайно его использовали старогегельянцы для философского оправдания деспотического государства Фридриха-Вильгельма IV. Однако к такой консервативно-охранительной сути прусского режима 20-х годов XIX века это гегелевское положение отнюдь не сводится. Энгельс считает, что данное изречение Гегеля по своему значению двойственно, что в нем скрывается и иной смысл. Сформулированное в нем положение, писал Энгельс, «благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью; а все, что есть в человеческих головах разумного, предназначено к тому, чтобы стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей кажущейся действительности. По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис о разумности всего действительного превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует» [1]. Таким образом, «действительность» оказывается категорией однопорядковой в некотором отношении с «необходимостью» и не совпадающей с понятием наличного существования; всякая действительность требует к себе исторического подхода. В гегелевской формуле содержалось, следовательно, прогрессивное и, более того, революционное «зерно», которое было выделено самим Гегелем, как ныне стало известно, в его устных гейдельбергских лекциях по философии права [2]: что в новых условиях утрачивает необходимость («разумность») своего бытия, то подлежит отрицанию, вынуждено «уступить место более высокой ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет» [3].

Но именно в данном пункте, в выявлении методологического содержания гегелевских положений, Энгельс обратил внимание на то, что непосредственно присущая им прогрессивная тенденция и те возможности, которые скрывались в их рациональном «зерне», могли получить и получают свое дальнейшее развитие уже на качественно иной, чем у Гегеля, социально-классовой основе —

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 275.

[2] В записях гейдельбергского курса Гегеля по философии права, читанного в 1819—1820 годах, данный афоризм был сформулирован так: «Что разумно, станет действительным; что действительно, станет разумным». В этой формулировке прогрессивное ядро гегелевского высказывания особенно явственно.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 276.

революционно-демократической, а тем более, затем, на пролетарской.

Энгельс убедительно показал, что социально-политическим позициям самого Гегеля была присуща определенная компромиссность. Она неизбежно сказалась и на его философии: в этом была глубинная причина противоречия между его методом и системой. Гегелевская идеалистическая философская система, догматизировавшая свои теоретические результаты и ориентированная на примирение с достигнутой в 20—30-е годы XIX века и, по мнению Гегеля, почти окончательной (по крайней мере для обозримой исторической эпохи) точкой в социально-политическом развитии Германии, оказала отрицательное воздействие и на метод гегелевской диалектики. Поэтому последовательно диалектический вывод о бесконечной смене одних общественных состояний другими в применении к настоящему, а тем более к будущему «никогда не был сделан им самим с такой определенностью» [1], с какой он был сделан Энгельсом и Марксом, и присутствует в философии Гегеля лишь потенциально. Вместе с тем развитие экономики и естествознания повлияло и на гегелевскую систему, которая, все более наполняясь материалистическим содержанием, приблизилась к пантеизму; «дело дошло, наконец, до того, что она и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» [2]. Но это не значит, будто противоречие между методом и системой у Гегеля стерлось. Если «внутренние нужды системы» [3] толкали к консервативным выводам (хотя дело было и не только в этих внутренних тенденциях), то характеристика Гегелем роли зла в истории, его реалистический анализ права и трезвый в своей конкретности подход к некоторым отдельным периодам в истории человечества, а тем более «довольно частые в его сочинениях взрывы революционного гнева» [4] — все это вело в противоположном, радикально-буржуазном направлении, что и сказалось потом до некоторой степени в творчестве младогегельянцев.

Когда Энгельс подчеркивал, что «история так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества...» [5] и что «...диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества...» [6], то эти его положения уже ломали рамки философии Гегеля, а в частности, и диалектического метода в том идеалистическом и непоследовательном виде, в каком он был Гегелем развит и применен. Его философия

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 276.
[2] Там же. С. 285.
[3] См. там же. С. 277.
[4] См. там же. С. 279.
[5] Там же. С. 275.
[6] Там же. С. 276.

способствовала отрицанию феодальных порядков и учреждений, и в этом смысле прежде всего как раз к Гегелю и к младогегельянцам до 1840 года относятся слова Энгельса, что в Германии «философская революция предшествовала политическому перевороту» [1]. Однако сам Гегель не сумел пойти дальше — к отрицанию уже существовавших в Германии порядков, хотя прогрессивное ядро диалектики Гегеля ориентировало на отказ от такого ее ограничения, побуждало и на этих порядках увидеть «печать неизбежного падения» [2]. В итоге в «ограниченном и умеренном косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии» [3], Гегель признал предел и конец развития.

Все же, несмотря на это, Маркс и Энгельс высоко ценили учение Гегеля, именно из-за его диалектики. Путь к диалектическому материализму шел через критическое использование достижений метода Гегеля и вместе с тем через решительный разрыв с его системой. Однако в начале 40-х годов XIX века, о которых писал в своей книге Энгельс, ситуация была такова, что «гегелевская школа разложилась, но гегелевская философия еще не была критически преодолена» [4]. Таким образом, идеологически ограниченная концепция Гегеля подлежала диалектическому «снятию», то есть отрицанию с сохранением рационального «зерна», что и было осуществлено в марксизме.

Важная особенность методологии историко-философского исследования Энгельса состоит в том, что на примере философии Гегеля, а затем Фейербаха он показал историю философской мысли в диалектическом противоречии и единстве ее развития и как истории познания, и как смены форм мировоззренческого выражения той или иной классовой идеологии. Следовательно, история философии выступала в виде этапов развивающегося обобщенного отражения природных, а также социальных явлений, но также и долгих усилий разрешить теоретически-философскими средствами общественные проблемы своего времени. На характер выдвигаемых в ту или иную эпоху философских решений оказывают воздействие социальные коллизии и классовые антагонизмы. Характерная для истории философии борьба между материализмом и идеализмом, между диалектикой и ее метафизическими антиподами не является по своему содержанию прямой экстраполяцией интересов борющихся социальных классов. Но столкновения этих классов так или иначе преломляются и в философских спорах или хотя бы находят в них косвенный отзвук. В силу искаженности отображения действительности в идеологиях, господствующих в классово-антагонистических обществах, следует строго различать

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. с. 273.

[2] См. там же. С. 276.

[3] См. там же. С. 277.— «Мелкобуржуазными» отношениями Энгельс называл еще недостаточно развитые в то время в Германии буржуазные отношения.

[4] Там же. С. 281.

познавательное содержание той или иной философской теории и ту подчас мистифицированную форму, которую подлинные познавательные результаты приобретают у создателя этой теории под воздействием идеологических, а иногда и иных побуждений. Именно такой всесторонний научный подход позволил Энгельсу показать исторические пути развития диалектики и материализма и в духе глубокого историзма охарактеризовать философские воззрения Гегеля и Фейербаха, которые явились одним из теоретических источников марксизма как мировоззрения и метода революционного пролетариата.

Энгельс показал, что материализм отнюдь не есть некая скудная и лишенная всякого исторического развития догма, как его пытались изобразить идеалисты, в том числе Гегель. Материализм есть живое, развивающееся учение, уже прошедшее целый ряд ступеней и этапов своего развития, претерпевшее многие изменения. «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм,— подчеркивал Энгельс,— неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма» [1]. В открытии диалектического материализма заключалось самое глубокое преобразование формы материализма за всю его многовековую историю.

После материализма античности, во многих случаях связанного со стихийной диалектикой, второй исторической формой материализма явился метафизический недиалектический материализм XVII—XVIII веков. Энгельс напоминает о трех основных чертах исторической ограниченности этой формы материализма: это — механистичность, неспособность понять мир как непрерывно развивающуюся материю, то есть метафизический, неисторический взгляд на природу, и идеализм в трактовке общественной жизни. «...В исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил» [2].

Под механистичностью Энгельс имеет в виду не просто частный случай метафизического взгляда на мир: в механике есть своя диалектика, и ее, по сути дела, подметил Декарт. Но попытка сведения всех, или почти всех, процессов к механическим страдала глубокой односторонностью, и это означало именно метафизическую ограниченность. Ею страдали отнюдь не все мыслители XVII—XVIII веков; Энгельс отмечал наличие диалектических мыслей не только у Декарта, но и у Спинозы, Дидро и Руссо.

Фейербах все же продвинул метафизический материализм далее вперед: неизменной эта форма материализма после XVIII ве-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 286.
[2] Там же. С. 307.

ка не осталась. Он подчеркнул качественную неисчерпаемость природы, вскрыл натуралистически-психологические корни религиозного идеализма. Но он не смог в принципе поднять материализм на ту ступень, на которой он органически был бы соединен с диалектическим миропониманием. А также — в полной мере оценить значение для философии ряда великих открытий в естествознании, которые вели к открытию диалектики природы, хотя Фейербах вслед за Дидро признавал активность в природном мире и многообразие присущих ему сил.

«Но мог ли пребывавший в деревенском уединении философ,— писал Энгельс о Фейербахе,— в достаточной степени следить за наукой, чтобы... оценить такие открытия, которые тогда сами естествоиспытатели отчасти еще оспаривали, отчасти же не умели надлежащим образом использовать?.. Не Фейербах, следовательно,— подчеркивал Энгельс,— виноват в том, что ставший теперь возможным исторический взгляд на природу... остался для него недоступным» [1].

Но если метафизический метод имел в свое время историческое оправдание, поскольку «надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов» [2], то в XIX веке, в условиях значительного прогресса наук, он уже изживал себя, и это не могло не вызвать у Фейербаха стремления подчеркнуть динамичность материи, что видно по его историко-философскому сочинению о Лейбнице. Однако до глубокого понимания диалектики и ее значения Фейербаху было далеко.

Анализируя сущность метафизического метода и развитие методологических посылок материализма на протяжении его истории, Энгельс в качестве главного общего принципа марксистского историко-философского исследования выдвинул рассмотрение социально-экономических и политических условий, а уже на этой основе — собственно историко-философских предпосылок и внефилософско-теоретической обстановки, в частности состояния естественных и общественных наук, также воздействующих на философию. Именно так Энгельс исследует и творчество Фейербаха, который в определенной мере испытывал это воздействие, но не применил сколько-нибудь полно выводы и обобщения конкретных наук для перестройки своего метода на принципах диалектики.

Энгельс отмечал, что Фейербах, занимая при решении большинства философских проблем материалистические позиции, отвергал оценку другими своей философии как материалистической. Это объяснялось тем, что Фейербах не преодолел распространенных в то время представлений о материализме как об учении, сущность которого будто бы состоит в отрицании всяких личных и общественных идеалов и духовных исканий человечества, в утверждении, что люди — совершенно безвольные игрушки в руках самых

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 288.
[2] Там же. С. 303.

низменных страстей. Такого филистерского представления о материализме придерживался и автор книги о Фейербахе Старке. Между тем убеждение в том, что человеческому обществу в целом свойствен прогресс, бывало присуще, отмечает Энгельс, как материалистам (например, Дидро), так и идеалистам (например, Гегелю), хотя далеко не всем.

Религия и мораль

Высоко оценивая разрыв Фейербаха с идеализмом и его критику в адрес религии и идеализма, защиту и пропаганду им материалистического мировоззрения, Энгельс в то же время считает принципиально неправильным обходить молчанием ограниченность и непоследовательность фейербаховской философии. Обратив внимание на характерное заявление Фейербаха: «Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними» [1], Энгельс разъяснял смысл такой позиции, отмечал, что Фейербах защищал основное положение материализма о первичности материи и вторичности сознания, однако разделяя обычное для того времени философское предубеждение против термина «материализм». Он, кроме того, смешивал материализм как общее мировоззрение, основанное на определенном понимании отношения материи и духа, с особыми формами этого мировоззрения, для него, Фейербаха, неприемлемыми: с механистическим материализмом XVIII века, а тем более с упрощенной и опошленной формой, которую материализм принял в концепциях так называемого вульгарного материализма, пропагандировавшегося в 50-х годах XIX века в особенности К. Фогтом и Я. Молешоттом. Впрочем, критика Фейербахом взглядов Молешотта была не очень последовательной. Как бы то ни было, непреходящей заслугой Фейербаха было то, отмечал Энгельс, что в Германии 40-х годов XIX века он возродил материализм как философское учение. Этим он в немалой степени способствовал формированию мировоззрения самих основоположников марксистской теории [2], и здесь он сыграл большую историческую роль.

В понимании человеческой истории Фейербах оставался на идеалистических позициях, обнаруживая свой идеализм, как только речь заходила об обществе и отношении людей друг к другу. Построив периодизацию истории человечества соответственно на смене одних религиозных верований другими, он, по сути дела, превратил гражданскую историю в «простой придаток истории церкви» [3], тогда как в действительности, указывал Энгельс, большие исторические потрясения лишь сопровождались, да и то

---

[1] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 286.

[2] «Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами»,— вспоминал Энгельс о том, как реагировала передовая немецкая молодежь на выход в свет в 1841 году «Сущности христианства» Л. Фейербаха (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 281).

[3] См. там же. С. 294.

не всегда, появлением новых религий и участвующие в этих событиях классы находили в религиях и свое превратное отражение, и идеологическое оружие.

Действительный идеализм Фейербаха Энгельс раскрыл прежде всего при разборе его философии религии и этики. Фейербах был атеистом, и он хотел развенчать и тем самым упразднить религию в собственном смысле слова, как иллюзорное, ложное сознание, возникшее под влиянием зависимости людей от природных условий («боги — это наши неудовлетворенные желания»). Но Фейербах значительно преувеличил роль религии в истории человечества и стал в своих построениях невольно ее оправдывать, конструируя некую «атеистическую религию». Тем самым он обесценил часть своей же антирелигиозной критики в «Сущности христианства» и «Лекциях о сущности религии». Раскрыв совершенную несостоятельность определения Фейербахом религии как вообще всякой «связи» людей друг с другом, Энгельс дал, в противоположность фейербаховскому, подлинно научный анализ религии, ее сущности, ее исторических и социальных корней. При этом он показал, что как форма общественного сознания религия всего дальше среди этих форм отстоит от материальной жизни и представляется наиболее отстраненной от нее. В своем самом первоначальном возникновении религиозные представления были, по мысли Энгельса, связаны с влиянием на сознание первобытных людей факта смерти [1]. Таким образом, Энгельс не принял довольно распространенной в середине XIX века точки зрения, что начало религии — в фетишистских представлениях. Современные нам взгляды религиоведов и этнографов на роль магии на начальных этапах процесса становления религиозных верований более соответствуют именно позиции Энгельса.

Подчеркивая специфичность и сложность развития религиозных представлений, Энгельс отмечал, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается процесс развития этих представлений, в конечном счете определяют собой его ход, но этот факт «остается неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришел бы конец всей идеологии», и что «первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям» [2].

Фейербах, подходя к религии с натуралистически-просветительских позиций, попытался найти общую подоплеку всех существовавших религий — хотя и «земную», но действующую лишь внутри сознания. Он указал в качестве таковой на мораль. Последняя оказывалась у него глубинной основой жизни людей, и наибо-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 282.
[2] Там же. С. 313.

лее «истинная» ее форма — принцип любви людей друг к другу — освящалась именем, будто бы качественно новой, «подлинной» религии. Исходным пунктом этих построений Фейербаха был человек, понимаемый как «человек вообще», абстрактное природное существо, все социальные связи которого оказываются растворенными в связях моральных. Вместе с тем эта оторванная от политики «высшая» моральная религия, согласно которой человек человеку должен быть «богом», ибо-де каждый удовлетворяет свое стремление к счастью при помощи другого, оказывалась в известном смысле «скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества» [1].

На большом историческом материале Энгельс убедительно показал, что, возникнув в глубокой древности, религия далее развивалась в сложной зависимости от изменений материальных условий жизни общества, развития классов и классовой борьбы.

Выявляя влияние классов на религию в антагонистических общественно-экономических формациях и обращаясь к примеру такой мировой религии, как христианство, Энгельс пришел к выводу, что оно превратилось в средство обеспечения интересов господствующих классов, пользующихся им для идеологического воздействия на угнетенные массы.

Значение последнего философского труда Энгельса

Энгельс дал в своей книге глубокий анализ классических форм буржуазного философского сознания, взяв их в высшей точке развития и выявив то направление, в котором, с его точки зрения, только и возможно дальнейшее поступательное развитие философии в целом. Характеризуя процесс осуществления качественного переворота в истории философской мысли, произведенного марксизмом, Энгельс подчеркнул, что для революционного пролетариата диалектический «метод в его гегелевской форме был непригоден» [2]. Необходимо было освободить диалектику от гегелевского идеализма, материалистически преобразовать ее и благодаря этому поднять сам материализм на несравненно более высокий, чем прежде, уровень — на уровень диалектический. Необходимо было также преодолеть абстрактность в анализе отражения действительности человеческим сознанием, а для этого заменить фейербаховское натуралистическое понимание человека наукой о действительных людях, их общественных отношениях и подлинных объективных законах их истории. Отсюда, можно полагать, резкая критика фейербаховской теории морали, категорического императива Канта. Видимо, эта критика была связана с обострением классовой борьбы в годы действия «исключительного закона», с выступлением неокантианцев — сторонников «этического социализма» и их проповедью классового примирения и нравственной эволюции как пути к социальному

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 298.
[2] См. там же. С. 301.

освобождению. В этих условиях рассуждения Фейербаха о всеобщей любви и этический постулат Канта представлялись несвоевременными, ибо воспринимались как отказ от классовых позиций, от революционной борьбы. К тому же в теоретическом плане эти концепции могли считаться преодоленными, что не лишало их, однако, положительных элементов, отражающих, хотя бы в утопической форме, надежды человечества на устроение жизни по законам нравственности, справедливости, братства.

Учение Фейербаха о любви как бы развивало идею категорического императива Канта и открывало перспективу построения общечеловеческой морали, исключающей приоритет интересов одних социальных групп перед другими [1].

Маркс и Энгельс никогда не отрицали значения нравственных мотивов деятельности, ценностного подхода к социалистическому идеалу. Нравственные и эстетические аспекты социалистического идеала марксизма, по их убеждению, должны впитать в себя гуманистические традиции всей общественной мысли. И в этом смысле весьма ценное и полезное содержание имеется и в этической теории Фейербаха, и в категорическом императиве Канта. Составляя незыблемые моральные основы любого общества, они несут в себе концентрированную силу нравственных исканий многих народов, являются предвестием принципов истинно человеческих взаимоотношений государств и наций, социальных групп и отдельных лиц в будущем миропорядке. Достаточно напомнить положение из «Учредительного манифеста Международного Товарищества Рабочих», написанного Марксом, где основой взаимоотношений между людьми признавались истина, справедливость и нравственность [2].

Большая заслуга Фейербаха, с точки зрения Энгельса, состояла в том, что он обратил философские интересы в сторону земного человека и в этом смысле гуманизировал философию. Фейербах также указал на земные корни религиозных верований, но свел их только к психологии, чувствам и чувственности. И только марксизм, как отмечал Энгельс, поставил и решил задачу обнаружения в реальных социально-экономических процессах корней не только религиозных, но и всех других идеологических иллюзий и указал тот путь, на котором человечество в конце концов сможет от них избавиться.

В книгу о Фейербахе Энгельс включил краткий очерк основ диалектического и исторического материализма, в котором еще раз после «Анти-Дюринга» подытожил Марксовы и свои философские воззрения и обратил большое внимание на активную роль идей и идеально формируемых людьми целей в истории. Но если старый материализм, обращаясь к рассмотрению жизни людей, «судил обо

---

[1] *Reitemeyer U.* Philosophie der Leiblichkeit. Frankfurt am Main, 1988. S. 141—149.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 11.

всем по мотивам действий» [1], а корни этих мотивов видел в «мнениях», психологии людей, то материализм исторический, сам указывая на то, что в истории «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [2], выявляет, что при этом «непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам» [3]. Для того чтобы пойти дальше, к обнаружению этих причин, нельзя было довольствоваться механическим соединением диалектики Гегеля с материализмом Фейербаха. Нужно было принципиально новое разрешение философских проблем с позиций борющегося за свое освобождение пролетариата.

В своем труде Энгельс в контексте специфических проблем историко-философского анализа продемонстрировал истинность материалистического понимания истории, согласно которому сфера экономических отношений является в жизни общества определяющей, а характер государства, политического строя, духовной жизни детерминируется в конечном счете развитием производительных сил и отношений обмена [4]. Государство сформировалось не только как орган по ведению общих дел — от имени всего общества, но вместе с тем по воле господствующего в обществе класса,— и как репрессивная и идеологическая сила, прежде всего в сфере права. «...Все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует,— неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение» [5]. Энгельс подчеркнул, что связь этих различных государственных и духовных образований с материальными условиями жизни людей бывает затемненной промежуточными звеньями, но все-таки она существует [6]. Вместе с тем он обосновывает важнейшие марксистские положения об относительной самостоятельности идеологии и о ее роли в развитии общества. Энгельс показывает, как значительно и велико влияние философии как формы общественного сознания на исторический процесс,— влияние, организующее и регулирующее, санкционирующее и преобразующее.

В книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс подверг критике представления о мнимой неспособности материалистического мировоззрения объяснить историческое развитие, сведение историко-философского процесса к некоему «единому потоку» мысли, для которого борьба между материализмом и идеализмом есть лишь случайное, привходящее

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 307.
[2] См. там же. С. 306.
[3] Там же. С. 307.
[4] См. там же. С. 310.
[5] Там же.
[6] См. там же. С. 310—311.

обстоятельство. В то же время, отстаивая философский материализм, Энгельс был далек от мысли о будто бы чисто отрицательном значении идеализма в философии: с его точки зрения, в истории философского познания, выступая против материализма метафизического, идеалисты нередко выдвигали важные проблемы и высказывали ценные диалектические идеи. Но в полной мере разрешить эти проблемы смог только диалектический материализм. Анализ творчества таких философов, как Гегель и Фейербах, развернутый еще молодыми Марксом и Энгельсом и теперь продолженный и подытоженный Энгельсом в этой книге, послужил в дальнейшем образцом научной марксистской критики по отношению к другим крупным явлениям немарксистской мысли. Критики принципиальной, научной и конструктивной.

Еще в Марксовых «Тезисах о Фейербахе» в концептуальную структуру формирующегося тогда диалектического и исторического материализма было введено научное понимание практики. Теперь, уже в конце 80-х годов, Энгельс конкретно показал, что марксизм ввел категорию практики как в понимание всего социально-исторического процесса, так и в теорию познания. Новаторство марксизма, разъясняет автор «Людвига Фейербаха...», состоит в последовательном проведении материализма, в доведении его до логического завершения.

В своей книге Энгельс подтвердил вывод о том, что всякая политическая борьба есть борьба классов, которая ведется в конечном счете за экономическое освобождение. Но, как показал он, сознание связи этой политической борьбы с ее экономической основой у участников борьбы нередко ослаблено, а то и отсутствует совсем [1]. Научное диалектико-материалистическое понимание законов общественного развития дало пролетариату осознание смысла его участия в политической борьбе, а в конечном счете — его исторической миссии. «...Чем смелее и решительнее выступает наука,— заключает Энгельс,— тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих» [2]. И неудивительно, что именно в среде немецкого рабочего класса в 70-х годах XIX века был жив интерес к теории. В единстве этого интереса с содержанием подлинной науки об обществе также проявился осуществленный марксизмом великий, коренной переворот в философии.

Как показал Энгельс, творчеством Фейербаха первой половины 40-х годов XIX века завершился классический период буржуазной немецкой философии. Это было действительно ее завершение в том смысле, что дальнейшее восходящее движение мысли вело за ее пределы, но не в смысле ликвидации ее теоретических результатов и забвения. Философия Гегеля и Фейербаха не канула в Лету, ее лучшие достижения были использованы марксизмом и в преобразованном виде обрели новую жизнь. «Конец»

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 309—310, 312.
[2] Там же. С. 317.

классической немецкой философии означал начало нового этапа в развитии буржуазной теоретической мысли. Энгельс писал свою книгу вовсе не как приговор всей будущей буржуазной философии; он не исключал появления в будущем прогрессивных буржуазных философских концепций.

Далек от схематизма Энгельс и в оценке «постклассической» буржуазной философии в Западной Европе. Он указывал на разложение гегелевской школы и на вульгаризацию материализма его «разносчиками» Бюхнером, Фогтом и Молешоттом, на эпигонский во многом характер неокантианства и неогегельянства. Но в предисловии к изданию своей работы о Фейербахе в виде отдельной книги Энгельс отметил и положительные стороны этих философских течений конца XIX века, увидел в них симптом «пресыщения той нищенской эклектической похлебкой» [1], которая преподавалась в тогдашних германских университетах,— иными словами, разочарование в вульгарном позитивизме и подобном ему плоском воспроизведении разрозненных естественнонаучных фактов.

Диалектически неоднозначным был подход Энгельса к гегелевской школе 30—40-х годов, через которую когда-то прошли он и Маркс, в частности к младогегельянству. Энгельс указывал, что с самого начала оно несло на себе печать деградации — младогегельянцы остались в замкнутом кругу идеализма и не сумели сохранить самое ценное из гегелевского наследия, то есть диалектику,— но они же во второй половине 30-х годов XIX века были наиболее радикальным течением, придавшим категориям «критики» и «будущего» социально-политический смысл и начавшим критический анализ религии. Молодому Марксу и ему самому, вспоминает Энгельс, сотрудничество с левым гегельянством дало плодотворные стимулы.

Полемика, анализ накопленного в ходе развития культуры мыслительного материала образуют, как известно, важнейший фактор формирования и развития философских учений. В полной мере это касается и марксистской философии, которая выросла из критического осмысления всей предшествующей философской мысли, в первую очередь — наследия немецкой классической философии и различных направлений его разработки и интерпретации. Появление «Людвига Фейербаха...», классического труда, в котором историко-философская концепция марксизма была впервые систематически применена к анализу его собственного генезиса, положило начало формированию несколько иной теоретической ситуации. Теперь одним из важнейших факторов дальнейшего развития марксизма делается также и осмысление им своего собственного исторического опыта. Этот новый момент, ярко проявившийся затем во всей последующей теоретической деятельности Энгельса,

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 371.

после него прочно вошел в структуру марксистского философского мышления и получил впоследствии особое развитие в философских трудах Плеханова, Ленина и других марксистов.

2. РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

По мере того как идеи марксизма приобретали более широкое влияние, к ним стали обращаться представители самых разных идейных направлений, вплоть до откровенных противников социализма. Этот процесс ассимиляции отдельных идей и положений марксизма буржуазной общественной мыслью, начавшийся в 90-е годы, не мог не быть крайне противоречивым. С одной стороны, укреплялся научный авторитет марксизма, с другой — сама суть его неизбежно искажалась, поскольку отдельные марксистские положения, вырванные из общей связи и включенные в контекст немарксистских теорий, приобретали смысл, чуждый позициям Маркса и Энгельса. Представление о марксизме вследствие этого теряло четкость, размывалось, а широкой общественности под этим именем зачастую предлагались идеологические суррогаты, не имеющие ничего общего с революционным мировоззрением его основоположников.

Раньше всего и, вероятно, в наибольшей степени данный процесс проявился в трактовке вопроса о роли экономики в жизни общества.

Широкое распространение получили попытки представить марксизм как чисто социологическую доктрину, а эту последнюю свести к «экономическому материализму». Примером такого подхода могут служить работы современников Маркса и Энгельса — крупных буржуазных социологов и экономистов П. Барта, Р. Штаммлера, Л. Брентано, обвинявших исторический материализм в забвении активной, созидательной роли человека, личности в истории. Приписывая Марксу и его последователям стремление доказать, что деятельность человека определяется исключительно экономическими отношениями, эти критики характеризовали марксизм как созерцательно-фаталистическую доктрину, как механически жесткий «экономический автоматизм» [1].

Отождествление учения Маркса с «экономическим материализмом» создавало благоприятную почву для возникновения вульгарного социологизма — своеобразной идеологической конструкции, позволяющей использовать отдельные положения марксизма для теоретического обоснования идей непролетарского революционаризма, прежде всего мелкобуржуазного. Одну из первых попыток такого рода еще в конце 60-х годов сделал известный теоретик бланкистского направления в русском народничестве П. Н. Ткачев.

---

[1] См., например: *Барт П.* Философия истории как социология. Спб., 1903. С. 309.

В процессе образования массовых рабочих партий, неизбежно захватывавших в сферу своего влияния также и непролетарские слои, влияние вульгарного социологизма стало отчетливо ощущаться и в социал-демократических кругах. Отражая эти настроения, К. Шмидт, в то время один из членов редакции социал-демократической газеты «Volks-Tribüne» (впоследствии он примкнул к буржуазным критикам марксизма), писал в октябре 1890 года Энгельсу, что если сведение всех общественных процессов к экономике невозможно, то «Марксово понимание истории в его самом строгом смысле нельзя будет отстоять» [1].

В 80—90-е годы вульгарный социологизм особенно рельефно проявился во взглядах деятелей немецкой социал-демократии, объединившихся в самом начале 90-х годов в группу «молодых» (Б. Вилле, Г. Мюллер, П. Кампфмейер, П. Эрнст). Однако его влияние в той или иной мере испытали на себе в конце 80-х — 90-е годы большинство из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса — Бебель, Лафарг, Либкнехт, Каутский и др.

Анализируя степень освоенности основных теоретических положений марксизма молодыми членами партии (а быстрое расширение социал-демократического движения делало эту категорию чрезвычайно массовой), Энгельс в 1892 году вынужден был констатировать, что в течение двадцати лет материалистическое понимание истории оставалось в их работах «только трескучей фразой» [2]. Истоки сложившейся ситуации, по мнению Энгельса, могут быть поняты лишь на основе конкретного анализа процесса развития марксизма, в ходе которого «приходилось, возражая... противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали», то есть акцентировать основное внимание на определяющей роли материального производства в общественной жизни.

Энгельс признал, что, не находя «время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [3], он и Маркс отчасти сами подали повод к упрощенным истолкованиям их учения. В связи с этим он вновь обратился к углубленной проработке и разъяснению материалистической теории общественного развития, в ряде случаев обогащая высказанные ранее им и Марксом положения. Стремлением внести необходимую ясность в понимание марксистского подхода к обществу и его истории, помочь глубоко и всесторонне осмыслить его методологические функции пронизана вся его переписка конца 80—90-х годов, в частности так называемые «письма об истори-

---

[1] Цит. по кн.: Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М., 1982. С. 462.

[2] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 16 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 268.

[3] См.: Энгельс — Йозефу Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 396.

ческом материализме» [1], а также ряд писем, посвященных проблемам духовной жизни общества и истории общественной мысли.

Проблема социального детерминизма в работах Энгельса конца 80—90-х годов

Главная мысль, которая проводится во всех этих письмах, состоит в утверждении диалектического характера социального детерминизма. Энгельс показывает, что с позиций исторического материализма причинно-следственная связь в развитии общества предстает как сложная система взаимодействий всех без исключения компонентов социального целого — экономики, политики, идеологии, нравственности, религии, искусства и т. п. Другими словами, общественное развитие выступает как единство взаимосвязей и взаимозависимостей общественной жизни во всем их многообразии, как такое развитие, которое детерминировано нелинейно и включает в себя альтернативность исторического процесса.

В истории общественной мысли неоднократно имели место попытки истолковать эту мысль как «отход» Энгельса от разработанной ранее им совместно с Марксом концепции исторической закономерности, основанной на признании зависимости идеологических, политических явлений от экономической структуры общества [2]. Эта интерпретация, однако, совершенно не соответствует действительному смыслу тех текстов, на которые она пытается опираться. На самом деле и в конце жизни Энгельс отнюдь не считал нужным пересматривать те принципиальные позиции, на которых он и Маркс стояли, начиная еще с середины 40-х годов. Энгельс говорит о том, что любой элемент социального целого является воздействующей на другие элементы величиной, что ни один из них, следовательно, не выступает в роли только причины или только следствия; он отвергает «шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах» и указывает, что всякое историческое явление «коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [3]. Но это отнюдь не тождественно утверж-

---

[1] Термин, предложенный В. В. Адоратским, для обозначения серии ответов Энгельса ряду его корреспондентов, в которых сжато излагалась сущность марксистского метода анализа исторического процесса. В нее обычно включают письма П. Эрнсту от 5 июня 1890 г., К. Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г., Й. Блоху от 21—22 сентября 1890 г., Ф. Рингу от 14 июля 1893 г., В. Боргиусу от 25 января 1894 г.

[2] См., например: *Бернштейн Э.* Предпосылки социализма и задачи социал-демократии (1898); *Вольтман Л.* Исторический материализм (1900); *Vorländer K.* Marx, Engels und Lassale (1903); *Adler M.* Engels als Denker (1920); *Lukács G.* Geschichte und Klassenbewusstsein (1922); *Vranizki P.* Geschichte des Marxismus (1964); *Kołakowski L.* Die Hauptströmungen des Marxismus (1977).

[3] См.: Энгельс — Францу Рингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 84.

дению, будто все элементы социального целого равнозначны. По этому поводу Энгельс выражается совершенно определенно: хотя ход истории нельзя полностью и исчерпывающим образом вывести из экономического положения, все же роль «экономического момента» в общественном развитии остается решающей. Социальный детерминизм — это «взаимодействие на основе экономической необходимости» [1].

Другое дело, что, отмежевываясь от различных вульгаризаций марксизма, автор «писем об историческом материализме» значительно более детально и настойчиво, чем раньше, стремится показать, что экономический фактор, выступая в качестве первичной, «базисной» социальной причины, сам испытывает обратные (но уже вторичные) воздействия и определяет итоговый ход событий лишь в самой общей форме и притом неоднозначно. Разъясняя это И. Блоху, который спрашивал, «являются ли экономические отношения *единственным* определяющим моментом или же они образуют в известном смысле только прочную основу всех других отношений, которые затем и сами могут оказывать действие» [2], Энгельс, в частности, писал, что согласно материалистическому пониманию истории производство и воспроизводство действительной жизни выступают как определяющий момент в конечном счете. «Ни я, ни Маркс,— продолжает он,— большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» [3]. Далее Энгельс указывает на взаимодействие всех этих моментов, в котором «экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (то есть вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, считать, что ее не существует)» [4].

---

[1] См.: Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

[2] Й. Блох — Энгельсу, 3 сентября 1890 г. // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. С. 459.

[3] Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—395.

[4] Там же. С. 395.

Отстаивая принцип первичности производства и воспроизводства материальной жизни против идеалистического истолкования истории, Энгельс использует понятие идеологии, разработанное им и Марксом еще в 40-х годах. «Идеология,— писал он Ф. Мерингу 14 июля 1893 года,— это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [1]. Такой конкретно идеологической формой и является идеализм в понимании истории, сводящий ее движение к процессу, протекающему «в сфере человеческой мысли». У идеалистов, продолжал Энгельс, обычно возникает иллюзия, будто идеологические представления, право, государственные формы обладают абсолютной самостоятельностью, а воздействие их на экономическую жизнь является не обратным, а исходным, изначально определяющим. Эта иллюзия и дает почву для обвинения марксизма в отрицании им всякого воздействия идей на историю. На самом же деле, указывал Энгельс, исторический материализм отрицает не само это воздействие, а лишь его абсолютный характер.

Конкретизируя марксистское понимание социального детерминизма, Энгельс уточнил и развил целый ряд важнейших положений материалистического понимания истории, характеризующих главные моменты диалектики общественного развития.

Диалектика взаимодействия базиса и надстройки

Особенно большое внимание при этом было уделено ключевому для материалистической теории истории соотношению базиса и надстройки. Энгельс, детально проанализировав эти понятия, конкретизировал их содержание.

Социальная реальность, отражаемая в категории «надстройка», предстает в письмах Энгельса 90-х годов как иерархически организованная целостность, как структура элементов, каждый из которых испытывает определяющее воздействие базиса в различной степени и в разных формах. Более подробно рассматривается и степень обратного воздействия элементов надстройки на базис. В этой связи Энгельс особо подчеркивает практическую роль науки, непосредственно влияющей на совершенствование производительных сил общества, разъясняет воздействие на хозяйственную жизнь правовых форм, а также разнообразных политических факторов.

Энгельс показывал, что определяющее значение для характеристики базиса имеет анализ способа производства, и подробно раскрыл, что это означает. Отвечая на вопрос В. Боргиуса, Энгельс писал: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 83.

способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д.» [1]. Энгельс характеризует базис как исторически формирующееся сложное образование, включающее в себя как господствующие на данном этапе общественного развития экономические формы, так и сохранившиеся от предшествовавшего экономического развития.

В работах Энгельса 90-х годов решается и вопрос о воздействии на экономический базис общества также и природно-географических факторов, которые втягиваются в систему социально-экономических связей и опосредствований, обеспечивая наличие и доступность предметов труда, благоприятные и неблагоприятные климатические условия, удобство (или, наоборот, неудобство, невозможность) коммуникаций и т. д.

«В понятие экономических отношений,— указывал Энгельс в письме Боргиусу,— включается... и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются... а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» [2]. Природные условия, отмечает в других работах Энгельс, во многом помешали, например, закрепощению норвежского крестьянства; они же в немалой мере помогли возвышению Бранденбурга и т. д.

Касаясь диалектики базиса и надстройки, Энгельс противопоставляет вульгаризаторской точке зрения «экономического материализма» положение об относительной самостоятельности надстроечных явлений. Эта самостоятельность базируется на открытых Марксом и им законах духовного производства, на движении того мыслительного материала, который накапливается в той или иной области надстройки, обобщая результаты деятельности последовательно сменявших друг друга поколений, передающих потомкам свои идеи и открытия. Энгельс говорит об особом специфическом характере законов духовного производства, ибо оно требует решения таких задач, которые с целями экономической деятельности прямо не связаны (такова, например, задача логической систематизации знания). Кроме того, духовный опыт человечества мигрирует через многие века и страны, и в этом смысле его надо рассматривать не как простой «слепок» с наличных социально-экономических условий, а как концентрированный результат всего исторического развития. Этим, по Энгельсу, объясняется тот парадоксальный с точки зрения «экономического материализма» факт, что относительно отста-

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174.

[2] Там же.

лые в экономическом отношении страны могут играть ведущую роль в развитии тех или иных областей духовной культуры.

Опираясь на эти идеи, Энгельс конкретизировал общее положение об определяющей роли экономики в жизни общества анализом самого механизма ее воздействия на политику и идеологию. Свое понимание этого вопроса он наиболее полно сформулировал в письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 года. Экономическое развитие, писал он, определяет развитие надстройки в рамках условий, которые предписываются этой последней. «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала» [1], причем «даже и это она производит по большей части косвенным образом» [2], поскольку ее воздействие по большей части опосредствуется внутренними взаимодействиями надстроечных явлений.

Сложное, опосредствованное по характеру взаимодействие базиса и надстройки является, по Энгельсу, диалектическим. Его характеристика поэтому не может быть односторонней: скажем, не следует рассматривать духовное развитие как простой коррелят соответствующих экономических условий, но нельзя и сводить его лишь к имманентному движению идей, забывая о том, что само наличие внутренних законов развития различных «секторов» надстройки и относительная самостоятельность этих последних стали возможными только в силу экономических причин, обусловивших в свое время отделение умственного труда от физического.

Разъясняя свое понимание этого вопроса в письмах Ф. Мерингу и В. Боргиусу, Энгельс высказал имеющее принципиальное значение для методологии исторического материализма положение об условиях, в которых материалистическое понимание истории наиболее полно обнаруживает свою правоту и действенность: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем... тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» [3]. При рассмотрении какого-то одного кратковременного, пусть даже значительного исторического эпизода зачастую трудно выявить опосредованные экономические причины событий; нередко это означало бы просто искусственную натяжку, ибо **непосредственные** интересы классов, действующие

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 420.

[2] Там же.

[3] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 176.

в тех или иных ситуациях, далеко не всегда позволяют выявить эти конечные, глубинные причины, действие которых обнаруживается в полной мере лишь на протяжении крупных периодов истории.

Во введении к новому изданию Марксовой «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895) Энгельс не только подтверждает данную мысль, но и идет дальше, формулируя ее уже не только как принцип анализа надстройки, но и как принцип теоретического осмысления истории в целом. Энгельс здесь не отказывается от идеи экономической обусловленности развития всех сфер общественной жизни, но теперь он отмечает, что понимание этой обусловленности зависит от объективно возможной «точки наблюдения», связанной с известным масштабом рассмотрения исторических событий, и должно рассматриваться не абстрактно, а в рамках определенной познавательной ситуации.

Представляя читателю работу Маркса как первую попытку «объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения» [1] (в «Коммунистическом манифесте» этот подход был применен в общих чертах ко всей новой истории в целом, в статьях же, написанных для «Новой Рейнской газеты», он использовался при анализе текущих политических событий), Энгельс подчеркивает, что соответствие между экономикой и другими сторонами общественной жизни наиболее полно и определенно выявляется в крупномасштабном ретроспективном анализе. При исследовании же событий текущей истории и тем более при прогнозировании их хода «никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин» [2]. Это связано с тем, что изменения в хозяйственной жизни обычно выявляются с некоторым опозданием, так что «ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями» [3]. В этой ситуации, отмечает Энгельс, исследователь неизбежно вынужден брать экономический фактор как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу периода за данное и неизменное для всего периода, или же принимать в расчет лишь некоторые, достаточно очевидные его изменения. Поэтому материалистическому методу нередко приходится «ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [4].

Неизбежное при исследовании текущих исторических процессов огрубление их экономической основы, игнорирование неко-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 529.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 530.

торых еще недостаточно выявившихся тенденций ее развития, как отмечал в своей работе Энгельс, создает возможность ошибок, в том числе и достаточно серьезных. Нельзя поэтому абсолютизировать получаемые выводы, рассматривать их как раз и навсегда данные, окончательные: каждый из них должен рассматриваться в качестве опорного пункта дальнейшего движения познавательного процесса к новому, более глубокому, полному и точному знанию.

Рассматривая под этим углом зрения теоретическое наследие Маркса, Энгельс показывает, что материалистическое понимание истории помогло ему видеть суть текущих исторических событий значительно глубже, чем это удавалось кому-либо из буржуазных историков (это касается, в частности, оценки перспектив нового революционного взрыва после поражения революции в 1849 году, вывода Маркса о том, что после подавления Парижской коммуны центр европейского революционного движения переместился в Германию, и др.). Вместе с тем, признает Энгельс, «неправы были и мы» [1], надежды на скорую пролетарскую революцию тогда, в конце 40 — начале 50-х годов XIX века, оказались иллюзией. Причину этого, отмечает Энгельс, исчерпывающим образом выяснила сама история, которая доказала, что состояние экономического развития Европейского континента было тогда еще не настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства. Капитализм, как показал ход промышленного развития в крупнейших европейских государствах, обладал еще значительными возможностями роста и расширения. В конце 40 — начале 50-х годов этот потенциал его будущего развития было еще трудно увидеть. Отсюда и допущенная в то время Марксом ошибочная трактовка ближайших перспектив социального развития, которую разделял и Энгельс. Но данная конкретная ошибка, отмечал Энгельс, не может поставить под сомнение тех выводов марксизма, которые выходят за пределы локальных отрезков исторического процесса и характеризуют его направленность в целом. Действительно, распространение капитализма на новые страны и регионы не только укрепляло его позиции, но и расширяло масштабы противостояния ведущих классов капиталистического общества, неизмеримо увеличивая силу пролетарского революционного движения.

Диалектика объективного и субъективного в истории

Значительный вклад работы Энгельса 90-х годов вносят и в разработку комплекса теоретических проблем, связанных с диалектикой объективного и субъективного факторов общественного развития.

«Люди сами делают свою историю» [2],— подчеркивает Энгельс.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 533.

[2] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

Основная проблема материалистического понимания истории состоит для него в том, чтобы объяснить, как можно «делать историю», если ни природа, ни находимые нами социальные условия от нас не зависят. Решение этого вопроса Энгельс ищет на путях анализа природы исторической необходимости, в ее отношении с суверенитетом наделенных волей и сознанием личностей, из действий которых и рождается то, что мы называем историческими событиями.

Прежде всего он отмечает тот факт, что деятельность людей всегда разворачивается в определенном «пространстве возможностей», обусловленном данной наличной природной и социальной средой, а также уже существующими общественными отношениями, «среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические,— являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» [1]. Выбор тех или иных действий осуществляется, следовательно, на основе уже имеющейся необходимости — как выбор из конкретных уже существующих независимо от данного человека (но также созданных людьми) альтернатив.

Другой момент, выделяемый Энгельсом в связи с проблемой исторической необходимости, состоит в том, что в истории конечный результат всегда получается от столкновений интересов и стремлений множества отдельных индивидов, желания которых определяются особыми, зачастую неповторимыми жизненными обстоятельствами (личными и общественными). «Имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие» [2].

Индивидуальные желания, устремления, намерения, таким образом, исчезают в итоговой равнодействующей: ведь то, чего хочет один, встречает сопротивление со стороны другого, и в результате в конце концов обычно появляется нечто такое, чего не хотел и не предвидел никто. Это позволяет, по мысли Энгельса, при достаточно большом масштабе рассмотрения вообще абстрагироваться от стремлений отдельных индивидов и интерпретировать исторические закономерности по аналогии с природными, действующими «*бессознательно* и безвольно». Однако из того, что в массовых социальных процессах отдельные люди не достигают поставленных ими целей, а их действия не приводят к желаемому результату, вовсе не следует заключать, что воля отдельного человека ничего не значит или равна нулю. Наоборот, она «участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [3].

---

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

[2] Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 395.

[3] См. там же. С. 396.

Проблема столкновения индивидуальных воль тесно связана у Энгельса с диалектикой необходимости и случайности, анализируя которую он развивает идеи, изложенные им ранее в «Диалектике природы», и, в частности, рассматривает генезис необходимости как взаимное наложение и соединение в едином процессе различного рода случайностей. Люди, пишет в этой связи Энгельс, до сих пор творили свою историю, не руководствуясь каким-то общим планом, и их стремления в результате этого перекрещивались. Во всех обществах, в которых механизм исторического процесса носит такой характер, «господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*» [1]. Эта необходимость, пробивающаяся сквозь разнообразные случайности, имеет в конечном счете экономическое содержание. По сути она представляет собой, с точки зрения Энгельса, не что иное, как статистически преобладающую тенденцию в действиях людей, перекрывающую другие тенденции, в силу того что вопросы производства и воспроизводства своего материального существования являются в конечном счете решающими.

Анализ диалектики необходимости и случайности вплотную подвел Энгельса к чрезвычайно важной проблеме о роли личности в истории, в частности к вопросу о так называемых великих личностях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время именно в данной стране, Энгельс относит к случайному. Но исторические функции, которые он должен был выполнить, являются необходимыми. Поэтому, если по каким-либо причинам тот или иной человек, способный выполнить эти функции, устраняется, его место занимает кто-то другой, берущий на себя те же задачи, но решающий их уже по-своему. Так, «если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано» [2].

Материалистическая диалектика как метод социально-исторического познания

Внимательный анализ всего комплекса социально-философских идей, развивавшихся Энгельсом с конца 80-х годов, позволяет вскрыть ошибочность распространенного в зарубежной литературе по истории марксизма мнения о том, что для Энгельса был характерен тотальный сциентизм, по сути своей противоположный «активному антропологизму Маркса» [3]. Энгельс-теоретик, активно опровергавший фаталистические доктрины «экономического

[1] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 175.

[2] Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 176.

[3] Подробный анализ этой тенденции дан в кн.: Марксистская философия в XIX в. М., 1979. Кн. 2. С. 354—358.

материализма» и разрабатывавший диалектико-материалистическое понимание истории как человеческой деятельности, отнюдь не похож на виновника «дегуманизации» марксистской философии — роль, которую ему усиленно приписывают сторонники указанной точки зрения. Вместе с тем «письма об историческом материализме» и тематически примыкающие к ним произведения 80—90-х годов нельзя рассматривать как разрыв Энгельса с теми принципами, на которых были построены такие его работы, как «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы». Эти работы связаны общими принципиально важными идеями с социально-философскими изысканиями Энгельса в последние годы его жизни.

Прежде всего Энгельс ставит и решает проблему применения материалистической диалектики как метода теоретического исследования. В 70-е — начале 80-х годов Энгельс разрабатывал ее решение в основном применительно к естествознанию, теперь же, в последний период своей жизни, он обратился главным образом к социально-историческому знанию. Однако в целом его подход и в том и в другом случае принципиально один и тот же: поскольку диалектика как философский метод обладает предельно высокой степенью обобщения, он применяется к анализу окружающей нас действительности не непосредственно, а через методы конкретных наук, от которых, в свою очередь, требуется «внутренняя диалектичность», позволяющая схватывать связи явлений в их изменении и развитии. «Наше понимание истории,— писал Энгельс,— есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» [1]. Он прямо противопоставляет свой подход «фразам об историческом материализме», которые служат лишь для систематизации ограниченного круга данных, закрывающей путь дальнейшим изысканиям и притупляющей самую потребность этих последних.

К сожалению, приходится признать, что в плену такого рода фраз и концептуальных трафаретов оказалась и советская историческая наука, в которой в силу ряда причин социального и политического характера на долгое время утвердились схематизм и подмена изучения реальных событий их подгонкой под заранее заданную модель.

В качестве примера априорного конструирования, заменяющего изучение действительной истории, Энгельс рассматривает, в частности, взгляды членов группы «молодых», излагавшиеся

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 371.

ими в ходе прошедшей летом 1890 года на страницах газеты «Volks-Tribüne» дискуссии о принципах распределения при социализме. Как характерную черту их подхода к обсуждавшейся проблеме Энгельс отмечает отсутствие диалектики. Будущее социалистическое общество «молодые» рассматривали как нечто раз и навсегда заданное, застывшее, что, собственно, порождало в них иллюзию, будто конкретные черты социалистического строя можно вывести чисто дедуктивным путем. Указывая на эту особенность методологии «молодых», Энгельс в письме к К. Шмидту от 5 августа 1890 года показывает, что забвение диалектики неизбежно ведет к схоластическому теоретизированию, превращающему слова «материалистическое понимание истории» в простую фразу, которой называют все что угодно, не давая себе труда заняться конкретным изучением вопроса. Детально установить черты социалистического общества, с точки зрения Энгельса, принципиально невозможно. Руководствуясь общими представлениями о ходе общественного развития, можно лишь: «1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития» [1]. В этих словах, по существу, сформулировано не только желательное направление дискуссии о социалистическом распределении, но и общий подход марксизма к вопросу о характере и мере научного предвидения в обществоведении.

При правильной постановке вопроса материалистическое понимание истории как материалистическая диалектика, примененная к развитию общества, выступает, по мысли Энгельса, не в виде какой-то «формальной схемы», по мере необходимости наполняемой тем или другим фактическим содержанием, а в виде конкретного воссоздания исторического процесса. Иными словами, это не возвышающаяся над исторической наукой категориальная структура, это и есть сама история, теоретически воссоздаваемая в соответствии с диалектико-материалистическим методом, который задает не схему, иллюстрируемую изучаемым процессом, а общие методологические принципы его объяснения. Образцом такого подхода Энгельс считал социально-исторические работы Маркса, такие, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции», и ряд других. Оценивая же труды современных ему марксистов, он особенно выделял работы Ф. Меринга, в частности его книгу «Легенда о Лессинге». Здесь, с удовлетворением писал он А. Бебелю, «материалистическое понимание истории... наконец начинает применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории» [2].

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 370—371.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 16 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 268—269.

Размышления Энгельса в последние годы его жизни над методологическими аспектами материалистического понимания истории не только вносили в него большую ясность, но и придавали ему некоторое новое качество. По сути дела, в ходе этих размышлений в рамках марксистского учения о развитии общества формировался новый структурный уровень — уровень саморефлексии, критического самоанализа теории.

Элементы такого анализа, где в качестве объекта положена не сама историческая реальность, а отношение к ней теории, описывающей и объясняющей эту реальность, разумеется, можно найти и в более ранних произведениях основоположников марксизма. Но именно с конца 80 — начала 90-х годов он становится неотъемлемым элементом марксистского социально-философского мышления. Именно с этим обстоятельством следует связывать такие характерные для последних работ Энгельса моменты (особенно отчетливо проявившиеся в написанном в 1895 году введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции»), как стремление обратить критическую функцию материалистической диалектики на собственные (свои и Маркса) выводы и показать связь этих выводов с той социально-исторической ситуацией, в рамках которой они были получены, а следовательно, осознать их неполноту и ограниченность, преодолевая которые и развивается постоянно действительное познание. Во введении Энгельс, в частности, указывает на ошибочность взглядов на перспективы пролетарской революции, которых Маркс и он придерживались в 40-е — начале 50-х годов, и отмечает, что их прогнозы были основаны на переоценке степени зрелости европейского капитализма. Анализ марксистской концепции исторического процесса, предпринятый Энгельсом, противостоял проявлявшимся уже в то время в работах целого ряда ведущих деятелей II Интернационала тенденциям к догматизации, к абсолютизации уже имеющихся положений в ущерб задачам и целям научного поиска.

Важным вкладом в развитие исторического материализма явился предпринятый Энгельсом в 80—90-е годы анализ форм общественного сознания, в частности искусства и религии.

Развитие марксистского подхода к осмыслению искусства

Вопреки весьма распространенной в 90-е годы точке зрения, согласно которой собственно марксистский подход к художественному творчеству ограничивается анализом чисто социологических аспектов и без остатка раскрывается в таких понятиях, как «идеология», «надстройка», «способ духовного производства» и т. п., эстетические проблемы, над которыми работал в этот период Энгельс, весьма многообразны и многоплановы. И хотя в контексте разработки материалистического понимания истории он действительно уделял в последние годы жизни вопросам социальной обусловленности художественного творчества исключительное внимание (как, впрочем,

и раньше), в большинстве своем рассматриваемые им проблемы носят комплексный характер и исследуются одновременно и в социальном, и в гносеологическом, и в собственно эстетическом плане.

Характерный пример этого — анализ Энгельсом реализма, который в этот период занимает одно из центральных мест в его эстетических изысканиях.

Начало разработке этой темы было положено еще в 50-е годы, когда в переписке с Лассалем и в ряде других произведений Маркс и Энгельс теоретически обосновали идеал искусства, изображающего жизнь во всей ее суровой правде, многосложности и противоречивости. Однако в этот период они уяснили себе лишь отдельные, хотя и очень важные, особенности реалистического искусства. В целом же их понимание реализма на этом этапе не было достаточно систематическим. Не достигло оно и достаточной степени обобщенности: пропагандируя в работах 50-х годов свою точку зрения на то, каким должно быть современное искусство, Маркс и Энгельс обычно шли от единичного — от художественного опыта отдельных выдающихся художников-реалистов, который они берут в качестве образца, задающего направление и ориентиры творчества (так, они советовали Лассалю писать «по-шекспировски», а не «по-шиллеровски», противопоставляли «суровые рембрандтовские краски» восторженному преображению действительности в творчестве Рафаэля).

В середине 80-х годов марксистское понимание реализма складывается в целостную теоретическую концепцию, в рамках которой Энгельсом были выделены основные «образующие» реалистического метода, его эстетические и гносеологические принципы, имеющие универсальное значение и проявляющиеся в творчестве различных представителей реалистического направления (разумеется, всякий раз в своеобразной, индивидуально неповторимой форме). Наиболее важные из этих принципов изложены Энгельсом в письме к М. Каутской (1885) и в черновике письма к М. Гаркнесс (1888).

Энгельс показывал, что реалистический метод отличается прежде всего особым, присущим именно ему подходом к изображению человека, диалектически соединяющим обобщение с четкой индивидуализацией, не допускающей «растворения личности в принципе». Реализм стремится к тому, чтобы представить каждый характер как тип и вместе с тем как определенную личность — то, что у Гегеля обозначалось термином «этот». Отсюда вытекала специфическая для реалистического метода форма выражения идейной направленности творчества: с точки зрения эстетики реализма, превращение действующих лиц в «рупоры» определенных идей, широко практиковавшееся ранее в искусстве, является недопустимым. «...Тенденция,— писал Энгельс,— должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать, и писатель не обязан преподносить

читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов» [1]. Главный принцип реализма — верное воспроизведение жизни. Поэтому, если, скажем, художник-реалист стоит на позициях пролетариата и стремится выразить их в искусстве, то лучше всего он выполнит эту задачу не политическими декларациями и не односторонней идеализацией представителей своего класса, а правдивым изображением окружающей жизни, которое уже само по себе говорит в пользу социалистических идеалов.

По мысли Энгельса, в общей тенденции логика воссоздания художественной правды совпадает с объективной логикой общественного развития. Поэтому реализм в искусстве может проявляться даже независимо от социальных и политических взглядов художника,— конечно, если только последний обладает достаточной мерой ума и таланта.

Примером такого рода Энгельс считал творчество Бальзака, который дал яркую картину разложения и упадка французского дворянства, хотя сам он был по своим убеждениям легитимистом и поклонником аристократии. Секрет силы и глубины бальзаковских творений, по мысли Энгельса, в том, что их автор сумел верно изобразить ключевые коллизии, основные направления жизни французского общества. Главная из них — неуклонно усиливающееся влияние буржуазии, под натиском которой старинная аристократия, несмотря на временную победу, одержанную ею при помощи иностранных армий, неотвратимо сдает свои позиции во всех сферах. Вокруг этого процесса знаменитый романист выстроил свою картину истории французского общества, отображенную настолько правдиво, что Энгельс, по его собственному замечанию, узнал из нее даже в смысле экономических деталей значительно больше, чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых [2]. Бальзак скорбит о гибели аристократического общества, кажущегося ему образцовым; его «Человеческая комедия» — нескончаемая элегия по поводу этой гибели. Но жизнь, отображенная в ее действительных закономерностях, не оставляет места для иллюзий. Вот почему сатира великого писателя никогда не была более острой, а его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать тех, кому он больше всего симпатизировал,— дворян. И не случайно единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением,— это его самые ярые политические противники — демократы-республиканцы. В том, что, повинуясь объективной логике жизни, Бальзак непроизвольно шел против своих собственных идейно-

[1] Энгельс — Минне Каутской, 26 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 333.

[2] См.: Энгельс — Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 36.

политических пристрастий — показывал неизбежность падения дворянства, более того,— показывал, что оно не достойно лучшей участи, Энгельс видел одну из величайших побед реализма и одно из свидетельств величия самого Бальзака как писателя.

Таким образом, проблема реализма была сформулирована и разрешена Энгельсом, по сути, как проблема объективности художественного отражения. Между такой постановкой вопроса и эстетическими идеями, высказывавшимися им и Марксом в тот период, когда их понимание реализма находилось еще в стадии становления, существует несомненная преемственность, но есть и немаловажные отличия.

В 50-е годы Маркс и Энгельс говорили о реалистичности как об адекватном воспроизведении в образном строе того или иного художественного произведения закономерностей и тенденций развития изображаемых художником явлений окружающей жизни. Теперь же анализировалось и характеризовалось само отношение к действительности, которое порождает реалистическое искусство. И, следовательно, речь шла уже об особой эстетической и гносеологической позиции субъекта, об особенностях его взаимодействия с объективным миром. Реализм представал в связи с этим как определенный способ постижения действительности, параметры которого определяют и образную структуру, и поэтику, и эстетические нормы, и идеологические функции искусства (особый тип тенденциозности, присущий реализму). Понятие художественной правды, которое ранее фигурировало в произведениях основоположников марксизма как нечто внутренне нерасчлененное, здесь уже дифференцировалось: соответственно различным элементам художественной структуры выделялись различные формы адекватности искусства действительности. Реалистичность при этом оказывалась уже не просто синонимом правдивости искусства вообще, а выступала как единство и взаимосвязь всех форм художественной правды, порождаемая особым методом постижения объективного мира. На этой идее основано то классическое определение реализма, которое было дано Энгельсом в письме к М. Гаркнесс: «...реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах» [1].

Применяя эту мысль к конкретному художественному материалу, Энгельс писал о том, что сила и глубина реалистического художественного мышления состоит в умении проследить в индивидуальных судьбах людей, в их психологии и действиях отношения и исторические судьбы социальных слоев и классов. Это, с его точки зрения, делает реалистическое искусство инструментом социальной критики, средством осмысления противоречий общественной жизни и формой самосознания передовых социальных сил. Утверждение реалистического метода в этом смысле равно-

[1] Энгельс — Маргарет Гаркнесс, начало апреля 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 35.

значно освобождению искусства от превращенных форм осознания социальной реальности. Поэтому последовательный и бескомпромиссный реализм, с точки зрения Энгельса, обладает огромным революционным потенциалом. С одной стороны, правдиво изображая действительные отношения, он «разрывает господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывает оптимизм буржуазного мира, вселяет сомнения по поводу неизменности основ существующего,— хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону» [1]. С другой стороны, реалистическое искусство помогает революционным классам осознать свои действительные задачи и освободиться от собственных предрассудков.

Теоретические обобщения, полученные Энгельсом в ходе осмысления творческого опыта реализма, в частности, его выводы, касающиеся соотношения идеологических и познавательных аспектов реалистического искусства, использовались им в ходе дальнейшей разработки марксистских принципов анализа искусства как общественного явления.

Разъясняя эту проблему в свете проводимого им в «письмах об историческом материализме» анализа диалектики базиса и надстройки, Энгельс подчеркивал, что литературное и художественное развитие не может быть непосредственно выведено из экономики. Основанное в конечном счете на экономическом развитии, оно испытывает на себе влияние других сфер общественной жизни. Вместе с тем оно само оказывает определенное воздействие на экономический базис, составляя одно из идеологических условий, в рамках которых осуществляется экономическая деятельность людей.

Большое внимание в этой связи Энгельс уделил методологии классового подхода к художественному творчеству, критике его вульгарно-социологических интерпретаций, которые отдельные примкнувшие к социал-демократии литераторы и публицисты, в частности, члены группы «молодых», пытались выдать за марксизм.

Как вульгаризацию материалистического понимания истории Энгельс расценил, в частности, статьи П. Эрнста, посвященные норвежской литературе, где образы, созданные в произведениях ее классиков (Ибсена, Бьернсона и др.), трактовались как выражение отчаяния норвежского мещанства, бессильного остановить ход капиталистического развития, подрывающего устои его жизни и основы его экономического существования.

Разбирая взгляды П. Эрнста в письме к нему (1890), Энгельс указывал на основные методологические пороки вульгарного социологизма в эстетике — сведение всего содержания художествен-

---

[1] Энгельс — Минне Каутской, 26 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 333.

ного творчества к «классовым определениям»; метафизическое понимание классов как неких абстрактных универсалий, в которых, по существу, растворяется все национальное и историческое своеобразие художественной культуры; схематизм теоретического мышления, ограничивающий все задачи эстетического исследования одной — подведением рассматриваемых художественных явлений под ту или иную социологическую категорию. Материалистическое понимание истории, доказывал Энгельс, при этом превращается в свою противоположность. Оно теряет значение методологической основы исторического исследования (в данном случае — исследования художественного процесса) и превращается в набор готовых шаблонов, по которым кроятся и перекраиваются факты.

Разъясняя П. Эрнсту его ошибки, Энгельс показал, как следует применять марксистский метод к конкретным явлениям духовной жизни. Своеобразие национальной культуры, сущность определенного направления в искусстве или творчестве отдельного художника, по Энгельсу, могут быть раскрыты только в конкретно-историческом анализе. Подчеркивая основополагающее значение классового подхода для оценки художественного творчества, Энгельс в то же время указывал, что классы в данном случае надо брать не вообще (что характерно для вульгарно-социологического подхода), а как классы совершенно определенного общества (немецкого, норвежского и т. п.), взятого в известный, исторически своеобразный момент его развития.

При этом главной задачей исследователя-марксиста становится выявление не только «классового генезиса» тех или иных значительных явлений художественной культуры, но и их общечеловеческого содержания. «Мещане они или не мещане,— пишет, в частности, Энгельс, возражая П. Эрнсту, определявшему норвежскую литературу XIX века как мещанскую,— но эти люди создают гораздо больше, чем другие, и накладывают свою печать также и на литературу других народов...» [1]

Вопрос о том, как, почему и при каких условиях классовая культура оказывается способной в той или иной степени выражать общечеловеческие ценности, Энгельс также рассматривал как проблему, разрешающуюся конкретно-историческим исследованием. Так, объясняя причины, по которым мелкобуржуазная Норвегия пережила во второй половине XIX века большой подъем в области художественной культуры, тогда как, например, в Германии мелкобуржуазная среда не смогла стать питательной почвой для значительных достижений в художественном творчестве, хотя она и наложила большой отпечаток на национальную культуру в целом, Энгельс в частности ссылался на такие особенности исторического развития первой, как отсутствие крепостного права, сильные демократические традиции и т. п. Если в Германии

[1] Энгельс — Паулю Эрнсту, 5 июля 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 351.

мелкая буржуазия была плодом потерпевшей поражение революции, прерванного и обращенного вспять развития, что вело к духовной деградации данного класса, то в Норвегии она, напротив, складывалась в ходе нормального (хотя и замедленного в сравнении с ведущими европейскими государствами) поступательного движения общества.

Развивая эстетическую концепцию марксизма в контексте дальнейшей разработки материалистического понимания истории, Энгельс рассмотрел также методологически очень важный вопрос об освоении в искусстве универсальных качеств человека как суверенного деятельного существа. Эти качества, разумеется, выражены конкретными социальными типами, существующими в совершенно определенной социальной обстановке. Так, в произведениях норвежской литературы видим преимущественно жизнь мелкой и средней буржуазии. Но в данном случае для Энгельса важно не только и, может быть, не столько это, сколько то, что это мир, где действуют люди, наделенные инициативой, самостоятельностью, сильным характером. Показательно, что, характеризуя общественную среду, жизнь которой отразила норвежская литература XIX века, Энгельс специально обратил внимание на меру ее общечеловеческой универсальности. Он писал, что норвежский мелкий буржуа воспитан демократическими традициями страны, не знавшей крепостничества, «и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с вырождающимся немецким мещанином» [1]. Именно с этим, по мысли Энгельса, в значительной мере и связаны выдающиеся достижения норвежских писателей XIX века.

На конкретном материале норвежской литературы Энгельс, по сути, выявил одну из важнейших закономерностей художественного процесса вообще: взлеты художественной культуры происходят тогда, когда художник находит в социальной реальности адекватный гуманистической сущности искусства предмет отражения.

Разработка вопросов атеизма и религии

В конце 70-х, в 80—90-х годах XIX столетия Энгельс посвящает проблемам религии и атеизма несколько специальных статей. Затрагиваются эти темы и в ряде его крупных произведений. Анализ этого наследства показывает преемственность основных идей, связанных с религией и атеизмом в ранних и более позднего периода работах Маркса и Энгельса. Эти идеи получают развитие и конкретизацию прежде всего в произведениях Энгельса 70—80-х годов. В работах «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» автор останавливается на определении сущности и социальной природы религии, на выяснении ее общественных, гносеологических и психологических корней, дает классификацию религиозных форм, просле-

[1] См.: Энгельс — Паулю Эрнсту, 5 июня 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 352—353.

живает их эволюцию от первоначальных верований до развитых мировых религий, проводит исследование генезиса и развития идеи бога, становления и содержания монотеизма.

Общефилософские исследования Энгельса внесли существенный вклад в атеистическую пропаганду также разработкой категорий диалектики, раскрытием механизмов самодвижения и саморазвития мира, учением о его материальном единстве, характеристикой значения прогресса естествознания, научной картины мира для обоснования и подтверждения материалистических мировоззренческих выводов.

Характеристике раннего христианства, его идейным источникам посвящены статьи Энгельса 80—90-х годов: «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» (1882), «Книга откровения» (1883), «К истории первоначального христианства» (1894—1895).

В этих произведениях Энгельс развивает и обогащает известные положения марксизма об отсутствии у религии собственной, отличной от «этого» мира истории, самостоятельного и первичного в отношении земного бытия царства трансцендентных религиозных сущностей, «вечных божественных истин» и т. п. Он рассматривает религию как особый вид идеологии, хотя и «более высокого порядка» [1], в смысле «отлета» от материальных основ жизни общества, но тем не менее генетически и функционально связанной с историческими условиями существования людей.

Останавливаясь во многих своих работах, письмах на вопросе об относительно самостоятельном характере идеологических образований, их активности, об обратном влиянии надстройки на базис, идеологии на экономику, политику, общественную жизнь, различные сферы общественного сознания, Энгельс в полном объеме относит все это и к религии. Более того, как показывает практика, подобное религиозное влияние может быть столь значительным, что внешне выглядит «определяющим», «первичным» в отношении социальной действительности. На отмеченной аберрации восприятия Энгельс не раз подробно останавливался, в частности, в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», анализируя сущность идеалистического подхода Л. Фейербаха к содержанию крупных переворотов в общественной жизни, происходящих, с точки зрения последнего, от религиозных «революций». Причины и следствия в подобной интерпретации попросту меняются местами [2].

В период 80—90-х годов Энгельс продолжает особое внимание уделять анализу значения и роли, которые в различные исторические эпохи принимают в обществе атеизм и религия. Он продолжает линию критики традиционного клерикально-теологического тезиса «все (хорошее) — от религии», обозначенную еще

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

[2] См. там же. С. 294.

в ранних работах его и Маркса. Этот же тезис, по существу, был принят на вооружение и многими представителями буржуазного атеизма и антиклерикализма, только знак поменялся с плюса на минус: «все общественные беды, теневые стороны жизни людей — от религии».

Энгельс на ряде конкретных примеров показывает, что «обратное влияние» религии и атеизма может носить совершенно неоднозначный характер, априорный подход к оценке которого означал бы грубое нарушение основных принципов научного исследования. Так, Энгельс прекрасно видел и учитывал то обстоятельство, что религию, религиозные средства и формы могут использовать в своих целях различные, даже противоположные классы, общественные группы и движения, как реакционные, так и прогрессивные. И так же как религия, столь же неоднозначными в своих социальных проявлениях способны стать материализм и атеизм.

Очень характерно в этом отношении введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», написанное в 1892 году. В нем Энгельс анализирует различия в использовании религии и атеизма, а также материализма, в своих классовых интересах идеологами буржуазии Англии и Франции в эпоху их борьбы с феодальными институтами, освящаемыми церковью. Если «ставка» французских просветителей была сделана на материализм и приближающийся к атеизму деизм, то английские буржуа всецело надеялись на религиозные средства идеологической борьбы и в кальвинизме, как писал Энгельс, нашли «себе готовую боевую теорию» [1]. Вместе с тем идеи материализма и «проатеистического» деизма в Англии были тесно связаны с антибуржуазным политическим направлением аристократии, занимая в тот исторический период соответствующее место в развитии классовых битв на острове. «Вот почему,— отмечает Энгельс,— в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выставляли также главные боевые силы прогрессивного среднего класса...» [2]

Материализм, перекочевав во Францию, становится там теоретическим знаменем Великой французской буржуазной революции. Она явилась именно тем «восстанием буржуазии... которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба была проведена на открыто политической почве» [3].

Парадокс ситуации, таким образом, заключался в том, что один и тот же класс в различных обстоятельствах, в различных

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 308.

[2] Там же. С. 311.

[3] См. там же.

общественно-исторических и национальных условиях брал на вооружение противоположные по мировоззренческим основаниям учения. Как пишет Энгельс, «чем больше материализм становился символом веры французской революции, тем крепче богобоязненный английский буржуа держался своей религии», открыв скоро «в этой религии также средство для того, чтобы обрабатывать сознание своих естественных подданных и делать их послушными приказам хозяев» [1].

Проводя историко-философский анализ развития и преемственности идей свободомыслия и атеизма как составной части гуманистической традиции и общекультурного прогресса человечества, Энгельс прослеживает, как в XIX веке революционный характер материализма и атеизма был воспринят растущим рабочим движением на континенте, когда западноевропейская буржуазия стала решительно открещиваться от прежних материалистических философских и антирелигиозных воззрений [2]. Однако «дальновидность» английского буржуазного класса оказалась довольно относительной: с развитием рабочего движения в Британии некоторые его направления принялись успешно использовать в своих целях «привычные» религиозные формы пропаганды, а именно развивать радикальные элементы «раннехристианской классовой борьбы», что в состоянии «в один прекрасный день... доставить немало тревог богатым людям», тратящим «из года в год тысячи и десятки тысяч на проповедование евангелия низшим сословиям» [3]. Вместе с тем в ряде других своих работ данного периода Энгельс размышляет над причинами, по которым, как он считает, современное ему христианство в целом теряет способности впредь служить идеологической маскировкой для прогрессивных общественных устремлений какого-либо класса [4], по крайней мере в той степени, в какой это наблюдалось в раннем христианстве, в средневековых массовых еретических выступлениях.

В связи с этим чрезвычайно интересен анализ содержания идей первоначального христианства, исследование тех любопытных аналогий, которые оно имеет с социалистическим движением XIX века в Европе. Энгельс обнаруживает немало таких точек соприкосновения: широкая социальная база революционного движения угнетенных; основная тема — тема освобождения от рабства и нищеты; противопоставление себя «старому миру», его ценностям, объявляемым ложными; общие судьбы в преследованиях и гонениях, вопреки которым, а часто и благодаря им и христианство, и социализм победоносно прокладывали себе путь к победе;

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 313, 310.

[2] См. там же. С. 318.

[3] См. там же. С. 315, 314.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Там же. Т. 21. С. 315.

наличие сходных «бытовых» проблем, трудностей, внутренних противоречий.

Энгельс специально останавливается на проблеме эволюции идеологии рабов и угнетенных, позволившей ей на первом этапе развития стать эффективным выразителем массового протеста против гнетущих общественных условий, а впоследствии переродиться до такой степени, чтобы оказаться признанной государственной религией римской мировой империи: ценой этого была утеря христианством первоначального революционно-демократического настроя, радикального социального критицизма.

При всей внешней схожести и даже близости духу социализма ранняя христианская религия принципиально отличалась от него в определении путей осуществления задач освобождения. «...Это христианство...— пишет Энгельс,— хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в «тысячелетнем царстве», которое должно-де было наступить в недалеком будущем» [1]. Проведя содержательный социально-исторический анализ состояния Римской империи эпохи первых христиан, Энгельс приходит к заключению, что тогда и даже гораздо позднее, вплоть до XVII века, утешение могло выступить только в религиозной форме [2]. Особое внимание Энгельс уделяет разбору одного из самых первых, как он пишет (опираясь на данные современных ему ученых), источников христианства — Откровения Иоанна Богослова. Этот документ ясно показывает, насколько далеко отстоит первоначальная христианская идеология от ее победившего в империи варианта. Его автор не имеет даже отдаленного понятия о том, что он «представитель совершенно новой фазы развития религии, фазы, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества», «одним из величайших элементов революции» [3]. В Откровении «нет ни догматики, ни этики позднейшего христианства; но зато есть ощущение того, что ведется борьба против всего мира и что эта борьба увенчается победой; есть радость борьбы и уверенность в победе, полностью утраченные современными христианами и существующие в наше время лишь на другом общественном полюсе — у социалистов» [4].

Не меньше, чем анализ «взаимоотношений» христианства и социализма в ретроспективном, историческом плане Энгельса занимает вопрос о перспективах эволюции и судьбе христианства, вообще религии в будущем социалистическом обществе. Эта проб-

[1] *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 468.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Там же. Т. 19. С. 313.

[3] См.: *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 478; *Энгельс Ф.* Книга Откровения // Там же. Т. 21. С. 10.

[4] *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Там же. Т. 22. С. 478.

лема приобретала чрезвычайную актуальность и важность потому, что некоторые идеологи мелкобуржуазного социализма (О. Бланки, Е. Дюринг и др.), восприняв худшие традиции буржуазного атеизма и антиклерикализма, настойчиво пропагандировали в рабочем движении тезис об административном насильственном «запрещении» религии социалистическим государством, о необходимости проведения «политической войны» с религией и т. п.

Несомненен вред подобных установок, игнорирующих существование социальной базы воспроизводства религии и при социализме, и способных при их проведении только укрепить религиозные настроения в массах, увенчивая религию ореолом мученичества [1]. Энгельс поэтому высоко оценил такие решения Парижской коммуны, как проведение в жизнь принципа свободы совести, гласящего, что *«по отношению к государству* религия является просто частным делом» [2], и отстаивал положение о необходимости полного отделения церкви от государства и школы от церкви [3]. Другим центральным принципом научного отношения социалистов к религии ставилось требование подчинения атеистической воспитательной работы общим целям общепролетарского дела, объединения для его успеха верующих и неверующих людей, что получило впоследствии дальнейшее развитие в известных работах Ленина, посвященных анализу темы «социализм и религия».

3. АНАЛИЗ ЭНГЕЛЬСОМ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ КАПИТАЛИЗМА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В конце XIX века в развитии экономики капитализма наметились новые черты: получили широкое и повсеместное распространение акционерные общества, происходило образование капиталистических монополий, усилилась роль биржи. В то же время наряду с этими изменениями в экономическом строе буржуазного общества и в связи с ними возрастала неравномерность экономического развития капиталистических стран, обострялась конкуренция на мировом рынке. В последние десятилетия XIX века отмеченные тенденции экономического развития приобрели достаточно отчетливый характер, ясно обозначились рост их значения в жизни капиталистического общества, усиление их влияния на отношения классов буржуазии и наемных рабочих. Стало настоятельной необходимостью исследование этих явлений с позиций научного мировоззрения, под углом зрения перспектив развития революционной борьбы рабочего класса. Разработка

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 330.

[2] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 195.

[3] См.: *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. С. 240.

этих сложнейших проблем Энгельсом — его выдающийся вклад в творческое развитие пролетарской политической экономии.

Важно отметить, что Энгельс анализировал эти изменения, рассматривая их как бы с двух сторон. С одной стороны, и это главное направление анализа, он исследовал их, выявляя то новое, что появляется в экономической системе капитализма и развивается в экономике всех крупнейших буржуазных держав того времени; с другой — он анализировал новые явления, возникшие в международных экономических отношениях, в частности, в отношениях этих держав на мировом рынке. В этих двух аспектах рассмотрения изменений в экономике нашли отражение две стороны объективного процесса развития капитализма в конце XIX века.

Развитие акционерных обществ и изменение роли капиталистов

Энгельс в произведениях 80—90-х годов глубоко исследовал новое в распространении акционерной формы предприятий, уделив особое внимание росту значения акционерных обществ в социально-экономической жизни буржуазного общества.

Следует отметить, что Маркс и Энгельс и ранее анализировали образование и роль акционерных обществ. Наибольший вклад в разработку этих проблем внес Маркс, подытожив свои исследования акционерной формы в рукописи 1864—1865 годов. Маркс глубоко раскрыл сущность акционерных обществ как формы централизации капитала, позволяющей достичь такого колоссального расширения масштабов производства и создать такие крупные предприятия, которые были бы невозможны для отдельного капитала [1]. Зарождение акционерных обществ Маркс связывал с развитием кредита, в особенности подчеркивая значение развития государственных займов, торговли ценными бумагами и возникновения на этой основе крупной денежной буржуазии, финансовой аристократии. Выявляя основы распространения акционерной формы предприятий, он указывал на необходимость громадных капиталовложений в связи с развитием железнодорожного транспорта, морского судоходства и т. д. Маркс считал важнейшей экономической особенностью акционерных обществ то, что в последних функционирующие капиталисты превращаются в простых управляющих, которые распоряжаются чужими капиталами, а собственники капитала — в чистых собственников, в чистых денежных капиталистов, и, таким образом, капитал как собственность совершенно отделяется от капитала-функции. Он доказывал, что в акционерных компаниях капитал, покоящийся на общественном способе производства и предполагающий общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, приобретает непосредственную форму общественного капитала в противоположность частному капиталу [2]. В этом он видел «упразднение

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 641—642; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 479.

[2] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 479.

капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» [1].

Подытоживая свой анализ акционерных обществ, Маркс сделал важнейший вывод о том, что они составляют «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разъединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность. С другой стороны, акционерные общества — переходный пункт к превращению всех функций в процессе воспроизводства, до сих пор еще связанных с собственностью на капитал, просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции» [2]. Основное содержание этих идей было известно Энгельсу еще до начала его работы над изданием II и III томов «Капитала». В ряде произведений, опубликованных в 80-е годы и позднее, Энгельс высказывал аналогичные положения, развивая Марксово и свое понимание акционерных обществ. Вместе с тем он также рассмотрел и возникавшие в эти годы новые особенности их развития.

Энгельс анализировал проблемы, связанные с распространением акционерных обществ, в ряде произведений, среди которых «Социализм г-на Бисмарка» и «Развитие социализма от утопии к науке» (1880), «Общественные классы — необходимые и излишние» и «Хлопок и железо» (1881), «Протекционизм и свобода торговли» (1888), «Отставка буржуазии» (1889), «К критике проекта социал-демократической программы» (1891), «Биржа» (дополнительные замечания к III-му тому «Капитала», 1895) и др.

Рассматривая распространение акционерных обществ в крупнейших державах того времени, Энгельс с особым вниманием изучал связь этого процесса с другими явлениями в капиталистической экономике. Он показывал, что предпосылкой роста акционерных компаний является наличие масс свободного денежного капитала, в связи с чем организация этих компаний сопровождается учредительской и спекулятивной горячкой, что ведет к перераспределению капитала между капиталистами и к усилению роли крупнейших банкиров.

В частности, Энгельс показал это на примере Германии, где в начале 70-х годов в условиях циклического подъема крупные массы свободного в денежной форме капитала, размеры которого дополнительно были увеличены за счет миллиардов французской контрибуции, «попали в руки крупных финансистов, поспешивших извлечь из них выгоду на бирже» [3]. В результате возникла настоящая горячка учредительства акционерных обществ

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 479.

[2] Там же. С. 480.

[3] *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 177.

в промышленности и транспорте, акционерных банков и кредитных учреждений, «для которых внешняя форма промышленных предприятий была в действительности только предлогом для самого бесстыдного ажиотажа» [1], то есть для биржевой спекуляции крупнейших банкиров, и в итоге «непомерная спекуляция завершилась всеобщим крахом» [2]. На примере этих событий Энгельс указал на неизбежность кризиса и раскрыл механизм воздействия горячки учредительства акционерных обществ на подготовку кризиса. В частности, он писал об увеличении в короткий срок средств производства и сообщения, заводов и железных дорог, созданных для того, чтобы биржевики имели возможность спекулировать акциями этих предприятий, прикрываясь так называемой общественной потребностью в расширении промышленности и транспорта. В результате этого раздувания производства в интересах спекуляции акциями в ходе разразившегося кризиса «оказалось, что далеко превзойдены пределы той общественной потребности, которая служила предлогом для этого; что за четыре года было создано больше железных дорог, заводов, копей и т. д., чем было бы создано при нормальном развитии промышленности за четверть века» [3]. Таким образом, горячка учредительства и соответственный форсированный рост акционерных предприятий ведут, как показал Энгельс, к усилению диспропорций между капиталистическим производством и потреблением [4].

Вместе с тем он разъяснял, что акционерные общества являются необходимой формой развития производительных сил, в особенности железнодорожного транспорта, морского пароходства, а также горнодобывающей и металлургической промышленности. Рассматривая рост акционерных предприятий и увеличение их размеров, Энгельс писал в 1881 году, что «учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше» [5]. Он показывал, что экономическое развитие буржуазного общества ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных акционерных предприятиях, и на этой основе делал вывод о том, что «производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем... уже все больше и больше становится исключением» [6]. Позднее,

---

[1] *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 178.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] См. там же. С. 177—178.

[5] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. С. 298.

[6] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. Т. 22. С. 234.

уточнив, что со времени кризиса 1866 года происходило быстрое распространение акционерной формы предприятия в промышленности, Энгельс развернул это положение. Он, в частности, указывал на опережающий рост накопления капитала по сравнению с увеличением размеров производства, что высвобождало массы денежных капиталов и было конкретной причиной ускорившегося образования акционерных обществ, явившихся формой применения этих капиталов в промышленности, транспорте, торговле и банках. Он также отметил такой важный фактор развития этого процесса, как повсеместное распространение новых законодательных форм для общества с ограниченной ответственностью акционеров. Осмысливая эти новые стороны прогресса акционерной формы, Энгельс обосновал вывод о том, что «единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество» [1].

Анализируя распространение акционерной формы предприятий, Энгельс сформулировал важнейшую проблему изменения экономической функции капиталистического класса. Он, в частности, ставил вопрос о том, продолжает ли этот класс выполнять свою «функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом?» [2]

Отмечая, что все большее число различных промышленных, транспортных и торговых предприятий, все большая часть производительных сил общества переходит в собственность акционерных компаний, он обосновывал вывод о том, что размер огромных предприятий достиг такого уровня, когда отдельные капиталисты уже не могут ими руководить. Он показывал, что в акционерных компаниях управление находится в руках наемных служащих, к которым перешло выполнение экономической функции капиталистов как руководителей производства [3], и тем самым капиталист вытесняется из производства как олицетворение капитала-функции. Энгельс пояснял, что «акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими» [4].

В связи с этим Энгельс исследовал изменения, происходившие внутри буржуазного класса, проанализировал новые черты капиталиста как собственника. В частности, он разъяснял, что вследствие перехода предприятий в собственность акционерных обществ капиталист становится акционером, собственником акций. В соответствии с этим капиталист приобретает новые

---

[1] *Энгельс Ф.* Биржа // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 485–486.
[2] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. Т. 19. С. 297.
[3] См. там же. С. 297, 298.
[4] Энгельс — Августу Бебелю, 16 мая 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 268.

функции: во-первых, получение доходов по акциям, то есть дивидендов, и, во-вторых, еще одну — «спекулировать своими акциями на бирже» [1]. В своем анализе Энгельс наряду с этими изменениями показал связанное с ними сосредоточение огромных капиталов в собственности крупнейших денежных капиталистов, влияние которых все более расширялось и повышалось на основе развития акционерных обществ. Рассматривая конкретные данные как доказательство быстрого роста концентрации капитала в Америке, он на этой основе делал выводы об усилении власти богатства, упрочении союза биржи и правительства, возрастании могущества «денежных тузов», крупнейших финансистов [2].

Анализ Энгельсом образования капиталистических монополий

В дополнениях к 4-му немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» (1891), в добавлениях и примечаниях к III тому «Капитала», вышедшему в свет в 1894 году, а также в ряде статей и писем Энгельс, проанализировав новые явления в экономике капитализма конца XIX века, уделил особое внимание образованию капиталистических монополий. Монополии стали одной из основ хозяйственной жизни капиталистического общества в начале XX века, переход от капитализма свободной конкуренции к империализму при жизни Энгельса еще не завершился, и поэтому он не мог дать теоретического исследования новой монополистической стадии развития капитализма. Эта задача была решена впоследствии Лениным, творчески развившим учение марксизма применительно к условиям новой эпохи. Вместе с тем, Энгельс, внимательно изучавший процессы, происходившие в экономической жизни капиталистического общества, глубоко исследовал видоизменения капитализма в конце XIX века и сумел поэтому предугадать в известной степени некоторые черты империалистической эпохи [3].

Раскрывая значение промышленных монополий — картелей и трестов, Энгельс видел в них выражение того факта, что «быстро и значительно увеличивающиеся современные производительные силы с каждым днем все сильнее перерастают законы капиталистического товарообмена, в рамках которых должно совершаться их движение» [4]. Объективно оценивая недостаточную прочность картелей и трестов того времени, нередко распадавшихся в ходе кризисов перепроизводства, он вместе с тем верно указал, что образование монополий — процесс, соответ-

---

[1] *Энгельс Ф.* Общественные классы — необходимые и излишние // Там же. Т. 19. С. 298.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 172; Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 3 мая 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 263.

[3] См.: *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67.

[4] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 133—134 (примеч.).

ствующий законам капиталистического производства, и, в частности, писал о трестах как «новой форме производства» [1].

Энгельс рассматривал монополии конца XIX века как результат и форму развития обобществления производства при капитализме. Он показал, что картели и тресты возникали и развивались вследствие усиления противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, проявляющегося в кризисах перепроизводства. Углубление этого противоречия между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями приводит к тому, что мощно растущие производительные силы делают все более настоятельной необходимостью фактическое признание их общественного характера, принуждают класс капиталистов обращаться с ними как с общественными производительными силами. Показав, что это ведет к обобществлению больших масс средств производства в форме акционерных обществ [2], Энгельс обосновывал вывод о том, что «на известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства» [3].

Таким образом, образование картелей и трестов рассматривалось им как выражение более высокого уровня обобществления производства, по сравнению с акционерной формой предприятий. В частности, картели и тресты оценивались как «новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества» [4].

Анализируя такую форму монополии, как картель, в которой объединяются крупные промышленники определенной отрасли для регулирования производства, Энгельс подметил также и закономерность замены этой формы монополий более высокой. Он разъяснял, что «этой формы обобществления производства (картелей.— *Ред.*) оказалось мало. Противоположность интересов отдельных фирм слишком часто взрывала их союз и снова восстанавливала конкуренцию. Тогда пришли к тому, что в отдельных отраслях, где это позволяла данная ступень развития производства, стали концентрировать все производство этой отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество под единым руководством» [5]. Разъясняя свой вывод, он ссылался, как на пример такой концентрации, на организацию треста в химической промышленности Англии. Энгельс отмечал, что тен-

---

[1] *Энгельс Ф.* Предисловие к четвертому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 213.

[2] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 220—221.

[3] См. там же. С. 221.

[4] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 480.

[5] Там же. С. 481.

денция движения централизации капитала к своему пределу — соединению всех капиталов отрасли в один капитал, находит выражение в трестах, которые «стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией» [1].

Выявляя причины возникновения монополий, Энгельс конкретно исследовал различные факторы образования картелей и трестов. В частности, он отмечал усиливавшееся несоответствие быстро растущего производства и непоспевающего за ним объема рынка, показал присоединившееся к этому действие запретительных пошлин, что дополнительно повышало объем производства. Энгельс писал, что «следствием этого являются общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль; словом, издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве» [2]. Банкротство свободной конкуренции выразилось, по мысли Энгельса, в том, что промышленники целых крупных сфер производства стали объединяться в картели и тресты для регулирования производства, а следовательно и для того, чтобы регулировать цены и прибыль [3]. Монополии возникают, таким образом, потому, что производство нуждается в регулировании, а свободная конкуренция оказывается уже неспособной обеспечить его функционирование. В своем анализе Энгельс раскрывал сущность замены конкуренции монополией в картелях и трестах. Он писал, что «в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов» [4]. В дальнейшем Энгельс развил это положение, разъяснив, что когда переходят «к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*» [5]. Именно это положение Энгельса высоко ценил Ленин, указывая, что «здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*» [6].

---

[1] *Маркс К.* Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 641 (примеч.).

[2] *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 480—481.

[3] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 134 (примеч.).

[4] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. С. 221.

[5] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. Т. 22. С. 234.

[6] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 67—68.

Исследуя взаимоотношение конкуренции и монополии, Энгельс показал связь развития монополии из конкуренции с кризисами. Он доказывал, что отступление конкуренции на рынке перед картелями и трестами, иными словами, образование монополий и рост их значения является одним из элементов, противодействующих повторению кризисов, но в то же время носит зародыш более сильного кризиса в будущем [1].

Энгельс также глубоко и всесторонне исследовал то стимулирующее воздействие на процесс образования монополий, которое оказывали система запретительных пошлин и обострение конкуренции на мировом рынке, развивавшиеся в конце XIX века в связи с усилением неравномерности экономического развития капиталистических стран. Он отмечал, что неравномерность экономического развития капиталистических стран проявилась в тот период в потере Англией промышленной монополии, замедленном развитии Франции и в бурном росте промышленности США, а также Германии [2]. Он указывал на обострение конкуренции между капиталами этих стран, обращая внимание на то, в частности, что американский капитал начал проникать в сферы влияния старых капиталистических стран — Англии и Франции. В связи с этим он подчеркивал, что конкуренция между державами приведет к еще небывалой промышленной борьбе [3]. Энгельс не только показал, что протекционизм способствовал монополизации производства и обмена, но также исследовал усиливающиеся противоречия как между разоряющимися мелкими производителями и растущими монополиями, так и между последними и потребителями [4]. Энгельс писал в конце 1892 года, что «протекционистская система служила последние годы лишь средством разорения мелких производителей под давлением крупных, объединившихся в картели и тресты, и предоставляла этим последним, то есть организованной монополии, распоряжаться рынком и тем самым — эксплуатировать потребляющую часть нации» [5]. Свидетельством глубины понимания Энгельсом сущности процессов монополизации, развернувшихся в конце XIX века, является то, что он уже в конце 80 — начале 90-х годов указывал на появление международных монополий, которые едва только наметились в тот период [6].

---

[1] См.: Энгельс — Рудольфу Мейеру, 19 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 89; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 32.

[2] См.: Энгельс — Генри Демаресту Ллойду, 27 мая 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 50. С. 484.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Президентские выборы в Америке // Там же. Т. 22. С. 347.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Протекционизм и свобода торговли // Там же. Т. 21. С. 383—386.

[5] *Энгельс Ф.* Президентские выборы в Америке // Там же. Т. 22. С. 347.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Протекционизм и свобода торговли // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 383; *Маркс К.* Капитал. Том третий // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 481.

Следующую за монополизацией более высокую ступень обобществления производства Энгельс видел в огосударствлении средств производства и сообщения, в превращении их в собственность буржуазного государства. Он считал, что в конце концов следом за монополиями «государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» [1]. Превращение производительных сил в собственность буржуазного государства, экономическая неизбежность их огосударствления возникают лишь когда средства производства действительно перерастут управление акционерных обществ, монополий. И только тогда огосударствление «будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы» [2]. Энгельс прозорливо решал вопрос об огосударствлении средств производства, возникающем уже при капитализме, в связи с необходимостью для класса капиталистов охранять общие внешние условия капиталистического способа производства от посягательства как рабочих, так и отдельных капиталистов [3].

Энгельс доказывал, что огосударствление не меняет системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами, что капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до высшей точки. Он разъяснял, что в монополиях, как затем и в огосударствлении производства, эксплуатация наемного труда усиливается, в связи с чем противоречия буржуазного общества обостряются [4]. Из этого Энгельс делал верный вывод о необходимости социалистической революции. Он предполагал, что трудящимся будет нестерпима власть финансовой олигархии, паразитирующей на процессе централизации капитала. Он полагал, что «ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов» [5].

История, однако, показала, что прогноз Энгельса не оправдался. Капитализм в XX веке еще не исчерпал до конца своих возможностей развития, которые позволяют смягчать до определенной степени социальную напряженность.

Повышение роли биржи в капиталистической экономике конца XIX века

Энгельс предполагал дать обобщенную картину изменений капитализма в конце XIX века, дополнив III том «Капитала» анализом новой роли биржи, «учтя некоторые изменения в экономических отношениях после 1865 г., привести его в соответствие с современным положением» [6]. Об

---

[1] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 221—222.

[2] Там же (примеч.).

[3] Там же. С. 222.

[4] См. там же. С. 223.

[5] Там же. С. 221.

[6] Энгельс — Конраду Шмидту, 6 апреля 1895 г. // Там же. Т. 39. С. 381.

основном содержании задуманного дополнения дает достаточно полное представление небольшой план-конспект статьи «Биржа» (1895, опубликован в 1932 году), которую Энгельс не успел написать. Этот план-конспект является как бы абрисом, общим контуром теоретического осмысления комплекса новых явлений в развитии экономики капитализма в тот период. В нем намечены основы научного обобщения новых форм и выявлены существенные связи главных изменений в буржуазном экономическом строе в преддверии XX столетия.

Первое, на что указал Энгельс,— это кардинальное изменение роли биржи, значение которой выросло в огромной мере после 1865 года. Он разъяснял, что тенденция повышения роли биржи, переставшей быть второстепенным элементом в капиталистической системе, состоит в концентрации в руках биржевиков всего производства и всего обращения, а также и собственности на землю через акции ипотечных банков. Таким образом, «биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства» [1]. Энгельс глубоко обосновал это положение, указав на значительный рост акционерных обществ и соответственное гигантское увеличение массы биржевых ценностей, среди которых существенно возросла доля акций.

Его анализ в какой-то мере предварил оценку новой роли банков и растущего значения банковских операций с ценными бумагами, что стало характерным позднее, когда завершился переход к империализму и когда сформировалось господство финансового капитала. Тем не менее его выводы относительно функций биржи во многом оправдались. Ленин высоко оценивал вклад Энгельса в разработку этого вопроса, и, в частности, указывал, что при империализме «власть биржи усиливается» [2]. Далее, развивая понятие финансового капитала как монополистического промышленного капитала, слившегося с банковым, Ленин специально разъяснил смысл положения об усилении роли биржи. Он писал, что «крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее» [3], и когда говорят о падении роли биржи при империализме, то только в том смысле, что «всякий гигантский банк сам есть биржа» [4].

Исследованию роли биржи в буржуазной экономике в планеконспекте предшествовал глубокий анализ этого вопроса, проведенный в других произведениях основоположников научного социализма. В частности, Энгельс в некоторых произведениях 80—90-х годов изучал различные стороны этой проблемы, а так-

---

[1] *Энгельс Ф.* Биржа // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 2. С. 484.

[2] *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 98.

[3] Там же.

[4] Там же.

же сформулировал ряд важных положений о роли биржи в письмах этого периода.

Он показал связь развития акционерных обществ в промышленности и транспорте с превращением последних в объект биржевой спекуляции акциями. Он разъяснял, что биржа становится средоточием акционерных обществ и центром спекуляции, что в связи с этим изменением роли биржи усиливается власть богатства, упрочивается союз биржевиков и правительства [1].

Энгельс сформулировал также некоторые важные положения о функциях и значении биржи в ряде писем, разъясняя свое понимание этих вопросов. Он характеризовал биржу как «представленную во всей своей чистоте вершину нынешнего хозяйства», оценивая ее «как крайнее проявление капиталистической наживы» [2]. Особенно важным является глубокое осмысление Энгельсом сложнейших взаимосвязей производства и обращения, в особенности, соотношения развития капиталистической промышленности и процессов, происходящих на денежном рынке. Конкретно раскрывая их связь, он писал: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой» [3]. Разъясняя эту диалектическую взаимосвязь действительного капитала и денежного, он показал, что хотя денежный рынок, движение денежного капитала отражают движение промышленного рынка, выражают динамику производства и торговли, но отражают превратно, перевертывая действительные причинно-следственные связи, и это не только иллюзия восприятия или обман зрения. На определенном уровне развития торговли деньгами она начинает действовать как самостоятельная сила наряду с той основой, в виде функционирующего капитала, на которой она возникла и развилась. В связи с этим Энгельс писал о торговле деньгами, что она, как «новая самостоятельная сила, правда, в общем и целом должна следовать за движением производства, но она, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на условия и ход производства» [4] на основе постепенно развивавшейся ее относительной самостоятельности.

Важным вкладом в разработку этих проблем явился глубокий анализ Энгельсом взаимодействия производства и обращения, дви-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Социализм г-на Бисмарка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 177—178, 181; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 172—173; *Энгельс Ф.* О содержании третьего тома «Капитала» // Там же. Т. 22. С. 456.

[2] См.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 10 февраля 1883 г. // Там же. Т. 35. С. 360.

[3] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 415—416.

[4] Там же. С. 416.

жения функционирующего капитала и торговли деньгами, в котором учитывались изменения, происходившие в этой сфере буржуазной экономики в конце XIX века. Отмечая, что в дальнейшем развитии торговли деньгами последняя расширяется до торговли ценными бумагами, он рассмотрел последствия увеличения акций в составе ценных бумаг наряду с государственными бумагами.

Осмысливая это важное изменение в торговле ценными бумагами, Энгельс сформулировал вывод о том, что «торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею», и в связи с этим отмечал, что «обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее» [1]. Значение этих положений проявляется в особенности в том, что Энгельс их высказал, принимая во внимание сравнительно новое обстоятельство, а именно то, что собственниками акционерных предприятий в промышленности и транспорте являются торговцы деньгами, то есть банкиры и биржевики. На этой основе он глубоко осмыслил двоякий характер, который приобрели средства производства, оказавшись в собственности «денежных тузов». Раскрывая эту двойственность средств производства, он писал: «...их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами» [2]. Указывая на североамериканские железные дороги как на яркий пример этого двоякого характера предприятий, Энгельс высказался еще более определенно, отметив, что вся их работа зависит от биржевых операций крупнейших финансистов, то есть от «операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и ее интересам как средства сообщения» [3]. Такое новое положение и новые условия функционирования средств производства, ставших собственностью акционерных обществ и, соответственно, биржевиков и банкиров, могут вести — и на практике ведут,— как показывал Энгельс, к растрате колоссальных денежных капиталов «не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего большей частью лишь цель облегчить биржевые операции торговцев деньгами, владеющих акциями» [4]. В связи с этим, развивая ранее сформулированные положения о превращении капиталиста в акционера, Энгельс в плане-конспекте статьи о бирже указал на рост массового слоя капиталистов, живущих доходами от ценных бумаг, то есть на рост слоя рантье [5].

Развивая эти положения об усилении роли биржи, ставшей

---

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 416.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См.: *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 485.

средоточием акционерных обществ и центром спекуляции ценными бумагами, Энгельс показал рост ее воздействия на промышленность и торговлю товарами и, таким образом, фактически предвидел усиление паразитизма в ходе дальнейшего развития капитализма. Разумеется, Энгельс не мог дать анализа той роли финансистов и рантье, которую они приобрели в условиях господства финансового капитала. Но Энгельс предвосхитил многое в понимании этого явления в той мере, в какой наметились черты, характеризующие переход к империализму, как паразитическому капитализму.

В ряде писем Энгельс развивал свое понимание функций биржи, подчеркивая, что последняя изменяет распределение капиталов в сторону централизации. В частности, он писал, что «биржа мобилизует все полностью или наполовину бездействующие капиталы, притягивая их и быстро концентрируя в немногих руках» [1]. В дальнейшем, более подробно характеризуя биржу как учреждение, в котором капиталисты эксплуатируют не рабочих, а друг друга, он разъяснял, что «прибавочная стоимость, переходящая на бирже из рук в руки, является уже *произведенной* прибавочной стоимостью» [2], показывая тем самым, что биржа изменяет только распределение уже созданной прибавочной стоимости. Особенно важным высказыванием Энгельса по этим вопросам является его общая оценка исторической роли биржи, обосновывающая отношение пролетариата к ней. С этой стороны биржа рассматривалась Энгельсом «как ни с чем не сравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции» [3].

Анализируя тенденции развития капитализма конца XIX века, Энгельс также отмечал рост приложения капитала за границей в форме акций, распространение европейского капитала по всему миру, подчеркивал роль банков в этом процессе [4]. Он обратил внимание и на расширение колониальных захватов в конце XIX века. Так, в 1895 году Энгельс отмечал, что колонизация «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку» [5]. Такая колонизация была характерна для 80-х и отчасти 90-х годов XIX века, она велась в интересах крупнейших биржевиков, финансовых спекулянтов, которые одновременно были нередко и

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 7 марта 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 378; ср.: Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 8 февраля 1883 г. // Там же. С. 359.

[2] Энгельс — Августу Бебелю, 24 января 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 12.

[3] Там же. С. 13.

[4] См.: *Энгельс Ф.* О некоторых особенностях экономического и политического развития Англии // Там же. Т. 22. С. 343; *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 486.

[5] *Энгельс Ф.* Биржа // Там же.

крупнейшими собственниками акционерных компаний [1]. Однако уже в 90-е годы началось усиление влияния крупнейших компаний, то есть монополий, на колониальную экспансию. В связи с этим Энгельс отмечал, что Африка, колонизованная европейскими державами, «прямо сдана в аренду» крупнейшим акционерным компаниям [2].

* * *

Своим замечательно глубоким и творческим исследованием некоторых тенденций развития капитализма конца XIX века Энгельс дал образец применения марксистского метода к анализу новых явлений в экономической жизни общества, продемонстрировал органически присущую марксизму способность развиваться, отвечая на новые проблемы, вставшие перед теорией.

Общая направленность Энгельсова исследования тенденций изменения экономики капиталистического общества выражена в том, что он анализировал обострение и углубление противоречий капитализма с точки зрения перспектив революционного преобразования последнего, однако эти перспективы он оценивал неверно, чересчур оптимистично.

За происходившими в конце XIX века видоизменениями в экономическом строе капитализма Энгельс с гениальной прозорливостью сумел разглядеть не только некоторые основные черты нарождавшейся эпохи империализма, но и создание материальных предпосылок социализма.

4. РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Развитие теории революционного перехода к социализму

В произведениях 90-х годов Энгельс уделял большое внимание теоретическим проблемам пролетарской революции, развитию ее предпосылок, формам революционной борьбы. В работах «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», «Введение к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.»» (1895), в обширной переписке с деятелями международного социалистического движения он конкретизировал свое и Маркса понимание перспектив революционного перехода к социализму.

Энгельс исходил из того, что развитие новых тенденций в капиталистической экономике, быстрый рост социалистического рабочего движения ускоряют процесс созревания объективных и

---

[1] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 18 сентября 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 53; Энгельс — Августу Бебелю, 4 апреля 1885 г. // Там же. С. 251; Энгельс — Паскуале Мартиньетти, 30 марта 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 313.

[2] *Энгельс Ф.* Биржа // Там же. Т. 25, ч. 2. С. 486.

субъективных предпосылок социалистической революции. Исходя из этого, он допускал, что сама революция может произойти в ближайшие годы [1], подчеркивая, однако, что только совокупность всех необходимых объективных и субъективных предпосылок может привести к ней [2]. Оценивая перспективы социалистического переустройства общества в ближайшие годы, Энгельс констатировал: «...старое буржуазное общество может продолжать еще некоторое время свое существование, пока толчок извне не разрушит это гнилое здание. Такое прогнившее старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет после того, как по существу уже отживет свой век, если воздух останется спокойным» [3].

Подход Энгельса к анализу тенденций грядущей социалистической революции в 90-е годы свидетельствует о том, что ему была глубоко чужда идея «автоматического краха» капитализма. Именно в эти годы он обратился к детальному исследованию субъективных предпосылок пролетарской революции, связанных с готовностью широких масс к революции, их сплоченностью, сознательностью и организованностью.

В своем политическом завещании — «Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»» (1895) [4] он специально рассмотрел вопрос об условиях успешности пролетарской революции. Ее успех, подчеркивал Энгельс, будет зависеть в первую очередь от того, удастся ли социалистам привлечь на свою сторону большинство рабочего класса, трудящегося крестьянства; пробудить в них сознание необходимости революционного переворота. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом

---

[1] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 16 января 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 319—320.

[2] Видя нарастание элементов революционного кризиса в Европе, в частности разложение и противоречия в среде правящих классов, их вялость, нерешительность, растерянность властей, «расхлябанность управления» (см.: Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1893 г. // Там же. С. 121), Энгельс не исключал возможности того, что в обстановке быстрого развития и серьезных успехов социал-демократии и рабочего движения эти явления могут уже в обозримом будущем создать благоприятные условия для победы пролетариата. Он советовал руководителям социалистических партий учитывать создавшиеся условия в своей практической деятельности (см.: Энгельс — Виктору Адлеру, 11 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 116—117; Энгельс — Полю Лафаргу, 18 декабря 1894 г. // Там же. С. 291; Энгельс — Виктору Адлеру, 22 декабря 1894 г. // Там же. С. 293). Касаясь, например, положения в Австрии, в 1893 году он обращал внимание на два момента: во-первых, на то, что правящие круги фактически выпустили из-под контроля внутриполитическое положение в стране, во-вторых, на то огромное значение, которое приобрела высокая политическая активность партии пролетариата, что может оказаться решающим для завоевания политической власти (см.: Энгельс — Августу Бебелю, 12 октября 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 121—122).

[3] Энгельс — Августу Бебелю, 24—26 октября 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 163.

[4] Эта последняя крупная работа Энгельса написана за шесть месяцев до его смерти.

участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью» [1]. В этой связи, указывал Энгельс, перед социал-демократией встают новые задачи в деле политического просвещения трудящихся: необходимо формирование у пролетариата, его возможных сторонников и союзников политической культуры (умение осознать классовые интересы, вести последовательную борьбу за свои политические цели, противостоять социальной демагогии буржуазии). Для осуществления этой задачи обязательны как кропотливая, в том числе и пропагандистская, работа, так и активная политическая деятельность, «необходима длительная настойчивая работа» [2].

В различных аспектах рассматривал Энгельс в работах 90-х годов роль сознания в процессе подготовки и осуществления коммунистического преобразования общества. Революцию в сознании масс он рассматривал как предпосылку социальной революции. «...Революция в головах рабочих...— писал Энгельс,—является залогом еще более мощной и всеобъемлющей революции во всем мировом порядке» [3].

Как известно, с самого начала своей деятельности Маркс и Энгельс исходили из признания гуманистической природы исторического движения к коммунизму. Хотя события революции 1848 года и Парижской коммуны 1871 года свидетельствовали, казалось бы, исключительно в пользу боевых насильственных действий пролетариата, осмысление этого опыта, соотнесение его с реальными социально-историческими условиями Западной Европы помогало основоположникам научного социализма в более широкой перспективе рассматривать дальнейшие задачи революционной борьбы рабочего класса, осуществление пролетарской революции. Размышляя над итогами Парижской коммуны, в которой впервые в истории мелкая буржуазия и средняя буржуазия открыто объединились вокруг рабочей революции, Маркс допускал, что пролетарская революция создает обстановку, в которой «классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем» [4].

Как бы продолжая мысли Маркса, высказанные в 1872 году относительно возможности рабочих Америки, Англии и Голландии добиться своих целей мирными средствами [5], Энгельс в 80-е годы

---

[1] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 544.

[2] См. там же.

[3] Энгельс — Карлу Эберле, 24 апреля 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 203.— А в письме М. Оппенхейму 24 марта 1891 года он указывал, что «для того, чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс...» (Там же. Т. 38. С. 51).

[4] *Маркс К.* Первый набросок «Гражданской войны во Франции» // Там же. Т. 17. С. 553.

[5] *Маркс К.* О Гаагском конгрессе // Там же. Т. 18. С. 154.

пояснял на примере Голландии, где остатки старого местного самоуправления не были бюрократизированы, что трудящийся народ мог бы установить в этой стране путем сравнительно немногих изменений «свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства» [1].

Общечеловеческий смысл вкладывался Энгельсом и в понимание задач социалистической революции. Хотя конкретные условия революционной борьбы иногда препятствовали полному осуществлению гуманистических принципов, предполагающих освобождение всех членов общества, включая и класс капиталистов, Энгельс все же считал эти принципы верными. О том, что эта позиция была не случайной свидетельствует поправка Энгельса к программе Североанглийской социалистической Федерации, относящаяся к тому же 1887 году [2].

В программе заявлялось, что целью Федерации является объединение рабочих всего общества в ассоциацию, основанную на кооперации. Энгельс счел подобную постановку задачи слишком узкой и, зачеркнув слова «рабочих всего общества», вписал свой вариант: «всех членов общества», подчеркнув тем самым общечеловеческий характер социализма.

В 90-е годы большое место в размышлениях Энгельса о социалистической революции стала занимать проблема соотношения задач борьбы рабочего класса за демократию с борьбой за социализм.

Обобщая опыт классовой борьбы пролетариата за полвека, прошедшего после революции 1848—1849 годов, Энгельс отметил, что эти годы свидетельствуют о немалых трудностях на путях социалистического переустройства общества. Могучая армия пролетариата, резюмировал он, «вынуждена медленно продвигаться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой» [3].

Все большее значение приобретает повседневная борьба рабочего класса за свои права, легальная политическая деятельность социал-демократии по защите демократических свобод. Энгельс

---

[1] Энгельс — Фердинанду Домеле Ньювенгейсу, 4 февраля 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 369.

[2] Еще в книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс развивал мысль о том, что по своему принципу коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом, ибо он является делом «не одних только рабочих, а всего человечества». Второе положение, на котором делал тогда упор Энгельс, это необходимость внесения в пролетариат ясного политического сознания: «Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мучительной и жестокой будет революция». Коммунистическая партия при благоприятных обстоятельствах сможет преодолеть «жестокие и грубые элементы революции и предотвратить повторение 9 термидора» (см. там же. Т. 2. С. 516—517. Ср. Т. 22. С. 277).

[3] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. Т. 22. С. 536.

подчеркнул новое качество пролетарской борьбы за демократию в условиях всеобщего избирательного права. При этом он предостерегал против распространившихся в Германии иллюзий, «будто в этой стране можно идиллически-мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество» [1]. Вместе с тем Энгельс подчеркивал заинтересованность пролетариата в борьбе за демократические права. В этой связи он настаивал на том, чтобы руководство германской социал-демократии включило в проект новой программы требования, направленные на уничтожение реакционных монархических порядков и установление демократической республики как необходимой предпосылки для завоевания пролетариатом политической власти.

Энгельс неоднократно указывал на наличие прямой связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм как высшей цели революционного пролетарского движения. Высоко оценивая демократическую республику с точки зрения интересов борьбы рабочего класса за социализм, он писал: «Маркс и я в течение сорока лет без конца твердили, что для нас демократическая республика является единственной политической формой, при которой борьба между рабочим классом и классом капиталистов может сначала приобрести всеобщий характер и затем завершиться решительной победой пролетариата» [2].

Именно в демократической республике, согласно взглядам основоположников марксизма, создаются наиболее благоприятные условия для развития классового движения пролетариата, формирования и укрепления его политической партии. Этому отчасти способствовала новая социальная политика правящих классов, вынужденных осуществлять провозглашенные ими лозунги свободы печати, союзов, собраний, всеобщего прямого избирательного права. «А вместе с этим пролетариат получает в руки и то оружие, которое ему необходимо для его окончательной победы» [3]. По убеждению Энгельса, демократическая республика может стать «специфической формой для диктатуры пролетариата», «*готовой* политической формой для будущего господства пролетариата» [4].

Значение борьбы за демократию в буржуазном обществе Энгельс не ограничивал созданием более благоприятных политических условий для пролетарского движения и созревания предпосылок социалистической революции. В ходе этой борьбы происходят позитивные изменения и внутри самого рабочего класса.

---

[1] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 238.

[2] *Энгельс Ф.* Ответ достопочтенному Джованни Бовио // Там же. С. 287.

[3] *Энгельс Ф.* Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Там же. Т. 16. С. 76.

[4] См. там же. Т. 22. С. 237; Т. 39. С. 184.

Постепенно растет политическая активность рабочих. Они приобретают умение пользоваться демократическими правами и свободами, провозглашенными в конституциях их стран. Благодаря завоеванию рабочими избирательного права их представители не только получают хорошую возможность излагать перед широкой народной аудиторией свои взгляды, но и приобретают навыки работы в выборных органах власти. Все это, наряду с ростом классового сознания, образованием самостоятельных политических партий, разработкой научной коммунистической теории, стратегии и тактики революционной борьбы является необходимыми предпосылками того, чтобы рабочий класс смог стать силой, способной победить буржуазию и построить новое общество.

Активная роль рабочих и всех трудящихся в борьбе за демократию, развитие у них демократических навыков и стремления к участию в управлении общественной жизнью, особенно в органах местного самоуправления, делало, согласно взглядам Энгельса, возможной постановку вопроса о мирном переходе к социализму. «Можно себе представить,— отмечал он,— что старое общество могло бы мирно врасти в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бессильна против воли народа» [1].

Отмена «исключительного закона» о социалистах в Германии способствовала выдвижению в качестве первоочередной задачи использование легальных средств борьбы для пропаганды в массах идей научного социализма и развертывания мирных форм революционной деятельности пролетариата. Участие в парламентской по форме борьбе против юнкерско-монархической реакции, против буржуазных партий позволяло более активно влиять на развитие политического сознания рабочего класса и его союзников. «Ирония всемирной истории,— писал Энгельс,— ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «ниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [2]. При этом он подчеркивал, что социалисты «ни в коем случае не отказываются от своего права на революцию» [3], и в случае применения насилия со стороны

---

[1] *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 236—237.

[2] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. С. 546.

[3] См. там же. С. 545.

правящих классов они этим правом непременно воспользуются [1].

Разъясняя позицию Энгельса, Плеханов отмечал, что социал-демократия заинтересована в мирном переходе к новому общественному строю, но это не означает, что она отказывается от диктатуры пролетариата. «Никакая цель не может измениться от того, что люди стремятся достигнуть ее с наименьшими усилиями. Но когда люди твердо решили во что бы то ни стало достигнуть данной цели, выбор средств зависит уже не от них самих, а от обстоятельств. И именно потому, что социал-демократия не в состоянии предвидеть все те обстоятельства, при которых рабочему классу придется завоевывать свое *господство*, она не может принципиально отказываться от *насильственного способа* действий» [2].

Центральным в работах Энгельса 90-х годов оставался вопрос о необходимости завоевания пролетариатом политической власти. В то же время предпосылкой социалистических преобразований он считал объективный процесс подрыва «самых корней существующего способа производства» [3], который должен дополняться завоеванием рабочим классом политического господства. Без его осуществления «любое огосударствление будет не уничтожением эксплуатации, а только изменением ее формы» [4]. Политическую власть пролетариат употребляет в первую очередь для того, чтобы завоевать господствующие, ключевые позиции в экономике, чтобы создать необходимые экономические условия для предотвращения реставрации капитализма. «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата,— писал Энгельс,— если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!» [5]

Взгляды на сущность и задачи политической власти пролетариата нашли отражение в таких работах Энгельса, как «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», «Социализм в Германии», «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», а также в некоторых предисловиях к переизданным им в 90-е годы произведениям, опубликованным ранее («Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке» и др.). В 1891 году Энгельс опубликовал «Критику Готской программы», в которой Маркс

---

[1] Разрабатывая вопросы стратегии и тактики пролетарской революции, Энгельс отмечал и те объективные факторы, которые препятствовали успеху вооруженного восстания в современных ему условиях (улучшение вооружения и мобильности армий, новые принципы градостроительства, затрудняющие ведение баррикадных боев и т. д.). Одновременно он подчеркивал, что восставшие лишь тогда достигнут поставленных целей, когда хотя бы часть армии перейдет на их сторону, а для этого нужна целенаправленная социалистическая пропаганда внутри самой армии. В связи с этим Энгельс предостерегал от попыток преждевременного выступления и «неподготовленных атак», которые были бы использованы правящими классами для разгрома пролетарского движения и его партий.

[2] *Плеханов Г. В.* Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 498.

[3] См.: Энгельс — Максу Оппенхейму, 24 марта 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 51.

[4] Там же.

[5] Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 420.

специально рассматривал вопрос о переходном периоде между капитализмом и социализмом, политическую сущность которого составляет диктатура пролетариата.

В связи с этим Энгельс вновь проанализировал уроки Парижской коммуны. Обстоятельно разобрав ошибки руководителей Коммуны, он конкретизировал и развил важнейшее марксистское положение о необходимости слома пролетариатом старой государственной машины и замены ее пролетарской диктатурой, этой «новой, поистине демократической» властью.

Острой критике подверг он характерное для некоторых социал-демократов «суеверное почтение» к буржуазному государству, которое остается орудием господствующего класса «в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» [1]. Отвергая реформистские иллюзии о возможности устранения острейших социальных противоречий и конфликтов в рамках буржуазного государства, Энгельс обращался к Парижской коммуне, первому опыту создания пролетарского государства.

Критикуя, с другой стороны, анархистские концепции, проповедовавшие немедленную ликвидацию всякого государства вообще, Энгельс указал на то, что анархисты не осмысливают конкретно-исторические уроки прежних социальных революций и не дают обоснованной альтернативы тому, что разрушают. Вопреки анархистским утверждениям о враждебности обществу всякого государства вообще Энгельс подчеркивал, что отрицание буржуазного государства возможно только в результате создания государства нового типа, то есть государства типа Парижской коммуны.

Энгельс оценивал Парижскую коммуну как уникальный исторический опыт, обогативший теоретические представления марксистов о государстве. Сущность диктатуры пролетариата, утверждал он, состоит в том, что она ликвидирует классовое господство буржуазии и закладывает основы подлинной демократии. Государство типа Парижской коммуны по своему классовому характеру и политическим целям стремится с момента своего возникновения стать выразителем интересов всех трудящихся.

Особо Энгельс подчеркивал опыт Парижской коммуны, связанный с осуществлением ряда мер для предотвращения возможного отчуждения государства от общества в переходный период. В частности он писал: «Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 200—201.

их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие» [1]. Последнее требование, по Энгельсу, выступает как надежное препятствие для карьеризма и для превращения государственной службы в погоню за доходными местами.

Наряду с вопросом о формах революционной борьбы пролетариата Энгельс в произведениях и письмах 90-х годов осветил еще важнейший вопрос о международном характере революционного преобразования общества. Анализ этой проблемы основоположниками марксизма к тому времени имел уже долгую историю. Начиная с середины 40-х годов, Маркс и Энгельс считали, что коммунистическое преобразование общества будет единым, взаимосвязанным процессом революционных преобразований в тех странах, где для этого созрели необходимые, прежде всего материальные, предпосылки. По мере развития революционного движения, обобщения нового исторического опыта, углубления теории развивались и представления о международном характере революционного процесса. Становилось все более ясно, что революция может не только начаться, но и определенное время развиваться в той или иной стране, пока она не будет поддержана революциями в других странах. В связи с этим Энгельс разъяснял свое понимание этого вопроса в письме П. Лафаргу от 27 июня 1893 года, где наметил различение первоначальной и «окончательной победы» революции. Революция может начаться в одной стране, например во Франции, первоначально она может победить в отдельных странах, например во Франции и Германии. Но только победа в ряде стран (включая Англию, как тогда считал Энгельс) может стать окончательной, необратимой победой, гарантией от внутреннего перерождения и внешнего завоевания. В этом смысле «освобождение пролетариата может быть только международным делом» [2]. Мысль Энгельса, таким образом, развивалась в направлении того важнейшего для судеб революционной борьбы пролетариата вывода о возможности победы социализма в нескольких или одной, отдельно взятой стране, который впоследствии на основе анализа новых исторических условий обосновал Ленин.

Разработка вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства

К 90-м годам XIX века вопрос об отношении к крестьянству приобрел для социалистов особую актуальность. Перед социал-демократическими партиями встала задача выработки не только аграрной программы, но и тактики по отношению к крестьянству как наиболее естественному союзнику рабочего класса в революционной борьбе.

Активное участие в этом принял Энгельс. В частности, это выразилось в его критике проекта Эрфуртской программы (1891),

---

[1] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 200.

[2] Энгельс — Полю Лафаргу, 27 июня 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 76.

где говорилось, что «освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса, ибо все остальные классы и партии стоят на почве капитализма и, несмотря на столкновения их интересов между собой, имеют своей общей целью сохранение и укрепление основ современного общества» [1]. В связи с этим Энгельс писал, что рабочий класс «не может доверить дело своего освобождения ни капиталистам и крупным землевладельцам, своим противникам и эксплуататорам, ни мелким буржуа и мелким крестьянам, которые сами задавлены конкуренцией крупных эксплуататоров и поставлены перед единственным выбором: выступить либо на стороне последних, либо на стороне рабочих» [2].

В решении этого программного вопроса Энгельс исходил из принципа дифференцированного подхода к крестьянству, выделяя в последнем крупных, средних и мелких крестьян. Такой подход позволял выработать правильную тактику пролетарских партий по отношению к крестьянству. Энгельс считал, что основным союзником пролетариата может быть только беднейшее крестьянство, которое в наибольшей степени заинтересовано в уничтожении эксплуататорского строя, а потому будет более последовательно выступать на стороне рабочего класса. В то же время он разъяснял, что политика привлечения крестьян на сторону рабочего класса не должна заслонять классового характера социалистической партии и тем более не должны приноситься в жертву этой политике ее основные принципы.

Такая опасность размывания классового характера партии при расширении ее влияния за пределы исключительно пролетарских слоев была вполне реальной. В связи с этим Энгельс писал: «Я решительно отрицаю, чтобы перед социалистической рабочей партией какой бы то ни было страны стояла задача принимать в свои ряды, помимо сельских пролетариев и мелких крестьян, еще и средних и крупных крестьян или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других лиц, эксплуатирующих землю страны на капиталистический лад... В нашей партии могут состоять отдельные лица из любого общественного класса, но отнюдь не группы, представляющие интересы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства» [3].

С противоположными взглядами выступил немецкий социал-демократ Г. Фольмар, который утверждал, что в условиях капитализма крестьянское хозяйство носит устойчивый характер, и доказывал возможность перехода всего крестьянства к социализму при сохранении частной собственности. Фольмар и его последователи, недооценивая расслоение крестьянства, явились, по сути

---

[1] Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 623 (примеч.).

[2] См.: *Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. С. 243.

[3] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Там же. С. 513.

дела, выразителями интересов крестьян, эксплуатирующих чужой труд. «Фольмар... намеревается,— писал Энгельс,— подкупить *крестьян вообще*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в Верхней Баварии, не то, что прирейнский, задавленный долгами мелкий крестьянин, а средний и даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и в крупных масштабах торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно» [1].

В работах Энгельса проходит мысль о союзе рабочего класса и крестьянства. Так, в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894) он писал, что для завоевания политической власти социал-демократия «должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне» [2]. Особое внимание Энгельс уделил выяснению вопроса об отношении пролетариата к мелкому крестьянству. Развитие капитализма вело к гибели и упадку мелкого сельскохозяйственного производства, усиливало расслоение в крестьянской массе, и, таким образом, мелкий крестьянин становился наиболее многочисленным потенциальным союзником пролетариата. Энгельс отметил это обстоятельство, указывая, что «под мелким крестьянином мы понимаем... собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда...» [3]. Исходя из этого определения, Энгельс делал вывод о том, что мелкий крестьянин — будущий пролетарий [4]. Соответственно этому своему двойственному характеру, крестьянин, с одной стороны, восприимчив к социалистической пропаганде, но, с другой стороны, имея в собственности средства производства, опасается передачи земельной собственности во владение всего общества.

Обосновывая тактику борьбы социалистической партии за превращение трудового крестьянства в союзника рабочего класса, Энгельс писал: «Мы... стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все в пределах возможного, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу... Мы сделаем это не только потому, что рассматриваем живущего своим трудом мелкого крестьянина как возможное пополнение наших рядов, но и в непосредственных интересах пар-

---

[1] Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 10 ноября 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 258.

[2] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Там же. Т. 22. С. 504.

[3] Там же. С. 506.

[4] См. там же. С. 507.

тии. Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного превращения в пролетариев и которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот» [1].

Касаясь отношения рабочего класса к средним и крупным крестьянам, Энгельс считал, что и эта часть крестьянства при определенных условиях может стать на сторону пролетариата, поскольку в условиях капиталистической системы они не выдерживают конкуренции и их хозяйства приходят в упадок и обречены на неминуемую гибель. «Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то они придут к нам, и нашей обязанностью будет насколько возможно облегчить также и им переход к новому способу производства» [2],— отмечал Энгельс.

Возрастание роли крестьянства в революционной борьбе, его значение как союзника пролетариата, было связано с обнаружившимися к 90-м годам XIX века изменениями в условиях классовой борьбы. Энгельс отмечал, что если раньше, например во время революции 1848—1849 годов во Франции, крестьянство выступало как реакционная политическая сила или же, вследствие изолированности деревенской жизни, было в политическом отношении абсолютно апатично, то в дальнейшем произошли важные изменения. Капитализм, развивавшийся в сельском хозяйстве, а также развернувшийся в последней трети XIX века аграрный кризис вели к упадку и гибели производства мелкого крестьянства. Соответственно ухудшение социально-экономического положения мелких крестьян создавало объективные возможности для ведения в их среде пропаганды социалистическими рабочими партиями. Эти новые условия потребовали, в свою очередь, от партий рабочего класса пересмотра их прежней политики в отношении крестьянства. В связи с этим Энгельс указывал, что коренное преобразование общества теперь не может быть совершено «сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс» [3] и что для выполнения этой цели партии необходимо вести настойчивую и упорную разъяснительную работу среди народных масс для привлечения их на свою сторону.

В этой обстановке успех в классовой борьбе пролетариата во многом зависел от позиции и действий крестьянства, от соединения борьбы рабочих и крестьян в единое революционное движение.

---

[1] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 520.

[2] Там же. С. 523.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Там же. С. 544.

Конкретизация концепции социалистического общества

Энгельс был решительным и последовательным противником попыток умозрительного конструирования будущего общественного устройства, для него и Маркса научное предвидение будущего возможно только на основе глубокого изучения социальной действительности и исторических тенденций развития реально существующего общества. Характеризуя методологические принципы, опираясь на которые он формулировал теоретический прогноз о грядущих общественных преобразованиях, Энгельс писал: «...партия, к которой я принадлежу, не выдвигает никаких раз навсегда готовых предложений. Наши взгляды на черты, отличающие будущее некапиталистическое общество от общества современного, являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности» [1]. «Мы *сторонники постоянного, непрерывного развития,*— разъяснял он,— и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас» [2].

Рассматривая будущее общество с позиций диалектики, Энгельс особо подчеркивал его динамичный характер. «Так называемое «социалистическое общество»,— указывал он,— не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям» [3].

В своих произведениях он развивал идею о том, что коммунистическое преобразование экономической жизни общества будет происходить на путях уничтожения частной собственности и установления общественной собственности на средства производства. Энгельс с удовлетворением отмечал, что это положение, которое они с Марксом открыто провозгласили перед всем миром еще в «Манифесте Коммунистической партии», стало программным требованием социалистических партий, целью, объединяющей различные национальные отряды революционного пролетарского движения. Оценивая это как выражение основы будущих революционных преобразований в экономической области, он не ограничивался повторением тех положений, которые были сформулированы несколько десятков лет назад. В своих произведениях 90-х годов он конкретизировал ряд моментов, характеризующих суть будущей «экономической революции». Прежде всего, Энгельс отмечал, что замена частной собственности общественной собствен-

---

[1] Энгельс — Эдуарду Пизу, 27 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 363—364.

[2] Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Там же. Т. 22. С. 563.

[3] Энгельс — Отто Бёнигку, 21 августа 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 380; см. также: Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Там же. С. 370.

ностью на средства производства — сложный процесс, зависящий от целого ряда факторов социально-экономического и политического характера. Ставя вопрос о том, каким образом совершается эта «экономическая революция», он отвечал: «Это будет зависеть от обстоятельств, при которых наша партия захватит власть, от момента, когда это произойдет, и от способа достижения этого» [1].

Исходя из анализа роста производительных сил, развития производственных отношений капитализма и новых моментов в экономической жизни, Энгельс указывал на необходимость дифференцированного подхода при решении вопроса об обобществлении различных видов средств производства. Он считал, что наиболее быстро и безболезненно можно провести обобществление крупных средств производства, которые, по существу, уже приобрели общественный характер. «...Имея достаточное количество приверженцев среди масс,— отмечал он,— крупную промышленность и крупное земледелие типа латифундий можно будет обобществить очень быстро, поскольку политическая власть будет находиться в наших руках». И добавлял, что «остальное, быстрее или медленнее, последует за этим» [2]. Однако это «остальное», то есть средства производства в среднем и мелком производстве, потребует особого подхода и особых форм их обобществления.

Проблемы, связанные с обобществлением различных по масштабам и характеру собственности производств, были специально рассмотрены Энгельсом в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». Здесь он вновь подтверждал, что, с его точки зрения, метод экспроприации можно применить только по отношению к крупным землевладельцам, которые выступают как капиталистические эксплуататоры, и отмечал, что в зависимости от конкретных исторических условий победивший пролетариат может провести экспроприацию даже с выплатой компенсации бывшим владельцам. Энгельс, в частности, писал, что, по мысли Маркса, «для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» [3].

Совсем иной подход необходим к мелким и средним крестьянам. Как отмечал Энгельс, по отношению к ним метод насильственной экспроприации уже не может применяться. Здесь должны действовать методы убеждения, помощи со стороны государства при организации товариществ, демонстрации преимуществ коллективного ведения хозяйства. «...Обладая государственной властью,— писал он,— мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными земле-

---

[1] *Энгельс Ф.* Ответ достопочтенному Джованни Бовио // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 287.

[2] Энгельс — Отто Бёнигку, 21 августа 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 381.

[3] Там же. Т. 22. С. 523.

владельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» [1].

Последовательно отстаивая положение о неспособности кооперации самой по себе социалистически преобразовать капиталистическое общество, Маркс и Энгельс доказывали, что после пролетарской революции кооперативные формы открывают мелким производителям путь к социализму.

Разрабатывая в конце жизни программу конструктивных мероприятий в отношении крестьянства, Энгельс утверждал, что положительный пример функционирующих на кооперативно-арендных началах производственных товариществ сельскохозяйственных рабочих (созданных на базе национализированных крупных помещичьих имений и непосредственно контролируемых пролетарской властью) «убедит в преимуществах кооперативного крупного хозяйства и последних может быть еще сопротивляющихся парцелльных крестьян» [2].

Даже в отношении к сельским эксплуататорам — богатым крестьянам, применяющим наемную рабочую силу, Энгельс не считал абсолютно необходимым во всех случаях проводить экспроприацию. Наиболее целесообразным ему виделся путь экономического воздействия со стороны пролетарского государства не только на средних, но и на часть богатых крестьян с целью привлечения их в кооперативы. Последние, согласно его мысли, и есть такие переходные социально-экономические ассоциации, которые возможно постепенно превратить в конечном счете в звенья единой общенародной кооперации труда, в структурные ячейки производства, непосредственно обобществленного в народнохозяйственном масштабе. Резюмируя свой кооперативный план, Энгельс доказывал, что после прихода к политической власти партиям рабочего класса необходимо вести кропотливую работу с «крупными и средними крестьянами», всячески стимулировать «объединение их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества» [3].

Хорошо понимая сложность задач, связанных с установлением общественной собственности на средства производства в будущем общества, Энгельс указывал на факторы, способствующие этому. Одному из них — кооперативному движению, получившему относительно широкое развитие в капиталистических странах, Энгельс

---

[1] *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 518.

[2] Там же. С. 523.

[3] Там же. С. 522—523.

придавал большое значение, как той форме хозяйственной деятельности, благодаря которой трудящиеся овладевают навыками самостоятельного управления производственным процессом. Развитие кооперативного производства на основе общественной собственности Энгельс рассматривал как одно из основных направлений перехода к организации экономики в будущем обществе: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» [1].

Среди проблем коммунистического преобразования общества, рассматриваемых Энгельсом в этот период, обращают на себя внимание вопросы об изменениях в области семейных отношений и освобождении женщины. В своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в ряде писем Энгельс доказывал, что условия освобождения женщины и действительного равноправия женщины и мужчины — уничтожение капиталистических отношений, участие женщины в общественном труде, обобществление домашнего хозяйства на основе развития крупной промышленности. Как он отмечал в письме Г. Гильом-Шак 5 июля 1885 года, «действительное равноправие женщины и мужчины может... осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства» [2].

Одной из важных задач революционной партии Энгельс всегда считал привлечение на сторону пролетариата представителей интеллигенции, специалистов в различных областях науки и техники. Их действенная помощь, как он неоднократно указывал, необходима победившему пролетариату для организации жизни нового общества. Особенно важно в этом отношении обращение Энгельса к Международному конгрессу студентов-социалистов 19 декабря 1893 года, где он, в частности, разъяснял значение «пролетариата умственного труда» в предстоящем революционном преобразовании общества: «Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машины, но и всем об-

---

[1] Энгельс — Августу Бебелю, 20—23 января 1886 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 361.

[2] Там же. С. 294.

щественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания» [1]. Сознательный характер и глубина преобразования общества на коммунистических началах потребуют как подлинно научной революционной теории, так и революционного сознания масс и, что особенно важно,— преданных делу революции высокообразованных специалистов.

Результатом революционного преобразования общества явится коммунистическая общественная формация, в которой общественное сознание будет играть качественно новую роль: человечество совершит переход от стихийного к сознательному развитию. Энгельс писал: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния. Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора» [2].

Энгельс считал целью коммунистического преобразования общества осуществление высшего гуманистического принципа научного коммунизма. Когда в последние годы жизни его попросили кратко определить основную идею грядущей новой эры, он ответил, что «сформулировать в немногих словах идею грядущей новой эры, не впадая ни в утопизм, ни в пустое фразерство,— задача почти невыполнимая» [3]. Если же все-таки попытаться это сделать, то, по мнению Энгельса, нельзя найти ничего более подходящего, чем знаменитая формула «Манифеста Коммунистической партии»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [4].

Обоснование интернациональных задач борьбы рабочего класса за мир, против угрозы войны

В ряде своих произведений, таких как «Внешняя политика русского царизма», «Может ли Европа разоружиться?», «Социализм в Германии» и др., Энгельс проанализировал чрезвычайно сложную и противоречивую международную обстановку, которая сложилась в начале 90-х годов в Европе в результате образования двух враж-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 432.

[2] Энгельс — Джорджу Уильяму Ламплу, 11 апреля 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 55—56.

[3] Энгельс — Джузеппе Канепа, 9 января 1894 г. // Там же. С. 167.

[4] Там же. С. 166; см. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4. С. 447.

дебных коалиций — Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и франко-русского союза.

В условиях угрозы новой войны Энгельс настойчиво разъяснял и широко пропагандировал подлинно гуманистический принцип внешней политики пролетариата: борьбу за мир между народами, против агрессивных захватнических войн, которые приносят человечеству неисчислимые потери, стоят гигантского «налога крови» и в состоянии уничтожить многие достижения цивилизации, довести до крайности нужду и страдания народных масс. Энгельс показал, что главными причинами международной напряженности были взаимные территориальные претензии и агрессивные планы европейских держав, при реализации которых правящие классы надеялись также разгромить во время войны социалистическое движение [1]. Он предвидел, что новая война, грозившая вспыхнуть в Европе, неизбежно приняла бы мировой характер.

И раньше Энгельс отмечал нарастание военной опасности, связанное с усилением милитаризма и гонкой вооружений, которая выражалась в росте численности вооруженных сил и в развитии производства военной техники. Анализируя новые явления в капиталистической экономике, Энгельс пришел к выводу, что к военной опасности и усилению милитаризма вели также концентрация и централизация производства и капитала, порожденное развитием капитализма стремление к колониальным захватам, надежда правящих кругов преодолеть кризисные явления в экономике путем насильственного открытия новых рынков [2].

Глубокий классовый анализ политического и военного положения стран в Европе того времени позволил Энгельсу в порядке научного прогноза точно предсказать общий характер будущей войны, ее политические и экономические итоги. Согласно его взглядам, развитие противоречий между европейскими государствами, неравномерность их экономического развития, а также имевшаяся уже в то время система международных союзов, весь комплекс этих факторов, сделают будущую войну по существу всемирной, войной между коалициями государств. Конфликт будет жестоким, длительным, вопреки расчетам генеральных штабов, и потребует огромного напряжения экономических сил и участия невиданных людских ресурсов. Энгельс предвидел также, что Англия, проводившая в 70—90-х годах политику «блестящей изоляции», будет неизбежно втянута в войну; ее флот должен сыграть в ней большую роль, изолировав лагерь противника от мирового рынка [3].

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 48.

[2] См., например, письма Энгельса Н. Ф. Даниельсону от 29—31 октября 1891 г. и от 22 сентября 1892 г. (Там же. Т. 38. С. 170—171, 400).

[3] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 45; Может ли Европа разоружиться? // Там же. С. 415; Интервью Ф. Энгельса корреспонденту французской газеты «Le Figaro» 11 мая 1893 года // Там же. С. 562; Энгельс — Августу Бебелю, 24 января 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 13.

Результатами войны, победой какого бы лагеря она ни кончилась, должны были быть «неслыханное кровопролитие, опустошение и... небывалое истощение» [1], экономический и финансовый крах, утрата Европой промышленного превосходства, победа по всей линии промышленности США. Будет опрокинута старая государственная система и система международных договоров [2]. По сути дела, высказывая научный прогноз итогов грядущего мирового конфликта, Энгельс еще раз обосновывал понимание войны как социального явления, затрагивающего все стороны жизни народов.

С наибольшей силой это предвидение, названное Лениным «пророческими словами» [3], изложено Энгельсом в 1887 году во введении к брошюре С. Боркхейма «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов». Здесь характеристика и описание исхода будущего европейского кризиса даны с такой точностью, как будто их автор наблюдал мировую бойню 1914—1918 годов, а не предвидел события почти за 30 лет до их свершения: «...это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной,— сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости,— крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [4].

Мысль о том, что европейские войны ускорят социальный кризис, который «поглотит все так называемые державы, эти мнимые державы, как победительницы, так и побежденные, чтобы освободить место для Европейской Социальной Революции» [5], почти за 10 лет до того высказал также и Маркс. Войну, по мнению

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 17 ноября 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 330.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе Маркса «Гражданская война во Франции» // Там же. Т. 22. С. 190; Маркс — Томасу Олсопу, 4 февраля 1878 г. // Там же. Т. 50. С. 459.

[3] См.: *Ленин В. И.* Пророческие слова // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472.

[4] *Энгельс Ф.* Введение к брошюре Боркхейма «На память немецким ура-патриотам 1806—1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

[5] См.: Маркс — Томасу Олсопу, 4 февраля 1878 г. // Там же. Т. 50. С. 459.

Энгельса, могла бы предотвратить только революция в России [1].

Рассмотрев факторы, ведущие к усилению милитаризма и военной опасности, Энгельс в 80—90-х годах проанализировал также проблему взаимоотношения войны и революции. Наступление революционного кризиса в результате вызванного войной экономического и политического потрясения Маркс и Энгельс считали вполне вероятным. Война в известных случаях могла приблизить революционный кризис, но вместе с тем она оказала бы и сильнейшее контрреволюционное действие. Война вызвала бы разрыв интернациональных связей рабочего класса, усиление армии и полиции, то есть контрреволюционных сил, подъем шовинизма, новые жертвы со стороны трудящихся, усиление буржуазии победившего государства. Все это затормозило бы естественный ход революционного процесса, перспективы которого в конце столетия, по мнению Энгельса, были многообещающими, отсрочило бы победу революции на много лет.

Самая главная опасность заключалась в том, что в ходе войны могло бы осуществиться контрреволюционное объединение вчерашних противников. А это объединение привело бы к разгрому европейского социалистического движения и партий рабочего класса, в первую очередь сильнейшей и ведущей — Германской социал-демократии. Этот вывод был сформулирован Энгельсом в статье «Социализм в Германии» (1891) и ряде писем к деятелям рабочего движения. Поэтому Энгельс в конце XIX века ставил перед рабочим классом и его партиями задачу борьбы против угрозы захватнической, агрессивной войны и милитаризма, в частности против увеличения армий капиталистических государств, подчеркивал: «Без всякого сомнения, мы будем ратовать за мир» [2].

В мирное время, доказывал Энгельс, победа революции будет более верной. Это положение он обосновал, например, применительно к немецкому рабочему движению: «Мир обеспечит победу Социал-демократической партии Германии приблизительно лет через десять. Война же принесет ей либо победу через два-три года, либо полный разгром, от которого она не оправится по крайней мере лет пятнадцать-двадцать. При таких обстоятельствах немецкие социалисты должны были бы прежде лишиться рассудка, чтобы предпочесть войну, в которой все будет поставлено на карту, верной победе, обеспеченной им при сохранении мира. Более того. Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной республики и уже менее всего — победы царя, которая была бы

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 48—52; Энгельс — Вильгельму Либкнехту, 23 февраля 1888 г. // Там же. Т. 37. С. 24.

[2] Интервью Ф. Энгельса корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle» в конце июня 1893 года // Там же. Т. 22. С. 568.

равносильна порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир» [1].

Борьба за мир должна вестись, как считал Энгельс, совместно рабочими всех стран в форме антивоенной агитации, разоблачения внешней и военной политики правящих классов, в виде парламентских действий депутатов-социалистов, антимилитаристской и революционной пропаганды в войсках. Поскольку период мира — наиболее благоприятное условие для развития революционного движения, то борьба за мир, ведущаяся против милитаристской политики буржуазии, становится частью «общей борьбы за освобождение рабочего класса» [2]. Энгельс неоднократно отмечал необходимость установления подлинно равноправных отношений между различными нациями и народами как условия революционной борьбы, победы пролетариата. Он писал, что «равенство между нациями так же необходимо, как равенство между индивидами» [3], поскольку господство пролетариата невозможно без «гармонического интернационального сотрудничества народов» [4].

Рассматривая тактику рабочего класса и социалистических партий в борьбе за мир, против военной опасности, Энгельс в 90-х годах подтвердил выдвинутый им и Марксом тезис о том, что рабочие должны поддержать оборонительную войну, ведущуюся в защиту независимости и целостности страны. Он считал это положение само собой разумеющимся [5]. В условиях, когда переход к империализму еще только начался, применительно к обстановке конца 80 — начала 90-х годов прошлого столетия Энгельс полагал, что в случае нападения на Германию буржуазной Франции и царской России (где революционное рабочее движение лишь зарождалось) немецкая социал-демократия должна стремиться к тому, чтобы придать этой войне национально-освободительный характер, принудить реакционные правящие круги Германии к отказу от захваченных территорий Польши, а также аннексированных Эльзаса и Лотарингии. Победа сил российского царизма и его союзника Франции означала бы утрату германским рабочим движением завоеванных позиций, «подавление немецкого социализма» [6]. Свое участие в оборонительной войне германская социал-

---

[1] *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 259; см. также письма Энгельса Августу Бебелю, 16 декабря 1879 г. // Там же. Т. 34. С. 342 и 13—14 сентября 1886 г. // Там же. Т. 36. С. 445; Лауре Лафарг, 13 сентября 1886 г. // Там же. С. 449; Полю Лафаргу, 25—26 октября 1886 г. // Там же. С. 477; Карлу Каутскому, 15 сентября 1889 г. // Там же. Т. 37. С. 230; Августу Бебелю, 29 сентября — 1 октября 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 140; Фридриху Адольфу Зорге, 6 января 1892 г. // Там же. С. 214.

[2] См.: *Маркс К.* Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих // Там же. Т. 16. С. 11.

[3] Энгельс — Полю Лафаргу, 27 июня 1893 г. // Там же. Т. 39. С. 78.

[4] См.: *Энгельс Ф.* Роль насилия в истории // Там же. Т. 21. С. 421—422.

[5] См.: Энгельс — Шарлю Бонье, середина октября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 426.

[6] См.: *Энгельс Ф.* Социализм в Германии // Там же. Т. 22. С. 258.

демократия должна была использовать для того, чтобы добиться ее ведения революционными методами и подготовить завоевание власти. В 1892 году Энгельс писал также, что рабочий класс страны, потерпевшей поражение, должен воспользоваться наступившим кризисом и совершить у себя революцию [1]. Все это, разумеется, не снимало задачу борьбы за предотвращение войны. Но, рассматривая международное положение всегда с точки зрения интересов революции, Энгельс считал, что, если войны не удастся избежать, порожденный ею кризис должен быть максимально использован.

Во время первой мировой войны позицию Энгельса по этому вопросу полностью одобрил Ленин. Он считал, что в начале 90-х годов XIX века участие немецких рабочих в войне против царизма и Франции, но только в случае их нападения на Германию, было бы своеобразным вариантом национальной войны [2]. Вместе с тем в письмах И. Арманд в декабре 1916 года и январе 1917 года Ленин показал ложность позиции правых германской социал-демократии, которые, отождествляя обстановку 1891 года с условиями 1914 года, оправдывали ссылками на Энгельса свою поддержку империалистической войны.

Альтернативой усилению военной опасности и формой борьбы против нее было, по мысли Энгельса, разоружение. Эти свои идеи он изложил в серии статей «Может ли Европа разоружиться?» (1893) как своего рода план поэтапного разоружения. В основе своей этот план сводился к уменьшению численности вооруженных сил путем сокращения срока действительной военной службы, организации допризывной военной подготовки, к созданию в результате этих мероприятий значительного числа военнообученных и к постепенной замене постоянной армии милицией, вооруженным народом.

Основываясь на детальном изучении экономического и военного потенциала, политического и международного положения европейских государств, Энгельс доказал, что предложенный им план реален, экономически выгоден и является гарантией мира, значительно снижая военную опасность, не ослабляя при этом обороноспособности принявших его стран [3].

План Энгельса 1893 года, явившийся развитием его мыслей о замене постоянной армии вооруженным народом, высказанных в 1887 году в «Письме организационному комитету международного празднества в Париже», исходил из следующих соображений. Миллионная народная армия была мало пригодна для агрессивной войны, но сильна в войне оборонительной. Оба эти обстоя-

---

[1] См.: Энгельс — Шарлю Бонье, 24 октября 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 431.

[2] Ленин — И. Ф. Арманд, 30 ноября 1916 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 330.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Может ли Европа разоружиться? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 385—387, 396, 412—415.

тельства были весьма существенны для сохранения мира. Кроме того, всеобщее вооружение народа было гарантией от контрреволюционных попыток [1].

Обоснование Энгельсом задач борьбы рабочего класса за мир, против угрозы войны явилось важным шагом в разработке программных положений пролетарской партии. Он наметил конкретные шаги в борьбе за мир, осуществить и контролировать которые должны партия рабочего класса и руководимые ею рабочие массы.

Предложенный Энгельсом план последовательно революционен, он направлен на ослабление контрреволюционной военной силы буржуазного государства еще до свершения пролетарской революции. Обосновывая возможность замены постоянной армии вооруженным народом в интересах предотвращения контрреволюционного насилия, Энгельс считал, что успех осуществления его зависит от совместных действий нескольких социалистических партий, вновь подчеркивал значение пролетарского интернационализма.

* * *

«Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции в 1848—1850 г.»» стало последней работой Энгельса. Вскоре после выхода в свет этой книги он тяжело заболел, и 5 августа 1895 года его не стало.

Смерть ближайшего друга и сподвижника Маркса вызвала отклик во всем цивилизованном мире, прежде всего среди участников освободительной борьбы, со стороны передовых рабочих, в кругах демократической интеллигенции. Десятки телеграмм с выражением соболезнования от социалистических организаций почти всех европейских стран и Америки, от деятелей рабочего движения из самых различных точек земного шара, сотни некрологов и сообщений в газетах и журналах, как рабочих и социалистических, так и самых разных направлений,— такова была непосредственная реакция на известие о кончине Энгельса. И это была не просто дань уважения к памяти великого ученого-революционера, это было свидетельством фактического признания ведущей роли, которую к тому времени занял марксизм в международном рабочем движении, показателем роста его влияния и авторитета [2]. Во многих городах различных стран состоялись собрания и митинги, посвященные памяти Энгельса.

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Письмо организационному комитету международного празднества в Париже // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 354—355.

[2] В сборнике документов «Их имена переживут века. Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса», подготовленном совместно ИМЛ при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК СЕПГ и вышедшем в 1983 году на русском языке в Москве и на языках оригинала в Берлине, помещены 42 телеграммы и 142 отклика в печати, кроме того, приводится список, содержащий еще 497 некрологов, сообщений и других печатных материалов, появившихся в 21 стране в течение трех месяцев после смерти Энгельса.

Почти во всех публикациях социалистической и рабочей печати, да и в большинстве других откликов отмечались огромные заслуги Энгельса перед международным рабочим движением, как одного из основоположников научного социализма и активнейшего участника освободительной борьбы рабочего класса на протяжении более пяти десятилетий. «Ни в одной стране,— говорил в своей траурной речи А. Бебель,— не найдется такого пролетарского классового движения, вожди и руководители которого... не обратились бы к нему за советом, справкой или наставлениями и не получили бы их незамедлительно и в подробном изложении» [1].

Посвященные памяти Энгельса статьи и выступления не ограничивались признанием его огромных заслуг и характеристикой его многогранной личности. Как правило, в них четко проводилась мысль о величайшем значении созданного Марксом и Энгельсом учения для борьбы трудящихся за свое освобождение от гнета и эксплуатации, для дальнейших судеб человечества. «Благодаря этому учению,— писал орган австрийской социал-демократии «Arbeiter-Zeitung»,— рабочие осознают свою историческую задачу, которая делает их борцами за освобождение человечества, за его эмансипацию» [2]. Энгельс, говорилось в этой газете, внес «огромный вклад в развитие духовной культуры» [3].

И количество, и само содержание многочисленных откликов на смерть Энгельса явились ярким свидетельством того, какую значительную роль приобрело учение Маркса в социалистическом и рабочем движении, какое важное место заняло оно в духовной жизни общества к середине 90-х годов XIX века.

---

[1] Их имена переживут века. М., 1983. С. 308.
[2] Там же. С. 239.
[3] См. там же. С. 244.

Глава одиннадцатая

СОЗДАНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА. ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ (конец 80-х — 90-е годы XIX века)

1. ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ МАРКСИЗМА В СОЗДАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧИХ ПАРТИЙ

Создание и укрепление рабочих партий — главное направление деятельности марксистов

Со второй половины 80-х годов XIX века распространение марксизма приобрело некоторые новые черты, обусловленные ростом пролетариата и его организованности, подъемом рабочего движения, обогащением его интернационального опыта. Рабочие партии все более укрепляли свои позиции в различных странах [1]. К концу столетия они действовали уже в 22 странах, объединяя в своих рядах свыше 300 тысяч трудящихся [2]. Число избирателей, голосовавших за социалистов, несмотря на ограниченность избирательных прав трудящихся, возросло с 1,1 миллиона до 4,5 миллиона, что обеспечило расширение их представительства в парламентах с 20 мест в 2 странах до 164 мест в 9 странах. Количество членов профсоюзов, создававших все более крупные объединения, удвоилось и превысило 4 миллиона. Стачки стали повседневным явлением, и только в 7 крупнейших странах в 90-е годы было проведено более 35 тысяч забастовок, в которых участвовало свыше 9 миллионов человек [3]. От активности пролетарских партий, степени осознания ими ближайших задач рабочего движения и его конечных целей все больше зависели направление и характер деятельности профсоюзов, кооперативов и других организаций трудящихся.

Марксисты шли впереди других направлений рабочего движения в поисках наиболее эффективных организационных форм рабочих партий. Они располагали надежной научно-теоретической базой для разработки и совершенствования их политических принципов, стратегии и тактики.

---

[1] См.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 2. С. 232—263.

[2] См.: *Вебер А. Б.* Классовая борьба и капитализм. М., 1986. С. 78.

[3] См.: *Кривогуз И. М.* Второй Интернационал, 1889—1914. М., 1964. С. 21, 22, 26, 58, 65, 73, 76, 166 и др.

Структура политических рабочих организаций была разнообразной. Некоторые из них (Венгерская всеобщая рабочая партия, Социал-демократический Союз Дании, Рабочая партия Бельгии) представляли собой федерации различных автономных рабочих организаций: политических групп и клубов, профсоюзов, кооперативов, касс взаимопомощи. Им были присущи широта и массовость, но недоставало единства и целеустремленности. Другие, из которых действительно массовой стала в 80-е годы только Социалистическая рабочая партия Германии, являлись уже весьма централизованными объединениями относительно однородных политических групп. Являясь более высокой ступенью политической организации рабочих, многие пролетарские партии все еще не смогли установить достаточно широкие связи с массами, некоторым мешали сектантские тенденции.

Постепенно рабочие партии становились организаторами массовых выступлений трудящихся, приобретали ведущую роль в борьбе за расширение избирательных прав, улучшение условий труда, за 8-часовой рабочий день, они все шире использовали в интересах рабочего класса буржуазно-демократические свободы и представительные учреждения.

Марксизм к началу 90-х годов одержал убедительную теоретическую победу над анархизмом, другими немарксистскими социалистическими течениями, хотя это и не означало, что он получил полное преобладание в рабочем движении каждой страны. Рабочее движение в Англии, США, Дании, Швейцарии и некоторых других странах оставалось под влиянием тред-юнионизма и социал-реформистских взглядов, а в Испании, Нидерландах — анархистов. Те и другие в лучшем случае ограничивались полупризнанием марксизма.

Марксизм — идейно-политическая основа укрепления и успехов рабочих партий

Наибольших успехов в конце 80— первой половине 90-х годов добились прежде всего рабочие партии в Германии и во Франции.

Героический период германской социал-демократии — ее двенадцатилетняя борьба за ликвидацию «исключительного закона» против социалистов — в 1890 году завершился успехом. Во второй половине 80-х годов руководство партии — А. Бебель, В. Либкнехт с помощью Энгельса эффективно сочетало легальные и нелегальные методы работы, добилось организационного укрепления партии, расширения социалистической пропаганды, усиления влияния среди трудящихся и успехов на выборах. Приобретенный ею опыт способствовал изживанию содержавшихся в Готской программе пережитков лассальянских взглядов и усвоению марксизма. Организационно-политическая и идейно-теоретическая перестройка партии, принявшей в 1890 году на Галльском съезде название Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), была закреплена новым уставом и новой программой, принятой в 1891 году на съезде в Эрфурте.

Благодаря накопленному партией опыту и серьезной помощи Энгельса, опубликовавшего в 1891 году критические замечания Маркса о Готской программе и добившегося устранения некоторых недостатков проектов новой программы, Эрфуртская программа стала крупным достижением в соединении марксизма с немецким рабочим движением.

В программе содержались основные положения марксистского учения о необходимости низвержения пролетариатом капиталистического строя и объявлялось, что рабочий класс «не может осуществить переход средств производства в общественное владение, не достигнув обладания политической властью» [1].

В теоретических положениях программы было раскрыто марксистское понимание движения общества к социализму. На основе анализа капитализма проводилась идея о социализме как итоге естественно-необходимого развития, а ведущий к нему общественный переворот, установление общественной собственности рассматривался как осуществление всемирно-исторической миссии пролетариата, событие, знаменующее освобождение не только пролетариата, но и всего человеческого рода, служащее источником «высшего благосостояния и всестороннего, гармоничного совершенствования» [2]. Предварительным условием экономического освобождения в программе выдвигалась необходимость завоевания политической власти пролетариатом, который для осуществления своей всемирно-исторической миссии должен располагать самостоятельной политической партией. Одним из главных условий успехов германского рабочего движения программа считала верность его участников принципу пролетарского интернационализма.

СДПГ опасалась навлечь на себя новые репрессии, и ее программа не призывала к установлению демократической республики. Несмотря на этот пробел в конкретных требованиях, Эрфуртская программа сыграла значительную роль в упрочении марксистской теоретической традиции в международном социалистическом движении, способствовала более углубленному усвоению марксизма как научного мировоззрения.

Руководствуясь программой, соответствующей достигнутой тогда ступени развития марксизма и ситуации в стране, СДПГ сплотила в своих рядах передовую часть пролетариата, добилась значительных успехов на выборах в рейхстаг и местные представительные органы. В те годы она, как писал впоследствии Ленин, «*ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить» [3]. Успехи СДПГ, достигнутые на основе марксизма, превратили ее в 80 —

[1] См.: Программа СДПГ, принятая на Эрфуртском съезде 1891 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. М., 1985. С. 30.

[2] См. там же. С. 29.

[3] См.: *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 16.

90-е годы, как отмечал Энгельс, в ««ударный отряд» интернациональной пролетарской армии» [1].

Руководствовавшаяся марксистской программой, принятой еще в 1880 году, **Французская** рабочая партия (ФРП) расценивалась зарубежными социалистами как «единственное социалистическое направление во Франции, которое по своим взглядам соответствует требованиям времени и уровню науки» [2]. Принятый в 1890 году съездом партии в Лилле ее устав был нацелен на то, чтобы, как говорилось в обращенном к съезду Воззвании Национального совета, «партия образовала... единую армию, действующую как одно целое по согласованному и осуществляемому всеми плану» [3]. Укрепление ФРП было обеспечено разработкой и проведением в основном марксистского политического курса, а также критикой оппортунизма и синдикалистских тенденций, ответственных за раздробленность французского социалистического движения.

Созданная в 1886 году при непосредственном участии гедистов Национальная федерация синдикатов поддержала Рабочую партию и приняла резолюцию в духе ее программы. ФРП начала агитацию среди крестьян, разработала аграрную программу. Была выработана «муниципальная программа», определившая линию защиты интересов трудящихся городов в муниципалитетах. В конце 80-х годов ФРП недооценивала опасность буланжизма, заняв нейтральную позицию по отношению к этому реакционному движению [4], но впоследствии решительно выступала против шовинизма и реваншизма, против милитаризма и союза правящих кругов Франции с царизмом, против колониализма. В результате преодоления своих ошибок партия стала более сплоченной и укрепилась организационно. Благодаря этому она стала превращаться в самую влиятельную социалистическую партию страны. Увлеченные идеей единства, ее представители вместе с депутатами других социалистических течений в декабре 1893 года образовали в парламенте объединенную фракцию.

Однако развитие Французской рабочей партии осложнялось просчетами ее руководителей. Гедисты не придавали значения тому, что в объединенной парламентской фракции преобладали социал-реформисты, преувеличивали возможность прихода рабочих к власти путем парламентских выборов [5]. Их недооценкой стачек и других массовых выступлений воспользовалась возглавляемая Ж. Аллеманом Рабочая социал-революционная партия [6], призывавшая рабочих к стачкам,— она потеснила влияние ФРП в синдикатах. В аграрную программу 1894 года были включены требования, выгодные сельской буржуазии. Руководители партии «в своей попытке подойти к крестьянину...— отмечал Энгельс,— приводят в действие не те рычаги» [7]. Все это отрицательно сказалось на состоянии ФРП в целом. Поэтому Энгельс писал П. Лафаргу в июне 1894 года, что для победы революционная партия должна быть «более сильной, более многочисленной, более испытанной, более сознательной, чем та, которой вы располагаете» [8].

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 545.

[2] Vorwärts. 30. IX 1890.

[3] Цит. по: *Виллар К.* Социалистическое движение во Франции, 1883—1905 (гедисты). М., 1969. С. 116.

[4] Подробнее об этом см. в главе 3 настоящего тома.

[5] Le Socialiste. 11.IX 1892; 1.I 1893.

[6] Эта партия образовалась в 1890 году в результате раскола поссибилистов. Ее программные установки были близки к анархо-синдикализму.

[7] См.: *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 517.

[8] См. там же. Т. 39. С. 215.

Процесс дальнейшей консолидации сил сторонников марксизма в различных странах, сопровождавшийся ростом идейно-теоретического уровня программных документов уже существующих социалистических партий и возникновением новых, проходил все более интенсивно.

В рабочих партиях, появившихся в первой половине 90-х годов, влияние марксизма в период их становления, как правило, было значительно сильнее, чем в начальный период развития ранее возникших рабочих партий. Вновь создаваемые партии опирались на опыт уже существовавших социалистических партий, прежде всего на опыт СДПГ, а в своих программах многие из них использовали идеи и принципы, заложенные в Эрфуртской программе. Появление новых рабочих партий раздвигало сферу применения марксизма для решения проблем классовой борьбы пролетариата не только географически, но и за счет расширения их круга специфическими проблемами разных стран.

В **Бельгии** созданная в 1885 году Рабочая партия во главе с С. Де Папом и Л. Бертраном стремилась сочетать политическое движение за всеобщее избирательное право с борьбой за улучшение экономического положения трудящихся масс. В результате всеобщей политической стачки 1893 года, во время которой произошли столкновения рабочих с полицией и войсками, бельгийское правительство вынуждено было ввести всеобщее избирательное право.

Рост рабочего движения в стране способствовал тому, что съезд Бельгийской рабочей партии в Кареньоне в 1894 году выработал «Декларацию принципов», на которой сказалось влияние Эрфуртской программы СДПГ. Декларация заявляла, что освобождение трудящихся может быть достигнуто «только путем уничтожения классов и радикального преобразования всего общества» и «является делом самих трудящихся». Цель социализма, говорилось в Декларации,— «освобождение трудящихся в экономическом, моральном и политическом отношении» и установление «коллективного владения природными богатствами и орудиями труда». В Декларации подчеркивалась роль рабочего класса в борьбе против капитализма, необходимость интернациональной солидарности пролетариата, и провозглашалось, что «рабочие должны бороться с классом капиталистов всеми средствами» [1]. В качестве непосредственных требований съезд выдвинул «комплекс политических и экономических реформ» демократического характера [2].

Оставаясь федерацией социалистических групп, усилившихся профсоюзов, окрепших кооперативов и обществ взаимопомощи,

---

[1] *Delsinne L.* Le Partie Ouvrier Belge, des origines à 1894. Bruxelles, 1955. P. 95—99, а также: *Неймарк М. А.* Бельгийская социалистическая партия: идеология и политика, 1945—1975. М., 1976. С. 25.

[2] См.: *Дестрэ Ж., Вандервельде Э.* Социализм в Бельгии. Спб., 1906. С. 278—285.

Рабочая партия первой среди других достигла заметных успехов в сплочении молодежи и в агитации среди солдат против реакции и милитаризма. На выборах 1894 года она получила 25 процентов всех голосов и впервые добилась представительства в парламенте.

Неоднозначно развивалось социалистическое движение в Северной Европе.

Норвежская рабочая партия в 1891 году была переименована на своем съезде в Социал-демократическую рабочую партию. Съезд принял новую программу, в основу которой была положена Эрфуртская программа. Целью партии провозглашалось овладение политической властью, уничтожение классов и классового господства. Были выдвинуты также общедемократические требования: 8-часовой рабочий день, всеобщее избирательное право и др. [1].

Социал-демократическая рабочая партия **Швеции** под руководством А. Даниельсона и Я. Брантинга, также ориентируясь на Эрфуртскую программу Социал-демократической партии Германии, усилила пропаганду социализма, активно участвовала в руководстве стачками, в создании профсоюзов, выступала за расширение демократических свобод, участвовала в выборах парламента и местных органов.

В то же время руководство Социал-демократического союза **Нидерландов** (Д. Ньювенгейс) все более склонялось к анархизму. Ньювенгейс заявлял, что «классовая борьба, которую должны вести трудящиеся, это прежде всего экономическая борьба, а ей подчинена борьба политическая» [2], а затем и вовсе отказался от политической борьбы. Защищавший марксистские позиции Ф. ван дер Хус был исключен из Социал-демократического Союза. Организационно-политическая работа была сведена к громким фразам о революции, свержении существующего строя посредством стачек и насилия.

Это побудило объединиться сторонников политической борьбы, которых называли парламентаристами. Под руководством П. Трульстры и В. Флигена в 1894 году они основали Социал-демократическую партию. В ее программу были включены положения о необходимости социалистического переустройства общества и о самостоятельной политической борьбе пролетариата, но политическая борьба сводилась к выборам и парламентской деятельности.

Созданная в конце 1888 — начале 1889 года Социал-демократическая рабочая партия **Австрии** провела в 1892 году свой второй съезд, который исключил из партии ранее присоединившихся к ней анархистов и создал центральное руководство. Партия стала организатором массового движения за всеобщее избирательное право и заявила о возможности проведения общей политической забастовки. Принятый в 1894 году устав рекомендовал членам партии работать в местных организациях партии, способствовал ее укреплению.

В **Венгрии** усилилось влияние марксистов во Всеобщей рабочей

---

[1] См.: История Норвегии. М., 1980. С. 315.

[2] Rapport sur le mouvement ouvrier démocrate-socialiste en Hollande, depuis le Congrès international de Bruxelles. s. l., 1891. P. 3.

партии. Укрепление ее связей с рабочими промышленных предприятий и поддержка австрийских социалистов способствовали активизации сторонников марксизма и упрочению партии. Состоявшийся в 1890 году съезд переименовал партию в Венгерскую социал-демократическую партию и принял «Декларацию принципов». В Декларации целью партии провозглашалась замена «нынешнего способа производства» способом производства, основанным на «коллективных началах» путем передачи средств производства в общественную собственность, и указывалось, что осуществить эту цель призван «классово-сознательный, имеющий свою партию пролетариат» [1].

Однако борьба между сторонниками и противниками активных политических действий привела к расколу партии. Левые под руководством П. Энгельмана создали в январе 1894 года Социал-демократическую рабочую партию. Проведенный в мае того же года съезд Венгерской социал-демократической партии восстановил ее единство на платформе Социал-демократической рабочей партии. Было решено усилить борьбу за улучшение экономического положения трудящихся и всеобщее избирательное право. В связи с массовыми волнениями крестьян Венгерская социал-демократическая партия впервые выдвинула конкретные требования улучшения экономического, политического и культурного положения сельских рабочих и крестьян. В целом ориентируясь на марксизм, она искала пути решения важнейших проблем страны.

Благодаря усилиям сторонников марксизма в конце 80 — начале 90-х годов на более высокую ступень поднялось рабочее движение **Италии**. Главную роль в объединении рабочих организаций Италии сыграла созданная в 1889 году в Милане Социалистическая лига, пропаганда идей научного социализма Ф. Турати и А. Кулишовой, а также труды Ант. Лабриолы. Видная роль в распространении марксизма принадлежала журналу «Critica Sociale», который опубликовал статьи Энгельса «Будущая итальянская революция и социалистическая партия», «Социализм международный и социализм итальянский» и некоторые другие работы.

Сплочению передовых рабочих благоприятствовало влияние успехов СДПГ и ее Эрфуртской программы, а также непосредственная помощь Энгельса. Турати предлагал широкое объединение даже расходившихся во взглядах групп, а Лабриола в противовес такой аморфной и непрочной ассоциации твердо отстаивал необходимость создания сравнительно немногочисленного передового отряда трудящихся, чья сила и влияние основаны на единстве

[1] См.: История венгерского революционного рабочего движения: В 3 т. М., 1970—1974. М., 1970. Т. 1. С. 35—36.

теоретических принципов, боеспособности, тесной связи со своим классом. Созданная в 1892 году на съезде в Генуе Партия итальянских трудящихся разорвала с анархистами и операистами [1] и приняла марксистскую в своей основе программу. В программе была сформулирована конечная цель партии — обобществление средств труда и общественное управление производством,— указывалось, что эта цель может быть достигнута только пролетариатом, организованным в партию, которая должна быть верным выразителем интересов и сознательным авангардом борющихся пролетариев [2]. В качестве задач рабочего движения программа выдвигала борьбу за улучшение условий жизни и труда пролетариата под руководством профсоюзов, а также завоевание рабочим классом органов политической власти. В программе ничего не говорилось об особенно важном для Италии крестьянском вопросе. Однако в период острейшего политического кризиса, охватившего Италию с 1893 года, социалисты солидаризировались с сельской беднотой Сицилии, ставшей на путь вооруженной борьбы, осуждали действия реакционных сил, но их руководители, кроме Ант. Лабриолы, не могли разглядеть в выступлениях сельской бедноты начало движения за демократизацию страны. На съезде в 1895 году партия приняла название Итальянская социалистическая партия. Партия осудила агрессию Италии в Эфиопии и высказалась за поражение итальянских армий. Социалисты организовывали массовые демонстрации, протестовали в парламенте. Это обеспечило партии успех в избирательной кампании, за нее проголосовало почти в 4 раза больше избирателей, чем на предшествовавших выборах.

Несмотря на продолжавшееся господство анархизма в рабочем движении **Испании,** марксисты смогли укрепить свои позиции и здесь.

Испанская социалистическая рабочая партия приобрела влияние среди трудящихся некоторых областей, начала работу в деревнях, после введения всеобщего избирательного права стала участвовать в выборах. Очередной съезд партии, состоявшийся в 1892 году, подчеркнул необходимость ее централизации, выработал муниципальную программу и выставил требования, направленные на улучшение положения трудящихся [3]. Обрушившиеся на социалистов репрессии не сломили партию, и она продолжала действовать нелегально. «Мы добьемся,— заявляли ее руководители,— что трудящиеся откажутся от буржуазной политики и вступят на подлинно революционный путь» [4].

---

[1] **Операизм** (от итальянского operaio — рабочий) — сектантская тенденция, выражавшаяся в узкоцеховом понимании интересов и задач рабочего класса. Операизм переоценивал фактор стихийности, выдвигал на первый план задачи экономической борьбы, фактически отвергал политическую борьбу. Под влиянием операизма находилась итальянская Рабочая партия. Наиболее авторитетными представителями этого течения были О. Ньокки-Виани, К. Ладзари.

[2] См.: *Мизиано К. Ф.* Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX веков. М., 1976. С. 95; а также: *Кин Ц. И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 129—130.

[3] El Socialista. 25. IX 1892.

[4] Le Parti socialiste ouvrier espagnol au Congrès international de Zürich 1893. s. l., Impr., Minuesa de los Rios, 1893. P. 2.

Борьба с сектантством и классовым соглашательством в рабочем движении Англии и США

В конце 80 — начале 90-х годов в **Англии** начался подъем массового рабочего движения — выступления так называемых «новых тред-юнионов» — профессиональных объединений тысячных масс неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих [1].

Энгельс, внимательно следивший за этим процессом, указал отличительные черты нового тред-юнионизма: в противовес старым тред-юнионам, которые «рассматривают систему наемного труда как раз навсегда установленный вечный порядок» [2], новые профессиональные союзы свободны от этих воззрений, в них явственно выступает стремление к социализму, к самостоятельной политической борьбе. Выдвигая основным требованием введение в законодательном порядке 8-часового рабочего дня, они стали на путь самостоятельного политического движения. Основателями этих «новых тред-юнионов» являлись социалисты — либо сознательные, либо по инстинкту.

В организации «новых тред-юнионов» и их выступлениях большую роль играли марксисты, в том числе Элеонора Маркс, которым непосредственную помощь оказывал Энгельс. При их содействии «новые тред-юнионы» приняли активное участие в первомайских демонстрациях, проводившихся с 1890 года в ответ на призыв Парижского конгресса Второго Интернационала.

Энгельс, придавая огромное значение выступлению широких пролетарских масс в Англии, в то же время отмечал, что социалистические организации по-прежнему остаются раздробленными и оторванными от рабочих масс. Социал-демократическая федерация (СДФ), несмотря на то что в нее входили и действительные социалисты, не стала массовой рабочей партией. На ее примере Энгельс показал, к чему ведет формальное усвоение теории. Признавая марксистскую теорию, руководство СДФ недооценивало «живую теорию действия» — необходимость работы вместе с рабочим классом на всех возможных этапах его развития. Социал-демократическая федерация, писал он, «превратила марксизм в окостенелую догму... она отворачивается от *всякого* рабочего движения, которое не является ортодоксально марксистским», руководители ее проводят политику «как раз противоположную той, что рекомендуется «Коммунистическим Манифестом»» [3].

Сектантская позиция руководства СДФ наряду с другими факторами способствовала распространению в начале 90-х годов в рабочих кругах влияния реформистско-социалистического Фабианского общества. Объединенная в обществе гуманистическая интеллигенция, понимая, что часть рабочих уже начала поворачивать к

---

[1] Начало этому движению положила грандиозная стачка лондонских докеров в 1889 году, в которой участвовало более 60 тысяч человек. Одним из ее организаторов и руководителей была Элеонора Маркс.

[2] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» 1892 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 284—285.

[3] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 12 августа 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 360.

социализму, пыталась повести их за собой. Главная идея фабианцев, отмечал Энгельс,— отказ от классовой борьбы, утверждение о необходимости «пропитать» буржуазный либерализм социализмом и заставить таким образом буржуазию сделать из своего либерализма якобы присущие ему социалистические выводы [1]. Фабианцы, выступая с критикой буржуазного общества,— они издавали сотни популярных брошюр — привлекали этим и рабочих, которые искали ответ на вопросы, поставленные перед ними самой жизнью. В результате начался приток рабочих в местные отделения Фабианского общества. Но основой воззрений фабианцев, подчеркивал Энгельс, являлся «страх перед революцией». Ленин, развивая эти характеристики Энгельса, рассматривал фабианский социализм как «самое законченное выражение оппортунизма» [2].

Энгельс считал крайне необходимым вести постоянную революционную социалистическую агитацию, добиваться создания в Англии самостоятельной политической рабочей партии. В этом направлении работала группа марксистов (Эл. Маркс, Эд. Эвелинг, Б. Бакс, Дж. Макдональд) и связанные с ней лидеры «новых тред-юнионов». Энгельс исходил при этом из объективных условий — массового подъема рабочего движения под руководством социалистически настроенных лидеров, таких, как Том Манн, Уильям Торн, Дж. Бернс и др.

Энгельс отдавал себе отчет в том, какие трудности лежат на пути создания пролетарской партии. Помехой являлось и существовавшее у английских социалистов пренебрежение к теории, и устойчивые реформистские иллюзии среди рабочих, и сектантская тактика СДФ. Но революционные силы оказались недостаточно подготовленными. Создание рабочей партии фактически возглавили люди, в той или иной степени придерживавшиеся реформистского мировоззрения, в частности шахтер Кейр Гарди.

В 1893 году возникла Независимая рабочая партия (НРП), в программе которой содержалось требование обобществления средств производства. В нее вошли рабочие организации, главным образом Севера Англии, Фабианское общество, «Лига борьбы за законодательное введение 8-часового рабочего дня».

Руководство НРП, отвергнув марксистскую теорию, фактически попало под влияние фабианского социализма и пошло по пути соглашения с буржуазным либерализмом. Уже во второй половине 90-х годов НРП занимала оппортунистическую позицию.

Однако в социалистическом движении страны сохранилась и революционная тенденция, представленная левым крылом СДФ.

В **США** и в начале 90-х годов социалистическому движению был присущ сектантский характер.

Орден рыцарей труда, объединивший в 1886 году 700 тысяч трудящихся, не смог превратиться ни в социалистическую партию, ни во влиятельное профессиональное объединение. Его силы в конце 80 — начале 90-х годов были подорваны рядом факторов, прежде всего отсутствием ясной цели и политики, способных сплотить трудящихся. Ведущую роль в движении за 8-часовой рабочий день, добившемся в начале 90-х годов частичных успехов, играла Американская федерация труда (АФТ). Однако ее руководство уже в 1890 году отвергло призывы к борьбе за уничтожение системы наемного труда, а затем выступило и против политической самостоятельности рабочего класса.

В начале 90-х годов некоторых успехов добилась Социалистическая рабочая партия (СРП), одним из руководителей которой стал Даниэль Де Леон. Социалисты создали свои организации в 23 штатах, вели пропаганду в Ордене рыцарей труда и

---

[1] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 18 января 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 8.

[2] См.: *Ленин В. И.* Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 267.

в АФТ, установили контакты с демократическими движениями. Руководство СРП остро критиковало ограниченность взглядов и деятельности лидеров Ордена и АФТ. Однако оно, выдвигая основной задачей осуществление социалистической революции, недооценивало борьбу за непосредственные интересы рабочих, отрицало необходимость сотрудничества с теми рабочими организациями, которые не придерживались идей социализма, в частности с АФТ, а затем и с Орденом рыцарей труда [1]. Догматическо-сектантская позиция Социалистической рабочей партии вела к ее изоляции от широких масс рабочих США.

Характеризуя основные черты англо-американского рабочего движения, Ленин подчеркивал фактическое подчинение пролетариата буржуазной политике, оторванность горсток социалистов от рабочих масс [2]. Говоря об отношении основоположников марксизма к рабочему движению такого типа, Ленин отмечал, что «в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов *во что бы то ни стало* рвать узкое сектантство и *примыкать* к рабочему движению, чтобы *политически встряхнуть* пролетариат» [3].

Усиление влияния марксизма в рабочих партиях стран Восточной Европы и на Балканах

В **Болгарии** под руководством Д. Благоева и Н. Габровского в 1891 году была разработана программа, опиравшаяся на марксизм и ориентировавшая рабочий класс на борьбу за демократию, за социальный прогресс, за «социалистический переворот» [4]. На ее основе съезд представителей социалистических групп в Бузулудже в августе 1891 года учредил Болгарскую социал-демократическую партию. В 1892 году наряду с партией был образован Социал-демократический союз. III съезд партии в 1893 году принял новую программу, основой которой послужила Эрфуртская программа германской социал-демократии. На состоявшемся в Софии в 1894 году съезде обе организации объединились в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (БРСДП). Съезд принял прежнюю программу с некоторыми изменениями, определив цель, принципы и задачи партии [5]. Устав требовал от членов партии признания программы, материальной поддержки и участия в работе конкретной организации. Партия строилась на основе сочетания автономии и централизма. Активно участвуя в выборах 1894 года, она, несмотря на противодействие реакции, смогла получить в парламенте 2 места. Однако внутри партии существовали расхождения. Благоев и его сторонники считали недопустимым любые отклонения от указанных в программе принципов. Другие (Я. Сакызов) ради привлечения возможно большего числа сторонников допускали отступления от них. Действия последних

---

[1] См.: *Валюженич А. В.* Социалистическая мысль и движение в США. М., 1983. С. 176—183.

[2] См.: *Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 234—235.

[3] Там же. С. 243—244.

[4] См.: История на Българската комунистическа партия. София, 1981. С. 43.

[5] См. там же. С. 62—63.

затрудняли преодоление организационной слабости партии, замедляли консолидацию передовых сил рабочего класса.

Репрессии и казнь руководителей первой ориентировавшейся на марксизм политической организации **польских** рабочих — партии «Пролетариат» не могли воспрепятствовать возникновению на польских землях, входивших в состав России, нелегальных организаций такого же типа — Второго «Пролетариата» (1887) и «Союза польских рабочих» (1889). Благодаря деятельности Л. Кшивицкого, Ю. Мархлевского и других марксистов эти организации стремились найти соответствовавшие условиям Польши пути рабочего движения и решения коренных проблем страны [1].

Объективные условия развития в Польше социалистического движения привели к возникновению двух концепций борьбы за социализм.

Представители традиционного национально-освободительного направления в польском рабочем движении считали, что сначала надо возродить собственное польское независимое государство, то есть уничтожить национальный гнет со стороны Австро-Венгрии, Пруссии, царской России, и лишь после этого бороться за превращение польского независимого государства в социалистическое общественное устройство. В целом это направление было характерным для основанной в 1893 году Польской социалистической партии (ППС), за что ее неоднократно обвиняли в национализме и сепаратизме, забывая о том, что эта партия ставила также и задачи социального освобождения. В ответ на критику многие представители ППС и даже те, кто не был марксистом, неоднократно ссылались на высказывания Маркса и Энгельса о необходимости возрождения независимой Польши и на их поддержку польского национально-освободительного движения. Наиболее активно лидеры ППС отстаивали эту концепцию в 1895—1896 годах, предложив на Лондонском конгрессе II Интернационала вопрос о национальном освобождении Польши в качестве одной из главных целей международного рабочего движения.

Отношение к национальному вопросу в конечном счете сыграло главную роль не только в расколе польского рабочего движения в целом, но и в расколе мнений лидеров внутри отдельных социалистических партий. Это стало характерным прежде всего для самой Польской социалистической партии. Так, ППС-Революционная фракция пошла в направлении чистой борьбы исключительно за национальную независимость. Более того, часть ее деятелей во главе с Ю. Пилсудским вообще порвала с социалистическим движением и перешла к организации вооруженных действий. Близко к позициям ППС-Революционной фракции стояли социалистические партии на польских землях, находившихся под администрацией Австро-Венгрии (ППСД) и Пруссии (ППС — на «прусских землях»). Возникли действительно националистические группировки, например такая, как Национальный рабочий союз (НЗР); стали распространяться национальные группировки евреев (Бунд), немцев и др. Польская социалистическая партия, действовавшая на территории, занимаемой царской Россией, отмежевалась от других группировок и

[1] См.: *Яжборовская И. С.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения. (Конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973. С. 30—33.

стала называться ППС-левица. Большинство ее членов не принимали крайних националистических лозунгов, свойственных ППС-Революционной фракции и в особенности группировке, возглавлявшейся Пилсудским. ППС-левица стремилась соединить в своей деятельности борьбу за социальное освобождение с национально-освободительной борьбой. В особенности это было свойственно одному из ведущих деятелей ППС-левицы, Казимежу Келлес-Краузу [1].

Изложенным выше точкам зрения по национальному вопросу в Польше противостояла другая концепция в польском социалистическом движении, называвшаяся интернационалистской. Утверждалось, что социалистические революции, подняв рабочий класс различных стран на борьбу против собственной и международной буржуазии, будут иметь интернациональный характер, который будет отличительной чертой также и диктатуры пролетариата. Считалось, что нация и национальное государство — это принадлежность буржуазных, капиталистических общественных устройств. В Польше эту точку зрения отстаивал уже Людвик Варыньский, создатель первой революционной партии «Пролетариат», который полностью принял марксистское положение о роли рабочего класса, классовой борьбе, диктатуре пролетариата и т. д., но вместе с тем не соглашался с точкой зрения Маркса о революционизирующей роли национально-освободительного движения поляков за самостоятельное независимое государство.

Руководствовавшиеся этими принципами польские социалистические группы летом 1893 года провели конференцию, создавшую Социал-демократию Королевства Польского — партию, действовавшую только в польских землях, принадлежавших России.

В 1894 году I съезд СДКП выработал программные политические и организационные установки [2]. Главное правление этой партии возглавил Б. Весоловский.

Социал-демократия Королевства Польского выражала классовые интересы пролетариата, концентрировала силы на организации и развертывании его борьбы за конкретные демократические и социально-экономические требования, ориентируясь на социалистическую революцию. Она стремилась укрепить взаимодействие польского рабочего движения с рабочим движением держав, разделивших Польшу, придерживалась пролетарского интернационализма.

Однако, выступая против националистических тенденций Польской социалистической партии, СДКП связывала ликвидацию национального угнетения с борьбой одного лишь рабочего класса, только с победой социалистической революции. Это вело к недооценке революционного потенциала национально-освободи-

---

[1] *Kelles-Krauz K.* Niepodległość Polski w programie socjalistycznym // Kelles-Krauz K. Pisma Wybrane. Warszawa, 1962. T. 2.

[2] См.: *Козловский Ч.* Очерки истории польского рабочего движения. М., 1980. С. 38—39.

тельной борьбы, значения национальных интересов и ограничивало возможности расширения влияния партии.

В 1886 году представители активизировавшихся социалистических кружков в **Румынии** выработали программу, о которой Энгельс писал Нэдежде: «К большому своему удовлетворению я смог убедиться, что социалисты Вашей страны принимают в своей программе основные принципы той теории, которой удалось сплотить в едином отряде бойцов огромное большинство европейских и американских социалистов...» [1] Но только в 1893 году румынским социалистам удалось созвать съезд и создать Социал-демократическую партию Румынии. Принятая съездом программа была шагом вперед в разъяснении и применении марксизма в этой стране, в ней присутствовал ряд положений, содержавшихся в Эрфуртской программе. В программе выдвигались требования всеобщего избирательного права, установления 8-часового рабочего дня, выкупа и передачи земель кооперативам. Съезд наметил политическую линию и избрал руководящий орган партии.

Однако руководство партии не уделяло внимания экономической борьбе рабочих и было склонно политическую деятельность сводить к легальной борьбе за реформы. С ростом рабочего движения в спорах на ежегодных съездах в партии стало складываться революционное направление, лидерами которого стали Шт. Георгиу, Ал. Ионеску.

В 1894 году в югославских землях Австро-Венгрии была основана Социал-демократическая партия **Хорватии** и **Словении**, разработавшая свою программу по образцу Эрфуртской.

Политические организации рабочего класса, заявившие о стремлении к социализму, стали возникать в конце века и на других континентах: в Австралии (1887), в Южной Америке — в Чили (1891), в Аргентине (1895). Эти организации ориентировались на марксизм и пытались найти соответствующее решение проблем своих стран.

Во второй половине 80 — первой половине 90-х годов марксизм закрепил за собой ведущую роль в развернувшейся тогда подготовке создания рабочих партий во многих других странах [2]. Уже в 1890 году Энгельс писал, что «Манифест Коммунистической партии» «в настоящее время... несомненно является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии» [3].

---

[1] Энгельс — Иоану Нэдежде, 4 января 1888 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 4.

[2] См.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 2. С. 232—263.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1890 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 62.

2. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ СПЛОЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение нового Интернационала и концепция его развития

Марксисты были инициаторами интернационального сплочения рабочего движения и единства действий пролетарских партий. По их инициативе в 80-х годах расширялись и крепли прямые связи между социалистическими организациями различных стран. В то же время усилилась непосредственная взаимопомощь рабочих организаций многих стран в борьбе за улучшение условий труда, особенно за установление 8-часового рабочего дня.

Подъем социалистического движения к концу 80-х годов, успехи рабочих партий и рост других рабочих организаций создавали потребность в упрочении интернациональной солидарности рабочих, в установлении более тесных многосторонних международных пролетарских связей. Усилилось стремление к созданию нового международного объединения, созрели предпосылки для возникновения нового Интернационала. Инициатива созыва международного рабочего конгресса в Париже в 1889 году исходила одновременно, с одной стороны, от реформистских элементов в лице французских поссибилистов, английских тред-юнионов и СДФ, с другой — от Национальной федерации синдикатов (профессиональных союзов) Франции, возглавлявшихся марксистами, и германских социал-демократов. Конгресс имелось в виду приурочить к открывавшейся в связи со столетием Французской революции 1789 года всемирной выставке. В результате в Париже собралось параллельно два конгресса, но только один под руководством марксистов, организация которого проводилась при ближайшем участии Энгельса, получил всемирную известность и значение.

Международный социалистический конгресс или, как его тогда часто называли, Конгресс объединенных социалистов начал свою работу в Париже 14 июля 1889 года — в день столетия взятия Бастилии. Конгресс был самым представительным за всю предшествовавшую историю пролетарского движения. 384 делегата представляли примерно 300 организаций из 20 стран. Самым важным доказательством роста рабочего движения было преобладание на нем марксистов. Однако на конгрессе были представлены и другие течения, еще пользовавшиеся влиянием среди масс. Реформистские взгляды были характерны для бельгийской делегации. Анархистскую группу составляли несколько итальянских и французских делегатов [1].

Открывая конгресс, Лафарг напомнил о юбилее Французской

[1] На параллельном конгрессе было представлено 13 стран; из 86 иностранных делегатов 39 были из Англии. Подробнее об истории созыва конгресса и возникновении II Интернационала см.: *Тартаковский Б. Г.* Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата. М., 1966.

буржуазной революции и заявил, что после нее буржуазия превратила всю страну в капиталистическую Бастилию для рабочих.

В выступлениях Лафарга, Вайяна, Либкнехта разъяснялись цели и значение конгресса для интернационального сотрудничества мирового пролетариата, подчеркивалась задача заменить захватническую политику буржуазных правительств «демократической оборонительной политикой вооруженного и организованного народа» [1].

Большинство делегатов Конгресса объединенных социалистов выступало за слияние параллельно заседавших конгрессов на рациональной основе посредством компромисса, исключавшего какие-либо принципиальные уступки. Поссибилистский же конгресс выдвинул в качестве предварительного условия слияния проверку всех делегатских мандатов, выразив тем самым недоверие Конгрессу объединенных социалистов. Это требование сделало невозможным слияние конгрессов. Несмотря на известную пестроту состава Конгресса объединенных социалистов, в целом он прошел под знаком признания основных положений учения Маркса. Резолюции были составлены в духе научного социализма. Ленин отмечал впоследствии, что созданная фактически конгрессом международная организация «сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма» [2]. Это было обеспечено созданием рабочих партий, воспринявших идеи научного социализма, распространением марксизма и ростом его влияния в международном рабочем движении.

Победа марксистских принципов на Парижском конгрессе создала основу для дальнейшего сплочения социалистических рабочих организаций на идейной базе научного социализма. Его решения были с удовлетворением восприняты во всех странах, где имелось организованное рабочее движение. Поэтому Энгельс и его соратники имели все основания добиваться того, чтобы на следующем конгрессе, проведение которого было намечено на 1891 год, были представлены по возможности все рабочие организации. В результате широкой подготовительной кампании, в которой руководящая роль принадлежала германской социал-демократии и Французской рабочей партии, удалось предотвратить опасность созыва двух параллельных конгрессов. На новый конгресс Интернационала были приглашены, как говорилось в воззвании его организаторов, «все рабочие и социалистические партии, объединения и группы, все без различия...» [3].

Пойдя на сплочение разнородных рабочих организаций, марксисты стремились постепенно поднять все эти организации на уровень революционной теории, то есть добиться признания ими

---

[1] Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongress zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889. Nürnberg, 1890. S. 2 (далее: Protokoll... 1889).

[2] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18.

[3] Vorwärts. 3.III 1891.

основных идей научного социализма. На следующий конгресс, состоявшийся в 1893 году в Цюрихе, организационный комитет пригласил все рабочие партии и союзы, которые «признают необходимость организации рабочих и их политической деятельности» [1]. В ходе подготовки этого конгресса его организаторам удалось сорвать попытку правых лидеров Британского конгресса тред-юнионов противопоставить социалистическому конгрессу другой, чисто профсоюзный конгресс. После того как профсоюзы большинства европейских стран отказались принять участие в конгрессе, который намеревались созвать лидеры английских тред-юнионов, последние вынуждены были отступить и направили своих делегатов на Цюрихский конгресс. На самом конгрессе произошло решительное размежевание с анархистами, требовавшими пересмотреть «формулу приглашения», и уточнено понимание политического действия [2]. Мандаты анархистских делегатов были признаны недействительными.

Следующий конгресс, собравшийся в 1896 году в Лондоне, готовился как «социалистический рабочий и профсоюзный». Открывая конгресс, председатель Парламентского комитета английских тред-юнионов, один из лидеров тред-юниона горняков А. Кауэй заявил, что рабочие должны объединиться в национальном и интернациональном масштабе, должны организоваться политически, независимо от партий буржуазии, должны «быть терпимыми относительно средств, но твердыми и сплоченными относительно цели: освобождение рабочего класса самими рабочими!» [3]. Конгресс подтвердил прежнюю «формулу приглашения», несколько уточнив ее. Таким образом анархисты, выступавшие против участия рабочих в политической борьбе, были фактически исключены из Интернационала. Линия марксистов способствовала сплочению и повышению идейно-политического уровня участвовавших в Интернационале массовых рабочих организаций, включая профсоюзы.

Конгрессы — основная форма интернационального взаимодействия рабочих организаций

Стремясь к сплочению международного рабочего движения на его новом этапе, некоторые видные лидеры предлагали, как и в Международном товариществе рабочих, создать в новом Интернационале единый руководящий центр — Генеральный совет. Такие предложения выдвигались в ходе подготовки первого и второго конгрессов, но решительно отклонялись руководителями герман-

[1] Vorwärts. 28.II 1892.

[2] Большинством голосов конгресс принял следующую формулировку, предложенную В. Адлером, А. Бебелем, К. Каутским и др.: «Под политическим действием следует понимать использование или завоевание рабочими партиями сообразно своим силам политических прав и законодательной машины в интересах пролетариата и для завоевания политической власти» (Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893. Zürich, 1894. S. 6) (далее: Protokoll... 1893).

[3] Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiter Kongresses zu London. Berlin, 1896. S. 4 (далее: Verhandlungen... 1896).

ской социал-демократии и большинством других сторонников марксизма, опиравшихся на точку зрения Энгельса. Он доказывал, что в условиях стремительного расширения рабочего движения попытки создать такой центр «столь же невозможны, сколь и бесполезны» [1]. «...Движение,— писал он,— приняло слишком большой, слишком широкий размах, чтобы связывать его такими ставшими ему тесными рамками» [2]. На Цюрихском конгрессе (1893) — единственном конгрессе, на котором присутствовал Энгельс, он заявил, что «свободное объединение, добровольные контакты, поддерживаемые конгрессами,— этого достаточно, чтобы обеспечить нам победу...» [3]. II Интернационал сложился и развивался как добровольная федерация самостоятельных и равноправных социалистических партий и других рабочих организаций, участвовавших в борьбе за завоевание политической власти ради освобождения эксплуатируемых и ликвидации классов. Основной формой его деятельности были периодические конгрессы. «Это нашим интернациональным конгрессам,— писала «Le Socialiste»,— обязаны мы той классовой солидарностью, которая царит теперь в рядах международного пролетариата» [4].

На Лондонском (1896) конгрессе уже никто не предлагал создать руководящий центр — Генеральный совет. Но потребности социалистов в информации и обмене опытом, в координации действий, особенно в связи с массовой миграцией рабочих и усилением капиталистических монополий, возрастали, и конгресс рекомендовал подготовить создание интернационального бюро из представителей рабочих организаций всех стран для улучшения и упорядочения международной информации и пропаганды, а также создать межпарламентскую комиссию из депутатов-социалистов всех стран [5]. Так были намечены новые формы интернационального взаимодействия рабочих организаций.

В работе конгрессов участвовали сотни представителей почти всех социалистических партий, многих профсоюзов и других рабочих организаций Европы и Америки. Марксисты на каждом конгрессе добивались в различных направлениях определенного продвижения вперед — в марксистском решении актуальных проблем рабочего движения. «...Международный конгресс,— заявил после Лондонского конгресса В. Либкнехт,— представляет собою парламент и военный штаб, в котором мы должны обсуждать и устанавливать условия и средства классовой войны» [6]. Обобщение опыта, накапливаемого рабочими организациями, позволяло Энгель-

[1] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 28 июня 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 200.

[2] Энгельс — Лауре Лафарг, 17 августа 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 124.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Речь при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 12 августа 1893 года // Там же. Т. 22. С. 426.

[4] Le Socialiste. 20.VIII 1893.

[5] Verhandlungen... 1896. S. 23, а также: *Haupt G.* Le Deuxieme Internationale, 1889—1914. Paris, 1964. P. 22—27.

[6] Justice. 15.VIII 1896.

су, его соратникам и последователям развивать марксизм, обогащать его теорию и политику. Это способствовало тому, что марксизм во II Интернационале стал «господствующей теорией» [1].

Первомайские выступления — укрепление пролетарского интернационализма

На основе решений конгрессов и благодаря усилиям рабочих партий и профсоюзов с 1890 года начались ежегодные первомайские выступления трудящихся, воплощавшие интернациональное единство действий борющегося рабочего класса. Подхваченная марксистами инициатива передовых рабочих создала эффективную форму международной солидарности, намного пережившую II Интернационал. Начало было положено резолюцией Парижского конгресса, в которой говорилось, что 1 Мая 1890 года рабочие должны одновременно во всех странах организовать манифестацию и предъявить властям требование — установить 8-часовой рабочий день и выполнить все остальные решения международного социалистического конгресса об улучшении положения трудящихся. Выступления рабочих следовало организовать в такой форме, которая соответствовала бы условиям данной страны [2]. На следующем конгрессе была принята резолюция, в которой говорилось, что демонстрации интернациональной солидарности с требованием закона о 8-часовом рабочем дне, с призывами к классовой борьбе следует устраивать повсюду именно 1 Мая, но прекращать работу не обязательно, так как в некоторых странах условия для этого неблагоприятны.

Цюрихский конгресс (1893) дополнил это решение указанием на обязанность социал-демократов стремиться к прекращению работы в этот день и проводить демонстрации не только под лозунгом борьбы за 8-часовой рабочий день, но и под знаком «твердой решимости рабочего класса путем социального преобразования уничтожить классовые различия, что является единственным путем к миру внутри каждого народа и к международному миру» [3]. На Лондонском конгрессе (1896) желательность прекращения работы 1 Мая была подтверждена. Требования, выдвигавшиеся участниками первомайских выступлений с учетом особенностей каждой страны, были значительно расширены и углублены благодаря рекомендациям конгрессов.

Таким образом, по инициативе марксистов получили развитие теория и практика пролетарского интернационализма.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Разногласия в европейском рабочем движении // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 62.

[2] Protokoll... 1889. S. 123.— Это решение было воспринято рабочими организациями с большим энтузиазмом и в той или иной форме осуществлено во всех странах, где существовало организованное рабочее движение. Проведение первомайских стачек и демонстраций стало боевой интернациональной традицией борющегося пролетариата. Подробнее см.: *Dommanget M.* Historie du Premier Mai. Paris, 1972; *Fricke D.* Kleine Geschichte des Ersten Mai. Berlin, 1980; *Россель А.* 1 Мая: 100 лет борьбы трудящихся мира. М., 1988.

[3] Protokoll... 1893. S. 36.

3. ОБОСНОВАНИЕ МАРКСИСТАМИ ПУТЕЙ УКРЕПЛЕНИЯ КЛАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОЛЕТАРИАТА

Идейно-теоретические и организационно-политические основы рабочих партий

Благодаря созданию и деятельности опирающихся на основные положения научного социализма рабочих партий существенно расширилась сфера приложения марксизма, особенно к разнообразным конкретным вопросам борьбы рабочего класса различных стран. В целом в развитии марксизма центр тяжести передвинулся в сторону конкретизации общих принципов, разработки каждой партией специфических социально-экономических, политических, идеологических проблем своей страны, а также собственной программы, стратегии и тактики. Применение марксизма к решению разнообразных теоретических и политических проблем рабочего движения все расширяющегося круга стран обогащало учение Маркса.

В первой половине 90-х годов ведущая роль в развитии марксизма принадлежала Энгельсу. Концентрируя мысль и опыт социалистического рабочего движения многих стран, Энгельс тактично направлял идейно-политическое развитие опиравшихся на марксизм рабочих партий. Глубокая разработка им проблем классовой борьбы пролетариата в «мирный» период и внимание ко всему новому в этой борьбе при четкой ориентации на революционное преобразование буржуазного общества бесценным вкладом вошли в сокровищницу марксизма.

Для разработки некоторых общих и конкретных проблем марксизма в тесной связи с развитием рабочих партий в те годы немало сделали в Германии В. Либкнехт, А. Бебель, К. Каутский, Ф. Меринг, К. Цеткин; во Франции — П. Лафарг, Ж. Гед; в Италии — Ант. Лабриола; в Англии — Э. Маркс-Эвелинг, Эд. Эвелинг; в США — Ф. Зорге, Д. Де Леон; в Австро-Венгрии — В. Адлер, Л. Франкель; в России — Г. В. Плеханов; в странах Восточной Европы и на Балканах — Д. Благоев, Ю. Мархлевский, К. Доброджану-Геря и др.

Разрабатывая программные документы рабочих партий, марксисты стремились преодолевать их первоначально зачастую абстрактный характер, ставили себе целью, исходя из учения Маркса, проанализировать особенности экономического развития и политического строя в своей стране и определить конкретные задачи каждой партии. В целом в программных документах социалистических партий утвердились важнейшие принципы научного социализма, из которых самое широкое признание в рабочем движении получила закономерность социальной революции — смена капитализма социализмом, переход власти к рабочему классу, установление общественной собственности на средства производства, ликвидация всякой эксплуатации и угнетения, интернациональная солидарность пролетариата. Важнейшей вехой в процессе разработки основополагающих документов рабочих партий

стало принятие Эрфуртской программы Социал-демократической партии Германии. Она способствовала повышению идейно-теоретического уровня рабочего движения во многих других странах.

Партии, взявшие за основу Эрфуртскую программу, принимали тем самым на вооружение ряд основных положений марксизма: исторические выводы о неизбежной смене капитализма социализмом; об освободительной миссии рабочего класса, которую он может исполнить только средствами классовой борьбы и под руководством своего самостоятельного политического авангарда — партии; о необходимости довести политическую борьбу пролетариата до перехода власти в его руки; об интернациональной общности интересов рабочего класса и другие идеи научного социализма.

Однако во многих случаях, воспроизводя в своих программах основные идеи Эрфуртской программы, марксисты далеко не всегда смогли сразу разобраться в особенностях социально-экономических отношений и своеобразии форм классовой борьбы в своих странах. Центральной своей задачей марксисты считали расширение влияния социалистических партий в рабочем классе — своей главной опоре. Для завоевания доверия рабочих они стремились, говоря словами Энгельса, «при всех обстоятельствах» говорить им «правду и только правду» [1]. Передовые рабочие составляли ядро социалистических партий, но в связи с превращением ряда социалистических партий в массовые в них увеличился приток интеллигенции, служащих, элементов из других средних слоев, появилась известная опасность «обуржуазивания». Однако Энгельс, как и большинство лидеров социалистического движения, полагал, что «в этом нет беды», так как «мы в состоянии их переварить. Но необходимо дать ход этому процессу» [2].

Марксисты считали, что в массовых партиях не может быть такого единства мнений и такой строгой дисциплины, как до их превращения в массовые, тем более — «диктатуры» руководителей. Для выдвижения на руководящую работу в этих партиях недостаточно было иметь способности и теоретическую подготовку, требовались еще, как писал Энгельс, «основательное знание условий партийной борьбы и усвоение ее форм, испытанная личная честность и твердость характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов...» [3]. Он подчеркивал, что нельзя допускать на руководящие посты неустойчивых, тем более — нарушавших программу и устав, навязывавших чуждые взгляды.

Отмечая, что «массы учатся... только на последствиях своих собственных ошибок, приобретая опыт на своей собственной шку-

---

[1] См.: Энгельс — Паскуале Мартиньетти, 13 января 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 290.

[2] Энгельс — Вильгельму Либкнехту, 24 ноября 1894 г. // Там же. Т. 39. С. 275.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Ответ редакции «Sächsische Arbeiter-Zeitung» // Там же. Т. 22. С. 75.

ре» [1], Энгельс считал, что для обучения масс, чтобы «ассимилировать и воспитать многочисленные новые элементы» [2], в массовых социалистических партиях необходима свобода обмена мнений, возможность, при согласии в главном, расхождений в отношении средств и методов борьбы, наличие правого и левого крыла.

Марксизм стал основой быстро расширявшейся социалистической пропаганды, стремившейся учитывать настроения различных слоев трудящихся, откликавшейся на важнейшие политические события и ситуации. Так, количество социалистических газет и журналов с нескольких десятков в середине 80-х годов увеличилось к середине 90-х годов почти до 150. Многократно расширилось издание теоретических брошюр, среди которых особое место занимали труды Маркса и Энгельса. В 1890—1895 годах в прессе рабочих партий было опубликовано 50 произведений Энгельса.. Марксисты вырабатывали характер прессы, ориентированной на интересы трудящихся, защищавшей их и систематически ведущей пропаганду идей социализма. Эти черты приобрели газеты «Vorwärts» СДПГ, «Die Arbeiter-Zeitung» СДРП Австрии, некоторые другие периодические издания. Энгельс отмечал, что в жизни каждой партии, а в особенности рабочей партии, первая ежедневная газета знаменует огромный шаг вперед, и, в целом, был удовлетворен «колоссальным ростом международной социалистической литературы» [3].

Большое значение для успехов социалистического движения имело признание и развитие общих для всех рабочих партий марксистских идейно-политических установок конгрессами II Интернационала. Определяя основное направление рабочего движения, марксисты не стремились придать ему во всех странах единую форму [4], не добивались той или иной унификации весьма разнообразных взаимоотношений социалистических партий, профсоюзов и других рабочих организаций, формального признания всеми руководящей роли партий.

Анализируя задачи и пути рабочего движения, большинство выступавших на первом конгрессе (1889), связывая социалистическое переустройство общества с завоеванием политической власти рабочим классом и установлением общественной собственности на средства производства, реально оценивало соотношение классовых сил в своих странах и считало первоочередными задачами пролетариата улучшение экономического положения рабочих, расширение их политических прав, охраны труда, организацию и просвещение масс, вовлечение их в политическую борьбу, проведение массовых выступлений трудящихся. Эту линию марксисты

[1] Энгельс — Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 372.

[2] См.: Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 9 августа 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 373.

[3] См.: *Энгельс Ф.* Предисловие к III тому «Капитала» К. Маркса // Там же. Т. 25, ч. 1. С. 3.

[4] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 19 ноября 1892 г. // Там же. Т. 38. С. 443.

связывали с исторической перспективой подготовки трудящихся к революции. «Придет новая Коммуна... — оптимистично заявлял Ж. Гед (Франция),— ошибки первой не повторятся, новая Коммуна победит» [1]. И хотя в выступлениях некоторых делегатов была заметна известная переоценка возможности и значения реформ в рамках капиталистического строя, а также звучали надежды на автоматический крах капитализма, решения конгресса были выдержаны в духе научного социализма. В резолюции о международном трудовом законодательстве провозглашалось, что «освобождение труда и человечества может быть осуществлено только организованным как класс и в интернациональном масштабе пролетариатом, который должен завоевать политическую власть с целью осуществления экспроприации капитализма и превращения средств производства в общественную собственность» [2].

На последующих конгрессах 90-х годов революционные социалисты выступали против реформистских тенденций и добивались, чтобы в резолюциях было сказано, что пролетариат будет вести классовую борьбу вплоть до ликвидации капитализма и завоевания рабочим классом политической власти [3]. Подтверждая эту позицию, Лондонский конгресс (1896) заявил, что политическими действиями являются «все формы организованной борьбы за завоевание политической власти». Завоевание власти рассматривалось как «важнейшее средство» освобождения пролетариата и «установления интернациональной социальной республики» [4]. Ж. Жорес (Франция) разъяснял: «Если мы хотим превратить капиталистическое общество в социалистическое, то для этого мы нуждаемся в политической власти, власти государства, и поэтому мы должны бороться за нее, завоевать ее для рабочего класса» [5]. Резолюция конгресса предлагала рабочим всех стран выступать самостоятельно независимо от буржуазных партий.

Хотя резолюции конгрессов не были обязательными для входивших во II Интернационал организаций, они имели большой морально-политический авторитет и служили ориентиром для всего рабочего движения. Марксистское определение его цели и принципов упрочило господство марксизма в международном рабочем движении и содействовало повышению идейно-политического уровня социалистических партий.

Конгрессы о политической деятельности рабочих партий

Продолжавшееся «мирное» развитие капитализма обусловило сосредоточение внимания и сил марксистов, а вместе с ними всех социалистических рабочих партий на политических и экономических задачах демократического характера: расширении и реализации прав и свобод трудя-

[1] Protokoll... 1889. S. 39.
[2] Ibid. S. 121.
[3] Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiterkongresses zu Brüssel, 16—22 August 1891. S. 12 (далее: Verhandlungen... 1891).
[4] Verhandlungen... 1896. S. 17.
[5] Ibid. S. 6.

щихся и их организаций, демократизации политического строя — избирательных систем, функций представительных органов, принятии и соблюдении законов, улучшающих экономическое и социальное положение трудящихся (об условиях труда, особенно детей и женщин, о страховании и т. п.). Изучая положение трудящихся, прежде всего рабочих, выясняя их интересы, обобщая опыт рабочего движения, марксисты выступали инициаторами выдвижения в каждой стране широкого круга конкретных требований.

Эти требования были включены в программы рабочих партий, повсеместно выставлялись их организациями и профсоюзами. Наиболее важные и общие требования для рабочих партий многих стран были выдвинуты в резолюциях конгрессов II Интернационала. Парижский конгресс (1889) призвал рабочих всеми средствами бороться за демократизацию политического строя, прежде всего за получение избирательных прав, где они их еще не имели. Вместе с тем конгресс расценивал введение законов об охране труда как средство улучшения положения трудящихся в рамках капиталистического общества, как предпосылку роста сознательности и организованности рабочих, необходимого для успешной борьбы за социальное освобождение.

Конгресс выдвинул требования установления 8-часового рабочего дня для молодых рабочих, запрещения труда детей, не достигших 14 лет, сокращения длительности рабочего дня для подростков (не более 6 часов), запрещения ночного труда женщин и молодежи, а также работ, вредных для их здоровья, установления обязательного дня отдыха не реже раза в неделю, прекращения выдачи заработной платы товарами и чеками на лавки, принадлежащие предпринимателям, и т. п., а также установления строгого контроля инспекторами, избранными самими рабочими, за выполнением законов о труде на всех предприятиях, в том числе и в домашней промышленности.

Большинство делегатов Брюссельского конгресса отвергло реформистскую тенденцию, выраженную некоторыми его участниками, в частности докладчиком по вопросу о состоянии трудового законодательства и охраны труда Э. Вандервельде, который поставил во главу угла парламентскую борьбу за реформы в рамках существующего строя. Конгресс поддержал А. Бебеля, который доказал, что главная задача социал-демократии состоит не в установлении законов об охране труда, а в том, чтобы «разъяснять рабочим сущность и характер современного общества, чтобы оно как можно быстрее могло исчезнуть» [1]. Бебель связал борьбу за охрану труда и реформы с революционными задачами пролетариата. Он указывал, что добиваться уступок от буржуазии, добиваться реформ необходимо не только для улучшения положения рабочих, но и для усиления, развертывания их борьбы против буржуазного строя.

Цюрихский конгресс (1893) подчеркнул значение общего требования введения законов о 8-часовом рабочем дне и проведения других реформ, соответствующих интересам трудящихся, для обеспечения народного суверенитета, демократизации избирательных систем, представительства и законодательства. Лондонский конгресс (1896) призвал добиваться повсюду всеобщего равного избирательного права, а также предоставления народу законо-

[1] Verhandlungen... 1891. S. 11.

дательной инициативы и решения важных государственных и местных вопросов путем референдума, а также, выдвинув лозунг «самоопределения всех наций», призвал рабочих угнетенных стран «вступить в ряды классово сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за ликвидацию международного капитализма и осуществление целей международной социал-демократии» [1].

Важное значение имела выработка рабочими партиями и конгрессами II Интернационала марксистской линии в выборах представительных органов, парламентской и муниципальной деятельности, отношения к политическим компромиссам и массовым выступлениям. Самостоятельное участие рабочих партий в парламентских и муниципальных выборах служило эффективным оружием, важным средством использования буржуазной демократии в интересах трудящихся. Рабочие партии в 90-х годах широко пользовались этим оружием везде, где проводились выборы. Это облегчало им разъяснение своих принципов и политики трудящимся в противовес буржуазным партиям, позволяло определить степень своего влияния в массах и добиваться представительства в выборных органах. Вместе с расширением этого представительства увеличивалась возможность рабочих партий выступать с критикой капитализма и буржуазной политики, с пропагандой идей социализма в парламентах и муниципалитетах, в интересах рабочего класса влиять на принятие законов. В 80—90-х годах, марксистами были заложены основы парламентской тактики, «не уступающей ни пяди врагам, не упускающей ни малейшей возможности добиться хоть небольшого улучшения для рабочих и в то же время принципиально-непримиримой...» [2]. В связи с этой деятельностью повысился интерес к возможности использования рабочими партиями компромиссов.

В резолюции Парижского конгресса, подчеркивавшей необходимость самостоятельной политической борьбы пролетариата, говорилось, что эту борьбу следует вести и при существующих конституциях, но без каких-либо компромиссов с другими политическими партиями. Однако в дальнейшем вопрос о компромиссах вызвал дискуссию. Одни полагали, что для сильных пролетарских партий «всякий компромисс — предательство дела рабочего класса» [3], а слабые могут идти на компромисс, не поступаясь своими принципами, сотрудничая с буржуазными партиями в борьбе за демократию. Другие считали компромиссы допустимыми только для сильных партий и невозможными для слабых, так как они не смогут использовать компромиссы в своих целях. Многие решительно высказывались против каких бы то ни было компромиссов. В резолюции, принятой большинством, говорилось, что рабочие партии не должны идти на компромиссы, «которые идут в ущерб нашим принципам и самостоятельности» [4]. Попытка некоторых социал-реформистов на Лондонском конгрессе обеспечить «свободу действий» рабочих партий в союзе с либералами ценою отказа от их идейно-политической самостоятельности потерпела неудачу. Марксисты, в том числе Либкнехт,

---

[1] Verhandlungen... 1896. S. 17—18.
[2] См.: *Ленин В. И.* Август Бебель // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 366.
[3] Protokoll... 1893. S. 42.
[4] Ibid. S. 40.

ограждая самостоятельность рабочих партий и подчеркивая их революционные цели, относились к компромиссам в общем негативно, хотя и понимали их неизбежность в некоторых случаях, но лишь при условии сохранения «самостоятельности партий и чистоты принципов».

Марксисты были инициаторами обобщения опыта участия рабочих партий в выборах и представительных учреждениях на конгрессах II Интернационала. Уже на учредительном конгрессе рекомендовалось рабочим активно участвовать в выборах и стремиться использовать избирательный бюллетень для завоевания политической власти. Конгресс призвал рабочих тех стран, где они лишены избирательных прав, бороться за получение этих прав [1]. В резолюции о «политической тактике социал-демократии» Цюрихский конгресс, подчеркнув важность участия рабочих в политической борьбе, признал необходимым добиваться усиления влияния социалистов в законодательных и исполнительных органах для завоевания политической власти [2]. Участники конгресса, возражая анархистски настроенным делегатам, протестовавшим против парламентской деятельности, говорили о необходимости «перенести классовую борьбу в парламент» [3], но не забывать об опасностях, которые может нести с собой парламентаризм. На Лондонском конгрессе в борьбе против анархистов марксисты и социал-реформисты отстояли необходимость использования выборов и парламентской деятельности.

Немаловажное значение имело обобщение опыта различных массовых выступлений — митингов, демонстраций, стачек и обсуждение перспектив их проведения. Парижский конгресс рекомендовал повсеместно организовать массовые выступления с требованиями введения трудового законодательства. Брюссельский конгресс, отвергнув предложение анархистов объявить стачку и бойкот единственным орудием пролетариата, рекомендовал использовать эти средства в экономической и политической борьбе при тщательном учете ситуации и всесторонней подготовки [4]. Лондонский конгресс подтвердил необходимость использовать стачку и бойкот для решения задач профсоюзов и отметил, что их масштабы зависят от единства и массовости профсоюзов. Конгресс заявил, что считает невозможным проведение всеобщей забастовки в международном масштабе [5].

В социал-демократическом движении в целом преобладало мнение, высказанное Энгельсом, что «наилучшая тактика для каждой страны та, которая скорее и вернее всего ведет к цели» [6]. Развивая эту мысль, Либкнехт заявлял на Цюрихском конгрессе: «Нет ни революционной, ни реакционной тактики, есть только

---

[1] Protokoll... 1889. S. 124—125.
[2] Protokoll... 1893. S. 40.
[3] Ibid. S. 45.
[4] Verhandlungen... 1891. S. 20.
[5] Verhandlungen... 1896. S. 29.
[6] См.: Энгельс — Ф. Визену, 14 марта 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 42.

тактика, ведущая к революционным или реакционным целям» [1]. При этом он подчеркивал необходимость гибкой тактики: «Если бы условия менялись за один день двадцать четыре раза, мы двадцать четыре раза меняли бы свою тактику» [2].

Проблемы развития профсоюзов

Решения конгрессов в немалой степени способствовали укреплению профсоюзного движения, в котором в то время были сильны реформистские и анархо-синдикалистские тенденции.

В этот период (80 — 90-е годы) определились три главных типа профессиональных объединений рабочего класса, которые надолго стали характерными для международного профсоюзного движения. Во-первых, это были профессиональные союзы, деятельность которых направляли политические партии пролетариата, в той или иной степени стоявшие на позициях научного социализма (в Германии, Бельгии, Швейцарии, Австро-Венгрии, Скандинавских странах). Во-вторых, союзы, оказавшиеся под влиянием анархо-синдикалистского течения, воздействие которого особенно сказывалось в Испании, Италии, отчасти во Франции, и, в-третьих, тред-юнионистские организации, получившие наибольшее распространение в Англии, США, Канаде, Австралии — тех странах, где среди социалистов преобладал сектантский подход к рабочему движению. Лидеры тред-юнионов ограничивались лишь борьбой за улучшение условий труда и жизни своих членов в рамках существующего строя.

Парижский конгресс, выдвинув общие задачи для всех рабочих организаций, вошедших во II Интернационал, способствовал укреплению связей между партиями и профсоюзами, вовлечению профсоюзов в политическую борьбу и сплочению их сил. Под его непосредственным влиянием 18—19 июля в Париже работала интернациональная конференция горняков, положившая начало созданию их международного объединения и призвавшая к созданию отраслевых центров профсоюзов в каждой стране.

Брюссельский конгресс (1891) не поддержал проекта резолюции, внесенного докладчиком — французским социалистом Груссье, предлагавшим возложить на профсоюзы «преобразование капиталистического хозяйства в хозяйство справедливого распределения продукта труда» и «заложить краеугольный камень общества равных» [3]. Он подавляющим большинством голосов принял другую резолюцию, в которой говорилось о необходимости профсоюзов, которые являются оружием классовой борьбы, о вовлечении в них масс, укреплении их финансов. В ней предлагалось профсоюзам вести оборонительную и наступательную борьбу за экономические и политические интересы рабочих, бороться за свободу коалиций и расширение интернациональных связей и взаимопомощи рабочих всех стран в наиболее подходящей форме, за улучшение положения рабочих в рамках буржуазного общества, говорилось о желательности централизации профсоюзных организаций в национальном и интернациональном масштабах путем создания соответствующих секретариатов.

В резолюции об экономической политике рабочего класса, принятой Лондонским конгрессом, прежде всего провозглашалось, что «рабочие всех наций должны стремиться к обобществлению средств производства, транспорта и распределения и к организации производства под демократическим контролем всего общества, чтобы таким образом освободить от господства капитала рабочий класс

[1] Protokoll... 1893. S. 44.
[2] Ibid.
[3] Verhandlungen... 1891. S. 18, 17.

и весь угнетенный народ» [1]. В резолюции раскрывалась связь политической и экономической борьбы, четко определялась роль профсоюзов как организаций, борющихся за непосредственные требования трудящихся, воспитывающих массы и являющихся резервом социал-демократии. Ставились задачи ликвидировать еще существующую раздробленность организаций, сделать их едиными и массовыми. Профсоюзам рекомендовалось бороться за отмену налогов, охрану труда, свободу союзов и собраний, установление 8-часового рабочего дня, а также за выплату государственных пособий безработным, равную оплату за равный труд для женщин и т. п. Все это способствовало сплочению профсоюзов и созданию их межотраслевых центров в Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Швеции, Бельгии, Дании и Норвегии, образованию ряда отраслевых интернациональных объединений профсоюзов (секретариатов) и началу перестройки профсоюзов ряда стран на производственной основе (вместо цеховой).

В целом курс укрепления рабочих партий и профсоюзов проводился по инициативе марксистов и стал значительным вкладом в решение проблем рабочего движения 90-х годов XIX века.

4. ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ НАЦИЙ

Проблемы женщин и молодежи

В 90-х годах с ростом социалистического движения возросло внимание марксистов к интересам тех слоев населения, от поддержки которых во многом зависел успех рабочих партий: женщин, молодежи, крестьян и угнетенных наций. Привлекали внимание не только увеличение доли женщин среди рабочих и их дискриминация, но и вовлечение женщин в рабочее движение. Разработка Бебелем научной теории «женского вопроса» помогла социалистическим партиям понять интересы женщин-трудящихся, встать на их защиту, привлекать женщин в свои ряды. В 90-х годах в СДПГ, а затем и в некоторых других партиях стали создаваться женские организации, издаваться социалистические газеты для работниц. Для вовлечения женщин в социалистическое движение особенно много было сделано К. Цеткин (Германия), Э. Маркс-Эвелинг (Англия), Л. Каутской (Австрия), А. Попп (Австрия), А. Седерберг и К. Дальстрем (Швеция). Опыт и задачи работы социалистов среди работниц рассматривались конгрессами II Интернационала.

На Парижском конгрессе, разъясняя интересы женщин-работниц, Цеткин заявила: «Как в отношении жертв и обязанностей, так и в отношении прав, мы хотим быть ни больше ни

[1] Verhandlungen... 1896. S. 27.

меньше как товарищами по оружию, которые при равных условиях будут приняты в ряды бойцов...» [1] При обсуждении проекта резолюции, предложенного женщинами-социалистами, на Брюссельском конгрессе обнаружились разногласия марксистов и социал-реформистов. В проекте говорилось, что все социал-демократические партии должны требовать полного равноправия мужчин и женщин. Обосновывая это, П. Зингер (Германия), подверг критике буржуазное женское движение и разъяснил, что равноправие предполагает допущение женщин ко всем профессиям. Соглашаясь, что само по себе равноправие необходимо, Вандервельде (Бельгия) пытался доказать, что женщины должны заниматься только домашними делами. Его выступление вызвало возмущение, и почти все проголосовали за проект резолюции.

В Цюрихе при обсуждении резолюции об охране интересов работниц, предложенной Каутской, столкнулись два мировоззрения — пролетарское и буржуазное. Каутская, А. Кулишова (Италия), Цеткин, а также представители чешской, русской, испанской, английской, голландской делегаций выдвигали требования 8-часового рабочего дня для женщин и 6-часового — для девушек, запрещения ночного труда, четырехнедельного отпуска в связи с родами, равной оплаты труда и призывали вовлечь работниц в классовую борьбу, в профсоюзы и социалистические партии. Другие — бельгийская делегатка Э. Клайс, Н. Ван Кол (Голландия) предлагали отделить женский вопрос от рабочего движения, выступали против ограничений женского труда, которые могли бы лишить многих женщин работы.

Однако сторонников подобных взглядов оказалось крайне мало, и после непродолжительной дискуссии конгресс утвердил проект резолюции, предложенный Каутской, с рядом дополнений, внесенных делегатами России, Англии, Германии и других стран. В резолюции о политической борьбе, принятой Лондонским конгрессом, было подтверждено, что освобождение женщин неотделимо от освобождения рабочего класса, а поэтому во всех странах работницы должны участвовать в политической борьбе и в политических организациях вместе с рабочими-мужчинами.

В 90-е годы усилилось внимание социалистических партий к молодежи. Вслед за возникшими в 80-х годах молодежными социалистическими организациями в Бельгии («Молодая гвардия») и Голландии («Социалистический союз молодежи») в 90-х годах появились подобные организации в Австрии, Швеции, Швейцарии, Франции, Дании. Особенно решительно они выступали против милитаризма. Но социалистов волновал широкий круг проблем подрастающего поколения. На Лондонском конгрессе была принята предложенная С. Веббом (Англия) резолюция «о воспитании и физическом развитии», проект которой был дополнен предложениями К. Цеткин и Д. Кейр Гарди (Англия), подчеркнувшими классовый характер воспитания, и практическими мерами —

[1] Protokoll... 1889. S. 84.

создание комиссий для усиления воспитательной работы среди детей, издание соответствующей литературы и т. п. Резолюция выдвигала требования запрещения детского труда, введения охраны труда подростков, улучшения условий труда и создания для всех возможности получить образование.

Таким образом, по инициативе марксистов расширилась сфера, в которой по жизненно важным вопросам демократическая и социалистическая альтернатива была противопоставлена буржуазной линии.

Обсуждение аграрных проблем

К началу 90-х годов в социалистическом движении европейских стран усилился интерес к аграрному вопросу. Это было вызвано рядом обстоятельств. Именно в это время в деятельности социалистических партий все большее место занимали участие в выборах и работа в парламентах; естественно, что завоевание голосов избирателей-крестьян стало одной из актуальных задач этих партий. Кроме того, поскольку среди социалистов было тогда довольно широко распространено мнение о реальной возможности прихода их к политической власти в относительно недалеком будущем, они начали задумываться над судьбами крестьянства в условиях социалистических преобразований, над тем, сможет ли оно и в какой мере стать союзником пролетариата в строительстве нового общества. Между тем в программных документах социалистических партий отсутствовали сколько-нибудь развернутые требования в этой области. Не существовало и серьезных теоретических марксистских разработок аграрного вопроса.

Первые попытки создания социалистической аграрной программы были сделаны во Франции и Германии. Для СДПГ важность этого усугублялась тем, что, как отмечал в 1895 году В. Либкнехт, «значение аграрного вопроса поняли все партии, от юнкеров до буржуазных демократов, и все они пользуются случаем приобрести влияние среди сельского населения» [1]. Многие немецкие социал-демократы уже в годы «исключительного закона» убедились в ошибочности положения Готской программы, которая не выделяла крестьян из «единой реакционной массы», и начали вести социалистическую агитацию среди широких масс сельского населения. После съезда в Галле (1890) руководство партии призвало всех ее членов развернуть «всеобщую социалистическую агитацию» на селе не только среди сельского пролетариата, но и мелких землевладельцев [2]. Во многих областях и землях Германии были созданы специальные комитеты, которые руководили социал-демократической агитацией на селе. В результате на парламентских выборах 1893 года германская социал-демократия получила из

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Breslau vom 6. bis 12. Oktober 1895. Berlin, 1895. S. 144.

[2] Berliner Volksblatt vom 25. Dezember 1890.

1 787 000 голосов 583 000 голосов в сельскохозяйственных районах [1].

Однако в партии выявились и серьезные разногласия по аграрному вопросу. Левацкая группа «молодых» продолжала считать всех крестьян «единой реакционной массой». Лидер же баварских социал-демократов Г. Фольмар, активно выступавший в ландтаге в защиту интересов крестьянства, не делал никакого различия между крупными крестьянами, эксплуатирующими чужой труд, и другими группами сельского населения. Он выражал сомнение в том, что с экономической точки зрения крупные сельскохозяйственные предприятия эффективнее мелких и считал, что крестьяне могут найти свое место в социалистическом обществе как владельцы индивидуальных хозяйств. Примерно на тех же позициях стоял и Э. Давид.

В противовес им Каутский утверждал, что, поскольку в условиях капитализма крестьянское хозяйство обречено на гибель, социалисты не должны выступать в поддержку интересов крестьян, ибо это означало бы защиту частной собственности, их задача — разъяснять разоряющимся сельским хозяевам, что помочь им может только социалистическое преобразование общества.

На двух съездах — в 1894 и 1895 годах — СДПГ обсуждала аграрный вопрос, но принять аграрную программу не смогла; большинство склонялось к точке зрения Каутского, а сильное меньшинство поддерживало Фольмара.

Дискуссии по аграрному вопросу велись и в других партиях. Французская социалистическая партия на съезде в Марселе в 1892 году приняла аграрную программу, провозглашавшую ряд требований в интересах малоземельных крестьян: льготное снабжение их машинами и удобрениями, бесплатное сельскохозяйственное обучение и др. Аграрная программа, выработанная съездом в Нанте в 1894 году, дает уже принципиальное теоретическое обоснование задачи спасти мелкое крестьянство от пролетаризации путем восстановления независимости мелкого производителя.

В то же время в программе содержались положения о защите интересов и тех слоев крестьянства, которые применяли наемный труд. Эти положения были подвергнуты Энгельсом аргументированной критике [2].

Сочувствуя выступлениям крестьян Сицилии и осуждая репрессии против них, в начале 90-х годов руководители итальянского социалистического движения, кроме Ант. Лабриолы, не сумели разглядеть в крестьянах союзника рабочего движения. Во второй половине 90-х годов социалисты возглавляли крупные стачки батраков и беднейших крестьян в отдельных областях страны. Но работа социалистов в селах была ориентирована на перспективу пролетаризации масс и не учитывала непосредственные интересы крестьян. Эта линия разрабатывалась Дж. Аньини, была подтверждена съездом ИСП в 1897 году и не способствовала привлечению крестьян на сторону социалистов.

Выступления венгерских социал-демократов против пережитков феодальных отношений в сельской жизни и за улучшение положения батраков получили под-

---

[1] Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reiches. Jrg. 1893. Heft IV. Berlin, 1893. S. 1.

[2] Критику Нантской программы Энгельс дал в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 501—525).

держку сельских рабочих, создавших свои организации, а также части крестьян. В связи с развернувшимися в стране стачками рабочих и батраков съезд СДПВ в 1894 году решил «достичь братской солидарности сельскохозяйственных и промышленных рабочих» [1]. Однако вместо поддержки стремлений крестьян получить помещичьи и церковные земли съезд наметил создание на этих землях крупных государственных хозяйств. Активно защищая батраков, партия ограничила свою заботу о крестьянах требованием снижения их налогообложения. В 1897 году социал-демократы провели съезды сельскохозяйственных рабочих. Разногласия в связи с требованием передачи всей земли мелкими участками в аренду крестьянам привели к расколу и возникновению в 1897 году Независимой социалистической партии, выступавшей в защиту не только батраков, но и мелких крестьян и ремесленников. Создание этой партии способствовало росту аграрного движения, но вместе с тем вело к распространению в нем анархистского осуждения всякого государства и политической власти.

Недостаточность опыта международной социал-демократии и разногласия в партиях, несмотря на принципиально-теоретическое выступление Энгельса по аграрному вопросу во Франции и Германии, затрудняли разработку аграрных программ социал-демократическими партиями [2].

Начало рассмотрению аграрного вопроса на конгрессах II Интернационала было положено в Цюрихе. Почти без обсуждения была принята резолюция, в которой утверждалось, что земля должна стать общественной собственностью, и указывалось, что одной из важнейших задач социал-демократии является организация и вовлечение в борьбу за социализм сельскохозяйственных рабочих. Было решено, что более обстоятельным обсуждением аграрного вопроса займется следующий конгресс, которому партии представят доклады о своей работе в деревне, среди крестьян [3].

Лондонскому конгрессу был предложен подготовленный комиссией проект резолюции по аграрному вопросу, который содержал три общих положения: необходимо установить общественную собственность на землю, привлечь на сторону рабочих партий сельский пролетариат, рекомендовать каждой партии изучать своеобразие аграрного вопроса и состав сельского населения в своей стране и, сообразуясь с ее особенностями, выработать аграрную программу. Докладчик по этому вопросу Вандервельде отметил, что социалисты различных стран единодушно одобряют лишь одно требование — сделать землю общественной собственностью, а в остальном — ввиду значительных различий аграрных отношений в отдельных странах — их мнения расходятся. Исходя из этого, он предложил не принимать аграрной программы, которая содержала бы конкретные рекомендации, годные для всех стран. Он не рекомендовал выдвигать какие-то специальные предложения в интересах мелких крестьян и арендаторов, а в качестве главной задачи выдвинул разъяснительную работу среди сельскохозяйственных рабочих с целью привлечения их на свою сторону. Лафарг (Франция) призвал социалистов лишить реакцию возможности опирать-

[1] См.: История венгерского революционного рабочего движения. Т. 1. С. 38.
[2] Подробнее об этой работе Энгельса см. гл. 10.
[3] Protokoll... 1893. S. 48.

ся на сельское население. Шенланк (Германия) предупреждал, что переход земли в собственность существующего «классового государства» не будет означать ее переход в руки народа, не облегчит положение масс [1].

С небольшими редакционными поправками конгресс единогласно принял проект резолюции, предложенный комиссией. Многим казалось, что такая резолюция предоставляет необходимую свободу действий для разработки еще недостаточно изученной проблемы.

Национальные проблемы Европы

Марксисты выступали инициаторами разработки социалистическими рабочими партиями программных требований по национальному вопросу. Решение национальных проблем Европы рассматривалось ими как условие сплочения рабочего класса: «Без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно...— писал Энгельс,— интернациональное объединение пролетариата» [2]. «...Как только рабочий класс добьется политического господства,— утверждал он,— будет устранен всякий повод к национальной розни» [3]. Эти идеи получили в социалистическом движении дальнейшее развитие. Каутский осветил условия формирования наций — значение для этого развития капитализма и транспорта, языка, единства территории и ее географического положения. Им была рассмотрена перспектива превращения пролетариата в ядро наций, которая связывалась с укреплением интернациональной солидарности рабочих как важного условия революции, которая ликвидирует антагонизмы как внутри наций, так и между ними.

В целом, руководствуясь пролетарским интернационализмом, социалистическое движение выступало за независимость и равноправие наций. Социалистические партии и конгрессы II Интернационала выдвигали идею равноправия наций, высказывались за их самоопределение, требовали ликвидации национального гнета и подчеркивали, что это будет обеспечено победой рабочего класса. Они заявляли о солидарности с борьбой ирландского народа, угнетенных наций Австро-Венгрии, Российской империи, Османской империи, оказывали им морально-политическую поддержку.

Однако в социалистическом движении отдельных стран имелись как националистические тенденции, так и недооценка национальных проблем. В поиске решения обострявшихся межнациональных противоречий в австрийской социал-демократии активизировались попытки примирить центробежные и центростремительные тенденции выдвижением требования национально-культурной автономии. Но такой подход к решению национальных проблем не мог дать всестороннего решения национального вопроса.

---

[1] Verhandlungen... 1896. S. 13—16.

[2] *Энгельс Ф.* К итальянскому читателю: Предисловие к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 382.

[3] *Энгельс Ф.* Чешским товарищам к Первому мая // Там же. С. 420.

Известный вклад в разработку национального вопроса внесла Роза Люксембург. Вопреки укоренившимся толкованиям, упрощающим ее взгляды, необходимо подчеркнуть, что она глубоко понимала значение понятий нация, национальная культура, национальный язык, национальная самобытность и независимость. Особенность толкования Люксембург национального вопроса, впрочем, как и многими другими польскими революционными деятелями, например Альфредом Варским, касается главным образом его значения в революционно-освободительной борьбе.

Р. Люксембург считала, что создание самостоятельного польского государства в условиях уже сложившегося к тому времени капиталистического окружения нереально, а после победы мировой социалистической революции такое государство окажется ненужным.

Такая недооценка Люксембург и ее сторонниками в СДКПиЛ потенциала национально-освободительного движения объективно ослабляла позиции подлинно революционных сил в польском рабочем и социалистическом движении.

Против колониализма

Активизация колониальной политики капиталистических держав потребовала от марксистов и всех социалистов выработать свою политику в колониальном вопросе. Исходные принципы были ясны. В третьем томе «Капитала» была охарактеризована роль «колониальной системы» в развитии капитализма [1], раскрыты разнообразные методы извлечения колонизаторами высоких прибылей из колоний и зависимых стран [2], указаны отличие современных колоний от античных и особенности развития хозяйства колоний, выяснено значение посреднической торговли в разрушении докапиталистических укладов и оценена «внутренняя устойчивость и структура докапиталистических национальных способов производства» [3], полностью выяснена буржуазная классовая сущность колониализма. Колонизация, отмечал Энгельс в 1895 году в дополнении к III тому «Капитала», «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин» [4].

Ликвидацию колониализма Энгельс связывал с победой пролетариата. Еще в 1882 году он писал Каутскому, что в случае победы пролетариата в странах Западной Европы переселенческие колонии станут самостоятельными, а другие — «пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности» [5], если же в них вспыхнут революции — предоставить ее немедленно. «...Освобождающийся пролетариат,— писал

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. 1. С. 362, 365 и др.
[2] См. там же. Т. 25, ч. 2. С. 131, 139, 371 и др.
[3] См. там же. Т. 25, ч. 1. С. 366.
[4] См. там же. Т. 25, ч. 2. С. 486.
[5] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г. // Там же. Т. 35. С. 297.

он,— не может вести колониальных войн...» [1], «не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы» [2].

Критикуя колониальную политику, социал-демократы доказывали, что на нее расходуются средства, которые необходимы для решения социальных проблем метрополий, протестовали против высылки в колонии осужденных, опровергали утверждения, будто расширение колоний позволит избежать перенаселения метрополий и перепроизводства. Они раскрывали связь колониализма с усилением милитаризма, выступали против колониальных войн [3].

С начала 90-х годов умножились выступления СДПГ против колониальной политики Германии. В рейхстаге и в печати ею разоблачались злоупотребления колониальной администрации в Камеруне и Юго-Западной Африке, беспощадный грабеж колонизаторами коренного населения, бесчеловечная жестокость в войне против сопротивлявшихся племен, зверские расправы с пленными. СДПГ солидаризировалась с борьбой африканских племен против немецких колонизаторов. «Плод нашей колониальной политики и культуры, которую она несет в Африку,— говорил в рейхстаге Либкнехт,— этот плод называется: убийство, грабеж, смертельный удар, сифилис, пьянство... Африка находится в правомерной самообороне против нашей культуры...» [4] Социал-демократы критиковали буржуазные партии, включая партию центра и национал-либералов, за оправдание и поддержку колониализма [5] и вскрывали формальный характер законопроекта о запрещении торговли невольниками. В рейхстаге они с документами и фактами разоблачили преступления и зверства колонизаторов, протестовали против стремления Вильгельма II втянуть Германию в новые колониальные авантюры в Африке. В то же время в речах Фольмара проявлялось стремление найти позитивные аспекты колониализма, противопоставить «плохой» колониальной политике «хорошую», даже оправдать применение колонизаторами оружия. Однако фракция и вся партия выступали против колониализма в духе Бебеля и Либкнехта, что было подтверждено в 1894 году съездом СДПГ.

Во Франции вскоре после создания Рабочей партии в 80-х годах Гед и другие революционные социалисты в «L'Égalité» и «Le Socialiste» выступали против захватнической политики французской буржуазии в Тунисе, Тимбукту и Египте. Социалистические газеты протестовали против агрессии Франции в Тонкине. Присоединившийся к социалистическому движению Ж. Жорес считал, что колониальная политика «является самым прискорбным следствием

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 297.
[2] См. там же. С. 298.
[3] *Haupt G.* Le Deuxième Internationale et l'Orient. Paris, 1967.
[4] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstage. IX Legislaturperiode. 2. Sessien, 30.XI 1893. S. 188.
[5] *Czubinski A.* Stanowisko socjaldemokracji niemieckiej wobec polityki kolonialnej II Rzeszy w latach 1876—1914. Poznan, 1966. S. 123—125 и след.

капиталистического строя...», что «социалисты не должны ограничиваться только декларациями теоретического характера при определении своего отношения к колониальной политике» [1]. Ему удалось, несмотря на возражения министра колоний, добиться принятия парламентом резолюции об уничтожении рабства на Мадагаскаре.

Сильнейшая из социалистических партий страны — ФРП решительно осуждала колониализм и на съезде в 1895 году охарактеризовала его как одну «из худших форм капиталистической эксплуатации, которая направлена исключительно к тому, чтобы расширить для имущих классов сферу прибылей, высасывая деньги и кровь у пролетариата...» [2].

В середине 90-х годов, когда Италия напала на Эфиопию, ИСП решительно потребовала прекратить агрессию и немедленно вывести оттуда итальянские войска. Социалисты выступали в парламенте против агрессии, организовывали массовые демонстрации протеста. Турати заявил, что «желательно было бы поражение итальянских армий, направленных против Абиссинии» [3] (Эфиопии). Борьба социалистов против колониальной авантюры правящих кругов способствовала сплочению и укреплению ИСП, росту ее влияния и успеху на выборах в 1897 году.

В Англии в 80-х годах рабочие в целом думали о колониальной политике то же самое, что думали о ней буржуа. Они, отмечал Энгельс, «преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» [4]. Только немногочисленные революционные социалисты осуждали шовинистические тенденции в рабочем движении и протестовали против колониальной политики Англии. Однако уже тогда в выступлениях против колониальной экспансии начали принимать участие и многие члены тред-юнионов.

В целом марксисты, руководствуясь общими принципами равноправия и независимости народов и солидарности всех угнетенных, в то время делали первые шаги в разработке альтернативы колониальной политике. Новая сущность колониализма и общая картина завершения раздела мира еще не были осмыслены, а сопротивление угнетенных колонизаторам еще не стало серьезной силой. Опыта борьбы против колониализма у социалистических партий было еще сравнительно немного. Существенно недоставало действительного знания народов колоний и зависимых стран. Это обусловило общую недооценку социалистами значения колоний, колониальной политики, а также борьбы против нее вплоть до конца 90-х годов.

[1] *Жорес Ж.* Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 112.

[2] См.: *Брюа Ж.* Жан Жорес и колониальная проблема // Французский ежегодник, 1958. М., 1959. С. 415.

[3] Bulletin of the International Institute of Social History. Amsterdam, 1954. N 2. P. 113.

[4] См.: Энгельс — Карлу Каутскому, 12 сентября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 297.

На конгрессах II Интернационала 1889, 1891 и 1893 годов колониальные проблемы не обсуждались. Предложений включить их в повестку дня не было. Однако на Брюссельском конгрессе (1891) Либкнехт отметил, что милитаризм используется для грабежа народов, и принятая конгрессом резолюция осуждала как милитаризм, так и шовинизм, служившие колонизаторам. Цюрихский конгресс (1893) выступил против шовинизма еще более решительно. Опасность войны обсуждалась на нем без учета комплекса противоречий между державами из-за колоний, но в резолюции было осуждено стремление французской буржуазной прессы разжигать неприязнь между державами из-за Сиама [1].

Во время подготовки Лондонского конгресса (1896) Жорес призывал социалистов к постоянному обмену документами и информацией по колониальному вопросу, чтобы создать «общественное мнение, способное обуздать непомерные притязания тех или иных наций» [2], но в повестку дня конгресса этот вопрос не был включен. В предложенном Дж. Ленсбери проекте резолюции о политической борьбе наряду с борьбой за завоевание власти пролетариатом говорилось о самоопределении всех наций, причем не только европейских, и прямо осуждался колониализм. Проект разъяснял, что какими бы религиозными или цивилизаторскими предлогами ни прикрывалась колониальная политика, она «имеет целью только расширение области капиталистической эксплуатации исключительно в интересах класса капиталистов» [3]. В нем отметались всякого рода оправдания колониализма распространением религии, цивилизации. В широкой и острой дискуссии о политической борьбе ни у кого не возникло даже сомнений в такой широкой трактовке лозунга о самоопределении наций и решительной критике колониализма. Поддержанный подавляющим большинством конгресса, этот проект впервые четко определил отношение к колониализму II Интернационала в целом. Но это был лишь отправной пункт для обобщения опыта и совместного поиска социалистами различных стран эффективных средств борьбы против колониализма.

5. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ И ПОДГОТОВКЕ ВОЙНЫ

Обострение противоречий между державами, усиление их милитаризации и возрастание опасности общеевропейской войны побуждали марксистов и других социалистов разрабатывать альтернативу международной политике буржуазии и усилить борьбу против милитаризма и военной угрозы. Все социалистические партии выступали против военных расходов и требовали замены

---

[1] Protokoll... 1893. S. 30.
[2] *Жорес Ж.* Против войны и колониальной политики. С. 118.
[3] Verhandlungen... 1896. S. 18.

постоянных армий вооружением народа, гарантирующим национальную безопасность и вместе с тем невозможность использования вооруженных сил как против своего народа, так и для агрессии. В соответствии с интересами трудящихся социалисты стремились сохранить в Европе мир, предотвратить вооруженное столкновение европейских держав. Но вместе с тем они сознавали, что, хотя правительства и действуют с оглядкой на рабочее движение, у него еще нет достаточных сил, чтобы помешать им начать войну. До середины 90-х годов особенно опасным им представлялся царизм, который по традиции расценивался как главный оплот и резерв европейской реакции.

В ситуации, осложненной франко-российским соглашением (1891—1893), социалисты в случае войны по-прежнему считали необходимым способствовать поражению нападающих и победе обороняющихся держав. Французские социалисты, выступавшие против реваншизма и союза с царизмом, признавали необходимость защищать страну от нападения Германии. СДПГ, разоблачавшая агрессивную политику правящих кругов империи, в то же время считала долгом оборонять Германию от нападения России и Франции, исходя из того, что такая война угрожала бы национальной целостности Германии и нанесла бы тяжелейший удар германскому рабочему движению — в то время передовому отряду международного пролетариата. Энгельс полагал, что в таком случае социал-демократы должны добиваться, чтобы оборона велась по-революционному, что откроет им перспективу прихода к власти, и победа Германии над агрессорами станет «победой революции» [1]. Предвидя возможность и другого исхода, он писал, что «на долю *тех, кто потерпит поражение*, выпадет возможность и обязанность совершить революцию...» [2].

В 1893 году Энгельс, выяснив глубину внутреннего кризиса России и ослабления царизма, пришел к выводу, что царизм уже не способен стать инициатором агрессивной войны в Европе. На основе анализа состояния сил держав в Европе, Энгельс заявил: «Я утверждаю: разоружение, а тем самым и гарантия мира, возможно; оно даже сравнительно легко осуществимо...» [3] Социалистические партии откликнулись на это активизацией выступлений за сокращение вооруженных сил и военных расходов, за переход от постоянных армий к вооружению народа [4].

Для защиты мира интернациональное сотрудничество социалистов имело особенно важное значение. Конгрессы II Интернационала систематически обсуждали проблемы защиты мира.

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 29 сентября — 1 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 139.

[2] Энгельс — Шарлю Бонье, 24 октября 1892 г. // Там же. С. 431.

[3] *Энгельс Ф.* Может ли Европа разоружиться? // Там же. Т. 22. С. 387.

[4] См.: Антивоенные традиции международного рабочего движения. М., 1972. С. 70—74.

Выступая на Парижском конгрессе, проходившем в период очередного обострения франко-германских отношений, Э. Вайян и Либкнехт подчеркнули необходимость мира между народами для социального прогресса, осудили натравливание народов друг на друга правящими кругами, призвали заменить их захватническую политику «демократической оборонительной политикой вооруженного и организованного народа...» [1]. Демонстрируя братские чувства, связывавшие французских и немецких рабочих, они под аплодисменты присутствующих обменялись рукопожатием.

В резолюции «Ликвидация постоянных армий и всеобщее вооружение народа» конгресс связал борьбу за мир с борьбой за социализм. Конгресс призывал добиваться замены постоянных армий всеобщим вооружением народа. Армии, считали участники конгресса, являются орудием реакции и агрессии, неспособны защитить страну от сильного врага, а в мирное время дезорганизуют гражданскую жизнь, отвлекают силы от производства. Вооруженный народ, говорилось в резолюции, сам будет стоять на страже мира и демократии, способен дать отпор любому агрессору. Это положит конец агрессивной политике и обеспечит мир — «первое и необходимое условие всякой эмансипации рабочих» [2]. Вместе с тем разъяснялось, что «война — печальный продукт современных экономических отношений и исчезнет лишь тогда, когда капиталистический способ производства уступит место освобожденному труду и международной победе социализма» [3].

Самая острая дискуссия об отношении рабочего класса к милитаризму разгорелась на Брюссельском конгрессе (1891). Отмежевываясь как от шовинистов, так и от пацифистов, подчеркивая пролетарский интернационализм социалистов, докладчик Либкнехт заявил: «Враг немецких рабочих не французские рабочие, а немецкая буржуазия, враг французских рабочих не немецкие, английские рабочие, а буржуазия своей собственной страны» [4]. Он раскрыл классовую сущность милитаризма как орудия эксплуататорских классов, используемого для грабежа народов и подавления революционного движения, и предсказывал, что грядущая война приобретет огромные масштабы и принесет неисчислимые бедствия. «Пролетариат, который несет вперед знамя культуры,— сказал Либкнехт,— должен позаботиться, чтобы помешать этому...» [5] Он разъяснил, что «в победе социализма состоит единственное средство уничтожения милитаризма и ликвидации угрозы войны между народами» [6]. В предложенной им от имени комиссии резолюции подчеркивалось, что «только создание социалистического общественного строя, который ликви-

[1] Protokoll... 1889. S. 2.
[2] Ibid. S. 120.
[3] Ibid.
[4] Verhandlungen... 1891. S. 24.
[5] Ibid. S. 25.
[6] Ibid. S. 26.

дирует эксплуатацию человека человеком, может положить конец милитаризму и обеспечить мир между народами» [1]. Резолюция предлагала всем миролюбивым силам примкнуть к социал-демократии. Возлагая на господствующие классы ответственность за подготовку мировой войны, тяжелые последствия которой лягут прежде всего на плечи рабочих, резолюция призывала пролетариат протестовать против шовинизма, бороться против милитаризма и военных союзов великих держав, создать интернациональную организацию рабочего класса.

Д. Ньювенгейс (Голландия) выдвинул свой проект резолюции. В нем осуждались не шовинизм и национализм, а национальные различия вообще. Предлагалось считать ответственными за войны все правительства и в любом случае в ответ «на объявление войны» призвать «все народы к прекращению работы» [2]. Разъясняя свое предложение, Ньювенгейс заявил: «Когда правительства объявят войну, тогда и будет революция» [3]. Он говорил, что рабочие должны предотвратить общеевропейскую войну объявлением гражданской войны против буржуазии, то есть всеобщей стачки.

В своей пространной речи Ньювенгейс утверждал, будто только шовинисты могут различать войны оборонительные и агрессивные, обрушился на СДПГ и заявил, что якобы «большие нации настроены менее интернационально, чем малые» [4]. «...Шовинизм,— говорил он,— представляет угрозу всему нашему социалистическому движению» [5]. Идейно-теоретическая беспомощность и крикливый тон совершенно заслонили заслуживавшие внимания предупреждения об опасности проникновения шовинизма в рабочее движение и сложность определения характера войны.

Против Ньювенгейса выступили Вайян, Либкнехт, Ж. Волдерс (Бельгия). Принятие предложений Ньювенгейса, говорил Либкнехт, сделало бы социал-демократов в случае войны посмешищем и могло бы поставить их под удар. «Всемирная стачка,— заявил он,— не что иное, как демагогическая фраза!» [6]

Проект Ньювенгейса, как и предложение включить в проект комиссии идею проведения всеобщей стачки в момент начала войны, внесенное частью английской делегации, на заседании конгресса был отвергнут подавляющим большинством. В проект комиссии добавили только требование замены постоянных армий вооруженным народом и одной из причин войн назвали интересы династий. В конечном счете за проект голосовали все 16 делегаций. 13 из них были единодушны. Таким образом, в борьбе против склонных к анархизму сторонников Ньювенгейса было выра-

[1] Verhandlungen... 1891. S. 26.
[2] Ibid. S. 27.
[3] Ibid. S. 28.
[4] Ibid.
[5] Ibid. S. 27.
[6] Ibid. S. 29.

ботано марксистское отношение Интернационала к милитаризму.

Не менее острая дискуссия о позиции социалистов в случае войны развернулась на Цюрихском конгрессе. В комиссии, готовившей проект резолюции, сторонники Ньювенгейса вновь предлагали ответить на войну всеобщей стачкой и отказом от военной службы. Часть англичан полагала, что для сохранения мира достаточно укрепления братства народов, и не видела необходимости связывать борьбу за мир с борьбой за социализм. Немцы же считали необходимым подтвердить резолюцию, принятую в Брюсселе, заострив ее против шовинизма.

На заседании конгресса Г. В. Плеханов обосновал проект резолюции, одобренный комиссией. Он заявил, что всеобщая стачка, которую предлагают голландцы, в настоящее время неосуществима из-за слабости рабочих организаций. А когда у рабочих будет достаточно сил, тогда им уже не понадобится всеобщая стачка. Что касается отказа от военной службы, то Плеханов считал, что французские и германские власти подавят такую попытку силой, а если эта попытка и удастся, то «цивилизованная Европа» окажется обезоруженной перед царскими казаками.

Аргументы Плеханова развивали В. Либкнехт, С. Мендельсон (Польша), М. Залка (Венгрия), В. Адлер, Э. Маркс-Эвелинг, Х. Раковский (Румыния). Д. Де Леон (США), Л. Эритье (Франция) и Ф. Турати (Италия) считали всеобщую стачку привлекательной, но неосуществимой. Поддержав проект резолюции, Волдерс, основываясь на опыте бельгийских социалистов, предложил сказать в ней о необходимости вести специальную пропаганду против войны в казармах, среди солдат, обязать социалистов в парламентах отвергать военные кредиты, протестовать против милитаризма и требовать разоружения.

Ньювенгейс объявил проект резолюции неприемлемым. Однако за его предложение выступило лишь два оратора и голосовало четыре делегации — Голландии, Австралии, Норвегии и Франции[1]. Против него голосовали 14 делегаций. За проект комиссии с дополнением, предложенным Волдерсом, проголосовали 14 делегаций, остальные воздержались. Принятая конгрессом резолюция явилась шагом вперед по сравнению с соответствующей резолюцией Брюссельского конгресса, так как была заострена против шовинизма и обязывала социалистов вести специальную антивоенную пропаганду, в частности, в казармах, в парламенте, голосовать против военных кредитов, требовать разоружения.

На Лондонском конгрессе анархисты вновь пытались настаивать, чтобы в момент начала войны была объявлена всеобщая стачка. Многие сочувствовавшие им представители французской делегации высказывались против вооружения народа и использования парламента для влияния на внешнюю политику прави-

[1] Среди французских делегатов не было лидеров Рабочей партии, занятых проходившими в то время выборами в парламент.

тельства. Английские реформисты пытались отстаивать лозунг «Долой оружие!». Г. Грейлих (Швейцария) и некоторые другие социал-реформисты считали возможным сохранение вечного мира при капитализме. Но после дискуссии большинство проголосовало за резолюцию, предложенную комиссией и обоснованную Э. Вурмом (Германия). В ней говорилось, что «главная причина войн в капиталистическом обществе не религиозные или национальные, а экономические противоречия между господствующими классами различных стран» [1]. Это могло стать отправным пунктом для изучения новых противоречий и изменений прежнего критерия характера войн. Кроме того, в резолюции подчеркивалась необходимость завоевания власти пролетариатом и разъяснялась несостоятельность пацифистского лозунга «Долой оружие!». Она выдвигала требования ликвидации постоянных армий, вооружения народов, создания третейских судов для мирного разрешения международных конфликтов и — в тех случаях, когда правительства не пожелают подчиниться решению третейского суда,— передать решение вопроса о войне и мире непосредственно народу. Протестуя против тайной дипломатии, резолюция разъясняла, что рабочий класс может добиться удовлетворения этих требований, если сможет повлиять на законодательство и сплотить все народы.

Резолюции конгрессов, разработанные и принятые по инициативе марксистов, давали социалистическим партиям и профсоюзам, всему рабочему движению верную ориентацию в борьбе против милитаризации и опасности войны, выдвигали конкретные требования и предложения, на основе обобщения опыта рекомендовали средства и методы борьбы. Этим был внесен определенный вклад в развитие политической теории марксизма.

* * *

Участие марксистов в решении актуальных проблем борьбы рабочего класса: теоретических, политических, экономических,— способствовало как успехам рабочего движения, так и развитию марксизма. Конечно, этот процесс соединения марксизма с рабочим движением развивался неравномерно. В те годы он почти не продвигался в Дании, Швейцарии, медленно, зигзагами шел в Англии, США, Голландии, наталкиваясь на сильное влияние буржуазной идеологии и политики среди трудящихся. Быстрее он шел в Австро-Венгрии и Восточной Европе [2], но особенно успешно происходил в Германии.

Развитие и распространение марксизма в рабочем движении 90-х годов затруднялось не только влиянием буржуазии на трудящихся, проникавшим и в рабочее движение, но и его собственными слабостями. В популярной марксистской литературе, в печати рабочих партий под видом партийной литературы появлялся,

[1] Verhandlungen... 1896. S. 27.

[2] Karl Kautsky und die Sozialdemokratie Südosteuropas. Korrespondentz 1883—1938. Frankfurt; N. Y., 1987.

как отмечал Энгельс, «различный хлам..., к сожалению, тоже в изобилии...» [1]. Некоторые деятели социалистического движения склонны были в труды основоположников научного социализма «скорее вкладывать... свои собственные домыслы, чем прочитывать в них то, что там действительно содержится» [2]. Распространилась также тенденция воспринимать высказывания Маркса и Энгельса «как собрание догм» [3]. Социал-реформисты, некоторые анархисты и синдикалисты ограничивались признанием лишь тех марксистских идей, которые им удавалось сочетать со своими стремлениями. «Большая часть французских социалистов... еще большая часть английских социалистов,— свидетельствовал в конце века Э. Бернштейн,— согласны с марксистским учением только частично» [4]. Социалистическим партиям, даже самым сильным, не хватало образованных пропагандистов, и пропаганда социализма нередко велась упрощенно — сводилась к разъяснению актуальных лозунгов. В результате многие участники рабочего движения усваивали марксизм «крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов» [5]. В результате широко распространенные представления о марксизме не вполне соответствовали его основе и достигнутому им уровню развития.

Как влияние буржуазии, так и отмеченные недостатки самого марксистского направления не позволяли преодолеть левацкие и оппортунистические тенденции в рабочих организациях и на их международных конгрессах 90-х годов. Причем, как отмечает известный английский исследователь истории социалистической мысли Г. Дж. Коул, «почти все великие вопросы, которые разделили Интернационал к 1914 году, поднимались уже на его ранних конгрессах» [6].

II Интернационал сыграл выдающуюся роль в становлении социалистического рабочего движения в конце XIX века. Его организатором и идейным руководителем до своей смерти в 1895 году был Энгельс. Со II Интернационалом связаны важнейшие страницы истории российской революционной социал-демократии. Уже в 90-е годы II Интернационал накопил опыт совместной работы представителей различных социалистических партий и течений в рамках одной международной организации, когда в дискуссиях и спорах вырабатывались общие позиции по принципиальным вопросам. Этот опыт принадлежит всему международному рабочему движению. Он актуален и сейчас.

---

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 8 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 257.

[2] См.: Энгельс — Конраду Шмидту, 12 апреля 1890 г. // Там же. Т. 37. С. 325.

[3] См.: Энгельс — Лауре Лафарг, 4 мая 1891 г. // Там же. Т. 38. С. 82.

[4] Vorwärts. 6.V 1899. 2. Beilage.

[5] *Ленин В. И.* О некоторых особенностях исторического развития марксизма // Полн. собр. соч. Т. 20. С. 88.

[6] *Cole G. D. H.* A History of Socialist Thought. Vol. 1—5. The Second International 1889—1914. Vol. 3. Part 1. L.; N. Y., 1956, P. 35.

Глава двенадцатая

МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (90-е годы XIX века)

1. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Возникновение ревизионизма

На рубеже XIX—XX веков капитализм вступил в стадию империализма. Наступало время острых социальных конфликтов, интенсивной дифференциации пролетариата, поляризации различных направлений внутри рабочего движения. Вместе с тем уже в конце XIX века стали формироваться предпосылки и основы тех интеграционных социально-экономических процессов, которые приобрели доминирующий характер в современном капиталистическом обществе. Тенденция к стабилизации системы капиталистических общественных отношений, к интегрированию пролетариата в буржуазное общество, охватывающая различные аспекты функционирования базисных и надстроечных структур, органически вытекала из требований научно-технического прогресса, предъявлявшего все более высокие требования к качеству рабочей силы — ее образовательному, культурному, профессиональному уровню, ее социальной мобильности и ответственности. Необходимость выработки эффективных и гибких форм стимулирования труда, приводящих в движение дорогостоящую технику, предполагала ориентацию не только на материальное поощрение, но и на удовлетворение возрастающих социальных потребностей работников, стремящихся к большей свободе и самореализации личности в общественной и политической жизни, к обеспеченности определенными социальными гарантиями. Реализуя эти требования технического и общественного прогресса, зачастую используя при этом и механизмы классовой борьбы в различных ее формах, буржуазия связывала их с нормами и ценностями буржуазного образа жизни, с идеологической защитой основ капиталистического строя.

Однако в контексте диалектических взаимосвязей общественного развития интеграционные тенденции оказывали противоречи-

вое и в значительной степени парадоксальное воздействие на характер отношений капиталистического общества. Содействуя его экономической и политической стабилизации, они в то же время объективно способствовали вызреванию в его недрах предпосылок и элементов социалистического общества, положив начало реализации ряда принципов, которые традиционно рассматривались как прерогатива социалистического общественного строя (социализация собственности, изменения в уровне материальной обеспеченности и социальной защищенности большинства трудящихся, развитие условий совершенствования личности и т. д.).

Анализ социально-экономического развития стран Запада, в частности Германии, показывает конкретное проявление данных тенденций. Экономический подъем конца XIX века, позволивший Германии вырваться на первое место в Европе по уровню промышленного производства, сопровождался бурным развитием производительных сил, глубокой структурной перестройкой народного хозяйства, существенно возросшим качеством рабочей силы. И не случайно рабочее движение этого периода вступило в новый исторический этап своего развития, характеризующийся ориентацией на реализацию своих целей и идеалов средствами политической борьбы и существенным расширением спектра социальной активности пролетариата, усилением его роли в буржуазном государстве.

В 80—90-х годах XIX столетия во многих социалистических западноевропейских партиях шли острые дискуссии о путях движения общества к социализму, вошедшие в историю марксизма как полемика между оппортунистами, реформистами, ревизионистами с «ортодоксальными» продолжателями идей Маркса и Энгельса. В центре внимания социал-демократических теоретиков в те годы находился вопрос о том, могут ли капиталистические общественные отношения в ходе осуществления реформ постепенно трансформироваться в социалистические (точка зрения реформистов), или создание социалистической альтернативы начинается лишь после «всеобщего краха» капитализма как общественного строя (позиция марксистов-ортодоксов).

Хотя оппортунистические настроения имели довольно широкое хождение в социалистических партиях уже с конца 80-х годов, вначале они не получили последовательного мировоззренческого оформления, не приобрели форму теоретической ревизии учения Маркса и Энгельса. Публикация Э. Бернштейном в 1896 году в «Die Neue Zeit» серии статей под названием «Проблемы социализма» стала первой попыткой такого рода. Вышедшая в 1899 году книга Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» стала катехизисом ревизионизма 90-х годов. В течение трех лет она выдержала десять изданий, была переведена на все европейские и японский языки.

Ленин отмечал, что впервые в социал-демократической литературе «бывший ортодоксальный марксист» выступил с «наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма» [1]. Свое требование о превращении социал-демократической партии из партии социальной революции в партию

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18—19.

социальных реформ «Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт... обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.» [1].

Отмечая непоследовательность теоретической позиции Бернштейна, его отступление от позиций Маркса и Энгельса, Ленин не придал значения тому факту, что Бернштейн поставил в повестку дня марксистских теоретических дискуссий реальные вопросы, которыми фактически не задавались убежденные в близком крахе капитализма тогдашние лидеры социал-демократии.

Бернштейн поставил под сомнение главный тезис тогдашней концепции перехода к социализму — об обострении и углублении противоречий в процессе развития капитализма, о разрешении конфликта путем ликвидации буржуазии в ходе классовой борьбы и социальной революции. За распространенной широко формулой об углублении противоречий капитализма и неизбежной его гибели он попытался разглядеть суть происходящих в буржуазном способе производства изменений: возникновение средств адаптации капитализма к новым, более высоким экономическим условиям, прогрессирующее обобществление производства и т. п.

Бернштейн был одним из первых, кто под влиянием порождаемой и углубляемой империализмом дифференциации рабочего класса подверг критике общее, нерасчлененное понятие «пролетариат», выявив рост разнородности его элементов с развитием капитализма. Поскольку большинство рабочего класса еще не возвысилось до социализма, постольку историческая задача социал-демократии, по Бернштейну, заключается в длительной кропотливой работе по повышению и выравниванию жизненного уровня рабочих, развитию самодеятельности всех элементов, составляющих рабочий класс, росту их просвещения, сплоченности, организованности и т. п. Захват политической власти социал-демократией, считал Бернштейн, при существующей дифференциации пролетариата не может привести к социализму: различия в рядах рабочего класса обернутся после завоевания власти непримиримыми противоречиями. Отсюда и его программа: переход к социализму несовместим с применением политического насилия, он осуществим лишь как результат долгого предварительного развития пролетариата на почве буржуазного общества.

В постановке всех этих вопросов и состояла историческая заслуга Бернштейна. Он зафиксировал явное несоответствие между тем, что следовало бы ожидать исходя из основных посылок теории Маркса, и тем, что реально совершалось, вызревало в современном

[1] *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 7.

ему общественном процессе. Однако решения, предлагаемые Бернштейном, оказывались сплошь и рядом неконструктивными. Не случайно его критика и поправки к теории марксизма были встречены с негодованием большинством лидеров социал-демократии, а имя Бернштейна стало нарицательным для обозначения искажения, «ревизии» марксизма. Однако моральное осуждение его взглядов и политическое неприятие доктрины реформизма сплошь и рядом перевешивало соображения по существу: в пылу полемики отрицались сами вопросы, поставленные Бернштейном, они еще не встали перед большинством социал-демократических идеологов тех лет, ожидавших революционного краха капитализма.

Бернштейнианская критика марксистской теории органически была связана с критикой марксизма в буржуазной литературе. Сам Бернштейн подчеркивал, что большая часть того, что излагается в форме возражений Марксу, «если не все, было по существу уже сказано другими или, по крайней мере, намечено» [1].

Бернштейн обосновывал свой реформизм, ссылаясь непосредственно на работы Маркса и Энгельса. Он противопоставлял теоретические взгляды Маркса идеям Энгельса, стремился представить Энгельса сторонником оппортунизма, а Маркса — представителем утопического революционаризма в традициях О. Бланки. Бернштейн использовал элементы буржуазной критики марксистской диалектики и, в частности, ложную идею о тождественности марксистского и гегелевского диалектического метода [2]. По его убеждению «проникновение» диалектики в марксизм обусловило «чисто умозрительное предварение зрелости экономического и социального развития» [3], привело марксистов к заблуждениям волюнтаристского толка о перспективах социалистической революции, путях и формах политической борьбы, которые-де не соответствуют фактам экономических исследований Маркса.

Обосновывая идею политического союза с буржуазией, Бернштейн исходил из того, что не существует принципиальных различий между социал-демократической и буржуазной идеологией, представлял марксизм как прямое продолжение традиций мелкобуржуазного утопизма. Он утверждал, что основные идеи научный социализм заимствовал из буржуазной философии XVII—XIX веков и Маркс-де только «очистил основные идеи... от умозрительно-идеалистического сора... объединил их в общей теории и углубил ее» [4]. Бернштейн превратно истолковывал высказы-

---

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб., 1899. С. 25.

[2] См. там же. С. 25—30.

[3] Там же. С. 30.

[4] *Бернштейн Э.* Культ Маркса и ревизионизм // Первый сборник. Спб., 1906. С. 197.

вания о государстве, содержащиеся в «Анти-Дюринге», в предисловии к третьему изданию «Гражданской войны во Франции», во Введении к «Классовой борьбе во Франции» Энгельса, с тем чтобы представить разъяснения о возможности мирного установления диктатуры пролетариата как доказательство его верности идеалам буржуазного демократизма.

С осуждением всего комплекса идей Бернштейна и его единомышленников выступили Г. В. Плеханов, вожди французских социалистов Ж. Гед, П. Лафарг, деятели Социал-демократической федерации Великобритании, видный итальянский марксист А. Лабриола, болгарские социал-демократы Д. Благоев, Г. Георгиев. С критикой реформистов выступили марксисты Сербии Д. Туцович и Р. Драгович, Румынии — А. Ионеску, Ш. Георгиу и К. Фриму, лидер Социалистической рабочей партии США Д. Де Леон, Социалистической партии США — Ю. Дебс и др.

Особенно острый характер приобрела полемика с ревизионистами в германской социал-демократии. Многие органы партийной печати, рядовые члены партии на многочисленных собраниях решительно высказывались против ревизионизма, требовали исключить Бернштейна и его сторонников из партии [1]. Вместе с тем в этой полемике отчетливо выявились самые различные подходы к идеям Бернштейна — от последовательного неприятия, отрицания их до апологетического восхваления.

Бернштейн и его сторонники, выступив с требованием обновления марксизма, по существу, поставили перед его идеологами задачу творческого развития марксистского учения применительно к новой социально-экономической ситуации. В дискуссиях с последователями бернштейнианства марксистские лидеры международной социал-демократии сделали значительный шаг в этом направлении. В их работах конца XIX — начала XX века сформулированы идеи, имевшие важное теоретическое и практическое значение для политической практики пролетарских партий, их ориентации на социализм.

Бернштейн и неокантианские критики марксизма

Полемика с Бернштейном и его сторонниками поставила в 90-е годы во главу угла проблемы теории марксизма, в особенности вопрос о связи политических идей марксизма с диалектико-материалистическим миросозерцанием в целом. Среди буржуазных критиков Марксова социализма стало модным отрицать целостность марксистской теории, усилились стремления противопоставить социалистическую доктрину материалистической диалектике, принципам материалистического объяснения истории. С этих позиций выступили против марксизма представители неокантианства, идеи которых на рубеже XIX и XX веков стали одной из основ философской ревизии марксизма.

Наибольшее влияние на развитие философских идей ревизионизма 90-х годов оказали идеи представителей Марбургской школы, ориентировавшихся на гносео-

логическую проблематику философии Канта применительно к анализу современных естественнонаучных теорий конца XIX — начала XX века. Марбургская школа, абсолютизировавшая роль абстрактно-теоретического мышления и противопоставлявшая гуманитарному знанию естественнонаучное как образец рационального познания, влилась в позитивистское течение буржуазной философии. В Германии влияние идей ее крупнейших представителей — Когена, Кассирера, Наторпа, Форлендера, Штаммлера испытали Штаудингер и Вольтман, активно пропагандировавшие неокантианство в социал-демократической литературе, а через них — Бернштейн и его сторонники.

Известно, что ни один из лидеров Марбургской школы в 90-е годы не занимался всерьез изучением марксистского учения, ограничиваясь поверхностным знакомством с его популярным изложением в социал-демократической литературе тех лет. Их критика философских идей марксизма, обращенная, по сути, против догматического, подчас вульгаризаторского толкования диалектического и исторического материализма некоторыми учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса, абсолютизирует элементы философского нигилизма, объективизма, абстрактного социологизма, присущие в известной мере их концепциям, и отождествляет философские идеи Маркса и Энгельса с их упрощенными трактовками. Отсюда — обвинения в метафизичности, антиисторичности, «идеологическом» характере марксистской философии со стороны неокантианцев Марбургской школы.

Наиболее отчетливо социальная направленность неокантианской критики марксизма проявилась в неприятии материалистического понимания истории, раскрывающего зависимость политико-идеологической надстройки от базиса и разрушающего, фактически, тезис о независимом, надклассовом характере государства.

Неокантианская критика материалистического понимания истории направлена против экономического обоснования социализма и против тезиса о неизбежности социализма. Критикуя под видом материалистического понимания истории его схематическое изложение в форме «экономического материализма», Форлендер, Вольтман, Штаммлер, Штаудингер выступали против вульгарного понимания социального детерминизма как «чистой каузальности». Но, подчеркивая невозможность познания истории с позиций механистического детерминизма, сами неокантианцы решали этот вопрос в традициях кантовского идеализма: они противопоставили объективное субъективному, экономические детерминанты — политическим, идеологическим, духовным, познание истории — ее революционному преобразованию. Адекватным методом познания общества выступает для Когена, Вольтмана, Штаммлера не диалектика, а кантовский телеологический метод. «Что касается будущей судьбы социализма,— писал Вольтман,— то марксисты считают экономической, естественной необходимостью, что социализм должен заменить капитализм по тем же неизбежным законам экономического развития, по каким капитализм заменил феодализм; идеалисты же видят в социализме этическую и культурную необходимость» [1]. По мнению Штаудингера, «анализ законов, по которым люди ставят перед собой цели, основан на исследованиях Канта, в то время как анализ законов, по которым до настоящего времени развивалась экономика, основан на исследованиях марксизма» [2].

Неокантианская критика марксизма получила в 90-е годы широкое распространение в социалистических кругах не только в Германии, но и в России в виде «легального марксизма», а также во Франции, где еще в 1891 году Жорес выдвинул идею синтеза неокантианства и социализма [3].

В буржуазном философском мышлении конца XIX века широкое распространение наряду с неокантианством получили

---

[1] *Вольтман Л.* Исторический материализм. Спб., 1901. С. 320—321.

[2] *Staudinger F.* Ethik und Politik. Berlin, 1899. S. 159.

[3] Этим проблемам посвящена его диссертация: *Jaurès J.* De premis socialisme. Toulouse, 1891.

вульгарный материализм и социал-дарвинизм. Эти концепции нашли своих последователей и среди социал-демократических идеологов. В Германии идеи синтеза марксизма и социал-дарвинизма активно пропагандировал Л. Вольтман, во Франции — Ш. Раппопорт, в Италии — Э. Ферри [1]. Отклик в социал-демократических кругах нашли в 90-е годы попытки отдельных теоретиков отождествить материализм Маркса с вульгарно-материалистическими концепциями, подменить материалистическое понимание истории доктринами естественнонаучного материализма [2]. Хотя социальный дарвинизм и вульгарный материализм не получили самостоятельного развития в концепциях ревизионистов, они стали существенными мировоззренческими ориентирами в их философских взглядах.

Идеи неокантианства популяризировал К. Шмидт в своих статьях, направленных против только что вышедшей тогда книги Плеханова «Очерки по истории материализма» [3], а также в своей рецензии на книгу буржуазного философа Кроненберга «Кант, его жизнь и его учение» [4]. Шмидт заявлял, будто бы Маркс и Энгельс, как и их философские предшественники Гегель и Фейербах, не смогли осознать в полной мере заслуги Канта в гносеологии, а потому и не дали в своей философии последовательного решения проблем теории познания. Отрицая диалектический материализм, Шмидт рассматривал кантовскую гносеологию как единственно научную концепцию познания.

Почти одновременно с выступлениями Шмидта в венском буржуазном еженедельнике «Die Zeit» (июль 1896 г.) появилась статья английского социалиста Э. Бельфорт-Бакса «Материалистическое понимание истории», вызвавшая бурную дискуссию между ним и Каутским.

---

[1] *Woltmann L.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus Versuch einer Forschung. Düsseldorf, 1898.— Значительное влияние социал-дарвинизма испытал К. Каутский, который так и не преодолел элементов биологизаторства, присущих его трактовке основных положений материалистического понимания истории. Вместе с тем многие марксистские теоретики отчетливо осознавали теоретическую порочность попыток синтеза марксизма и социал-дарвинизма. В защиту исторического материализма от его биологизаторских фальсификаций выступили А. Бебель и П. Лафарг (*Bebel A.* Die Darwinische Theorie und der Sozialismus // Die Neue Zeit. 1898—1899. Bd. 1. S. 484—489; *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Сочинения. Т. 3. С. 3—188).

[2] Идея синтеза естественнонаучного материализма с материалистическим пониманием истории была высказана Ю. Штерном в его небольшой статье «Экономический и натурфилософский материализм» (*Stern J.* Der ökonomische und der naturphilosophische Materialismus // Die Neue Zeit. 1897. Bd. 2. S. 301—304). Она активно обсуждалась в социал-демократических кругах. Идеи Штерна стимулировали интерес Каутского, Меринга, Лафарга к вопросу о соотношении диалектического и исторического материализма, о диалектике исследования и изучения природы, естественнонаучного знания. Вместе с тем они некритически заимствовали неверные тезисы Штерна. Так, например, Меринг использовал идеи Штерна, обосновывая свое понимание сущности марксистского материализма как материализма фейербахианского типа. С диалектико-материалистических позиций взгляды Штерна последовательно критиковал Плеханов (см.: *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. М., 1956. Т. 2. С. 346—361).

[3] *Schmidt C.* Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung // Sozialistischer Akademiker. 1896.

[4] Vorwärts. 7.X 1897.

Бельфорт-Бакс, не отрицая значения исторического материализма, трактовал его как «экономический материализм», игнорирующий роль сознания, идеологии в развитии общества. Отсюда его требование «дополнить» материалистическое понимание истории анализом «психологических факторов» исторического прогресса — веры, моральных норм, убеждений, которые он рассматривал как неизменные свойства человеческого сознания. Полемика Каутского с Бельфорт-Баксом раскрыла ограниченность, метафизический характер доктрины «экономического материализма», выявила идеалистическое содержание концепции «факторов» [1].

Философские рассуждения Бернштейна некритически соединили в себе элементы вульгарного материализма, позитивизма, неокантианства и т. д.

Ревизионисты 90-х годов заимствовали свою социально-философскую аргументацию в основном из доктрин «этического социализма» либерального неокантианства Марбургской школы, сводившего задачи общественного переустройства к моральному совершенствованию, проповедовавшего примирение классовых антагонизмов и отказ от революционной борьбы. В лице же Бернштейна ревизионизм 90-х годов отошел от традиционной гносеологической модели неокантианства и сделал своим исходным методологическим ориентиром индуктивизм. Бернштейн смотрел на марксистскую философию глазами социолога-эмпирика, оценивая ее истинность с позиций однозначного соответствия открытых марксизмом тенденций развития истории единичным фактам. Он отвергал диалектический метод, отрицая его всеобщий и объективный характер. Для Бернштейна марксистская диалектика — «помеха, стоящая поперек пути всякого последовательного истолкования вещей» [2].

В основе его представлений об условиях и возможностях познания лежит метафизическая трактовка действительности как совокупности статических элементов. Бернштейн опирался на положения традиционного эмпиризма о чисто эволюционном характере развития действительности. Он разделял заблуждения философии позитивистского толка о невозможности познания всеобщих связей и сосредоточил свое внимание на изучении единичных фактов. С позиций философии «здравого смысла» Бернштейн противопоставил диалектическим принципам познания индуктивистские, предполагающие определение предмета через совокупность неизменных его свойств. С его точки зрения, Маркс и Энгельс совершили «методологическую ошибку», так как исследовали всеобщие тенденции развития. Бернштейн пытается представить материалистическое понимание истории как «априорную», игнорирующую реальные факты теорию.

Критика Бернштейном диалектического метода во многом повторила критику материалистической диалектики Е. Дюрингом, который упрекал марксистскую философию в «гегельянстве», «абстрактности». Но бернштейнианский ревизионизм исходил из других посылок. Дюринг, критикуя марксистскую диалектику, противопоставлял ей абстрактный метафизический метод и спекулятивную философскую систему для того, чтобы обосновать свои мелкобуржуазные политические идеи. Бернштейн же в целом отрицал значение философии для развития социалистической теории. Он выдвигал идею о «принципиальном несоответствии» диалектики исходным ориентирам марксизма как теории практического преобразования действительности.

Бернштейн ограничивал марксистскую философию материалистическим пониманием истории, которое интерпретировал в духе социологического идеа-

---

[1] *Kautsky K.* Die materialistische Geschichtsauffassung und der psychologische Antrieb // Die Neue Zeit. 1895—1896. Bd. 2. S. 652—659; *Kautsky K.* Was will und kann die materialistische Geschichtsauffassung leisten? // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 123—218, 229—238, 260—271; *Kautsky K.* Utopistischer und materialistischer Marxismus // Die Neue Zeit. 1896—1897. Bd. 1. S. 716—727.

[2] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 35.

лизма, отождествив материализм с детерминизмом. По его мнению, «быть материалистом — значит, прежде всего, утверждать необходимость всего случающегося... Материалист, таким образом, есть кальвинист без бога...» [1]. Вопрос о «правильности материалистического понимания истории» есть для Бернштейна «вопрос о степени исторической необходимости» [2].

Бернштейн в своей критике исторического материализма смешал два различных, хотя и взаимообусловленных вопроса: о сущности материализма вообще и о сущности материалистического понимания истории: ведь признание причинной обусловленности явлений присуще и материализму, и идеализму. Бернштейн пришел к ложному пониманию соотношения материализма и детерминизма в марксизме, так как свел диалектико-материалистический детерминизм к исторической необходимости и приписал Марксу и Энгельсу фаталистическую трактовку истории, от которой они якобы отказались в своих трудах 60—70-х годов. Он распространил в социал-демократической идеологии ложный тезис о том, что Маркс и Энгельс, подчеркнув значение идеального, субъективного в исторической практике, якобы пришли к «индетерминистическому» пониманию истории. Бернштейн, по сути дела, смешал вопрос о материальных основах общественного развития с вопросом о диалектическом характере материалистического понимания истории, об исторической закономерности как продукте и результате целеполагающей деятельности людей. Противопоставляя материальные и духовные отношения в обществе, он считал, что в истории человечества экономика и идеология чередуются в качестве ее основных детерминант.

Бернштейн открыто впервые выступил против попыток представить взгляды Маркса и Энгельса на социализм как окончательную и не подлежащую сомнению истину. Утверждая, что историческая неизбежность социализма якобы недоказуема, он пытался дать «этическое» обоснование социализма.

Отрицание Бернштейном научного характера марксистского социализма связано с его идеалистической трактовкой истории. По мнению самого Бернштейна, в условиях капитализма общественный прогресс обусловлен развитием духовных факторов, к которым он относил абстрактный «всеобщий» интерес и моральное сознание. Он сводил революционное социалистическое мировоззрение к нравственной характеристике современного ему общественного строя как справедливого или несправедливого. В своей объективистской трактовке идеологии Бернштейн, по сути, стремился преодолеть вульгарно-социологизаторский подход к марксизму как исключительно партийной, пролетарской теории. Он исходил из общности классовых интересов рабочего класса с общечеловеческим «коллективным» интересом, который выражается в нравственном осуждении капитализма. Отрицая историческую неизбежность социализма, Бернштейн отстаивал идеалистическую идею о моральной необходимости как конституирующем элементе истории, подчеркивал роль морали как движущей силы развития экономики, как фактора развития «всеобщего интереса». Опираясь на представления о социализме как моральном сознании, он пришел к идеалистическому пониманию социализма как идеала, цели общественного развития, постулируемой моральным сознанием. Вместе с тем сделав акцент на гуманистическое содержание, родство идеалов марксистского и немарксистского социализма, Бернштейн по-новому поставил перед социал-демократией 90-х годов вопрос о возможностях союза с демократическими общественными силами.

Критика философских посылок бернштейнианства

Против бернштейнианской трактовки материалистической диалектики и материалистического понимания истории выступили фактически все марксистские теоретики того времени. Критикуя эклектические философские постулаты бернштейнианцев, Плеханов, Благоев, Люксембург, Меринг, Лабриола, Каутский уточняли

[1] *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. С. 7.

[2] См. там же.

и конкретизировали свое понимание сущности материалистического понимания истории, марксистского диалектического метода. Однако при этом большинство учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса все же не уловили подлинного смысла философских посылок бернштейнианства. Так, например, Люксембург, хотя и рассматривала отказ Бернштейна от материалистической диалектики как прямое доказательство его перехода на позиции буржуазного объективизма, как подрыв основ материалистического понимания истории и марксистской политэкономии, тем не менее в своей критике ревизионизма все же, по существу, не затронула основных философских проблем. Она ограничилась критикой эклектического характера основных теоретических установок ревизионизма, его плоского эмпиризма и антиисторизма. «Эта теория, состряпанная без разбору из крох всевозможных систем,— писала она по поводу выступлений Бернштейна,— кажется на первый взгляд совершенно беспристрастной. Бернштейн и слышать не хочет о какой-нибудь «партийной науке»... То, что Бернштейн считает общечеловеческой наукой, демократией, моралью, есть только господствующая, т. е. буржуазная наука, буржуазная демократия, буржуазная мораль» [1].

Резко отрицательную позицию в отношении теоретических идей Бернштейна занимал А. Бебель, четко представлявший их социальную направленность. Но что касается конкретной критики Бебелем бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики, то сама бебелевская аргументация свидетельствует о том, что он не понимал всего значения диалектического материализма для теории и политики социализма. В качестве основной ошибки Бернштейна Бебель указывал на то, что тот вообще занялся философскими понятиями: законом причинности, детерминизмом, фатализмом. Именно те ошибки Бернштейна, в которых проявилась его враждебность диалектике, Бебель рассматривал как маловажные, как если бы они не стояли в прямой связи с вопросами стратегии и тактики партии. В силу недостаточного понимания материалистической диалектики Бебель (позицию которого разделял и Либкнехт) и пришел к ошибочному выводу, будто из партийной дискуссии по вопросу о ревизионизме надо исключить все, связанное с исследованиями в чисто научной области, то есть всю философскую проблематику.

Недостатки, свойственные критике бернштейнианского ревизионизма марксистами того времени, проявились и в трудах Каутского [2]. Он не придавал должного значения философской конфронтации между марксизмом и ревизионизмом. В одном из писем Плеханову в 1901 году Каутский сделал характерное признание: «Философия никогда не была моей сильной стороной. Я предпочитаю не писать о философских вопросах, но, конечно, у меня есть свои философские убеждения, и они те же, что и были; убеждения моих учителей, диалектический материализм.

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? М., 1959. С. 80—81.

[2] В плане философской критики ревизионизма наибольший интерес представляют статьи Каутского «Бернштейн и материалистическое понимание истории», «Бернштейн и диалектика» (1898—1899), опубликованные в «Die Neue Zeit» и вошедшие впоследствии в переработанном виде в книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899).

Только я думаю, что можно быть в некотором смысле неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрины марксизма» [1]. В этом — методологические основы коренных недостатков критики Каутским бернштейнианского ревизионизма с присущей ей теоретической аморфностью, иллюстративностью контраргументов, зачастую сводившихся к ссылкам на произведения Маркса и Энгельса.

Вместе с тем выступления Каутского — видного теоретика и признанного авторитета международной социал-демократии — против бернштейнианства сыграло важную роль в критике ревизионизма. Ленин высоко оценил в своей рецензии на книгу Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» ее марксистские положения. Каутский, по словам Ленина, показал, каким условиям должна удовлетворять серьезная и добросовестная критика, если предпринимающие ее не хотят замыкаться в узкие рамки бездушного педантизма и гелертерства, «если они не хотят терять из виду тесной и неразрывной связи «теоретического разума» с «практическим разумом» и притом с практическим разумом не единичных личностей, а масс населения, поставленных в особые условия» [2].

В полемике с Бернштейном Каутский критически проанализировал интерпретацию Бернштейном марксистской идеи об исторической неизбежности социализма в духе механистического фатализма. Он подчеркивал, что Бернштейн «сузил» исторический материализм до «экономического материализма» — его вульгаризаторской трактовки, после чего Бернштейну пришлось отказаться вообще от материалистического обоснования социализма как идеала революционной борьбы пролетариата. Каутский показал, что поворот Бернштейна к «этическому социализму» далеко не случаен: с точки зрения бернштейнианского «экономического материализма» действительно методологически невозможно понять диалектическое единство материального и идеального, объективного и субъективного в истории. Экономический фатализм, который Бернштейн приписывает марксизму, как отмечал Каутский, действительно мешает осознанию роли идеологии, науки, религии в поступательном развитии истории.

Довольно убедительно отстаивал Каутский марксистское положение о законах материалистической диалектики как всеобщих закономерностях развития природы, общества, человеческого мышления. Он стремился опровергнуть ревизионистское отрицание законов диалектики, и прежде всего закона единства и борьбы противоположностей как источника развития. Каутский показал, что Бернштейн ложно интерпретирует марксистскую теорию развития в духе плоского эволюционизма Спенсера.

---

[1] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 172.

[2] *Ленин В. И.* Рецензия *Karl Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik* // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 199.

В 90-е годы центральной фигурой в международной социал-демократии в спорах с философским ревизионизмом стал Г. В. Плеханов. Его полемика с Бернштейном наиболее основательна в философском отношении, значительно превосходила по теоретической глубине антиревизионистские выступления по проблемам философии Бебеля, Каутского, Люксембург, Меринга, Благоева. Плеханов, подчеркивал Ленин, был «единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма» [1]. В историю марксизма Плеханов вошел не только как последовательный критик бернштейнианской интерпретации марксистской философии, материалистической диалектики [2], но и как один из инициаторов борьбы против идейных сторонников Бернштейна в социал-демократии.

Выступая в защиту материалистической диалектики, Плеханов продолжал традиции Маркса и Энгельса, неоднократно выражавших опасения относительно ослабления интереса к диалектике в рядах социал-демократии. Опасность распространения позитивизма, вульгарного материализма для революционного мировоззрения пролетариата подчеркивал Энгельс. В этих традициях развернул Плеханов свою борьбу против философского ревизионизма Бернштейна, Струве, Шмидта.

«Бернштейнианизацию» марксизма он рассматривал как полное отречение от революционной тактики, от научного социализма и философии марксизма. «Это именно теория буржуазной *социальной реформы,* выставленная против теории *социалистической революции пролетариата*» [3]. Единственный (помимо Лабриолы) из марксистских критиков Бернштейна 90-х годов, Плеханов увидел в ревизионизме симптом упадка общего уровня марксистского теоретического мышления. «Г. Бернштейн, взятый сам по себе, не только не страшен, но прямо смешон... Но «бернштейниада» очень страшна, как признак возможного упадка» [4]. Свои выступления против Бернштейна, Шмидта, Струве Плеханов использовал как повод для того, чтобы привлечь внимание к философским проблемам марксизма, показать опасность философского нигилизма для развития теории и практики социализма. Плеханов решительно отверг всякие попытки подвести под марксистскую теорию какой-либо «иной» фундамент, кроме диалек-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 20.

[2] Развернутую критику философского ревизионизма Плеханов дал в своих работах: «О мнимом кризисе марксизма» (1898), «Бернштейн и материализм» (1898), «За что нам его благодарить?» (1898), «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Материализм или кантианизм» (1899), «Первые фазы учения о классовой борьбе» (1900), «Критика наших критиков» (1901), «Cant против Канта» (1901) и др.

[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 619.

[4] *Плеханов Г. В.* Cant против Канта // Там же. С. 401.

тико-материалистического. В своих статьях против ревизионизма он показал, что диалектический и исторический материализм представляет собой целостную философскую систему, отвечающую как мировоззренческим запросам естествознания, общественных наук, так и революционной практики. «Маркс и Энгельс были материалистами не только в области исторического исследования, *они были таковыми и в области понимания отношения между духом и материей*» [1].

В полемике с Бернштейном, Струве и другими «легальными марксистами» Плеханов раскрыл содержание основных диалектических закономерностей, изложил основные положения диалектико-материалистического учения о развитии. Он отстаивал идею прерывистого, революционного развития действительности как альтернативу принципу эволюции Бернштейна и легальных марксистов и рассматривал его как идеологизм, призванный оправдать их отказ от социальной революции, апологетику реформизма. В полемике с ревизионистами Плеханов подверг критике эволюционизм бернштейнианства в его применении к обществу, раскрыл научный характер материалистического понимания истории, подчеркнул важность диалектико-материалистического подхода к анализу ее закономерностей. Он выступил против догматизации философско-теоретических основ марксизма, их антиисторической трактовки. «Марксова теория,— писал Плеханов,— не есть вечная истина в последней инстанции. Это верно. Но она является *высшею социальной истиной нашего времени...*» [2]

Плеханов был единственным из учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, кто четко осознал тесную связь философской критики марксизма со стороны бернштейнианцев и «легальных марксистов» с их политической переориентацией на реформизм. «Крайне ошибочно было бы воображать,— предупреждал Плеханов,— что так называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой-нибудь серьезной теоретической потребности. До теории гг. «критикам», в сущности, очень мало дела. Им нужно побороть или хотя бы только ослабить известную практическую тенденцию: *революционную тенденцию* передового пролетариата... Эта практическая цель оправдывает все теоретические средства» [3].

Важное значение имели антиревизионистские выступления А. Лабриолы [4]. Марксизм, утверждал Лабриола, не нуждается в каких-либо «дополнениях» типа неокантианства, позитивизма, социал-дарвинизма и содержит в себе самом возможности даль-

---

[1] *Плеханов Г. В.* Бернштейн и материализм // Избр. филос. произв. Т. 2. С. 352.

[2] *Плеханов Г. В.* За что нам его благодарить? // Там же. С. 367.

[3] *Плеханов Г. В.* Критика наших критиков // Там же. С. 615.

[4] Это предисловие и послесловие к французскому изданию «Бесед о социализме и философии» с критикой Сореля и Кроче (1898—1899), статьи «О книге Бернштейна» (1899), «О кризисе марксизма» (1899).

нейшего развития, совершенствования своих функций в качестве орудия познания и преобразования действительности. Он критиковал Бернштейна за то, что ревизионистский теоретик, столкнувшись с «несоответствием» исходных понятий марксизма с реальностью, взялся полностью пересмотреть все марксистское учение, вместо того чтобы средствами диалектико-материалистического анализа действительности конкретно проанализировать социальную и духовную ситуацию эпохи. По мнению Лабриолы, сам подход Бернштейна и его последователей к анализу марксизма глубоко порочен с методологических позиций: они руководствуются представлениями о марксизме как поверхностной «всенауке» гегельянского (по мнению Кроче) или позитивистского (по мнению Бернштейна) типа. В действительности же прогресс социалистического движения зависит, по убеждению Лабриолы, от того, насколько марксистская мысль осваивает новые факты, явления, процессы развивающейся действительности, дает их конкретный анализ и увязывает с задачами революционной практики [1].

Ревизионистским представлениям о «теоретической недостаточности» марксизма Лабриола противопоставил свое понимание марксизма как «философии практики», как учения, постоянно развивающегося, отражающего в своих понятиях и категориях динамику истории, многообразные тенденции общественного развития.

Полемика с философскими идеями бернштейнианского ревизионизма поставила перед учениками, соратниками и последователями Маркса и Энгельса важный в теоретическом отношении вопрос о связи теоретических догм ревизионизма с буржуазной философией. Раскрывая эклектический характер философских идей Бернштейна и его сторонников, теоретики революционного марксизма обратились к анализу буржуазных философских доктрин, послуживших источником теоретических взглядов ревизионистов. Плеханов, Лафарг, Меринг дали первые марксистские примеры критического анализа идеалистической теории познания, как она обосновывалась в новейших объективно-идеалистических (неогегельянство) и субъективно-идеалистических (конвенционализм, неокантианство) учениях [2].

В спорах с философским ревизионизмом 90-х годов важную роль сыграла марксистская критика «этического социализма» неокантианцев (Плеханов и Меринг). Опираясь на свою эрудицию в вопросах истории, Меринг в борьбе с этическим априо-

[1] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. Roma, 1964. P. 302.

[2] См.: *Лафарг П.* Материализм Маркса и идеализм Канта (1900); Религия капитала (1900); основные разделы труда «Экономический детерминизм Карла Маркса», написанные Лафаргом в 1898—1899 годах. *Меринг Ф.* Кантианцы (1900); Кант и Маркс (1904); Кант и социализм (1900); Неокантианцы (1900). *Плеханов Г. В.* Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса (1898); Материализм или кантианизм (1899); О мнимом кризисе марксизма (1898); Критика наших критиков (1901).

ризмом неокантианства отстаивал идею социальной обусловленности, классового характера моральных норм, убеждений, идеалов. Этический идеал, подчеркивал Меринг в статье «Неокантианцы», имеет социальные корни и потому может стать исторической и политической силой, направленной как на благо, так и во зло. Следовательно, этический идеал может действовать как ориентир исторической практики и революционной борьбы только тогда, когда соответствующие этические суждения каузально обоснованы, рассматриваются как элементы социальной детерминации. Сходной позиции придерживался и Плеханов.

Философские дискуссии с ревизионизмом 90-х годов стали важным этапом в идейной эволюции учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса. Они выявили общий уровень марксистского теоретического мышления 90-х годов, его достоинства и недостатки. Конфронтация с ревизионизмом в области философии способствовала консолидации интеллектуальных сил международной социал-демократии в деле защиты, пропаганды и развития марксистского учения. Вместе с тем полемика с бернштейнианством и его сторонниками в лице «легального марксизма», «экономизма», поссибилизма и т. д. обнаружила известную ограниченность философского марксистского мышления тех лет: явно ощущалась недооценка мировоззренческого содержания марксизма, недопонимание сущности материалистической диалектики, пренебрежительное отношение к вопросам философии, идеологии в целом. Даже самые основательные критические разборы бернштейнианского ревизионизма и неокантианства тех лет не свободны от такого рода ограниченности.

Защита основ марксистской политэкономической теории

В представлении бернштейнианцев некоторые новые явления в развитии капитализма истолковывались как факторы, ведущие к сглаживанию противоречий в обществе, к снижению их остроты. Они абсолютизировали тенденции капитализма к организации экономики, гармонизации социальной жизни, установлению классового мира, используя в качестве теоретической базы работы К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Л. Брентано, Г. Шульце-Геверница и прочих авторитетов буржуазной науки. Бернштейн откровенно призывал благодарить буржуазных экономистов, в особенности Ф. Бастиа, за открытие «хозяйственной гармонии» в системе капитализма [1].

В центре внимания ревизионистской критики оказалось прежде всего учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости. И это не случайно, так как отказ от этих фундаментальных разделов Марксовой теории затушевывает антагонистическую сущность капиталистических производственных отношений, эксплуатацию труда капиталом и в конечном счете ведет к отрицанию необходимости социалистической революции.

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. С. 332.

Трудовая стоимость, по словам Бернштейна, у Маркса имеет значение «только отвлеченной формулы или же научной гипотезы». Закон трудовой стоимости, считает Бернштейн, фикция, он перестает действовать в условиях капитализма, в условиях, когда вступает в силу закон цен производства. Бернштейн здесь замалчивает — вольно или невольно — очень важное положение Маркса о том, что цена производства представляет собой всего лишь превращенную форму стоимости, что проявление закона стоимости при капитализме модифицируется законом средней нормы прибыли, перераспределением прибавочной стоимости между капиталистами. Более того, по его мнению, Марксова теория трудовой стоимости порождает неверные представленя о масштабах эксплуатации рабочих капиталистами [1].

Объявив закон стоимости всего лишь «отвлеченной формулой» или «научной гипотезой», Бернштейн и среднюю норму прибыли зачислял в разряд скорее «теоретических конструкций», чем «действительных фактов». Капитал, утверждал он, якобы не всегда стремится к наибольшей прибыли [2]. Бернштейн предлагал искать источник прибыли не в сфере производства, а там, где его фактически нет,— в сфере обращения. Проблема прибыли превращалась у него в проблему ценообразования, скидок и накидок в ценах, в проблему, зависевшую исключительно от доброй воли капиталистов, от мудрости их экономической политики. Из теории Бернштейна следовало, что капиталисты, умело поднимая цены, могут получать необходимые средства для одновременного повышения как прибыли, так и заработной платы рабочих. Такой вывод затушевывал противоречия капиталистической экономики, эксплуатацию рабочего класса буржуазией, противоположность их интересов. По существу, политическая экономия при такой постановке вопроса отбрасывалась на целое столетие назад, поскольку, как известно, уже Д. Рикардо признавал противоположность категорий прибыли и заработной платы.

Соответственно ревизионисты решали и проблему заработной платы. Они утверждали, что путь повышения заработной платы при капитализме лежит не через организованную борьбу рабочих с капиталистами, а осуществляется только посредством роста производительности. Капиталисты также «заинтересованы» в повышении заработной платы рабочих (при условии получения высокой прибыли), поскольку это ведет к увеличению покупательной способности и в большей мере содействует решению проблемы сбыта. В этом, по мнению ревизионистских теоретиков, заключена еще одна возможность плодотворного классового сотрудничества эксплуататоров и эксплуатируемых, установления «социальной гармонии».

Односторонне используя данные буржуазной статистики, Бернштейн и его единомышленники отрицали действие закона концентрации капитала и производства, пытались обосновать вывод о «демократизации» капитала в связи с образованием акционерных обществ, о полном преодолении капиталистическими монополиями анархии производства. Вместе с тем абсолютизировался факт живучести мелкого производства, его сопротивления натиску крупного капитала. Эта идея особенно акцентировалась относительно сельского хозяйства, где будто бы совершенно не действует Марксов закон концентрации производства.

Бернштейн пытался пересмотреть и Марксову теорию кризисов перепроизводства. Игнорируя коренную причину кризисов, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением, он неверно понимал взгляды Маркса: выискивал мнимые «противоречия» между III и II томом «Капитала», а также между высказываниями Маркса и Энгельса, видевших якобы непосредственные причины кризисов в анархии капиталистического производства, в недопотреблении масс. Бернштейн не понимал вскрытую Марксом связь этих непосредственных причин кризисов перепроизводства с их главной причиной, с основным противоречием капитализма. Он допускал возможность полного устранения кризисов по мере расширения мировых рынков, улучшения транспорта и связи, возникновения трестов и картелей, увеличения кре-

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 79 и далее.

[2] См. там же. С. 237—238.

дитов. Причины частичных и локальных кризисных явлений он предлагал искать не там, где они действительно заключены,— в сфере производства, а в сфере обмена, в спекуляции на денежном рынке [1].

Выступления ревизионистов были нацелены на опровержение всеобщего закона капиталистического накопления, вывода о необходимости социалистической революции и экспроприации буржуазии. Шмидт, например, утверждал, что этот вывод вообще не может быть доказан из развитых Марксом посылок [2].

Вместе с тем критика Бернштейном некоторых положений, традиционных для марксистской мысли того времени, была во многом справедлива — это касалось теорий обнищания рабочего класса, поляризации буржуазного общества, неизбежности близкого краха капитализма.

Критикуя взгляды Бернштейна и его сторонников, Лафарг, Люксембург, Каутский в 90-е годы видели свою задачу, по сути, в том, чтобы доказать противоположность этих воззрений положения Марксовой политической экономии.

В трудах «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (1899), «Аграрный вопрос» (1899), «Социальная революция» (1902) Каутский показал несостоятельность ревизионистских «опровержений» Марксовой теории стоимости, эклектизм позиции Бернштейна, уклонившегося от серьезного, научного рассмотрения проблемы и пытавшегося механически соединить несоединимое: взгляды Маркса с теорией «предельной полезности» Бем-Баверка. По словам Каутского, Бернштейн, нападая на Марксово учение о трудовой стоимости, расшатывал и подрывал устои всего здания экономической науки марксизма, в том числе учения о прибавочной стоимости, о капитале и т. д. [3] Опираясь на данные статистики, Каутский показал несостоятельность возражений Бернштейна, Шмидта и их соратников против сформулированных Марксом общих тенденций развития капитализма — закона концентрации капитала, вытеснения мелкого производства крупным, относительного ухудшения положения пролетариата, которое не исключает повышения материального уровня жизни наемных тружеников. Каутский опровергал утверждение Бернштейна о происходящей якобы «демократизации» капитала в акционерных обществах, о возможности устранения кризисов с помощью монополий и кредита, об увеличении числа «имущих» и о прогрессирующем улучшении положения пролетариата при капитализме и т. д. Он выступил против карикатурного изображения Бернштейном и его единомышленниками Марксова учения о пролетарской революции как единовременном и всеобщем крушении капитализма в результате грандиозного и повсеместного экономического кризиса (так называемая «Zusammenbruchstheorie»). Обстоятельно ответив на возражения Бернштейна против важнейших положений экономического учения Маркса, Каутский при-

---

[1] См.: *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. С. 133 и далее.

[2] *Schmidt C.* Zur Theorie der industriellen Reservearmee // Sozialistische Monatshefte. 1904. Hf. 2. S. 124.

[3] См.: *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). М., 1922. С. 45.

ходил к выводу, что это по существу «те самые возражения, которые уже давно выдвигаются либеральной экономией против социализма вообще» [1]. Но «если самые крупные недостатки капиталистического способа производства свойственны только его зачаточным стадиям и с его дальнейшим прогрессом уменьшаются; если число имущих растет, социальные противоположности постоянно смягчаются, пролетарии получают все более и более прочную надежду стать самостоятельными или достичь удовлетворительного положения, то к чему же тогда социализм?» [2] — спрашивал Каутский.

Вместе с тем в этих критических выступлениях Каутского сказались и изъяны его исходных методологических позиций. Он развивал неверную в своей основе идею, будто экономическим пределом, внешней границей процесса капиталистического расширенного воспроизводства явится невозможность сбыта, узость рынка — сначала внутреннего, а в конечном итоге — ввиду ограниченности территории земли — также и внешнего. Эта «недостаточность» внешнего рынка должна означать, согласно взглядам Каутского, прекращение или крайнее замедление роста капиталистического производства, фактический конец капитализма [3].

В полемике с буржуазными и реформистскими теоретиками положения политической экономии Маркса отстаивал Лафарг. Защищая учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, он показывал, в частности, полную несостоятельность попыток К. Шмидта изобразить закон стоимости и прибавочной стоимости всего лишь «гипотезой» или «необходимой фикцией» [4], критиковал утверждения вульгарных экономистов и их «социалистических» последователей, будто стоимость и прибавочная стоимость создаются не в процессе производства, а в процессе обмена [5]. Лафарг, доказывая несостоятельность представлений о «демократизации» капитала в акционерных обществах, отмечал, что эта «демократизация» на деле «сводится к ограблению мелких вкладчиков крупными капиталистами» [6]. Опираясь на марксистское положение о неизбежности экономических кризисов при капитализме, он доказывал при этом, что тресты и другие монополистические организации капиталистов ведут не к смягчению кризисов, как утверждали ревизионисты, а к углублению их, не к сглаживанию классовых противоречий и «затуханию» классовой борьбы, а, напротив, к их обострению [7].

Теоретическое наследие «Капитала» активно защищала от нападок ревизионистов Люксембург. Она опровергала утверждение Бернштейна, будто Марксов закон стоимости является простой

[1] *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). С. 155.

[2] Там же.

[3] См. там же. С. 140.

[4] См.: *Лафарг П.* Теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса и буржуазные экономисты // Соч. Т. 12. С. 3—11; *Лафарг П.* Экономическая функция биржи (Этюд по теории стоимости) // Там же. С. 36—56.

[5] См.: *Лафарг П.* Ответ на критику Маркса // Там же. Т. 2. С. 12—23; *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 262.

[6] См.: *Лафарг П.* Американские тресты // Там же. С. 270.

[7] См. там же. С. 267.

«абстракцией». Абстракция Маркса, писала Люксембург, «не выдумка, а открытие... она существует не в голове у Маркса, а в товарном хозяйстве,... она живет не воображаемой, а реальной общественной жизнью»[1]. Бернштейн, констатировала она, проявил полную неспособность понять Марксов закон стоимости и прибавочной стоимости, а без такого понимания «капиталистическое хозяйство и все связанное с ним должно остаться тайной»[2].

Оценивая марксистскую полемику с идеями Бернштейна и его сторонников в области политической экономии капитализма в 90-е годы, следует иметь в виду, что ведущие теоретики II Интернационала ограничились в своей критике прямым противопоставлением известных положений Марксова экономического учения взглядам ревизионистов и фактически не ставили вопроса об опровержении бернштейновских тезисов с позиций творческого развития марксистской политэкономии применительно к новым тенденциям хозяйственной жизни конца века. В этом сказалась известная ограниченность, догматичность критики ревизионизма. И как результат — формирование такой особенности их мышления, как «ортодоксия», ориентировавшая лидеров II Интернационала в первую очередь на «подтверждение» новыми фактами известных положений марксизма, а не на творческую разработку марксистской теории в соответствии с условиями новой эпохи, в которую вступал капитализм на рубеже XIX—XX веков.

2. ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ УЧЕНИКОВ, СОРАТНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

В 90-е годы теоретики социал-демократии в своих трудах уделили немало внимания разработке и пропаганде марксистской философии, хотя в своей теоретической деятельности в этот период многие из них тяготели к социально-политической проблематике, непосредственно связанной с классовой борьбой пролетариата в конкретно-исторических условиях отдельных стран.

Пропаганда диалектического материализма

Среди учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса, осознавших основополагающее значение философии диалектического материализма, выдающуюся роль сыграли в 90-е годы Плеханов и Благоев[3].

В тот период перед марксистами-теоретиками в первую очередь встали задачи обоснования неразрывной связи диалектики

---

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 56—57.

[2] Там же. С. 57.

[3] См., например: *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля (1891); К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895); Очерки по истории материализма (1893); Бернштейн и материализм (1898); Cant против Канта (1901); *Благоев Д.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? (1901); Материализм или бернштейнианство (1901); «Pro doma sua» (1900) и др.

и материализма, систематизации основных понятий диалектического материализма, выявление его сущностных характеристик. Плеханов и Благоев выступили против упрощенческой трактовки философии марксизма как только социально-исторической теории, недооценки роли диалектики как всеобщего метода познания и революционной деятельности. Они осознали — и в этом их непреходящая заслуга,— что подобное одностороннее восприятие содержания философии марксизма подрывает его революционную сущность. Плеханов и Благоев характеризовали философию марксизма как диалектический материализм. При этом с понятием «диалектический материализм» в их воззрениях связывалось все философско-историческое учение Маркса — Энгельса — как материалистическое понимание истории, так и материалистическое объяснение развития природы.

Для Плеханова, как и для Благоева, материализм Маркса и Энгельса есть философское учение, в котором фиксируются сущностные характеристики развития природы, общества, мышления. В этой связи они и подчеркивали историческую преемственность домарксистского и марксистского материализма. Вместе с тем Плеханов последовательно проводил мысль о принципиальной новизне философской теории марксизма, обогатившей материализм завоеваниями диалектики, ее качественном отличии от философских материалистических систем прошлого. «Мы употребляем термин «диалектический материализм»,— пояснял Плеханов,— который один только и может правильно характеризовать философию Маркса. Гольбах и Гельвеций были материалистами-*метафизиками*. Они боролись с *метафизическим* идеализмом. Их материализм уступил место *диалектическому идеализму*, который в свою очередь был побежден *диалектическим материализмом*» [1]. Плеханов подчеркивал, что «диалектический метод — это самое главное научное орудие, которое досталось в наследство от немецкого идеализма его преемнику, современному материализму» [2].

Известно, что в 90-е годы многие философские труды Маркса и Энгельса были недоступны широкому кругу социал-демократических теоретиков, что затрудняло усвоение философских аспектов марксистского учения. Вне поля зрения многих идеологов II Интернационала осталась гносеологическая проблематика, вопросы диалектики природы. Даже такой крупный теоретик и исследователь марксизма, как Ф. Меринг, был убежден, что Маркс и Энгельс, будучи историческими материалистами в исследовании общества, оставались естественнонаучными материалистами в понимании природы. На этой основе возникали представления о будто бы имеющемся у основоположников марксизма дуализме методов познания общества и природы. Тем большее значение приобретали в этих условиях идеи Плеханова и Благоева о всеобщем характере диалектического метода в марксизме.

Принципы диалектико-материалистического мировоззрения активно пропагандировал в 90-е годы П. Лафарг. Прежде всего он

[1] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 691 (примеч.).

[2] *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Там же. С. 444.

выступал против нападок на принцип материального единства мира. По мысли Лафарга, одно из замечательных явлений, подтверждающих истинность марксистской диалектико-материалистической философии,— объективно существующее единообразие в развитии материального мира, находящее подтверждение в общности форм развития мысли, в законах логики. Современная наука, по мысли Лафарга, убедительно подтвердила материальное единство мира, всеобщность изменения и единообразие в развитии, тем самым показав, что «к изучению всех естественных или общественных явлений можно применять один и тот же научный метод, метод диалектический, «наивысшую форму мышления» [1]. В своем понимании марксистской философии Лафарг исходил из целостности диалектико-материалистических воззрений Маркса и Энгельса, синтезировавших накопленные конкретными науками знания.

Принцип монизма марксистской философии

Обосновывая всеобщий характер диалектико-материалистического метода, Плеханов разрабатывал свое понимание монизма марксистской философии. Стремясь к монистическому изложению диалектического и исторического материализма [2], он, по сути, систематизировал его основные идеи и понятия, опровергнув тем самым ложную идею об отсутствии философской теории в марксизме. Плеханов характеризовал марксистскую философию как мировоззренческую основу классовой борьбы пролетариата, а материалистическую диалектику — как метод научного исследования и социальной практики.

Плеханов подчеркивал, что монизм марксистской философии — это монизм диалектико-материалистический. Материальное бытие первично по отношению к сознанию, мышление есть продукт материи, его законы суть отражение объективной действительности. Признание материальности мира роднит марксистскую философию с предшествующим материализмом, по сравнению с которым он обогащен идеей диалектического развития. Главным в диалектико-материалистической картине мира является учение о развитии как борьбе и единстве противоположностей, взаимопереходе количественных изменений в качественные и т. п. В те годы утверждение идеи диалектического развития в природе имело для теоретической разработки марксизма принципиальное значение.

Монизм марксистской философии тесно связан в воззрениях Плеханова с признанием качественной специфики социальной формы движения материи. В практической сфере единство природы и общества проявляется, по Плеханову, в материальном производстве, а в мировоззренческом плане диалектико-материалистический монизм выражается в признании всеобщности действия законов и принципов диалектики в единстве диалектики объективной и субъективной.

Применительно к области исторического материализма проблему монизма марксистского мировоззрения разрабатывал А. Лабриола. Он трактовал совокупную человеческую деятельность как теорию и практику и особо выделял роль практики как самостоятельной и первичной по отношению к теории. Активность мысли для Лабриолы — это не чистое мышление, это теоретическая форма деятельности человека, которая подтверждается на практике. Умственный труд, как

---

[1] *Лафарг П.* Эволюция — революция // Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 272.

[2] Эти идеи изложены Плехановым в его первой крупной философской работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

и любая другая форма активности, требует расходования энергии, приложения усилий, требует труда, потому что «думать — значит производить»[1].

Лабриола характеризовал исторический материализм как «тенденцию к монизму». Он стремился при помощи этого понятия подчеркнуть целостный, всеобъемлющий характер материалистического понимания истории, зачастую отождествляемого им с марксизмом вообще в отличие от его вульгарно-позитивистских трактовок в ревизионизме, и антиспекулятивный, антиаприорный характер марксистского мировоззрения в отличие от гегелевского идеализма. Он подчеркивал значение важного для диалектического понимания истории положения о том, что единство реальной истории и форм ее осознания, идеального отражения в общественных теориях носит относительный характер, обусловлено социальной практикой, целеполагающей деятельностью социальных групп и классов. Материалистическое понимание истории для Лабриолы — не отвлеченное философствование, но практическая интерпретация исторической действительности в единстве ее объективных и субъективных сторон и моментов в целях революционного преобразования.

Проблема отношения теории и практики

Раскрывая значение марксистской философии в связи с практикой, Плеханов писал: «...человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является *ее продуктом*. Но раз явился этот продукт, он *не* должен и по самой природе своей *не может* подчиняться завещанной прежнею историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать ее по своему образу и подобию, *сделать ее* разумной... *Диалектический материализм есть философия действия*»[2]. Плеханов критиковал попытки противопоставить теорию марксизма революционной практике, философские обобщения — социалистическим ориентирам. Он выступил против трактовки марксистской идеи социальной закономерности в духе фатализма, отрицающей созидательный характер революционной практики в истории. Споры с ревизионизмом еще раз подтвердили глубокое убеждение Плеханова в том, что изменение политических ориентиров связано с изменением философско-теоретических позиций, и наоборот.

Плеханов стремился найти конкретный механизм взаимодействия марксистской философии и революционной практики пролетариата. В создании самостоятельной рабочей партии он видел средство организации революционной активности масс. Единство революционной философии и революционной практики, с его точки зрения, достигалось через просветительскую деятельность социалистической интеллигенции, через воспитание пролетарских масс в духе марксизма. В своей деятельности партия должна была сознательно воплотить объективные исторические тенденции общественного развития, которым подчиняется революционная политика.

Однако Плеханов в известной мере упрощал взаимосвязь и взаимозависимость теории и практики в марксизме. Адекватное понимание этого отношения предполагает как различение

---

[1] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. P. 198.

[2] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 691—692.

уровней теоретических обобщений социальной практики, как они существуют в марксизме, так и диалектический анализ самой практики, вычленение особых ее видов как основы собственно философского анализа. Плеханов зачастую расширительно трактовал философию, растворял в ней все теоретическое содержание марксизма, что вело в его концепции к смещению акцента на логический аспект диалектико-материалистической методологии в противовес историческому. Отсюда — известный логицизм в его воззрениях в целом. Вместе с тем само понимание Плехановым практики было односторонним. Он отождествлял практику с опытом, что вело к созерцательному истолкованию как марксистской гносеологии в целом, так и самой категории практики как основы и критерия формирования революционной теории. Плеханов не понял идею Маркса о творческом характере познавательной деятельности человека. Он был убежден, что гносеология Маркса «по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки». Суть этой поправки Плеханов сводил к следующему: «Фейербах указывает на то, что наше *я* познает *объект, лишь подвергаясь его воздействию.* Маркс же возражает: наше *я* познает объект, *воздействуя на него с своей стороны*» [1]. Истолкование практики Плехановым, исключавшим из ее содержания предметно-преобразующую деятельность, вело к ограничению самой возможности средствами марксистской теории познать конкретно-исторические противоречия реальной действительности, общественной практики, альтернативные тенденции их развития. Плехановское понимание практики как опыта ориентировало социальное знание марксизма на преимущественно ретроспективное познание, когда конкретные выводы, в очередной раз подтверждая правильность исходных методологических установок и общих теоретических схем, выступают как «сумма примеров», иллюстрирующих всеобщий характер материалистической диалектики, но зачастую игнорирующих качественную новизну конкретной исторической ситуации.

В целом для Плеханова характерна (так же как и для других теоретиков II Интернационала) явно упрощенная трактовка диалектики. Не случайно, характеризуя методологические и познавательные возможности марксистской теории, Плеханов обращался исключительно к эвристическим функциям диалектического и исторического материализма. Полученное средствами философского анализа знание всеобщих закономерностей представлялось ему необходимым и достаточным для познания нового. По Плеханову, средствами материалистической диалектики новое познается только как результат предшествовавшего развития. Диалектический материализм «на основании того, что есть и *что отживает свой век*... умеет судить о том, что *становится*. ...Для нас то, что *становится*, есть необходимый результат того, что *отживает свой век*. Если мы знаем, что становится именно *то*, а не *другое*, то и этим мы обязаны объективному процессу общественного

[1] *Плеханов Г. В.* Основные вопросы марксизма // Избр. филос. произв. Т. 3. С. 136.

развития, которое подготовляет нас к познанию *становящегося*» [1]. В этой интерпретации марксистский диалектический метод превращается в форму философской теории, но не служит орудием исследования постоянно развивающейся действительности, возникающего нового. Созерцательность плехановской трактовки марксистской гносеологии обусловила абстрактность его понимания методологических функций марксизма в целом. Рассматривая теоретические положения марксизма как необходимые следствия общих положений и принципов материалистической диалектики, Плеханов игнорировал специфические, возникающие на базе марксистского диалектического метода (но не сводимые к нему) способы формирования конкретно-научного знания марксизма — экономического, исторического, социологического и т. д., отличные от философского.

Диалектический метод и теория познания

Наряду с исследованием общих проблем философии диалектического материализма марксистские теоретики уделяли немало внимания и разработке частных вопросов теории познания, например идей о диалектическом характере познавательного процесса.

Благоев в полемике с болгарскими неокантианцами, отрицавшими возможность анализировать познавательный процесс при помощи категориального аппарата марксистской философии, отстаивал идею о том, что основанием философского учения о познании должна быть диалектико-материалистическая теория отражения.

Исходные принципы марксистской теории отражения Благоев связывал с материалистическим решением основного вопроса философии. Диалектика познания есть не что иное, как отражение объективных диалектических процессов. Благоев указывал, что диалектическая философия рассматривает предметы и их отражение в головах людей, их образы, понятия во взаимной связи, в движении, в развитии [2]. Отражение объективной реальности — не механическое, зеркальное отражение, а творческий процесс. Мышление познает реальность в ее сущностных противоречиях. Реальность неисчерпаема, поэтому познание бесконечно, считал Благоев.

Благоев подчеркивал социальную обусловленность процесса познания, его зависимость от материального производства, общественных структур и институтов. «Идеи, имеющие значение в общественной жизни,— писал он,— определяются общественным бытием каждой данной эпохи, являются мыслительным, идеальным образом этого бытия в сознании людей» [3]. И чем многообразнее становится это последнее, «тем больше расширяется содержание мышления или тем разностороннее бывает идеология» [4].

Значительный вклад в систематизацию основных понятий и принципов теории познания диалектического материализма внес П. Лафарг. С марксистских позиций он ставил и решал проблему абстрактных понятий и их роли в познании (в терминологии Лафарга — вопрос о происхождении отвлеченных идей) [5]. Изучая историю философии, данные других наук, он пришел к выводу о том, что абстрактные понятия прогресса, справедливости, свободы, отечества и т. д., как и аксиомы математики, не существуют сами по себе и вне опыта. «Они не предшествуют опыту, а следуют за ним. Они не порождают исторических событий, а являются следствиями социальных явлений, которые, развиваясь, создают их, преобразуют или уничтожают» [6].

---

[1] *Плеханов Г. В.* К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 441—442.

[2] См.: *Благоев Д.* Что такое социализм и имеет ли он почву у нас? М., 1960. С. 173.

[3] Там же. С. 195.

[4] Там же. С. 170.

[5] Этой проблематике посвящены его работы «Идеализм и материализм в объяснении истории» (1895); «Происхождение абстрактных идей» (1892—1893); «Происхождение идеи справедливости» (1898—1899); «Происхождение идеи добра и зла» (1898—1899).

[6] *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса // Соч. Т. 3. С. 9.

Отвергая идеалистический априоризм, Лафарг подчеркивал исторический, изменчивый характер форм познания, их тесную диалектическую связь с конкретным уровнем развития общественно-исторической практики. Практика рассматривалась Лафаргом не только как критерий истины, но и как основная движущая сила развития познания. Хотя подчас он ошибочно отождествлял понятие практики с понятием эксперимента, опыта, однако эта теоретическая нечеткость не умаляет его заслуг в деле разработки целостной концепции марксистской теории познания.

Значительный резонанс в 90-е годы приобрели идеи Лафарга о соотношении объективной и субъективной диалектики, методологического и мировоззренческого аспектов в философском учении марксизма. Материалистическая диалектика для Лафарга — не только диалектика понятий, мышления (субъективная диалектика), но и учение о развитии самой действительности (объективная диалектика). Такая постановка вопроса стимулировала разработку собственно философской проблематики марксизма, исследование диалектических закономерностей природы, истории, человеческого познания.

Исследуя вопросы марксистской гносеологии, Лафарг вслед за Энгельсом последовательно применял субъективную диалектику. В ходе анализа основных постулатов домарксистской социальной философии — идей добра, справедливости, души и т. п.— Лафарг не только раскрыл социально-историческую обусловленность их содержания, но и показал абстрактность и метафизичность гносеологических принципов философской системы, не учитывающей этих детерминант. Он детально рассмотрел в качестве одного из способов научного познания в марксизме диалектический анализ-синтез, связал с этим способом Марксову идею восхождения от абстрактного к конкретному. Любая самая отвлеченная идея, любая «вещь в себе», подчеркивает Лафарг, перестает быть непознаваемой, как только ее анализ сделает возможным обратную процедуру — ее синтез.

В работе Меринга «Об историческом материализме» (1893), предпосланной в качестве введения к первому изданию его труда «Легенда о Лессинге», выясняется гносеологическое значение исторического материализма как метода научного исторического исследования. Анализ определяющей роли способа производства материальных благ в общественном развитии и диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности материальных и идеальных, экономических и политических детерминант истории составляет, по мысли Меринга, кардинальное отличие метода историко-материалистического исследования, средствами которого в социальной теории и воссоздается подлинная диалектика истории.

Сходная трактовка исторического материализма как метода познания общественных явлений присутствует и в трудах А. Лабриолы. В «Очерках материалистического понимания истории» (1895—1899) Лабриола, характеризуя диалектику как «генетический метод», «генетическую концепцию», отмечал необходимость рассмотрения предметов в первую очередь с точки зрения их становления. Употребляя понятие «генетический метод», Лабриола стремился отметить значение для марксистского учения анализа эмпирических фактов, явлений действительности, их роли в формировании знаний о предмете, подчеркнуть, что этим марксизм отличается от априоризма идеалистической диалектики.

Излагая основные идеи «Капитала», Лабриола уделял главное внимание марксистскому диалектическому методу, показывал, что именно Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному как единству многообразного является единственно научным и адекватным методом анализа сложнейшей эмпириче-

ской действительности капиталистического общества. «Эта книга,— писал Лабриола о «Капитале»,— носит глубоко творческий, а потому «критический» характер, но «критический» не в субъективном смысле слова, а потому, что извлекает критику из... противоречивого... движения самих объектов» [1]. ««Капитал», во всех своих четырех частях,— подчеркивал Лабриола,— это диалектическое движение» [2]. Противоречия капитализма, как они сформулированы Марксом, «являются условиями самой структуры» [3] капиталистического общества. Материалистическая диалектика была инструментом критического анализа общества в «Капитале», она, по словам Лабриолы, и отражала исторические модификации капиталистического способа производства и формировалась вместе с ними.

В марксистской литературе 90-х годов обращение к проблемам метода зачастую было связано со стремлением выяснить специфику диалектико-материалистического мировоззрения, его принципиальное отличие от предшествовавших философско-политических учений. Характеризуя метод материалистической диалектики, ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса указывали вслед за своими учителями на его принципиальное отличие от идеалистической диалектики Гегеля. Однако в большинстве своем даже такие марксистские философы, как Меринг и Плеханов, ограничивались лишь противопоставлением взглядов Маркса и Гегеля, не исследуя содержание и принципы самого марксистского метода.

Вопросы материалистического понимания истории

Проблемы исторического материализма были центральными в теоретических исследованиях учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса 90-х годов. Задачи разработки реальной, действенной политики требовали анализа общественной жизни с позиций марксистской социальной теории, а это предполагало, в свою очередь, не только уяснение научного содержания материалистического понимания истории, но и развитие и конкретизацию основных положений исторического материализма, их применение к данным экономической и исторической наук. Вместе с тем перед марксистскими теоретиками стояла задача критики распространившихся в буржуазной и социалистической литературе тех лет вульгаризаторских трактовок материалистического понимания истории (в духе «экономического материализма» или абстрактного априоризма гегельянского толка).

В 90-е годы сложились своеобразные подходы к пониманию исторического материализма, в которых воплотились особенности восприятия диалектико-материалистического мировоззрения, характерные для марксистских теоретиков тех лет. Если Плеханов, Каутский, Лафарг, Благоев подчеркивали логический аспект материалистического понимания истории как теории общественного развития, исследующей его всеобщие закономерности, как программы революционной борьбы за социализм, то Меринг, Люксембург, Лабриола делали акцент на методологических функциях исторического материализма, рассматривали его основные понятия и категории как исходные пункты конкретного исторического исследования и практики революционной борьбы.

---

[1] *Labriola A.* La concezione materialistica della storia. Bari, 1971. P. 192.
[2] Ibid.
[3] Ibid. P. 193.

В 90-е годы в марксистской литературе активно обсуждались фактически все основные проблемы исторического материализма: диалектика производительных сил и производственных отношений, динамика взаимодействия природы и общества, базиса и надстройки, экономики и идеологии; рассматривались вопросы социальной детерминации, роли народных масс и личности в истории. Труды Плеханова, Лафарга, Лабриолы, Меринга, Каутского и по этим проблемам [1] имели выдающееся значение в развитии материалистического понимания истории, сконцентрировав все достоинства и недостатки, свойственные теоретическому мышлению социал-демократов тех лет.

Природа, общество, история. Проблема социального детерминизма

Следуя принципу марксистского монизма, Плеханов, Лабриола, Лафарг, Меринг стремились раскрыть материалистическое понимание истории, опираясь на идею материального единства мира, диалектического единства природы и истории. Материальные причины и детерминанты истории неразрывно связывались ими с экономическими условиями производства, необходимым элементом которых выступает и сама природа [2].

Как отмечал Меринг в статье «Об историческом материализме», повсюду, «где это допускают существование человека и развитие общественного способа производства, естественные условия труда входят в состав этого процесса; он овладевает ими, преобразовывает их, подчиняет их себе, и значение их уменьшается в той же мере, в какой растет господство человека над природой. Они играют свою роль в истории человеческого общества только при посредстве процесса производства... Способ производства каждой эпохи включает в себя свойственную этой эпохе зависимость труда от природных условий; вне этих пределов природа не принимает участия в истории человеческого общества. Другими словами, данный способ производства влияет на общественный жизненный процесс совершенно одинаковым образом, как бы различны

---

[1] См.: *Каутский К.* Эрфуртская программа (1892), К критике марксизма («Антибернштейн») (1899); *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории (1895—1898); *Лафарг П.* Происхождение и развитие собственности, Идеология и материализм в объяснении истории (1895), Социализм и социальная наука (1896); *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? (1898); *Меринг Ф.* Об историческом материализме (1893), Легенда о Лессинге (1892), История германской социал-демократии (1893—1898); *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895), Очерки по истории материализма (1893) и др.

[2] При оценке трактовок Плехановым, Лафаргом, Рингом, Лабриолой диалектики взаимодействия природы и общества нельзя упускать из виду тот факт, что все они, по сути, находились в плену прогрессистских иллюзий прошлого века, уповали на безграничные возможности, открываемые перед человеком поступательным развитием науки, техники, общественного производства, и не учитывали противоречивого характера отношений «природа — человеческая цивилизация», объективной неизбежности отрицательных последствий «безграничной» власти человека над природой.

ни были климат, раса и другие естественные условия, а несходные между собой способы производства влияют различным образом на общественный процесс, несмотря на самое полное сходство климата, расы и других природных условий» [1].

В этом же ключе проблему взаимоотношения человека и природы решал Лабриола. В «Очерках материалистического понимания истории» он обращал внимание на важное положение исторического материализма о социальной обусловленности самих условий человеческого существования. Собственно человеческой деятельностью является для Лабриолы практическая деятельность людей, как она воплощается в продуктах общественного производства, как материальных, так и духовных. Лабриола подчеркивал, что природа человека есть его историческая эволюция, а сама история есть история труда. Взгляд на историю как на процесс жизнедеятельности реальных людей, результаты деятельности которых выступают условием дальнейшего развития общества,— вот главное, что, по мнению Лабриолы, отличает подлинно диалектическое, материалистическое понимание истории от ее идеалистических интерпретаций. Лабриола, представляя марксизм как органическое единство философии, политической экономии и революционной политики пролетариата, считал, что материалистическое понимание истории составляет общетеоретическое и общеметодологическое основание марксистского учения, «в известном смысле и есть весь марксизм» [2]. Опираясь на идеи Энгельса о материалистической диалектике как учении о всеобщих законах развития природы, общества, человеческого мышления (как они излагались в «Анти-Дюринге»), автор «Очерков материалистического понимания истории» выступил против вульгаризаторских трактовок марксистской философии в духе позитивизма.

Вопросы взаимодействия природы и общества разрабатывали П. Лафарг и Г. В. Плеханов. При этом они апеллировали к теории естественной и искусственной сред, сыгравшей значительную роль в развитии материалистической традиции в домарксистских социальных теориях.

«Теория сред», возникшая в конце XVI века и получившая широкое распространение в конце XVIII — начале XIX века, имела большое значение для упрочения позиций материализма в домарксистской философии и социологии. Ее сторонники Гельвеций, Монтескье, Локк стремились с позиций материализма объяснить психику, образ жизни, политическую деятельность, нравственность людей исключительно земными причинами, что наносило ощутимый удар идеалистическим толкованиям природы человека, его истории. На фоне становления идеалистических концепций в социологии на рубеже XIX—XX веков материалистическое содержание «теории сред» приобрело новое звучание. Лафарг и Плеханов, развивая с марксистских позиций «теорию сред», стремились противопоставить ее распространившейся в буржуазной социологии «теории факторов», которая, по сути, была не чем иным, как идеалистической модификацией «теории сред» французских материалистов XVIII века. Этим и обусловлен тот факт,

[1] *Меринг Ф.* На страже марксизма. М.; Л., 1927. С. 73.
[2] *Labriola A.* Saggi sul materialismo storico. P. 179.

что марксистские идеи о взаимодействии природы и общества Плеханов и Лафарг обосновывали и развивали в рамках диалектико-материалистической интерпретации «теории сред», используя ту же терминологию, а зачастую и аргументацию. Однако следует подчеркнуть, что употребляются они в значении важнейших категорий исторического материализма, что обусловливает известную непоследовательность марксистского решения Плехановым и Лафаргом вопроса о соотношении природы и общества (упрощение подчас толкования отношения природы и общества как приспособление общества к природе, свойственное взглядам Лафарга, переоценка роли географической среды в развитии общества, характерная для Плеханова).

Обосновывая принцип материалистического детерминизма, Плеханов и Лафарг подчеркивали решающее значение материальной основы жизни человека и общества. Они различали «среду естественную» (в терминологии Плеханова «географическую»), подразумевая под ней природное окружение, и «среду искусственную», «историческую»,— социальную.

Диалектика взаимодействия природы и общества раскрывалась Плехановым и Лафаргом как взаимодействие двух этих сред. «Искусственную среду» они определяют как среду, создаваемую «экономическими, общественными, политическими и юридическими учреждениями, традициями, привычками, нравами и отношениями морали, здравым смыслом и общественным мнением, религией, литературой, искусствами, философией, наукой, способами производства и обмена и т. д. и людьми» [1]. «Искусственная среда», таким образом, трактуется как совокупность базисных и надстроечных явлений, иными словами, как общественно-экономическая формация. Однако было бы упрощением отождествлять понятие «искусственной среды», как оно используется в работах Плеханова, Лафарга и даже Лабриолы, с учением о формации, как оно разрабатывалось Марксом и Энгельсом.

Плеханов и Лафарг раскрыли и подробно описали важную черту взаимодействия природы и общества: обратную зависимость между уровнем развития «искусственной среды» и степенью влияния на нее «среды естественной». На высоких ступенях развития, указывал Лафарг, общество приобретает независимость от «естественной среды». Определяющей стороной функционирования «искусственной среды», движущей силой исторического процесса Лафарг считает развитие производительных сил. «Когда хотят найти первоначальные причины исторического движения, их нужно искать в способе производства материальной жизни,— подчеркивает он, ссылаясь на Маркса,— которая... обусловливает развитие социальной, политической и интеллектуальной жизни вообще» [2]. «...Диалектический материализм,— отмечал Плеханов,— не игнорирует... влияния географической среды на развитие общества. Он только лучше выясняет, каким образом влияют географические факторы на «общественного человека». Он показывает, что географическая среда обеспечивает людям бóльшую или меньшую воз-

[1] См.: *Лафарг П.* Соч. Т. 3. С. 24. Ср.: *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. Т. 1. С. 612—613, 656, 731—733.

[2] *Лафарг П.* Соч. Т. 3. С. 29.

можность развития их производительных сил и тем более или менее энергично толкает их по пути исторического движения... Диалектический материализм обнаруживает... что влияние географической среды сказывается прежде всего и в сильнейшей степени на характере *общественных отношений*, которые в свою очередь бесконечно сильнее влияют на взгляды людей, на их привычки и даже на их физическое развитие, чем, например, климат» [1].

Анализируя взаимодействие природы и общества, Лафарг, Плеханов, Лабриола раскрыли содержание основных понятий и категорий исторического материализма («производительные силы», «способ производства», «базис», «надстройка»), показали их взаимосвязь. Они подчеркивали, что за исходными понятиями материалистического понимания истории стоят не отдельные явления, предметы, факты объективной действительности, а и общественные отношения людей, как они складываются в процессе производства и воспроизводства форм жизнедеятельности общественного человека.

Раскрывая содержание социального детерминизма, Лафарг, Плеханов, Лабриола, Каутский, Меринг подчеркивали его неразрывную связь с материалистическим пониманием истории. Идею обусловленности развития истории экономическими отношениями общества и в конечном счете уровнем и характером развития производительных сил они противопоставляли различного рода субъективистским и идеалистическим трактовкам исторического процесса.

Вместе с тем в работах Каутского, а подчас и Плеханова абсолютизация идеи объективной закономерности общественного развития оборачивалась искажением материалистического понимания истории. Каутский, сводя объективные детерминанты общественного развития исключительно к экономическим противоречиям, по сути, игнорировал трактовку истории как диалектики объективного и субъективного, истолковывал диалектико-материалистическое понимание истории в духе экономического объективизма. История, по Каутскому, с естественной необходимостью ведет от бесклассового первобытного общества через антагонистические общественно-экономические формации — рабство, феодализм и капитализм — к социализму. Экономическое развитие с неизбежностью закона природы ведет к социализму, обрекает на крах любые попытки дать этому движению другое направление.

В «Эрфуртской программе», а затем в комментарии к ней Каутский делает основной акцент на принудительном характере общественного развития, хотя и оговаривается, что признание необходимости общественного развития вовсе не отрицает роли человеческой активности в истории. Эта идея носит явно фаталистический характер, хотя в «Эрфуртской программе» фатализм Каутского еще не получил своего концептуального оформления. Трактовка марксистского социального детерминизма в духе фатализма вместе с тем обусловила неверное понимание Каутским исходных понятий материалистического понимания истории. Он абсолютизировал роль материальных, вещных факторов производительных сил, что вело к объективистской трактовке общественного развития в духе экономического материализма, однозначно связывавшего прогресс общества со степенью овладения силами природы, с прогрессом науки и техники. Упрощенная

[1] *Плеханов Г. В.* Еще раз г. Михайловский, еще раз «Триада» // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 731—732.

трактовка противоречий общественного прогресса в классовом обществе обусловила ошибочные выводы Каутского об однолинейности, однонаправленности исторического прогресса, однозначно детерминируемого уровнем промышленного производства.

Непонимание учения Маркса о диалектике объективного и субъективного в истории, свободы и необходимости оборачивалось в вопросах стратегии и тактики недооценкой преобразующей роли революционной деятельности рабочего класса, марксистской партии в борьбе за социализм. В «Эрфуртской программе» Каутского наметился явный разрыв между теорией и практикой, роль теории сводилась к описанию действия экономических механизмов, к внесению этих знаний в сознание пролетариата. В концепции Каутского категория исторической необходимости служит связующим звеном между научным истолкованием тенденций общественного развития и формулировкой практических задач революционной практики пролетариата. Организуясь в самостоятельную партию, «рабочий класс тем самым с естественной необходимостью ставит себе» цель — борьбу за социализм, «а экономическое развитие с такой же естественной необходимостью ведет к ее достижению» [1]. Человек оказывается лишь продуктом обстоятельств, но не целеполагающим творческим субъектом, историческая необходимость выступает как господствующая над человеком экономическая сила.

В философском анализе проблем социального детерминизма марксистские теоретики 90-х годов обнаружили абстрактность своих воззрений. Их рассуждения о развитии производительных сил, о диалектике классовой борьбы нередко оборачивались схематизмом и социологизаторством в трактовке диалектико-материалистического учения.

Проблемы общественного сознания. Вопросы культуры и литературы

Недостатки в общефилософском подходе к проблемам социального детерминизма отчасти компенсировались относительно высоким уровнем теоретического решения этих проблем в конкретных областях исторической науки. Каутский, Плеханов, Лафарг исследовали опосредованное воздействие экономических условий на идеологию и психологию, их влияние на формы общественного сознания. Обосновывая идею объективной закономерности общественного развития, его обусловленности экономическими условиями, материальным производством, они осуществляли творческий поиск в исторических исследованиях, применяя диалектико-материалистический метод для анализа истории.

Значительных успехов в этом направлении достиг Лафарг. Он исходил из того, что задача изучения мировой истории предполагает применение принципов историко-материалистического ее исследования и, не в последнюю очередь, принципа социально-экономического детерминизма. Своей задачей Лафарг считал популяризацию и обогащение новейшими данными археологии, этнографии и т. п. основных положений материалистического понимания истории, истории цивилизаций.

Вопросам истории культуры посвящена его брошюра «Происхождение и развитие собственности» (1895), а также работы по мифологии. Первая из названных работ Лафарга примечательна в том отношении, что в ней, наряду с рассмот-

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. М., 1959. С. 209.

рением проблемы возникновения и развития ранних форм феодальной и буржуазной собственности и критикой идеалистических идей о «вечном» характере института частной собственности, дается с позиций марксизма оригинальная трактовка истории и теории древнейших нравов. При этом Лафарг намечал весьма перспективный путь исследования. Он считал, что народы в своем поступательном историческом развитии, подобно «геологическим формациям», образовали некие пласты, в которых на базе определенного способа производства и всей совокупности общественных отношений существовало единообразие нравов. Лафарг делал вывод о том, что на заре человечества, в условиях первобытнообщинного строя существовали коллективистские обычаи и нравы.

Органически вписываются в историко-культурологические изыскания Лафарга его работы по мифологии [1]. В работах «Миф об Адаме и Еве» (1890—1891), «Миф о непорочном зачатии» (1892—1893) Лафарг показал значение мифологических источников для понимания древнейших нравов, традиций, структуры родо-племенных отношений, эволюции первоначальных форм семьи. Мифологические сюжеты, по мысли Лафарга, помогают воспроизвести давно исчезнувшие обряды и нравы отдаленных от нас исторических эпох, с известной степенью достоверности воспроизвести уклад жизни людей первобытнообщинного строя.

Большое внимание в 90-е годы ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса уделяли вопросам диалектики базиса и надстройки, влиянию экономики на общественную психологию и идеологию, религию, нравственность, научные и политические доктрины. Значительный вклад в разработку этих проблем внесли Плеханов, Лафарг и Лабриола.

В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов рассматривал диалектику развития идей в истории общества, их обратное влияние на экономику, развитие производительных сил и производственных отношений. Одним из первых марксистских теоретиков, он поставил вопрос об уровнях общественного сознания — общественной идеологии и общественной психологии.

Плеханов определял общественную психологию как привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы общества, которые должны приспособиться к образу жизни людей, к экономике данного общественного строя. *«Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею»* [2]. С точки зрения Плеханова, между экономическими отношениями и их отображением в общественной психологии существует единство, определяющееся тем, что они, по существу, представляют собой две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей. «Экономия сама есть нечто производное, как психология,— писал он.— И именно поэтому *изменяется* экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние

---

[1] Начало систематических исследований Лафарга по сравнительной мифологии относится к концу 80-х годов. В одном из писем Энгельсу (27 февраля 1887 г.) Лафарг указывал, что труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» привел постепенно его к мысли о необходимости изучения материалов мифологии, дающих столь много для понимания древнейших обычаев и нравов (Friedrich Engels; Paul et Laura Lafargue. Correspondence. Paris, 1956. vol 2. P. 76).

[2] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 644.

производительных сил ведет за собой новую экономическую структуру, равно как и новую психологию, новый «дух времени»» [1].

Обращаясь к анализу идеологии, Плеханов подчеркивал объективный, независимый от воли и сознания людей процесс формирования идеологий как совокупностей взглядов и убеждений, характерных для данного общества. «Процесс возникновения идеологической надстройки совершается *незаметным для людей образом.* Они рассматривают эту надстройку, не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное... Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего, вполне *самоотверженного отношения* к тем взглядам и к тем формам общежития, которые исторически возникли на почве более или менее *узких классовых интересов*» [2].

Исследуя диалектику взаимодействия национальных культур, различных типов идеологий, как они сосуществуют в мировой истории, Плеханов отходит от своих догматических посылок в трактовке социального детерминизма. Во многих случаях он отрицает всеобщую «формулу прогресса», годную для всех стран и народов [3], стремится раскрыть диалектику взаимовлияния, взаимодействия различных культур, идеологий. Харктеризуя социокультурную обусловленность каждого общественного организма, Плеханов пользуется термином «историческая среда». *«Для каждого общества,*— утверждает он,— *существует* в свою очередь *известная общественная, историческая среда, влияющая на его развитие... Всякое общество живет в своей особой исторической среде, которая может быть — и действительно часто бывает — очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы, но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с нею.* Это вносит чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития, который с нашей прежней, отвлеченной точки зрения представлялся до крайности схематичным» [4]. Теперь, подчеркивал Плеханов, мы не можем ограничиться, например, утверждением, что развитие производительных сил ведет к появлению частной собственности, к исчезновению первобытного коммунизма. «...Характер частной собственности, возникающей на развалинах первобытного коммунизма, разнообразится влиянием исторической среды, окружающей каждое данное общество». Это влияние «сказывается, конечно, и на развитии его идеологий» [5]. Таким образом, через исследование конкретного исторического материала

---

[1] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 645.

[2] Там же. С. 651.

[3] См. там же. С. 708—709.

[4] Там же. С. 656.

[5] Там же. С. 657.

в концепцию Плеханова проникает идея многообразия исторического процесса, его альтернативности.

Рассмотрению форм общественного сознания много внимания уделил Лабриола в «Очерках материалистического понимания истории». Через все свои очерки он проводил ту идею, что в марксистском учении принципы морали, политики формулируются не априорно, а исходя из объективных основ общества, надстройкой которого они являются. В объяснении природы морали, искусства, философии он избегает двух крайностей, а именно того, что он называет «экономизмом» и «идеологизмом». «Экономизм» есть толкование форм общественного сознания как непосредственных продуктов экономики, «идеологизм» — выведение принципов религии, морали, искусства, философии из общих принципов и понятий. Анализ религии, морали, философии, по убеждению Лабриолы, возможен только на основе изучения объективных и субъективных условий их развития и функционирования в обществе. Он приходит к выводу о соответствии моральных норм, религиозных домыслов, философских истин в конечном счете экономическим условиям. «Этика,— писал, например, Лабриола,— сводится в известной мере к историческому изучению объективных и субъективных условий, в силу которых нравственность людей либо развивается, либо наталкивается на препятствия для своего развития. Только в этой плоскости, т. е. только в этих пределах, представляют ценность утверждения, что уровень нравственности соответствует определенному социальному положению, т. е. в конечном счете, тем или иным экономическим условиям... Принимая во внимание эластичность человеческой психики, никак нельзя считать, что развитие отдельных индивидуумов обусловлено только их принадлежностью к определенному классу или их социальным положением» [1].

Исследуя диалектику базиса и идеологической надстройки, развивая и отстаивая марксистские положения об относительной самостоятельности искусства, морали, науки, философии как форм духовного освещения действительности и об их действенном влиянии на развитие политических и экономических структур, Лабриола, Лафарг, Меринг, Плеханов решали важную в мировоззренческом плане проблему о диалектике свободы и необходимости в истории. Вслед за Марксом и Энгельсом они подчеркивали общественную природу человека и видели пути его реального освобождения в социалистической революции. «Производительное воздействие человека на природу,— отмечал, например, Плеханов,— порождает новый род зависимости человека, новый вид его рабства: *экономическую необходимость*» [2]. История собственной

---

[1] *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 166.

[2] *Плеханов Г. В.* К развитию монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 690.

логикой своего развития приводит «человека к сознанию причин его порабощения *экономической* необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательного торжества *сознания* над *необходимостью, разума* над слепым *законом*» [1].

Для Плеханова, Лабриолы, Меринга историческая необходимость, равно как и свобода, является продуктом человеческой деятельности, причем они (необходимость и свобода) находятся в состоянии антагонизма. И в целях его разрешения человек изучает, анализирует мир необходимости, чтобы завоевать свободу. Познание требует действия — таково кредо марксистских теоретиков 90-х годов. Диалектический материализм, утверждал Плеханов, исходит из того, что «все, что есть разумного в человеческой голове, т. е. все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности» [2].

Ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса отчетливо сознавали, какая огромная работа предстоит исследователям-марксистам по разработке диалектико-материалистических концепций истории и философии, художественной культуры, литературы, религии и атеизма и т. д. В 90-е годы в этом направлении подвижнически трудились Меринг, Плеханов, Лафарг, Каутский.

«Легенда о Лессинге» Меринга представляет собой первую попытку со времен появления классических трудов Маркса и Энгельса осветить с позиций материалистического понимания истории эпоху подготовки буржуазно-демократической революции в Германии, опираясь преимущественно на отражение этого процесса в литературе. Задача, поставленная Мерингом, заставила его «искать за поверхностной более глубокую связь вещей» [3], исследовать фактически все аспекты духовной, социально-экономической, государственной, финансовой, военной жизни Германии XVIII века, жизни отсталых прусских провинций тогдашней Германии. Основное содержание труда Меринга заключается не столько в анализе художественного творчества Лессинга, его эстетических воззрений, сколько в исследовании широкого социокультурного фона, обусловившего особенности развития буржуазно-демократического движения в Германии.

В своей книге Меринг детально проанализировал историю бранденбургско-прусского государства до конца XVIII века, развенчал созданную апологетами-историками монархически-националистическую легенду об особой роли Пруссии, династии Гогенцоллернов в истории Германии, ее национальном и культурном развитии. Исходя из принципов материалистического понимания истории, он показал, что процесс национального объединения Германии был обусловлен не волей отдельных монархов, но объективными потребностями капиталистического развития страны. Анализ происхождения, развития и экономической основы бранденбургско-прусского государства позволил Мерингу раскрыть его классовую

[1] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. Т. 1. С. 690.
[2] Там же. С. 692.
[3] См.: *Меринг Ф.* Избранные труды по эстетике. М., 1985. Т. 1. С. 50.

сущность как государства юнкерского и крепостнического, милитаристского и антидемократического, антинародного. Таким образом, имевшая широкое хождение в официальной немецкой историографии попытка изобразить прусское государство государством надклассовым потерпела фиаско. Меринг критически анализировал роль прусской монархии и юнкерства в германской истории XIX века.

В центре теоретических интересов Меринга — становление буржуазного способа производства, буржуазной цивилизации. При этом революционный подъем «третьего сословия» был для него чем-то большим, чем простой пролог к воцарению законов рынка и капиталистической эксплуатации. Он рассматривал этот подъем как своеобразное предвосхищение грядущей борьбы за социализм.

С развитием капиталистического способа производства, с выходом на арену мировой истории пролетариата буржуазия утрачивает свой революционный потенциал. С этого момента соотношение экономических отношений капитализма, с одной стороны, и уровня духовного развития начинает приобретать более противоречивые, остроконфликтные формы. Прежней истории они были не известны, а теперь стали отражать неравномерный, драматический характер общественного прогресса.

Диалектика этих отношений, пусть не до конца осознанная Рингом, послужила в несколько абстрактной форме той почвой, на которую опиралось здание его материалистических воззрений. Меринг сделал, по существу, лишь первые шаги в направлении, указанном Марксом и Энгельсом. Анализируя историю литературы, искусства, философии, Меринг искал причины их высокого подъема в эпохе, предшествовавшей окончательному утверждению капиталистических порядков. Он не осознавал всего значения идей Маркса и Энгельса о том, какую роль играла тогда именно неразвитость капиталистических общественных отношений и классовой борьбы, неповторимая в будущем ступень, ставшая питательной почвой для развития определенных форм духовной жизни общества, отдельных родов и видов искусства. Привлекавший его идеал бюргерского прошлого Меринг никогда не трактовал в буржуазно-консервативном или буржуазно-романтическом духе. Он видел его всегда в перспективе революционного развития.

Основным недостатком взглядов Меринга на немецкую историю и духовную жизнь XVII—XVIII веков были известный схематизм и абстрактность в трактовке противоречий между феодализмом и капитализмом, диалектики генезиса капитализма в Германии. Однако в целом «Легенда о Лессинге» во многих отношениях явилась для своего времени образцом марксистского исторического исследования [1].

В «Легенде о Лессинге» на примере истории немецкого Просвещения Меринг изложил свое понимание закономерности развития духовной культуры. Немецкая классическая литература, по определению Меринга, это начало освободительной борьбы немецкого бюргерства. В художественном и философском

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 16 марта 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 268—269.

творчестве немецких классиков Клопштока, Винкельмана, Лессинга, Шиллера, Гёте выразились гуманистические идеалы освободительной борьбы поднимавшейся буржуазии против просвещенного деспотизма, архаичности социальной и национальной жизни страны в тот период.

Литературу и искусство Меринг рассматривал также с точки зрения их активного влияния на жизнь. В эпоху Просвещения, подчеркивал он, искусство было единственным средством борьбы буржуазии за свои идеалы. Так, творчество выдающегося немецкого просветителя Лессинга стало орудием революционной борьбы: его произведения оказали огромное влияние на становление сознания немецкого бюргерства.

В «Легенде о Лессинге» Меринг поставил вопросы преемственности прогрессивных традиций в развитии культуры, отношения рабочего класса к культурному наследию. Революционные идеалы эпохи Просвещения оказались чуждыми немецкой буржуазии после революции 1848 года. Их подлинным наследником «в силу законов исторического развития» [1] является рабочий класс, которому эти идеалы созвучны своим гуманистическим и социально-критическим пафосом. В том же направлении, но на ином материале (современной французской литературе) развивал в 90-е годы свои взгляды на проблемы культуры Лафарг.

Литературно-критические статьи Лафарга ««Деньги» Золя» (1891) и «Происхождение романтизма» (1896) явились как бы дополнением к культурно-историческим исследованиям Меринга. Откликаясь на важнейшие события литературы Франции тех лет, Лафарг раскрывал принципы и категории марксистской эстетики.

В статье ««Деньги» Золя», написанной по совету Энгельса, содержится всесторонний анализ творчества и художественного метода крупнейшего французского романиста. Лафарг указывал, что в основе исповедуемых Золя эстетических принципов, также как и в основе эстетики натурализма в целом, лежит философия позитивизма. При этом его критическая оценка натурализма как художественного метода явилась продолжением критики философских основ позитивизма вообще. Лафарг отмечал, что стремление преодолеть всякую условность в искусстве, слиться с действительностью оборачивается у Золя и писателей-натуралистов преклонением перед условностью поверхностного эмпиризма, типические обобщения в произведениях, созданных на этих принципах, крайне редки и неубедительны, в них фактически нет места поиску социально закономерного. Лафарг подчеркивал, что «оригинальность Золя основана на том, что он показывает, как некая социальная сила прибивает человека к земле и уничтожает его» [2].

Изображаемая Золя власть психофизиологической наследственности имеет все черты неконтролируемых человеком социальных сил буржуазного общества, она слепа, безлична и разрушительна для человека.

Вслед за основоположниками марксизма Лафарг находил основу различных форм эстетического сознания в реальной жизни общества, отмечал решающее влияние общественно-исторической практики на содержание и эволюцию эстетической деятельности. Так, в статье «Происхождение романтизма» он исследовал процесс возникновения французского романтизма в тесной связи с социально-политическими, философскими и художественными процессами того времени.

Плеханов — зачинатель марксистской эстетики и литературоведения в России — в своих литературно-критических работах о русских революционных публицистах и писателях (Г. Успенский, С. Каронин и др.) 90-х годов стремился обосновать свое понимание художественного творчества, опираясь на реалистические традиции революционно-демократической критики Белинского, Герцена, Чернышевского. Лейтмотивом его сочинений становятся идеи о взаимосвязи творчества художника и его мировоззрения, о зави-

[1] См.: *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 470.
[2] *Лафарг П.* Литературно-критические статьи. М., 1931. С. 209—210.

симости художественного творчества от активной позиции художника в жизни общества и идейной борьбы и, в конечном счете, от развития общества и классовой борьбы. «...Писатель,— утверждает он,— является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее... он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее миросозерцание, привычки, мысли и даже язык» [1].

Труды Меринга, Лафарга, Плеханова по эстетике, истории и теории культуры нередко грешили упрощенным пониманием связи между духовным творчеством и общественной жизнью. Однако, разрабатывая марксистскую концепцию искусства как формы отражения диалектики истории и логики классовой борьбы, как фактора социального прогресса, в лучших своих работах они внесли свой вклад в развитие эстетической теории марксизма.

3. РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСИЗМА

Вопросам политической экономии ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса уделяли в своих трудах 90-х годов XIX века значительно меньше внимания, чем проблемам марксистской философии. Среди марксистов-теоретиков этого периода можно указать лишь на К. Каутского и П. Лафарга, как на тех из лидеров II Интернационала, кто внес определенный вклад в развитие политической экономии. В числе экономических проблем, вставших перед марксистами в 90-е годы, можно выделить два основных круга явлений. Во-первых, это вопросы, связанные с изменениями в экономике капитализма в конце XIX века, и, во-вторых,— аграрный вопрос.

Новые явления в экономике капитализма

Исследованию изменений в экономике капитализма, которые происходили в конце XIX — начале XX века, большое внимание уделили и К. Каутский, и П. Лафарг [2]. В своих трудах они, каждый по-своему и в то же время во многом с общих позиций, пытались осмыслить новые экономические явления. Основой их исследований явились положения и выводы, сформулированные в «Капитале» Маркса и в произведениях Энгельса 80-х и 90-х годов XIX века.

Оба теоретика-марксиста стремились выяснить роль и значение акционерных обществ, монополий, картелей и трестов. При этом Лафарг в основном глубоко исследовал роль биржи, меньше уделяя

[1] *Плеханов Г. В.* Гл. И. Успенский // Избр. филос. произв. М., 1958. Т. 5. С. 42.

[2] См., например: *Каутский К.* Эрфуртская программа (1892), Колониальная политика в прошлом и настоящем (1898), Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика (1899), Основы торговой политики (1901), Торговая политика и социал-демократия (1901), Социальная революция (1902); *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение (1895), Экономическая функция биржи (1897), Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение (1903).

внимания проблемам международных экономических отношений, Каутский же особенно внимательно изучал именно эти последние.

Исследуя акционерные общества [1], они отмечали стремительное возрастание их роли в экономической жизни. Лафарг и Каутский правильно разъясняли, вслед за Марксом и Энгельсом, значение акционерной формы предприятия как необходимого выражения и одновременно как могущественного средства централизации капитала. Развитие акционерных обществ, централизующих гигантские массы капитала, предоставляет форму для расширения капиталистических предприятий до невиданных прежде размеров, что открывает новые возможности для концентрации производства в промышленности, для широкого развития транспорта, в особенности железнодорожного и морского. Показывая значение распространения акционерных обществ в промышленности, они верно подметили, что идет столь интенсивный процесс роста концентрации капитала, при котором возможно соединение различных отраслей производства в одном предприятии, комбинация промышленных предприятий, интеграция отраслей промышленности.

Рассматривая развитие акционерной формы предприятий и соответствующее превращение капиталиста в акционера, опираясь на положения Энгельса по этому вопросу, Лафарг, а также Каутский разъясняли, что это превращение обнаружило ненужность капиталиста для производства, раскрыло историческую обреченность господства капиталистического класса. Лафарг, в частности, подчеркивал безличный характер собственности капиталистов в акционерных обществах, ее полную оторванность от производства. Каутский и Лафарг утверждали, что собственник капитала, превратившись в акционера, становится настоящим паразитом, живущим доходами с акций, а прежде принадлежавшие ему функции управления производством все больше переходят к наемным служащим. Широкое развитие акционерных обществ, по мнению Каутского и Лафарга, свидетельствует о необходимости установления общественной собственности на средства производства, является объективным фактором, подготавливающим революционную замену капитализма социализмом.

Основываясь на этих выводах, Каутский и Лафарг последовательно раскрывали реформистскую сущность представлений о «демократизации капитала», разъясняли действительное экономическое значение распространения акций, облигаций и других ценных бумаг как формы капиталистического богатства. По мнению Каутского, рост числа акционеров на деле означает дальнейшую централизацию капитала в руках крупнейших капиталистов и по существу является средством гигантского усиления экономического могущества магнатов капитала.

---

[1] См.: *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 82—83; *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика. Спб., 1906. С. 135—136; *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. М., 1959. С. 176—183; *Lafargue P.* Les trusts americains. P., 1903. P. 269—271.

Повышение роли крупных денежных капиталистов, магнатов-финансистов, указывал Лафарг, обусловлено капиталистической эксплуатацией рабочего класса, а также государственным долгом (рост этого долга был характерным для капитализма конца XIX века явлением, постоянно вызываемым затратами на колониальные войны того периода). Лафарг подробно описал экономическую деятельность магнатов капитала, эксплуатирующих общество посредством государственного долга, акционерных обществ и биржи. В своем исследовании этих процессов Лафарг исходил из основных положений марксизма, развивал идеи, высказанные в написанном им в 1880 году «Манифесте Французской рабочей партии», отредактированном Марксом [1].

Рассматривая эволюцию буржуазной собственности, Лафарг проанализировал значение капиталистических финансов. Особое внимание он уделил роли биржи, приобретавшей все возрастающую роль в экономической и политической жизни буржуазного общества. Дополнение Энгельса к III тому «Капитала» — «Биржа» — было, как известно, опубликовано после выхода в свет работы Лафарга «Экономические функции биржи» (1897). В этом сочинении Лафарг раскрыл роль биржи как особым образом организованного рынка ценных бумаг, проанализировал экономическую сущность ценных бумаг и закономерности их обращения: на бирже в ходе операций с акциями и облигациями осуществляется перераспределение прибавочной стоимости и денежного капитала. Он делал вывод о том, что биржа влияет на ускорение обращения капитала, усиливает централизацию капитала и участвует в формировании средней нормы процента. Лафарг правильно выявил роль биржи как центра коррупции и спекуляции в буржуазном обществе. С ростом влияния биржи, считал он, углубляются классовые антагонизмы, присущие капитализму, ускоряется обогащение крупных капиталистов и разорение средних и мелких буржуа, усиливается процесс поляризации богатства и бедности противоположных общественных классов. К таким же выводам приходил и Каутский, разъяснявший функции биржи и роль деятельности крупных финансистов в экономике капитализма конца XIX века.

Наиболее значительным в экономических исследованиях Каутского и Лафарга в тот период явилось рассмотрение ими ряда сложных проблем, связанных с возникновением монополий и их растущим значением в развитии капитализма. В анализе монополий и их роли в экономической жизни буржуазного общества того времени они в основном опирались на положения, сформулированные по этим вопросам Энгельсом в произведениях 90-х годов. Вместе с тем Каутскому и Лафаргу, обобщавшим новые

[1] См.: *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. С. 171—179. Проект «Манифеста Французской рабочей партии» 1880 года. Вступительная статья и публикация Т. Л. Артемьевой // Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века. М., 1970. С. 448—480.

данные, удалось в ряде случаев не только разъяснить идеи Энгельса, проиллюстрировать их, но и высказать оригинальные суждения, имевшие позитивное значение для развития марксистского экономического учения в тот период. В своих произведениях 90-х годов XIX и первых лет XX века Каутский [1] довольно подробно осветил экономическое значение монополий, несколько позже эту проблему анализировал Лафарг в своей книге «Американские тресты» (1903). Их выводы имеют много общего, что, конечно, не исключало особенностей подхода каждого из них.

Рассматривая экономические основы развития монополий, и Каутский, и Лафарг особо подчеркивали значение концентрации капитала в этом процессе. В частности, они разъясняли, что рост концентрации капитала является необходимым условием формирования монополий. Вместе с тем их появление означало дальнейшее сосредоточение огромного по размерам производства в отдельных предприятиях. Каутский и Лафарг видели в монополиях подтверждение истинности Марксовой теории концентрации капитала и показывали несоответствие фактам действительности распространившихся в то время представлений об устойчивости мелкого производства. Они верно подчеркивали, что развитие монополий в конце XIX века есть процесс монополизации производства, но не обращения. Однако ни тот ни другой не сумели выявить и конкретно проанализировать проблему концентрации производства как основу образования монополий.

В своих исследованиях процесса развития монополий Каутский и Лафарг сформулировали ряд важных для марксистской политэкономии положений. Так, Лафарг подробно показал связь монополизации торговли и транспорта с образованием промышленных монополий и, что особенно важно, выявил тенденцию к их соединению с банковскими монополиями [2]. Исследуя эти процессы, он доказал, что вместе с появлением монополий усиливается связь и происходит переплетение промышленного, товарного и денежного капитала. Каутский, анализируя эти процессы, в большей мере уделял внимание тому, что развитие картелей и трестов выражает собой расширяющийся процесс комбинации различных промышленных предприятий. Особое значение он придавал росту монополий в отраслях так называемой тяжелой промышленности.

Рассматривая последствия функционирования монополий, Лафарг и Каутский отмечали, что они в конечном счете усиливают диспропорциональность капиталистического производства. Они сделали верный вывод о том, что монополии, становясь важным элементом экономического механизма буржуазного общества, не только не отменяют кризисы, но и несут в себе зародыши еще более разрушительных кризисов, а также способны вести к застою

[1] См.: *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика. С. 103—105; *Каутский К.* Торговая политика и социал-демократия // Соч. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 224—226 и др.

[2] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 9—12, 79—106.

производства и к росту цен. Вместе с тем Лафарг ошибочно утверждал, что рост монополий означает отмену конкуренции, уничтожение анархии капиталистической экономики. В этом сказалось его несколько схематичное представление о роли монополий, которая односторонне сводилась им к внесению «порядка», организации в капиталистическое производство. Иначе решал вопрос Каутский, который в основном правильно показал, что монополии, приходя на смену свободной конкуренции, порождают еще более разрушительную конкурентную борьбу, усиливают анархию капиталистического хозяйства.

В своих произведениях, развивая марксистское понимание значения монополий, Каутский и Лафарг доказывали, что развитие картелей и трестов ведет к усилению эксплуатации рабочего класса, к ухудшению его положения и, что особенно важно, к обострению социальных и экономических противоречий капитализма. Каутский, например, писал о перспективе войн, катастроф и кризисов, подчеркивая значение монополий как господствующего фактора экономической жизни, и разъяснял, что их развитие не избавляет буржуазный строй от перспективы обострения его противоречий [1]. Лафарг отмечал, что рост концентрации капиталов в трестах характеризует особую фазу капиталистического развития и ведет к усилению кризисности и обострению противоречий буржуазной экономики [2].

Исследуя новые явления в экономике капитализма рубежа XIX—XX веков, Лафарг и Каутский во многом с единых позиций подходили к осмыслению изменений, происходивших в структуре класса буржуазии в тот период. Они правильно показали, что по мере роста концентрации и централизации капитала, распространения акционерных обществ, развития монополий усиливается могущество крупнейших капиталистов, становящихся монополистами, магнатов-финансистов, крупнейших банкиров. Но в то же время, подметив процесс образования верхушки буржуазного класса в связи с монополиями, они, по сути, отождествляли этих новых магнатов капитала с финансовой аристократией, то есть с крупнейшими денежными капиталистами прежней эпохи [3].

В этом процессе, который на деле был началом формирования качественно нового высшего слоя капиталистов, то есть образования монополистической буржуазии, они, таким образом, усматривали некое возобновление могущества финансовой аристократии и ее господства над промышленной буржуазией. В этих односторонних и поверхностных представлениях вырази-

[1] См.: *Каутский К.* Теория кризисов // Соч. Т. 2. С. 51—52; *Каутский К.* Бернштейн и социал-демократическая программа. С. 104—105; *Каутский К.* Социальная революция. Женева, 1903. С. 50.

[2] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 115, 131—132.

[3] См.: *Каутский К.* Основы торговой политики // Соч. Т. 2. С. 361; *Каутский К.* Колониальная политика в прошлом и настоящем. Спб., 1900. С. 48; *Каутский К.* Социальная революция. С. 51—56; *Лафарг П.* Собственность и ее происхождение. С. 179; *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 10, 14—16, 106—116.

лась характерная для Каутского и для Лафарга особенность их подхода к новым фактам экономического развития, в которых они видели просто подтверждение, иллюстрацию положений Маркса и Энгельса. Ошибки в осмыслении новых явлений, надо отметить, обусловливались также и тем, что объектом анализа послужил только начавшийся в тот период переход к монополистическому капитализму, основные тенденции которого тогда лишь формировались.

Тем не менее уже тогда началось исследование таких характерных для капитализма конца XIX века явлений, как торговый протекционизм, то есть система охранительных пошлин, и колониальная политика крупнейших держав. Разработкой этих проблем занимался в основном Каутский, связывая переход к протекционизму в торговой политике большинства крупнейших держав того времени с уменьшением влияния промышленной буржуазии. Он полагал, что она тяготеет к свободной торговле, к «манчестерству». Вместе с тем у Каутского можно заметить и высказывания о тесной связи между картельным хозяйством, монополиями и переходом к протекционизму, но эти высказывания не стали основой его концепции, оставшись отдельными замечаниями, противоречиво сочетавшимися с отмеченными воззрениями.

Каутский в общем правильно указывал на причину распространения и усиления торгового протекционизма, видя ее, вслед за Энгельсом, в обострении конкуренции на мировом рынке между крупнейшими капиталистическими странами. Он показал, что протекционизм является формой монополизации частей мирового рынка, средством ограждения внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Из этого он делал вывод о том, что протекционизм, искусственно повышающий конкурентоспособность национальной промышленности, в конечном счете враждебен интересам развития производства в стране. Каутский показывал также, что протекционизм ведет к повышению цен на товары и поэтому выгоден, прежде всего, крупнейшим капиталистам, получающим в связи с этим дополнительные прибыли. В то же время Каутский правильно подчеркивал, что протекционизм, вызывающий дороговизну, направлен против интересов массового потребителя и ведет поэтому к существенному ухудшению положения рабочего класса. Наряду с протекционизмом и в связи с ним Каутский анализировал колониальную политику крупнейших держав в конце века, рассматривая ее как одно из средств завоевания новых рынков, защищенных от иностранной конкуренции [1].

Пытаясь выявить основы колониальной политики и протекционизма, Каутский показал, что эти явления обусловлены интересами финансовой аристократии и крупного землевладения, теми

[1] См.: *Каутский К.* Германская и американская таможенная политика. Основы торговой политики. Теория кризисов // Соч. Т. 2. С. 44—51, 316—320, 357—363; *Каутский К.* Колониальная политика в прошлом и настоящем. С. 44, 52; *Каутский К.* Социальная революция. С. 51, 58.

силами, которые он называл «экономической реакцией». Протекционизм и колониальную экспансию Каутский рассматривал как политику, направленную против интересов промышленного капитала. Однако он при этом не учитывал, что протекционизм и колониальные захваты выгодны промышленным монополиям не меньше, чем крупнейшим финансистам.

Основываясь на этих рассуждениях, Каутский отождествлял протекционизм и колониальные захваты конца XIX века с империализмом, который он понимал как особую политику и не видел глубокой связи этих явлений с развитием монополий, с коренными изменениями в экономике капитализма в тот период. В основном также оценивал империализм и Лафарг, хотя он и отмечал, что это политика захвата рынков для трестированной промышленности [1].

В теоретической разработке экономических проблем, возникших в связи с началом перехода к империализму, Каутский и Лафарг, каждый по-своему, высказали ряд ценных суждений, но в целом далеко не все их положения и выводы оказались верными и выдержали испытание временем. На рубеже XIX—XX веков исследование этих экономических проблем марксистами только начиналось, и ошибки первых опытов анализа были во многом неизбежным следствием как огромной теоретической сложности этих вопросов, так и незавершенности в тот период перехода к монополистическому капитализму.

Несмотря на ряд ошибок в анализе этого комплекса экономических явлений и Каутский, и Лафарг в то время исследовали их с позиций революционного марксизма, рассматривая их как подготовку социализма. Насилие, переход к реакции, утверждали они, являются следствием развития картелей и трестов. И Каутский, и Лафарг неизменно подчеркивали связь этих экономических процессов с необходимостью пролетарской революции, которая, покончив с капиталистическим рабством, установит новый, социалистический строй общества. Несомненно, Каутскому и Лафаргу не удалось дать цельной теоретической картины видоизменений капитализма на рубеже XIX—XX веков. Лафарг ограничился анализом экономического и социального влияния монополий, рассмотрев лишь значение американских трестов, не ставя перед собой задачу исследования новых экономических явлений, возникших также и в других крупнейших странах. Каутский попытался рассмотреть весь комплекс новых процессов в экономике капитализма, но он сумел лишь в общем наметить отдельные черты этих процессов, не выявив их внутренней связи между собой.

Разработка аграрного вопроса

В 90-е годы XIX века в число наиболее насущных задач марксистской теории выдвинулось исследование эволюции сельского хозяйства в условиях капиталистического общества. Перед социал-демократией в тот период во весь рост встал вопрос о

[1] *Lafargue P.* Les trusts americains. P. 105.

выработке своего отношения к крестьянству. Необходимость выяснить и обосновать принципы социал-демократической политики в аграрном вопросе потребовала научной его разработки, обстоятельного исследования закономерностей развития сельского хозяйства при капитализме. Значительный вклад в решение этого вопроса внес Каутский своей книгой «Аграрный вопрос». Опираясь на положения и выводы, содержащиеся в III томе «Капитала» Маркса, на идеи, выдвинутые Энгельсом в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», а также на обобщение обширных статистических данных об экономическом развитии крупнейших капиталистических стран того времени — Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии и Франции, Каутскому удалось проанализировать эволюцию аграрного капитализма, выявить ее связь с общими закономерностями развития капиталистического способа производства, дать конкретную картину возникновения и развития капиталистических форм хозяйства в аграрном секторе экономики. Книгу Каутского высоко оценил Ленин, который писал, что она «представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала» — явление новейшей экономической литературы» [1].

Не ограничиваясь пропагандой экономической теории Маркса и Энгельса, Каутский исследовал многообразные формы сельского хозяйства в буржуазном обществе, показал изменения, происходящие в аграрной экономике в связи с развитием в ней капиталистических производственных отношений. Однако в своем исследовании Каутский стремился понять тенденции и черты аграрной экономики исключительно как проявления всеобщих закономерностей развития капитализма. Недостаток состоял в том, что значительно меньше внимания, чем это требовалось, он уделял анализу особенностей динамики капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Исследуя то, как овладевает капитал сельским хозяйством, Каутский проанализировал сначала аграрную экономику в докапиталистическую эпоху. Это позволило ему не только выявить и в общем верно оценить ту роль, которую играли остатки феодальных форм сельского хозяйства в капиталистической экономике в тот период. Он правильно заметил, что элементы феодализма, сохранившиеся в аграрной экономике, ставили сельскохозяйственных рабочих в лично зависимое положение, препятствовали развитию капитализма. Каутский исследовал также крестьянское хозяйство и его разложение, выявив тем самым основные черты, характеризующие процесс перехода к капитализму в аграрной сфере экономики. Он вскрыл сущность революционного переворота, произведенного капитализмом в земледелии. Этот переворот выра-

[1] См.: *Ленин В. И.* Рецензия. Karl Kautsky. Die Agrarfrage. Stuttgart; Dietz, 1899 // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 88.

зился в замене рутинного производства научным применением агрономии, в создании самой возможности крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое. Каутский тщательно проанализировал, как посредством развития аренды земли и ипотечной задолженности земледельцев происходит обеднение сельского труженика, постепенное подчинение его хозяйства капиталу. Вместе с тем он отмечал значение частной собственности на землю как границы применения капитала в сельском хозяйстве. Исследовав пути образования крупных капиталистических землевладений, Каутский раскрыл действительную роль мелкого землевладения в условиях существования крупных капиталистических хозяйств, роль поставщика наемной рабочей силы. Он подробно рассмотрел многообразные процессы пролетаризации крестьянства и обезлюдения деревни в связи с ростом капитализма в сельском хозяйстве, в ходе которого последнее все в большей степени подчиняется рынку и конкуренции. Каутский уделил также внимание и другим важным проблемам: помимо анализа основных противоречий, свойственных капиталистическому земледелию, исследовал особенности функционирования земельной ренты, наследственного права в условиях возрастающей эксплуатации деревни городом.

Раскрыв в итоге своего анализа основные черты развития капитализма в сельском хозяйстве, Каутский старался научно обосновать важнейший вывод о том, что развитие в нем идет в том же направлении, что и в промышленности. Это позволило Каутскому самостоятельно выступить в дискуссиях того времени: он последовательно критиковал различные теории об «устойчивости» мелкого производства и вместе с тем доказывал исторически преходящий характер капиталистической системы сельского хозяйства, развитие которой ведет к обнищанию и пролетаризации крестьянства.

Вместе с тем, Каутский не избежал и некоторых ошибок, в частности, он не вполне верно трактовал абсолютную ренту, не понял двойственности положения мелкого крестьянства, вследствие чего обосновывал по существу неверную политику рабочего класса по отношению к крестьянству, видя задачу социал-демократической партии лишь в нейтрализации крестьянства, а не в союзе с ним.

4. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМА

Разработка теории социалистической революции, вопросов политики рабочих партий применительно к конкретно-исторической ситуации в отдельных странах было важнейшим направлением теоретической деятельности марксистских теоретиков в 90-е годы.

В своих работах тех лет они анализировали общие тенденции капиталистического развития промышленно развитых стран, обосновывали неизбежность осуществления в них социалистической

революции, связывали возможности победы пролетариата с успехами его политической борьбы против буржузного государства, с завоеванием политической власти и экспроприацией частной собственности. Теоретические ориентиры международной социал-демократии тех лет воплотили в себе исторический оптимизм ее вождей, их веру в неисчерпаемый революционный потенциал пролетариата, надежды на скорое осуществление социалистической революции. Приоритет в развитии марксистского учения о революции, несомненно, принадлежал в 90-е годы лидерам германской социал-демократии. Исходными мировоззренческими установками для марксистских сил международной социал-демократии в понимании сущности и задач социалистической революции стали в те годы их работы.

В центре марксистских исследований тех лет оказались проблемы государства и демократии, вопросы истории рабочего движения и социализма.

Проблема социалистической революции

Главной идеей, которую обосновывали в своих трудах марксистские теоретики, стало положение об исторической необходимости социализма как результата экономического развития капиталистического общества, о неизбежности социалистической революции как единственного пути к спасению человеческой цивилизации. «Остановиться на стадии капиталистической цивилизации,— писал Каутский,— невозможно: либо вперед, к социализму, либо назад, к варварству» [1]. Капитализм, отмечала Люксембург, «сам по себе, в силу собственных противоречий, подготовит момент своего разрушения, когда существование его сделается просто невозможным» [2]. Историческую необходимость социализма подчеркивал Лабриола [3].

Разработка идеи исторической неизбежности социализма в марксистских концепциях 90-х годов способствовала осознанию пролетариатом своей освободительной миссии, формировала его классовое сознание, вселяла уверенность в успех революционной борьбы. Вместе с тем, упрочение этой идеи в мышлении социал-демократов 90-х годов несло отпечаток упрощенного ее понимания. Так, Каутский трактовал закономерности исторического развития общества к социализму, базируясь на объективистском истолковании материалистического понимания истории и трактовке материалистической диалектики в духе метафизического эволюционизма. Теоретические установки Каутского, оказывавшие огромное влияние на социал-демократию, серьезно препятствовали усвоению диалектико-материалистического метода мышления Маркса и Энгельса, способствовали распространению в социал-демократи-

---

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 132.

[2] См.: *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 17.

[3] *Labriola A.* In memoria del Manifesto dei comunisti // La concezione materialistica della storia. Bari, 1953. P. 11.

ческой идеологии представлений о марксизме как социальной теории объективистского толка, побуждали к апологии стихийности в революционной борьбе, к проповеди «революционного ожидания» всеобщего краха капитализма, который, по убеждению большинства марксистов тех лет, означал бы начало новой эры, эпохи социалистической революции.

Центральная проблема для лидеров II Интернационала тех лет — проблема революции. В 90-е годы большое влияние приобрели идеи Каутского, высказанные в статье «Социал-демократический катехизис» (1893), где он доказывал, что из материалистического понимания истории однозначно следует вывод о неизбежности победы социалистической революции в ближайшем будущем. Однако и здесь проявилось метафизическое понимание им свободы и необходимости. «Социал-демократия,— писал Каутский,— революционная партия, но отнюдь не партия, делающая революцию. Мы знаем, что наши цели могут быть достигнуты только через революцию, но мы также знаем, что не в наших силах сделать революцию, как и не в силах наших противников ей воспрепятствовать. Поэтому нам и в голову не приходит мысль затеять революцию или подготавливать ее. И поскольку революция не может быть затеяна по нашему произволу, то мы также меньше всего можем сказать о том, когда, при каких условиях и в какой форме она наступит» [1]. Подобная трактовка революции, отрицающая роль субъективного фактора, вытекала из понимания Каутским исторических законов как некоей непреодолимой силы, возвышающейся над человеком и общественными классами.

Идея стихийности революционного процесса, обоснование его объективистского характера стали центральными в марксистских воззрениях идеологов II Интернационала в 90-е годы. Каутский, например, совсем не случайно вынес в своем комментарии к «Эрфуртской программе» вопрос о формах революционной борьбы в раздел «Государство будущего», подчеркивая тем самым объективный, не зависимый от воли и сознания людей характер революционного процесса. Роль субъективного фактора в революции сводилась в марксистском мышлении тех лет к овладению научной теорией марксизма, к формированию классового сознания пролетариата средствами просвещения и политической пропаганды. Исключение составляли, пожалуй, взгляды Либкнехта и Люксембург.

Обосновывая положение, что социализм является закономерным следствием капитализма, Либкнехт подчеркивал, что его свержение будет достигнуто только средствами классовой борьбы, активной, революционной борьбы пролетариата за свое освобождение от капиталистической эксплуатации. «Не кто иной, как именно Маркс,— отмечал он, — представил все развитие буржуазного общества как следствие ряда классовых конфликтов, которые, соответствуя непрерывно развивающимся экономическим отношениям, принимают все более высокие формы и наполняются все более глубоким и широким содержанием. А классовая борьба — это борьба живых людей, действительная, осуществляемая личностями реальная борьба, и никто не выразил природу этой борьбы ярче, чем Маркс» [2]. В полемике с Бернштейном Люксембург подчеркивала, что идея политической борьбы пролетариата за власть, его активной деятельности, направленной на ее завоевание, является одним из центральных принципов социалистической теории Маркса и Энгельса. «Сама необходимость захвата пролетариатом политической власти всегда

[1] *Kautsky K.* Ein sozialdemokratischer Katechismus // Die Neue Zeit. 1893—1894. Bd. 1. S. 368.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, 1891. S. 340.

оставалась несомненной как для Маркса, так и для Энгельса,— указывала она,— остается поэтому привилегией Бернштейна считать курятник буржуазного парламентаризма органом, призванным произвести самый мощный всемирно-исторический переворот,— переход общества от капиталистической в социалистическую форму»[1].

Марксистская концепция социалистической революции, как она разрабатывалась в 90-е годы, несомненно несла на себе печать непоследовательности и односторонности в подходе к кардинальным проблемам социалистического переустройства общества. Вне поля зрения марксистов остались многие принципиальные положения, касающиеся диалектики объективных и субъективных предпосылок революции. Это вопросы соотношения понятий кризиса капитализма и революционной ситуации, проблемы всеобщих закономерностей социалистической революции, ее международного характера, сроков осуществления; это само содержание понятия социалистической («социальной» в терминологии литературы тех лет) революции, которая либо отождествлялась с актами завоевания политической власти и экспроприации частной собственности (Люксембург, Меринг, Каутский), либо понималась как длительный исторический процесс «социализации» общественных отношений, развития социалистической ассоциации и становления коммунистической формации (Бебель, Либкнехт). Однозначно решался вопрос обобществления при социализме, с чем не соглашался Бернштейн, допускавший в будущем обществе многообразие форм собственности и хозяйственной деятельности[2]. Последователи Маркса и Энгельса утрировали их критическое отношение к мелкой буржуазии и крестьянству и не могли в полной мере осознать всей сложности и диалектической взаимообусловленности революционных преобразований буржуазно-демократического и социалистического типа. Они ограничивали революционный потенциал крестьянства, рассматривая его как пассивное орудие пролетарской партии в социалистической борьбе.

Но все эти недостатки, обусловленные во многом объективной исторической и идеологической ситуацией тех лет, не могут заслонить заслуг Каутского, Либкнехта, Люксембург, Бебеля, Лафарга, Плеханова в пропаганде идей революционного социализма, их достижений в применении основных идей теории социалистической революции Маркса и Энгельса, в выработке политики рабочего класса и его партии в новых исторических условиях развития рабочего движения в 90-е годы.

Судьбы государства и демократии

Одной из важнейших в теоретических дискуссиях 90-х годов была проблема демократии и ее судеб в социалистическом переустройстве общества. Успехи парламентской деятельности ряда западноевропейских партий способствовали фетишизации

[1] *Люксембург Р.* Социальная реформа или революция? С. 14.

[2] См.: *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Спб., 1906. С. 165—171.

рядом социал-демократических идеологов демократических институтов буржуазного государства.

Заслугой марксистских теоретиков II Интернационала в 90-е годы явилось то, что в своих трудах они связывали воедино исходные теоретические положения марксизма с конкретными задачами политической борьбы пролетариата. Вместе с тем в трактовке форм и перспектив революционной политики партии рабочего класса они не всегда были последовательны. Доминантой марксистского мышления большинства учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса в 80-е годы была идея уничтожения буржуазного государства как политической формы эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Но это был лишь момент — революционный момент: идея эта не получила дальнейшего развития в воззрениях лидеров международной социал-демократии 90-х годов, на смену ей пришло представление о государстве как форме организации хозяйственной жизни современного общества.

Так, в комментарии к «Эрфуртской программе» Каутского присутствуют явные преувеличения оценки роли и функций буржуазного государства в экономическом развитии. Экономическая деятельность государства характеризуется им как исходный пункт развития, ведущего к социалистической ассоциации будущего. «В современном обществе,— писал Каутский,— на долю государства все в большей мере выпадает задача вмешательства в экономическую жизнь в целях ее регулирования и упорядочения, и все могущественнее становятся те средства, которые находятся в его распоряжении для этой цели. Экономическое всесилие государства... развивается... как неизбежное следствие капиталистического способа производства... Экономическая деятельность современного государства является естественным исходным пунктом того развития, которое ведет к социалистической ассоциации» [1]. Каутский не отрицал классовой природы государства, но он придерживался мнения, что буржуазное государство в его современных формах может стать орудием экономического и политического господства пролетариата.

В своих работах первой половины 90-х годов Каутский, в принципе не отрицая революционного насилия, связывал его применение с конкретными обстоятельствами грядущих революционных битв. Вместе с тем он все же ставил под сомнение целесообразность разрушения буржуазной государственной машины в ходе социалистической революции, склонен был рассматривать буржуазный парламентаризм, буржуазную республику как форму перехода к социализму. Но, переоценивая роль экономической деятельности буржуазного государства, он игнорировал тот факт, что вся деятельность государства как органа классового господства, включая и экономический контроль, и осуществление демократических свобод, как они воплощаются в парламентарных формах государственной власти, подчинена интересам и целям господствующего класса. Каутский не понял фундаментального положения марксистской теории государства о необходимости создания в процессе социалистической революции нового, высшего типа государственности — социалистического государства как формы реализации политической и экономической власти трудящихся масс.

Более последовательную марксистскую позицию отстаивал в этом вопросе Либкнехт. Уже в начале 90-х годов, критикуя оппортунистическую доктрину «государственного социализма» [2], со-

---

[1] *Каутский К.* Эрфуртская программа. С. 54.

[2] В 90-е годы идеи «государственного социализма» активно проповедовались в Германии Г. Фольмаром, поклонниками «государственного социализма» были Э. Бернштейн, Ж. Жорес и др. См. об этом главу 3.

гласно которой национализация некоторых частнокапиталистических предприятий якобы ограничивает капиталистическую эксплуатацию и несет в себе элементы социалистической ассоциации, Либкнехт доказывал несостоятельность этой точки зрения. В докладе на Берлинском съезде партии в 1892 году, отметив тенденцию возрастания роли государства в капиталистической экономике, он подчеркнул, что для социализма такое явление нехарактерно. При сохранении капитализма замена в качестве эксплуататора частного капиталиста буржуазным государством, по его мнению, только увеличит политическое и экономическое закабаление рабочего класса. «Политическая зависимость,— говорил он,— увеличивается, равно как зависимость экономическая, до самой высшей степени, какую только можно себе представить, именно вследствие этого так называемого государственного социализма, который на самом деле является государственным капитализмом. Экономическое рабство лишь увеличило бы и сделало более интенсивным политическое рабство, и наоборот» [1].

Менее четкой была постановка Либкнехтом вопроса о судьбе государства. В духе своих прежних высказываний о государстве как об «организованном обществе» он, по существу, подверг сомнению перспективу отмирания государства при коммунизме. Не затронул он и проблему сущности государства переходного периода, то есть проблему диктатуры пролетариата. Он ограничился напоминанием о том, что существующее буржуазное государство является «организованной в государство эксплуатацией» [2] и что осуществление коммунистических отношений приведет к уничтожению классов и классового господства.

Либкнехт был едва ли не единственным среди теоретиков социализма, кто в 90-е годы обратился к разработке вопросов диктатуры пролетариата [3] и как своеобразной формы политической борьбы рабочего класса, и как формы пролетарской государственности.

Сама эта проблема привлекла особое внимание после опубликования Энгельсом в начале 1891 года «Критики Готской программы» Маркса. Большинство социал-демократических идеологов, в том числе и марксисты, в те годы не приняли Марксовой идеи диктатуры пролетариата и отмежевались от нее. В отличие от них Либкнехт открыто и безоговорочно взял ее под защиту. «Диктатура пролетариата,— писал он,— означает, что пролетариат делает для себя то, что до сих пор делали для себя другие, что он именно использует клинок законодательства для себя, то есть на благо трудящегося класса» [4]. Он указывал, что диктатура пролетариата уничтожит источники рабства и эксплуатации и обеспечит каждому человеку и гражданину равные политические и социальные права.

---

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Berlin vom 14. bis 21. November 1892. Berlin, 1892. S. 178.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. S. 334.

[3] Идею диктатуры пролетариата отстаивали в 90-е годы Лабриола, Лафарг, Меринг и Люксембург. Но вопрос об установлении диктатуры пролетариата они относили к отдаленному будущему, недооценивая, как и большинство идеологов II Интернационала в этот период, всего значения анализа функций и роли новых политических институтов государства как рычага всех экономических, политических и культурных преобразований, необходимых для победы социализма.

[4] *Liebknecht W.* Zum 18. März und Verwandtes. Hamburg, 1891. S. 41.

Либкнехт, высказываясь по вопросам диктатуры пролетариата, несколько узко и односторонне истолковывал само это понятие. Под классовой диктатурой он понимал определенную политику — репрессивную по отношению к рабочему классу, если речь шла о диктатуре буржуазии, и, наоборот, по отношению к буржуазии, когда дело касалось пролетариата. «Если Маркс говорил о диктатуре пролетариата,— разъяснял Либкнехт в своей речи в рейхстаге 7 февраля 1893 года,— то мысль его состояла в том, что пролетариат, победоносная социал-демократия должны сделать безвредным противников, чтобы иметь возможность создать новое общество с его новыми учреждениями» [1]. Эта диктатура будет направлена против бунтовщиков, она будет «боевой и военной мерой» [2], вызванной условиями вооруженной борьбы. Отсюда следовало, что диктатура пролетариата будет установлена только в том случае, если буржуазия не откажется от политики насильственного подавления рабочего движения. В условиях мирного социалистического преобразования общества диктатуры пролетариата можно было бы избежать. Если же дело дойдет до немирной, насильственной революции, то диктатура пролетариата станет неизбежностью. Таким образом, Либкнехт не в полной мере воспринял идеи Маркса о диктатуре пролетариата как государстве переходного периода от капитализма к коммунизму и рассматривал ее лишь как особую, порожденную специфической обстановкой гражданской войны государственную форму.

В несколько ином контексте решались проблемы государства Лафаргом и Лабриолой. В статьях Лафарга 90-х годов четко и ясно излагались основные положения Марксова социализма, раскрывающие сущность и классовый характер буржуазного государства. Государство, писал Лафарг, является крепостью господствующего класса. Оно представляет собой орган и умственного и физического насилия, в котором нуждается господствующий класс для сохранения своего господства и для удержания трудящейся массы в условиях подчинения, требуемых существующим способом производства. Пока общество разделено на враждующие классы, то есть пока нужно обуздывать какой-нибудь класс, существование государства является необходимостью [3].

Обращение Лабриолы к проблеме государства в его «Очерках материалистического понимания истории» в известной мере подытоживает его обширные исследования конкретной истории Италии, критический анализ различных идеологических концепций государства, прежде всего гегелевской. Опираясь на работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Лабриола подчеркивал классовую природу государства,

---

[1] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. VIII. Legislaturperiode. II. Session. 1892/93. L. Band. S. 898.

[2] *Liebknecht W.* Zukunftstaatliches // Cosmopolis. Revue Internationale. T. IX. N XXV. Janvier, 1898. P. 219.

[3] См.: *Лафарг П.* Сочинения. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 457.

исследовал ее проявления в различных формах и методах правления. «На протяжении всей истории,— писал он,— большинство неизменно представляло собой массы, которыми управляли, руководили и которые эксплуатировали, или же это большинство во всяком случае олицетворяло собой пестрый конгломерат интересов, управлять которыми надлежало незначительному меньшинству, уравновешивавшему противоречия либо путем насилия, либо путем поощрения» [1].

Государство, согласно Лабриоле, «это система сил, которые поддерживают равновесие (в обществе.— *Ред.*) или же навязывают его с помощью насилия и репрессий. А для того, чтобы существовать как такая система сил, государство должно было обрести и экономическую мощь, будь то с помощью грабежа или завоеваний, военных контрибуций или на основе непосредственного владения территориями или же в результате постепенного накопления средств, как это позволяет современная налоговая система, облекающаяся в псевдоконституционные формы мнимого самообложения. В этой экономической мощи, столь возросшей у современных государств, и заключается основа их способности к действию» [2]. По его мнению, с возникновением государства возникают и особые сословия, особые слои, призванные выполнять функции государственного управления: «Государство,— писал он,— которое обладает и должно обладать экономической мощью — поскольку для защиты правящих классов оно должно располагать средствами, чтобы подавлять, осуществлять власть, управлять, вести войны,— порождает, прямо или косвенно, совокупность новых, частных интересов, неизбежно оказывающих влияние на общество» [3].

Лабриола обращал внимание на сложность и многообразие содержания и функций государства, которые не выводятся однозначно из экономических условий и отношений, а обусловлены всем многообразием экономических, политических, идеологических отношений данного общества, конкретно-историческими условиями его развития.

Вслед за Марксом и Энгельсом, Лабриола связывал вопрос о происхождении государства с объективными социальными условиями, с развитием производства, с разделением труда и возникновением классов. Появление государства есть результат классовой борьбы и установления господства одного класса над другим путем прямого или косвенного насилия.

Вопросы истории рабочего движения и социализма

Идеологи II Интернационала, обращаясь к истории социализма, стремились использовать ее прежде всего для пропаганды идей марксизма, для доказательства исторической неизбежности и объективной необходимости движения общества к социализму, для разъяснения преемственности

[1] *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории. С. 144.
[2] Там же. С. 147.
[3] Там же.

содержания революционных идей Маркса и Энгельса и предшествовавших им социалистических доктрин [1]. Значительный вклад в изучение истории социализма с марксистских позиций внесли Каутский и Меринг, непосредственно обратившиеся к этой проблематике в 90-е годы.

Книга Каутского «Предшественники новейшего социализма» (1896) подытоживает его исторические исследования 90-х годов. Сосредоточив свое внимание на изучении гуситского движения, он анализирует на его фоне исторические условия перехода от феодального общества к капиталистическому, прослеживает их отражение в социалистических учениях того времени.

«История германской социал-демократии» (1893—1898) — самый большой исторический труд Меринга, в котором дана была по существу общая история Германии XIX века, ее социально-экономическая, политическая, духовная жизнь. И как отражение этого сложного процесса социально-политического развития Германии Меринг рассматривал основные этапы развития социалистических идей в Германии, прежде всего научного социализма. На основе материалистического понимания истории он стремился разработать марксистскую концепцию истории Германии XIX века, показать диалектику классовой борьбы пролетариата, процесс его мировоззренческой и политической консолидации.

На материале истории марксистские теоретики тех лет стремились раскрыть гуманистическое содержание идей научного социализма, сделать их понятными и доступными широким массам. Вместе с тем, им не всегда удавалось избежать известной модернизации исторических событий, схематизма, несомненно присутствующих в их работах.

Работы Каутского по истории интересны ценными историческими наблюдениями. Внимание читателей он приковывает описанием демократизма коммунистических общин, их веротерпимости, стремления к равенству и человечности.

Но, например, в трактовке Каутским социалистических учений XV—XVI веков дали о себе знать недостатки, присущие его мировоззрению в целом. Каутский, зачастую подменявший диалектику эволюционистским подходом при рассмотрении исторических событий, не проводил четкой границы между марксистским и домарксистским социализмом, смешивая идеалы утопического и научного социализма.

Основная идея, привлекавшая внимание Каутского при рассмотрении истории домарксистской общественной мысли,— это идея равенства, лежащая в основе социалистических доктрин. Каутский исследовал в своей работе истоки этой идеи, а также исторические попытки ее практического осуществления в период ранних буржуазных революций. Особое внимание в этой связи он обращал на таборитов, представлявших революционное крыло в гуситском движении XV века, направленном против немецких феодалов и католической церкви. Обратившись к истории гуситских войн, Каутский на примере деятельности Яна Гуса пытался решить проблему о роли личности в истории. Но здесь как раз и проявилось упрощенное понимание им отношения личности и общества, недостатки в ее трактовке, которая исключала из поля зрения исследователя все, кроме социально-экономических детерминант, мотивы деятельности исторической личности — нравственные, психологические и т. д. Не отрицая в принципе роли личности в истории, Каутский рассматривал ее деятельность лишь как продукт и результат действующих в обществе социально-экономических факторов. Вместе с тем характерным для концепции Каутского было неверие в историческое творчество народ-

[1] См., например: *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма (1896); *Меринг Ф.* История германской социал-демократии (1893—1898); *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895), Анархизм и социализм (1894); *Засулич В. И.* Революционеры из буржуазной среды (1890).

ных масс. С его точки зрения, массы могут выступать в истории только как разрушительная, но не созидательная сила: управлять государством они не могут.

Марксистское теоретическое мышление 90-х годов беспокоил вопрос о практическом влиянии социалистических учений на рабочее движение. Его разработке много внимания уделял Меринг. Собранные им в книге «История германской социал-демократии» факты и документы, широкое использование им в своей работе многих забытых к тому времени трудов Маркса и Энгельса во многом способствовали осознанию подлинного значения теоретической деятельности Маркса и Энгельса для развития революционной борьбы пролетариата.

Давая периодизацию немецкого рабочего движения и социал-демократии от их истоков и до начала 90-х годов XIX века, Меринг выделил в качестве основных следующие периоды: 1830—1848 (начало немецкого рабочего движения, деятельность Союза коммунистов); 1848—1863 (история революции 1848 года в Германии, воссозданная Рингом на основе исследования новых источников); 1863—1871 (агитация Лассаля и Всеобщий германский рабочий союз); 1871—1891 (от Франко-прусской войны до Эрфуртского съезда 1891 года) [1]. Наибольшее внимание Меринг уделил начальной стадии — периоду формирования научного коммунизма и деятельности Союза коммунистов, боевые традиции которого восприняла германская социал-демократия в 60-е годы. Подобная постановка вопроса позволила Рингу раскрыть революционный характер социал-демократической традиции в Германии, близость ее теоретических и политических ориентиров основополагающим идеям марксизма, отграничивала его взгляды от оппортунистической точки зрения, согласно которой основателем теории и практики немецкой социал-демократии признавался исключительно Ф. Лассаль.

Огромный интерес вызывали у Меринга революционные события 1848 года в Германии, а также их оценка Марксом и Энгельсом. Меринг считал, что Маркс и Энгельс, выдвигая программу социально-экономических преобразований, выходивших за рамки буржуазной революции, переоценивали силы германской революции. Но они, по его мнению, ошибались только в допущении, «что она вообще может победить посредством одного непрерывного революционного процесса, хотя бы и продолжительного. Они ошибались не относительно направления, а относительно лишь длины пути» [2].

В своей книге Меринг впервые изложил историю СДПГ в 50—80-е годы XIX века. По его мнению, после первого подъема германского рабочего движения, совпадающего с началом международного рабочего движения, наступил второй его этап — 50-е и начало 60-х годов. Это — период развития и углубления теории социализма в трудах Маркса, Энгельса и, как утверждал Меринг, Лассаля.

С объединением эйзенахцев и лассальянцев на основе Готской программы (которая, по оценке Меринга, хотя и была компромиссом, но достаточно «точно отражала теоретические взгляды отдельных фракций» [3] и уровень развития рабочего класса) начался новый этап истории германской социал-демократии. Меринг считал, что с этого момента партия развивается в теоретическом отношении, растет численно, приобретает авторитет в массах, становится главной политической силой пролетариата. Нередко взгляды Меринга как историка германской и международной социал-демократии проистекали из его оценки теоретических и политических заслуг Лассаля. Меринг считал его «убежденным коммунистом» в духе «Манифеста», постигшим сущность научного социализма. Вместе с тем Меринг признавал, что идеи Лассаля несут на себе печать гегелевского идеализма. Лассаль, отмечал

[1] Второе издание «Истории германской социал-демократии» охватывает и политические события истории социалистического движения Германии последующих 13 лет — до 1903 года. Однако характеристика 90-х годов дана Рингом только в самых общих чертах.

[2] *Mehring F.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1976. Bd. 1. S. 443.

[3] Ibid. Bd. 2. S. 447—453.

Меринг, «несмотря на идеалистическое мировоззрение, которого он придерживается, проник до глубокой сущности научного коммунизма» [1]. Идеализм Лассаля Меринг рассматривает как досадное недоразумение, которое вовсе не мешало ему стоять на позициях революционного класса пролетариев и действовать в его интересах. В конечном итоге оценка Мерингом революционного содержания лассальянства обусловливалась его ошибочной трактовкой диалектико-материалистического метода как исключительно метода социального познания.

Неточно оценивал Меринг и политическую тактику Лассаля. Анализируя тактические расхождения Лассаля с Марксом и Энгельсом, Меринг приходил к выводу, что, находясь за границей, Маркс и Энгельс не могли адекватно оценить политическую обстановку в стране, в то время как Лассаль (в принципиальных вопросах якобы разделявший точку зрения основоположников научного социализма) приспосабливал свою тактику к конкретным условиям страны. Меринг не понял, что и в теории, и в политической борьбе Лассаля с Марксом и Энгельсом разделяли порою противоположные трактовки исторических закономерностей вообще и развития рабочего движения в частности.

Труд Меринга был написан в период наибольших успехов партии в XIX веке, что обусловило некоторую апологетичность его концепции истории германской социал-демократии.

Вместе с тем Меринг показал, как в суровых испытаниях окрепла германская социал-демократия, превратившаяся в результате обострения классовой борьбы в Германии и создания единой партии в авангард рабочего движения. Эпоха «исключительного закона» сделала ее самой сильной социал-демократической партией в Европе. «Когда социал-демократия начала борьбу,— писал Меринг,— она походила на молодого, рано вытянувшегося отрока, со множеством иллюзий, неустоявшихся мечтаний. После падения «исключительного закона» она подобна сильному и закаленному в бурях мужу, решительному, зрелому, с ясным взглядом на вещи, готовому померяться силами с кем угодно» [2].

В «Истории германской социал-демократии» Меринг одним из первых предпринял попытку осветить историю становления и развития марксистского учения в связи с развитием рабочего движения.

Деятельности Меринга как историка марксизма предшествовали в 90-е годы первые робкие попытки учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса охарактеризовать основные этапы теоретической деятельности и политической борьбы своих учителей. В 90-е годы появляется первая марксистская мемуарная литература о Марксе и Энгельсе [3], раскрывающая некоторые черты их характера и дающая общее представление об условиях их жизни и деятельности. Описывая историю марксизма, ее авторы не делали ее предметом теоретического исследования. Однако они стремились связать развитие научного социализма, распространение его идей с практикой классовой борьбы пролетариата. В этих работах, и это весьма ценно, ставился вопрос об идейной эволюции Маркса и Энгельса, их политических убеждений. Лафарг, например, в своих воспоминаниях о Марксе так характеризовал начальный период его деятельности: Маркс начал свою общественную деятельность одним из лидеров радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, от него отвернулись, а когда он стал социалистом, к нему стали относиться как к врагу» [4]. Оценка Маркса как «вождя радикальной буржуазии» поверхностна и неверна, Маркс был революционным демократом уже в начальный период своей деятельности. Но ценность этой характеристики для истории марксизма заключается в том, что это была одна из первых попыток проследить эволюцию молодого Маркса. В тех же воспоминаниях Лафарг отмечал, что на протяжении почти 15 лет

---

[1] *Mehring F.* Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 579, 580.

[2] Ibid. Bd. 2. S. 675.

[3] См.: *Либкнехт В.* Карл Маркс (1896); *Лафарг П.* Воспоминания о Марксе (1890).

[4] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1988. Т. 1. С. 157.

продолжалась «травля и замалчивание» Маркса. И только с возникновением Интернационала и выходом в свет I тома «Капитала» игнорировать далее Маркса стало невозможно. «После восстания 18 марта 1871 г.,— писал Лафарг,— в котором хотели видеть руку Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный Совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным. Маркс был теперь признан бесспорным теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих» [1].

Одним из первых среди учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса Меринг обратил внимание на теоретические источники марксистского учения. Изучив многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о предшествующей философии, он пришел к важному выводу о преемственности марксистского учения по отношению к лучшим образцам философской и общественно-политической мысли прошлого — немецкой классической философии, английскому и французскому утопическому социализму, английской буржуазной политической экономии. Меринг подчеркивал революционизирующее значение английского и французского материализма, немецкой классической философии в освободительной борьбе буржуазии и рассматривал материалистическую философию XVII—XVIII веков как теоретическую предпосылку утопического социализма.

Едва ли не единственный (за исключением Плеханова) из социал-демократических теоретиков того времени, Меринг осознал (хотя и не проанализировал) роль немецкой классической философии и, прежде всего, гегелевской диалектики и антропологического материализма Фейербаха в формировании диалектико-материалистического мировоззрения молодых Маркса и Энгельса. Отдельные неточности Меринга в трактовке теоретических источников марксизма (преувеличение влияния идей английского и французского утопического социализма на формирование взглядов основоположников научного коммунизма, непонимание сущности гегелевского диалектического метода, сводимого Мерингом к принципу историзма мышления, гиперболизация значения атеистических воззрений Фейербаха для становления марксистского материализма) не умаляют важности данной им характеристики теоретических источников марксистского учения.

В «Истории германской социал-демократии» Меринг на основе собранных им работ Маркса и Энгельса разработал свою концепцию процесса формирования марксизма и его философии. Меринг считал, что 1842—1847 годы были периодом становления материалистических воззрений Маркса и Энгельса и обоснования идей научного коммунизма. Анализируя и комментируя статьи Маркса и Энгельса 1842—1843 годов в «Rheinische Zeitung», «Deutsch-Französische Jahrbücher», он показал, как в столкновении с экономическими реалиями Маркс осознал «недостаточность идеалистических представлений на общество и государство» [2] и преодолел идеалистическую философию Гегеля. Более того: Мерингу удалось проследить, как под влиянием фактов социальной действительности перед основоположниками марксизма встал вопрос о коренной противоположности буржуа и пролетария, об истори-

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Т. 1. С. 158.

[2] См.: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 133.

ческой миссии пролетариата. Не случайно он подчеркивал роль экономических работ молодого Энгельса в становлении материалистического понимания истории.

Меринг отмечал, что в первой совместной работе «Святое семейство» Маркс и Энгельс перешли с позиций фейербахианства на самостоятельные позиции. Однако Меринг упускал из виду тот факт, что именно в этой работе Маркс и Энгельс впервые заложили основы единого научного материалистического мировоззрения, а не только «молодые ростки материалистического понимания истории» [1].

Характеризуя отношение Маркса к предшествующей философии, Меринг писал: «Маркс не заимствовал без критики ни диалектического метода Гегеля, ни абстрактно-изолированного материализма Фейербаха: первый он опрокинул, доказав, что не мысли воплощаются в вещах, а вещи отражаются в мыслях; второй он расширил в исторический материализм, показав, как в нем действует непрекращающийся поток диалектического процесса» [2].

В трактовке истории формирования и развития марксизма, как она дана в «Истории германской социал-демократии», отразились все сильные и слабые стороны марксистских воззрений Меринга. Он ограничил сферу исследований философии марксизма периодом формирования диалектико-материалистического воззрения Маркса и Энгельса. Вслед за большинством социал-демократических теоретиков конца XIX века он исповедовал идею «снятия» философии материалистическим пониманием истории в марксизме, социально-экономическим анализом капиталистического общества и перспектив его революционного преобразования. Формулу Энгельса о революционном перевороте в философии он трактовал как переход на позиции естественнонаучного материализма в естествознании и материалистического понимания истории в исторических и социологических исследованиях. Рассматривая понятия материалистического понимания истории и материалистического метода как тождественные, отстаивая трактовку диалектики как исключительно метода исторического исследования, Меринг не осознал во всей глубине сущность и содержание революционного переворота в философии, совершенного Марксом и Энгельсом в процессе создания качественно нового учения — диалектического и исторического материализма.

В 90-е годы XIX века ученики, соратники и последователи Маркса и Энгельса вели систематическую пропаганду марксистского учения. Большое внимание они уделяли публикаторской деятельности — переводу, изданию, распространению произведений Маркса и Энгельса. Вместе с тем марксистские исследования тех лет являются исторически первыми опытами концептуального осмысления марксистского идейного наследия. Их авторы внесли заметный вклад в разработку ряда важных вопросов политической экономии, философии, социализма.

Нельзя не видеть, однако, определенных теоретических издержек и известного понижения идейно-теоретического уровня рабочего движения в 90-х годах XIX века, обусловленных как объективными особенностями процесса распространения марксизма «вширь» и усвоения его широкими массами, так и реформистскими иллюзиями: переоценкой итогов парламентских выборов (как, например, в Германии и Франции), абсолютизацией форм борьбы рабочего класса, сложившихся в условиях «спокойного» развития. Наконец, для 90-х годов характерно и недостаточно глубокое усвоение марксистского учения рядом его последователей. Даже видные марксисты-теоретики склонялись к фаталисти-

[1] См.: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. Т. 1. С. 181.
[2] Там же. С. 279.

ческой трактовке материалистического понимания истории, к умалению роли субъективного фактора, к априоризму, схематизму и догматизму в оценке политических реалий. Не всегда адекватно истолковывались философские идеи марксизма, недооценивались мировоззренческая и методологическая функции материалистической диалектики, не находила должного понимания идея всеобщности диалектических закономерностей развития природы и общества.

Однако при всех индивидуальных различиях, далеко не одинаковых возможностях и немалых промахах теоретическая деятельность марксистов 90-х годов оказала существенное влияние на политическое образование и просвещение передовых рабочих, способствовала упрочению влияния марксизма в социалистических партиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К теоретическим прогнозам Маркса и Энгельса, их учеников и соратников надо подходить диалектически: мир оказался и таким и не таким, как они его видели. Главное в их произведениях — не те или иные конкретные положения, имеющие порой всего лишь историческое значение, а принципы и методы их теоретического мышления, далеко выходящие за рамки своего времени. В этом смысле в трудах основоположников марксизма следует видеть прежде всего урок конкретного исследования и решения актуальных проблем общественной жизни. Проблемно-практическая ориентированность марксизма, его созидательный потенциал, позволяющий решать коренные задачи преобразования мира, были восприняты последующей марксистской традицией, когда перед рабочим движением встали задачи дальнейшего самостоятельного развития теории в соответствии с новыми условиями эпохи.

Интерпретация наследия Маркса и Энгельса должна учитывать, что богатство созданной ими теории вовсе не столь доступно и легко применимо, как это порой представляется. Возможность противоречивого истолкования идей Маркса и Энгельса чаще всего обусловливается искусственным отрывом этих идей от конкретно-исторических условий их возникновения. Подобный отрыв ведет в конечном счете к отказу от принципов научной интерпретации текстов и применению окостеневших формул в изменившейся обстановке. Творческий марксизм исходит из признания того, что правильные политические выводы можно формулировать только на основе точного анализа конкретной ситуации.

Развитие марксизма шло параллельно с процессом размежевания с влиятельными тогда иными социальными теориями, со стремлением освободить рабочее движение от воздействия буржуазной идеологии. Вместе с тем открытость марксизма, его способность воспринимать и развивать передовые научные идеи проявились, например, в том внимании, которое Маркс и Энгельс уделяли взглядам Чернышевского и Моргана, идеи которых способствовали развитию марксистского учения о докапиталистических формациях, об альтернативности исторического развития. Серьезное значение основоположники марксизма придавали и трудам тех ученых, которые в силу объективного характера своих исследований выходили за рамки своих консервативных воззрений и социальных симпатий, переходили на стихийно-материалистические и демократические позиции и в итоге предлагали весьма ценные результаты, которые способствовали выработке марксистских позиций в важнейших областях обществознания.

История марксизма в последние десятилетия XIX века определяется всем комплексом особенностей развития объективной социальной реальности и в первую очередь новыми чертами рабочего движения, практикой его политической борьбы.

За промежуток немногим более полутора десятилетий (с середины 70-х до начала 90-х годов) происходит становление массовых рабочих социалистических партий в целом ряде стран. Эти партии в данный период самоопределяются в общедемократическом движении в качестве независимой политической силы и формулируют свои программы борьбы за социализм, все больше переходя на позиции марксистской теории.

В 1889 году был образован II Интернационал как международное объединение социалистических национальных рабочих партий. У истоков новой международной организации рабочего класса стоял Фридрих Энгельс. Как общепризнанный теоретик и лидер международного рабочего движения, свою задачу он видел в том, чтобы анализировать практическую деятельность рабочих партий разных стран, помогать им вырабатывать программу и политику на основе марксизма, обобщать опыт борьбы рабочего класса.

Энгельс участвовал в разработке идейных и организационных основ деятельности II Интернационала, внес выдающийся вклад в определение целей, содержания и форм интернационального сотрудничества рабочих партий разных стран. Важнейшими функциями Интернационала он считал координацию деятельности социал-демократических партий по пропаганде марксистской теории, по выработке общей политической линии на основе коллективного демократического обсуждения наиболее актуальных вопросов, выдвигаемых общественным развитием и потребностями классовой борьбы международного пролетариата. «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии,— подчеркивал Энгельс,— но общие принципы должны неизменно соблюдаться» [1].

Функция социалистических конгрессов состояла в сплочении международного рабочего движения и определении его линии по важнейшим программным вопросам. Конгрессы II Интернационала способствовали дальнейшему развитию идейно-теоретического сотрудничества между рабочими партиями. Содействуя консолидации сил рабочего класса, Интернационал стремился к их сплочению, но не к единообразию. Преобладание марксизма в международном рабочем движении не исключало участия в нем других направлений — реформистских и анархо-синдикалистских. Поэтому II Интернационал был не только ареной полемики различных течений — революционных и оппортунистических, но и прежде всего примером плодотворного их сотрудничества в совместной защите интересов трудящихся.

---

[1] *Энгельс Ф.* Речь при закрытии Международного социалистического рабочего конгресса в Цюрихе 12 августа 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 426.

Марксизм распространяется вширь, завоевывает на свою сторону новые силы рабочего класса, обретает позиции в парламентах, привлекает демократическую интеллигенцию. К 90-м годам XIX века Марксово учение в социалистическом движении одерживает идейную победу [1]. Появляется целый ряд талантливых теоретиков и пропагандистов марксизма, завоевавших своими трудами и участием в политической жизни международное влияние,— А. Бебель, Э. Бернштейн, К. Каутский, П. Лафарг, А. Лабриола, Г. В. Плеханов, Ф. Меринг, Р. Люксембург, Д. Благоев и др.

Вместе с тем пропаганда марксистских идей, их распространение среди широких масс рабочих вели к некоторым потерям в теоретической мысли. Дело в том, что даже сторонники марксистской теории еще не могли вполне оценить марксизм, воспринимали его всего лишь как «триаду»: теория прибавочной стоимости, революционная классовая борьба, определяющая роль экономического фактора в истории. Энгельс в связи с этим в последние годы жизни высказывал озабоченность определенным снижением уровня теоретического мышления в социалистических партиях и своими работами пытался исправить положение.

Перевод теоретических положений на язык политических программ и практических действий, который осуществляли партии применительно к национальным условиям, определенным образом влиял и на само марксистское учение. Теория и практика, взаимодействуя, обогащали друг друга.

Переход от теории к выработке программ практических действий стимулировал обостренное внимание к закономерностям развития надстроечных явлений, роли государства, политики, активной преобразующей роли общественного сознания (философии, права, религии, морали, науки). Не случайно, что этим проблемам посвящены многие интересные работы учеников и последователей Маркса и Энгельса. Обоснование политических требований при помощи марксизма, то есть переход от объяснения мира к действию, направленному на его переделку на началах социализма, требовал конкретизации учения. Ведущие партии в своих программах исходили из идей марксизма, в то же время имея перед собою конкретную действительность своей страны с определенным уровнем экономического развития, с ее особой социальной структурой, культурными традициями и т. д. Успешными, конечно, могли быть лишь те действия партий, которые строились с учетом этих обстоятельств.

История развития марксистской теории в 70—90-е годы свидетельствует о том, что Маркс и Энгельс ни в коей мере не рассматривали свою теорию как готовый «рецепт» социалистической революции, пригодный для всех стран и народов и на все времена. Они не раз уточняли разработанные прежде положения своих кон-

[1] См.: *Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 18.

цепций, неоднократно пересматривали в свете новых исторических условий выдвинутые ими ранее оценки явлений и тенденций. Теорию Маркс и Энгельс приводили в соответствие с процессами социального развития, с новым уровнем развития науки, с новыми задачами, стоящими перед пролетариатом. Так было с вопросом о перспективах социалистической революции, о сроках ее осуществления. Так было с оценкой роли славянских и восточных народов и особенно России в ходе мировой истории и в революционном процессе. Самокритика, самокорректировка, преодоление отживших и неверных взглядов — характерная черта марксизма как революционной теории, несовместимой ни с какой косностью и догматизмом.

По мысли Энгельса, наука имеет самостоятельное значение и не должна служить пропаганде текущих партийных установок. В связи с этим Энгельс напоминал немецким социал-демократам, что партии «*нужна* социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями» [1]. Имелось в виду, что поиск истины, в частности выработка плана действий, должен идти путем дискуссий и обсуждений, что такой поиск не всегда безошибочен, а также и то, что новые выводы невозможны без ломки устаревших представлений, включая в некоторых случаях общепринятые в партии взгляды. Поэтому он оценивал попытки подчинить социалистическую прессу высшей партийной власти и цензуре как своеобразный административный «закон против социалистов» в рядах партии и советовал руководителям немецкой социал-демократии не быть «пруссаками» [2].

Принятие программ социалистическими партиями ставило перед ними вопрос о целях и методах их деятельности. Это, в свою очередь, требовало уяснить: сводится ли роль партии, воплощающей сознательную и целенаправленную волю класса, лишь к роли выразителя безальтернативной необходимости, действующей за спинами людей, или же партии способны существенно менять ход, течение событий, исключать реализацию одних объективных возможностей и открывать простор другим и т. п. Положение, что история — закономерный объективный процесс и в то же время продукт человеческой деятельности, не вызывало сомнений у лидеров рабочего движения, усвоивших основы учения Маркса. Но при этом им постоянно приходилось искать ответы на новые проблемы, чтобы не сбиваться на невыполнимые проекты, условия для которых объективно еще не назрели, или же, напротив, не тащиться в хвосте событий.

Значение этих проблем в тот период повышалось в связи с активизацией социалистического движения. Соответственно в центре внимания оказалась диалектико-материалистическая концепция

[1] См.: Энгельс — Августу Бебелю, 1—2 мая 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 77.

[2] См. там же.

детерминизма в истории. По Марксу, историческая закономерность существует лишь в самой человеческой деятельности, в общественной практике, но не в качестве самостоятельной метафизической сущности, находящейся вне человека, его активности, творчества. Это необходимо подчеркнуть, поскольку многие последователи Маркса приняли его концепцию капитализма как схему, самореализующуюся во всякой ситуации, в чем они по сути отходили от Марксова подхода, который требовал, чтобы практические выводы делались лишь на основе диалектико-материалистического метода в результате тщательного изучения реальной ситуации.

Этой же логикой историчности проникнуты выдвинутые в рассматриваемый период идеи Маркса и Энгельса относительно перехода к социализму. В центре их понимания социализма как нового общественного строя — концепция практически активного, творческого человека. Ход истории объективен, и социализм не может быть результатом лишь волевого акта, но ход истории не предопределен заранее и не однолинеен. В нем всегда наличествует множество возможностей и объективно обусловленных альтернатив. От характера выбора из спектра возможностей и от степени активности в реализации выбора зависит степень и качество достигнутой социальной свободы. Поэтому содержание перехода к социализму и процесс революционного разрешения конфликта между производительными силами и производственными отношениями раскрываются в этой концепции с помощью таких категорий, как практика, свобода, гуманизм, отчуждение. Положение человека в обществе для Маркса и Энгельса было объективным критерием отсчета в шкале ценностей социалистического движения.

Гуманистическая направленность социальных идеалов основоположников марксизма, вопреки мнению некоторых критиков их взглядов, не растворилась в их революционных планах. Освобождение человека, как понимали Маркс и Энгельс, было невозможно без устранения системы капиталистических эксплуататорских отношений, в рамках которых человек воспроизводился лишь в форме «частичного», односторонне развитого индивида. Восстановление личности требовало сочетания условий, достойных человека и соответствующих его природе.

Вот почему формула социального идеала марксизма выступила как одна из сущностных, наиболее глубоких черт его гуманизма. Энгельс и в 1894 году, характеризуя цель коммунистического движения, повторил один из важнейших тезисов «Коммунистического манифеста»: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1].

---

[1] Энгельс — Джузеппе Канепа, 9 января 1894 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 166.

Ни Маркс, ни Энгельс никогда не замыкались в представлениях о социализме как реализации узкоклассовых интересов и устремлений рабочего класса. Они всесторонне обосновали вывод о том, что, освобождая себя, рабочий класс в то же время освобождает и все общество от эксплуатации человека человеком, от отчуждения, от таких условий общественной жизни, которые подавляют личность.

Марксистская теория не может быть завершенной раз и навсегда в качестве некой абсолютной истины для всех времен и народов. Каждое новое поколение с необходимостью вновь обращается к опыту истории, в частности и к опыту развития марксистской мысли, чтобы извлечь из него уроки, углубить свои знания о закономерностях развития и прогнозы на будущее.

Острую и продолжавшуюся длительное время дискуссию, имевшую прямое отношение к освоению теории марксизма, вызвали идеи Энгельса из его Введения к переизданной в 1895 году работе Маркса «Классовая борьба во Франции». В этом произведении Энгельс анализировал эволюцию своих собственных и Маркса взглядов по одному из сложнейших вопросов — о перспективах социалистической революции в Европе. Здесь Энгельс развивает и свои прогнозы относительно многообразия форм перехода к социализму с учетом прежде всего возможностей использования пролетариатом институтов буржуазной демократии. Ряд идей Энгельса по таким вопросам, как социализм и буржуазная демократия, о роли вооруженной борьбы пролетариата и др., носил столь новаторский характер, что Э. Бернштейн и его сторонники восприняли их как осуждение Энгельсом своего и Марксова прежнего революционного курса.

Дискуссии вокруг произведения Энгельса стали сигналом того, что к концу XIX века наметились различные трактовки марксизма, а также обнаружилась несостоятельность поисков в прошлом абсолютных образцов для желательных действий в будущем. Показательно в этом отношении восприятие писем Энгельса об историческом материализме. Эти его письма некоторые посчитали свидетельством радикального пересмотра и даже отказа от материалистического понимания истории. На самом же деле письма Энгельса имели своей целью внести принципиальные поправки в тот образ марксизма, который стал складываться в ту пору в работах ряда его последователей, интерпретировавших марксизм как экономический материализм. Под влиянием механистического истолкования естественнонаучных открытий марксистское учение о закономерностях истории воспринималось некоторыми сторонниками Маркса и Энгельса как идея о некоей «железной», однолинейно действующей в истории необходимости, что вело к сближению с фатализмом. Общественное сознание нередко понималось в качестве непосредственного рефлекса классовых интересов, а общественный прогресс ставился в непосредственную зависимость от уровня технико-экономического развития. Эта вульгаризация марксистского

метода затемняла общечеловеческое содержание учения Маркса и Энгельса, отрывала его от гуманистических традиций культуры, дальнейшим развитием которых стал марксизм.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Энгельс особо подчеркивал присущее марксизму диалектическое понимание взаимодействия субъективного и объективного в историческом процессе. Он настойчиво разъяснял активную роль сознательной и целенаправленной деятельности индивидов, а также классов, социальных групп, политических движений в изменении общественного бытия. Это помогало более глубокому восприятию марксистской мысли и освобождению от наметившихся тенденций ее «обесчеловечения», дегуманизации. Ясность теоретического решения проблем субъективного и объективного в вопросе о возможностях преобразования человеком общественных отношений была в тот период особенно актуальна, поскольку складывались массовые социалистические партии, формировались их программы, где определялись цели и смысл деятельности этих партий.

Новой страницей в истории марксизма стало в данный период осмысление революционных процессов в России. События развивались таким образом, что российская история становилась для социалистического движения Европы частью ее собственной истории, а социалисты в России обращались к марксистам западноевропейских стран в поисках ответов на собственные проблемы. Марксистская мысль уже не могла проходить мимо чрезвычайно сложных социальных отношений в России, не пытаясь дать себе отчет относительно характера и возможных перспектив развития этих отношений, и их воздействия на судьбы социалистического движения во всей Европе.

Маркс и Энгельс разрабатывали свою теорию исторического процесса преимущественно на материалах стран Западной Европы, но они с 1870 г. внимательно следили за своеобразием социально-экономического развития России. Однако их ответы на вопросы российских революционеров о судьбе русской общины, о возможностях России избежать стадии капитализма неизменно оставались условными. Они не случайно избегали категоричности в своих суждениях, поскольку сами эти процессы находились в развитии, оставались открытыми и во многом непохожими на события, уже известные из западноевропейской истории. Но именно из России Маркс и Энгельс ожидали возможных импульсов для начала западноевропейской социалистической революции, которая должна была затем, по их мысли, оказать полную поддержку российскому пролетариату.

Здесь нет необходимости напоминать о всех немалых перипетиях восприятия марксизма в России. Известны слова Ленина о том, что Россия поистине выстрадала марксизм в течение почти полувековых мучительных поисков, изучения и сравнения опыта европейских стран. Значительная часть этих мучительных поисков приходится на рассматриваемое тридцатилетие. И примечательно,

что первым иностранным языком, на который был переведен «Капитал», явился русский язык, а его переводчиками были народники.

События в России ставили перед Марксом и Энгельсом проблемы, требовавшие новых изысканий и теоретических обобщений. Например, на основе изучения поземельных отношений в России Маркс намеревался, по свидетельству Энгельса, переписать незаконченный раздел в «Капитале» о земельной ренте.

Основоположники марксизма с вниманием и уважением относились к революционному порыву народничества, к его демократическим идеям, социалистическим идеалам, высказывая вместе с тем критические замечания о народнических программах, об утопических представлениях Бакунина и Ткачева, о готовности России к социалистической революции. В 80-х годах XIX века Энгельс приветствовал появление в России марксистской группы «Освобождение труда», с большой теплотой он относился к Плеханову, положительно отзывался о его работах.

Работы Маркса и Энгельса, их переписка с революционными деятелями России свидетельствуют о той огромной помощи, которую они оказывали последним, и в то же время показывают, сколь сложные проблемы предстояло решать марксистам в России самостоятельно, руководствуясь методом Маркса.

История марксизма выявляет те узловые или поворотные пункты, в которых происходит существенное обновление марксистской мысли, изменение ее строя, обогащение или даже «ломка» прежних понятий под воздействием новых исторических условий. Требовалось продолжить эту теорию, творчески ее развивая применительно к новым условиям общественной жизни. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [1].

Историческое развитие последней трети XIX века подвело мир к новой проблемной ситуации, отдельные элементы которой были замечены уже Энгельсом. В своих последних работах, проникнутых убежденностью в исторической правоте идей марксизма, Энгельс развивает ряд важных теоретических положений об изменившихся формах капиталистического производства, о росте милитаризма и шовинизма, о мировом масштабе и разрушительном характере будущей войны, о расширении географии революционной борьбы рабочего класса и национально-освободительного движения, о способности народных масс России ниспровергнуть самодержавие. Однако Энгельсу удалось наметить только первые контуры наступающей эпохи, новых условий политической деятельности пролетариата.

---

[1] *Ленин В. И.* Наша программа // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

I. ИСТОЧНИКИ

Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1—50. М.: Политиздат, 1955—1981.
К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. 810 с.
Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Ab. I, II, III, IV. Berlin: Dietz, 1975.
Marx K., Engels F. Collected Works: In 50-ty vols. Moscow: Progress, 1975.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1—55. М.: Политиздат, 1958—1965.
Ленин В. И. Конспект переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, 1844—1883 гг. М.: Политиздат, 1968. XXIV, 519 с.

Документы и материалы

Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Протоколы и документы. М.: Политиздат, 1970. 676 с.
Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2—7 сентября 1872 г.: Отчеты и письма. М.: Политиздат, 1972. 606 с.
Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870—1871: Протоколы. М.: Политиздат, 1965. XVI, 484 с.
Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871—1872: Протоколы. М.: Политиздат, 1965. 464 с.
Лондонская конференция Первого Интернационала, 17—23 сентября 1871 г. М.: Политиздат, 1988. XXXI, 345 с.
Материалы к истории I и II Интернационалов. М.: Новая Москва, 1926. 554 с.
Экономическая платформа русской секции I Интернационала: Сб. материалов. М.: Соцэкгиз, 1959. 260 с.

* * *

Международные социалистические конгрессы: Очередные вопросы и постановления, собранные Международным социалистическим бюро в Брюсселе: С прибавлением постановлений, принятых на последнем Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, 1904 г. Спб.: Утро, 1906. 95 с.
Международный рабочий конгресс в Париже, состоявшийся в 1889 году (б. м. и г.). 112 с.
Международный социалистический конгресс в Брюсселе 1891 года. Женева, 1895. 40 с.
Международный социалистический рабочий конгресс в Лондоне 1896 г. (б. м.), 1896. 96 с.
Начало рабочего движения и распространение марксизма в России (1883—1894 гг.): Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1960. 371 с.
Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. Вып. 1—2. М.: Движение, 1906—1907. Вып. 1. 1906. 96 с. Вып. 2. 1907. VIII, 160 с.
Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США, 1870—1914. М.: Высш. школа, 1985. 320 с.
Protokoll des Internationalen Arbeiter-Congresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889. Nürnberg: Wörlein, 1890.

Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiter-Kongresses in der Tonhalle Zürich vom 6. bis 12. August 1893. Zürich, 1894.
Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Brussel, 16—22. August 1891. Berlin: Vorwärts, 1893.
Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Sozialistischen Arbeiter-und Gewerkschaft-Kongresses zu London vom 27. Juli bis 1. August 1896. Berlin: Vorwärts, 1896.

* * *

Произведения деятелей международного рабочего и коммунистического движения

Бебель А. Будущее общество. М.: Госполитиздат, 1959. 167 с.
Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 592 с.
Бебель А. Крестьянская война в Германии. М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 384 с.
Бебель А. Шарль Фурье. М.: ВЦСПС, 1923. 194 с.
Бебель А. Христианство и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 40 с.
Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. Харьков: Пролетарий, 1923. 74 с.
Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М., 1901. 360 с.
Благоев Д. Марксизм и проблемы художественного творчества. М.: Искусство, 1986. 381 с.
Благоев Д. Очерки истории социализма в Болгарии. М.: Наука, 1989. 490 с.
Благоев Д. Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?; Марксизм или бернштейнианство?; Оппортунизм или социализм?; К марксизму; Диктатура или демократия? М.: Госполитиздат, 1960. 223 с.
Вандервельде Э. Программа Бельгийской рабочей партии. М.: Колокол, 1906. 16 с.
Вандервельде Э. Профессиональные союзы ремесленников и рабочих в Бельгии. Киев: Изд-во Горской, 1906. XIV, 101 с.
Вандервельде Э. и Дестрэ Ж. Социализм в Бельгии. Спб.: Колокол, 1906. 348 с.
Воровский В. В. Сочинения. Т. 1. М.: Партиздат, 1931. XIX, 420 с.
Гед Ж. Коллективизм. М.: Колокол, 1905. 16 с.
Гед Ж., Лафарг П. Программа французской рабочей партии. Спб., 1906. 71 с.
Герман Александрович Лопатин (1845—1918): Автобиография: Показания и письма: Статьи и стихотворения: Библиография. Пг.: Госиздат, 1922. 220 с.
Группа «Освобождение труда»: Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча. Сб. 1—6. М.: Госиздат, 1924—1928.
Датт Р. П. Интернационал: Очерк истории коммунистического движения, 1848—1963. М.: Прогресс, 1966. 415 с.
Датт Р. П. Проблемы современной истории. М.: Прогресс, 1965. 159 с.
Девиль Г. Капитал Карла Маркса: Изложение I тома. Харьков: Пролетарий, 1925. 212 с.
Девиль Г. Научный социализм. М.: Красная новь, 1922. 75 с.
Де Леон Д. Избранные произведения. М.; Л.: Партиздат, 1932. XXXV, 264 с.
Дицген И. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1941. 365 с.
Дицген И. Философия социал-демократии: Сборник мелких философских статей. М.: Скирмунт, 1907. 263 с.
Дюкло Ж. На штурм неба: Парижская коммуна — предвестница нового мира. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 324 с.
Засулич В. И. Избранные произведения. М.: Мысль, 1983. 508 с.
Зорге Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах. Спб.: Век, 1907. 302 с.
Катаяма Сэн. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. М.: Госполитиздат, 1960. 50 с.
Каутский К. Сочинения. М.: Госиздат, 1928—1930.
Каутский К. Аграрный вопрос. Ч. 1—2. Спб.: Новый мир, 1906—1907.
Каутский К. Бернштейн и социал-демократическая программа: Антикритика. Спб.: Колокол, 1906. 255 с.
Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. М.: Госполитиздат, 1956. 232 с.
Каутский К. Эрфуртская программа: (Комментарий к принципиальной части). Госполитиздат, 1959. 247 с.

Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М.: Госполитиздат, 1960. 200 с.
Лафарг П. Сочинения: В 3 т. М.; Л.: Госиздат, 1925—1931.
Либкнехт В. О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу.— Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений! — Пауки и мухи. М.: Госполитиздат, 1958. 119 с.
Либкнехт В. Социализм и культура. М.; Л.: Госиздат, 1926. 159 с.
Литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1—8. М.: Соцэкгиз, 1934—1940.
Меринг Ф. История Германской социал-демократии. Т. 1—4. 2-е изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923—1924.
Меринг Ф. Карл Маркс: История его жизни. М.: Госполитиздат, 1957. 607 с.
Меринг Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс — создатели научного коммунизма. М.: Госполитиздат, 1960. 234 с.
Плеханов Г. В. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. Т. 1—24. М.; Л.: Госиздат, 1923—1927.
Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1—5. М.: Госполитиздат, 1956—1958.
Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М.: Госполитиздат, 1958. 335 с.
Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1—3. М.: Наука, 1973—1974.
Фонер Ф. С. История рабочего движения в США. Т. 1—6. М.: Изд-во иностр. лит.: Прогресс, 1949—1985.
Фостер У. З. История трех Интернационалов: Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 года до настоящего времени. М.: Госполитиздат, 1959. 618 с.
Фостер У. З. Очерки мирового профсоюзного движения. М.: Профиздат, 1956. 770 с.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 919 с.
Благоев Д. Партията и синдикалното движение в България: Доклади, статии, речи. София: Профиздат, 1979.
Adler V. Aus seinen Reden und Schriften. Wien, 1947.
Bebel A. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 2. 1878 bis 1890. Halbbd. 1—2. Berlin: Dietz, 1978.
Deville G. L'évolution du capital: I Genèse du capital; II Formation du prolétariat; III Coopération et manufacture; IV Machinisme et grande industrie; V Fin du capital. Paris: Oriol, 1884.
Guesde J. Le collectivisme par la révolution. Paris: Bureau d'éd., 1935.
Guesde J. Textes choisis (1867—1882). Paris: Éd. Sociales, 1959.
Kautsky Karl und Schoenlank Bruno. Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie: Erläuterungen zum Erfurter Programm. Berlin: Vorwärts, 1901.
Lafargue P. Textes choisis. Paris: Éd. Sociales, 1970.
Liebknecht W. Gegen Militarismus und Eroberungskrieg. Berlin: Dietz, 1986.
Liebknecht W. Kleine politische Schriften. Leipzig: Reclam, 1976.
Liebknecht W. Was die Sozialdemokraten sind und was sie wollen. Chemnitz: Langer, 1894.
Mehring F. Gesammelte Schriften. Bd. 1—4. 2. Aufl. Berlin: Dietz, 1976—1980.
Mora F. Historia del socialismo obrero español. Madrid: Calleja, 1902.
Sorge F. A. Socialism and the worker. New York: Print. by J. Weber, 1876.

Воспоминания и переписка

Адлер В. Статьи, речи и письма. Вып. 1. Виктор Адлер и Фридрих Энгельс. Л.; М.: Книга, 1924. 204 с.
Бебель А. Из моей жизни. М.: Политиздат, 1963. 800 с.
Благоев Д. Краткие записки о моей жизни. М.: Политиздат, 1981. 176 с.
Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе: В 2 ч. 3-е доп. изд. М.: Политиздат, 1988. Ч. 1. 383 с.; Ч. 2. 335 с.
Их имена переживут века: Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса / ИМЛ при ЦК КПСС, ИМЛ при ЦК СЕПГ. М.: Политиздат, 1983. 496 с.

Катаяма Сэн. Воспоминания. М.: Наука, 1964. 770 с.
Манн Т. Воспоминания. М.; Л.: Госиздат, 1924. 212 с.
Мицкевич С. И. На грани двух эпох: От народничества к марксизму: Мемуарная запись. М.: Соцэкгиз, 1937. 254 с.
Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883—1903: Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М.: Наука, 1984. 446 с.
Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М.: Изд-во Плеханова, 1925. Т. 1. 276 с.
Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями. М.: Политиздат, 1974. 191 с.
Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. / С предисл. В. И. Ленина. Спб.: Изд-во Дауге, 1907. XXVI, 485 с.
Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М.: Политиздат, 1969. VIII, 335 с.
Федосеев Н. Е. Сборник воспоминаний. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 185 с.
Bebel A. Briefwechsel mit Fridrich Engels. London; The Hague; Paris: Mouton, 1965.
Bernstein Ed. Briefwechsel mit Friedrich Engels. Assen: Van Gorcum, 1970.
La corrispondenza di Marx e Engels con italiani: 1848—1895. Milano: Feltrinelli, 1964.
Friedrich Engels' Briefwechsel mit Karl Kautsky. Wien: Danubia — Verlag, 1955.
Engels Friedrich, Lafargue, Paul et Laura. Correspondance. V. 1—3. Paris: Ed. Sociales, 1956—1959.
Karl Kautsky und die Sozialdemokratie Südosteuropas. Korrespondenz 1883—1938. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1986.
Liebknecht W. Briefwechsel mit deutschen Sozialdemokraten. Bd. 2. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1988.
De Paepe C. Entre Marx et Bakounine. Correspodance. Texte de présentation et notes par B. Dandois. Paris: Maspero, 1974.

II. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Адоратский В. В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1961. 615 с.
Айзин Б. А. Исследования по истории германского империализма начала XX века. М.: Наука, 1987. 258 с.
Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988. 416 с.
Андреев И. Л. Рукописная страница истории марксизма: (Проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х гг.). М.: Мысль, 1985. 271 с.
Андрюшин Е. Н. Поиск верного пути: Димитр Благоев и первые социал-демократы в России. М.: Политиздат, 1981. 207 с.
Антивоенные традиции международного рабочего движения. М.: Мысль, 1972. 556 с.
«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и актуальные проблемы политической экономии. М.: Изд-во МГУ, 1981. 240 с.
«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и современность. М.: Мысль, 1978. 318 с.
Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США (80-е гг. XIX века). М.: Наука, 1966. 231 с.
Бабин А. И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф. Энгельса. М.: Наука, 1975. 224 с.
Багатурия Г. А. Контуры грядущего: Энгельс о коммунистическом обществе. М.: Политиздат, 1972. 224 с.
Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса: История. Содержание. Методология. М.: Мысль, 1976. 325 с.
Байер М., Винклер Г. Революционное рабочее единство: Эйзенах. Гота. Эрфурт. М.: Прогресс, 1985. 168 с.
Белкина Г. Л. Философия марксизма и буржуазная «марксология». Критика западногерманских марксологических концепций генезиса марксистской философии. М.: Мысль, 1972. 96 с.
Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М.: Наука, 1983. 286 с.
Болдырев И. А. Лафарг. М.: Мысль, 1984. 176 с.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М.: Политиздат, 1974. 309 с.
Брайович С. М. Карл Каутский — эволюция его воззрений. М.: Наука, 1982. 230 с.
Буржуазные и мелкобуржуазные экономические концепции социализма: Критические очерки, 1848—1917. М.: Наука, 1974. 341 с.
Бурлак В. Н. Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840—60-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1980. 176 с.
Валюженич А. В. Социалистическая мысль и движение в США: От утопических общин до образования Коммунистической партии. М.: Мысль, 1983. 303 с.
Вебер А. Б. Классовая борьба и капитализм: Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX—XX вв. М.: Наука, 1986. 304 с.
Виллар К. Социалистическое движение во Франции, 1893—1905: (Гедисты). М.: Прогресс, 1969. 583 с.
Водолазов Г. Г. Диалектика и революция: Методологические проблемы социальной революции. М.: Изд-во МГУ, 1975. 230 с.
Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову: (Об особенностях развития социалистической мысли в России). М.: Изд-во МГУ, 1969. 208 с.
Волк С. С. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л.: Наука, 1969. 216 с.
Волк С. С. «Народная воля», 1879—1882. Л.: Наука, 1966. 491 с.
Волкова В. В. Иосиф Дицген: Немецкий рабочий-философ, 1828—1888. М.: Соцэкгиз, 1961. 255 с.
Володин А. И. «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и общественная мысль России XIX века: Историко-философские очерки. М.: Мысль, 1978. 252 с.
Выгодский В. С. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
Гемков Г. Август Бебель. М.: Политиздат, 1972. 128 с.
Гамаюнов Л. С., Ульяновский Р. А. Труд русского социолога М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» и критика его К. Марксом. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 с.
Герц Г. Марксистская философия и естествознание. М.: Прогресс, 1982. 447 с.
Гольман Л. И. Энгельс — историк. М.: Мысль, 1984. 416 с.
Григорьян С. М. Карл Маркс и социально-экономические проблемы технического прогресса. М.: Наука, 1973. 240 с.
Грин И. И. Переводчик и издатель «Капитала»: Очерк жизни и деятельности Н. Ф. Даниельсона. М.: Книга, 1985. 255 с.
Димитр Благоев — выдающийся теоретик и революционер. М.: Политиздат, 1977. 303 с.
Единство марксизма-ленинизма в его историческом развитии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 143 с.
Желицки Б. Й. Социалистическое рабочее движение в Венгрии, 1873—1890. М.: Наука, 1975. 263 с.
Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л.: Лениздат, 1975. 328 с.
Зильберман И. Б. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина: (Критический очерк). Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 112 с.
Из истории марксизма и международного рабочего движения: К 160-летию со дня рождения К. Маркса. М.: Политиздат, 1977. 510 с.
Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. М.: Политиздат, 1982. 495 с.
Марксизм и рабочее движение XIX века: Некоторые актуальные проблемы теории и истории. М.: Политиздат, 1988. 566 с.
Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
Интернациональное наследие Парижской коммуны. М.: Политиздат, 1971. 343 с.
Иовчук М. Т. Г. В. Плеханов и его труды по истории философии. М.: Соцэкгиз, 1960. 316 с.
Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. М.: Молодая гвардия, 1977. (ЖЗЛ). 351 с.
История венгерского революционного рабочего движения: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1970. 302 с.

История Второго Интернационала: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 380 с.; Т. 2. 1966. 596 с.
История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа. М.: Мысль, 1971. 536 с.
История марксизма-ленинизма: Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 г. М.: Политиздат, 1986. 734 с.
Итенберг Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия. М.: Наука, 1964. 222 с.
Итенберг Б. С. Россия и Парижская коммуна. М.: Наука, 1971. 202 с.
Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов: (Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 208 с.
Калекина О. П. Очерки по истории издания марксистской литературы в России (1870—1917). М.: Высш. школа, 1962. 240 с.
Карл Маркс: Биография / ИМЛ при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1973. XIV, 736 с.
Карл Маркс: Биография / ИМЛ при ЦК СЕПГ. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1969. 366 с.
Карл Маркс и военная история. М.: Воениздат, 1969. 240 с.
Кедров Б. М. О «Диалектике природы» Энгельса. М.: Высш. школа, 1973. 184 с.
Кедров Б. М. О методе изложения диалектики: Три великих замысла [К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И Ленина]. М.: Наука, 1983. 478 с.
Кедров Б. М., Огурцов А. П. Марксистская концепция истории естествознания, XIX век: Возникновение и сущность концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. Конкретизация концепции в трудах последователей К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Наука, 1978. 664 с.
Кедров Б. М. Энгельс и диалектика естествознания. М.: Политиздат, 1970. 471 с.
Книжник-Ветров И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева. М.; Л.: Наука, 1964. 258 с.
Колпинский Н. Ю. Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала. М.: Мысль, 1971. 310 с.
Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 344 с.
Коротеева А. Е. Гаагский конгресс I Интернационала. М.: Соцэкгиз, 1963. 184 с.
Корочкин В. М. Русские корреспонденты К. Маркса: (А. А. Серно-Соловьевич и Н. И. Утин). М.: Мысль, 1965. 173 с.
Косичев А. Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М.: Изд-во МГУ, 1964. 414 с.
Костин А. Ф. От утопии к науке: Из истории революционной мысли в России. М.: Мысль, 1984. 155 с.
Кривогуз И. М. Второй Интернационал, 1889—1914. М.: Мысль, 1964. 494 с.
Кузин А. А. Маркс и проблемы техники. М.: Наука, 1968. 112 с.
Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М.: Мысль, 1968. 422 с.
Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М.: Мысль, 1983. 268 с.
Леонтьев Л. А. «Капитал» К. Маркса и современная эпоха: К 150-летию со дня рождения К. Маркса, 1818—1968. М.: Наука, 1969. 398 с.
Леонтьев Л. А. Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии. М.: Наука, 1972. 527 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск: Наука и техника, 1982. 351 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии в трудах Г. В. Плеханова. Минск: Вышэйш. школа, 1981. 304 с.
Лившиц Г. М. Критика идеализма и религии соратниками К. Маркса и Ф. Энгельса. Минск: Наука и техника, 1984. 232 с.
Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М.: Политиздат, 1969. 512 с.

Лифшиц М. А. Карл Маркс: Искусство и общественный идеал. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1979. 471 с.
Лифшиц М. А. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М.: Искусство, 1983. 143 с.
Малинин В. А. Философия революционного народничества. М.: Наука, 1972. 340 с.
Малыш А. И. Ф. Энгельс и пролетарская политическая экономия. М.: Политиздат, 1970. 159 с.
Мамут Л. С. Карл Маркс как теоретик государства. М.: Наука, 1979. 264 с.
Маркс. Философия. Современность. М.: Политиздат, 1988. 414 с.
Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века: Статьи и документы. М.: Политиздат, 1970. 481 с.
Маркс — историк. М.: Наука, 1968. 711 с.
Марксизм и проблемы социально-экономической борьбы организованного пролетариата: История и современность. М.: Наука, 1985. 350 с.
Марксизм и рабочее движение XIX века. Некоторые актуальные проблемы теории и истории М.: Политиздат, 1988. 566 с.
Марксистская философия в XIX в.: В 2 кн. Кн. 2. Развитие марксистской философии во второй половине XIX века. М.: Наука, 1979. 398 с.
Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX—начале XX века. М.: Наука, 1984. 447 с.
Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. М.: Наука, 1981. 463 с.
Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.: Наука, 1983. 535 с.
Марксистско-ленинское учение о войне и армии. М.: Воениздат, 1984. 336 с.
Марксистско-ленинское учение о государстве и праве: История развития и современность. М.: Наука, 1977. 352 с.
Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории: В 7 т. Т. 2. Рабочее движение в период перехода к империализму (1871—1904). М.: Мысль, 1976. 654 с.
Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М.: Наука, 1976. 301 с.
Михайлов М. И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука, 1976. 351 с.
Момджян Х. Н. Поль Лафарг и философия марксизма. М.: Мысль, 1978. 327 с.
Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. XVI, 350 с.
Мортон А. Л., Тэйт Дж. История английского рабочего движения. 1770—1920. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 420 с.
Мошану А. К. Социалистическое движение в Румынии (середина 70-х — начало 90-х гг. XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1977. 272 с.
Никитич Л. А. Лабриола. М.: Мысль, 1980. 197 с.
Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М.: Мысль, 1978. 279 с.
Овчаренко Н. Е. Август Бебель: Краткий очерк жизни и деятельности. М.: Соцэкгиз, 1963. 207 с.
Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков: Идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма. М.: Мысль, 1975. 319 с.
Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии: Историко-философские очерки. М.: Мысль, 1979. 308 с.
Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982. 301 с.
Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. 3-е изд. М.: Мысль, 1986. 461 с.
Орехов А. М. Первые марксисты в России: Петербургский «Рабочий союз», 1887—1893 гг. М.: Мысль, 1979. 180 с.
Орехов А. М. Становление польского социалистического движения: Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М.: Наука, 1979. 374 с.

От Маркса до наших дней. Исторические традиции пролетарского интернационализма: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 292 с.
Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса, 1867—1967. М.: Политиздат, 1968. 295 с.
Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М.: Политиздат, 1983. 379 с.
Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России, 1783—1883 гг. М.: Мысль, 1986. 341 с.
Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. 358 с.
Парижская коммуна и марксизм: Очерки. М.: Политиздат, 1973. 248 с.
Пахоленко Н. Б. Государственно-правовые взгляды Г. В. Плеханова (1883—1903 гг.). М.: Наука, 1987. 126 с.
Первобытное общество: Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975. 287 с.
Первый Интернационал: В 3 ч. Ч. 2. 1870—1876. М.: Мысль, 1965. 632 с.; Ч. 3.
Первый Интернационал в исторической науке. М.: Мысль, 1968. 280 с.
Политические учения: история и современность: Марксизм и политическая мысль XIX в. М.: Наука, 1979. 408 с.
Полянский Ф. Я. Критика экономических теорий анархизма. М.: Изд-во МГУ, 1976. 302 с.
Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972. 182 с.
Протасенко З. М. Историко-философская концепция марксизма-ленинизма: Возникновение и некоторые вопросы развития. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 166 с.
Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. (Конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1974. 383 с.
Рабочее движение Великобритании, XIX—XX вв. М.: Наука, 1979. 423 с.
Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность. М.: Высш. школа, 1975. 312 с.
Рапопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма: (К. Маркс и Г. Лопатин). М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 80 с.
Распространение идей марксистской философии в Европе, конец XIX и начало XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 188 с.
Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л.: Лениздат, 1985. 272 с.
Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. М.: Изд-во МГУ, 1986. 190 с.
Румянцева Н. С. Фридрих Зорге — человек упрямой справедливости. М.: Мысль, 1966. 176 с.
Сайкин О. А. Первый русский переводчик «Капитала»: О Г. А. Лопатине. М.: Мысль, 1983. 173 с.
Сущность и принципы социализма: (К 100-летию работы К. Маркса «Критика Готской программы»). Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 184 с.
Тартаковский Б. Г. Фридрих Энгельс — советник и учитель международного пролетариата (1875—1895). М.: Мысль, 1966. 343 с.
Тёкеи Ф. К теории общественных формаций: Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М.: Прогресс, 1975. 271 с.
Теория общественно-экономической формации. М.: Наука, 1982. 357 с.
Теория революции: История и современность. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
Туполева Л. Ф. Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века. М.: Наука, 1973. 263 с.
Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительного движения. М.: Политиздат, 1985. 248 с.
Уроева А. В. Книга, живущая в веках. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1972. 318 с.
Фаркаш Э. Мораль и революционность: Размышления об этическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1979. 168 с.
Филиппов Р. В. Пионеры марксизма в России (1883—1893 гг.): Историографический очерк. М.: Политиздат, 1989. 367 с.
Философские основания естественных наук. М.: Наука, 1976. 384 с.

Фридлендер Г. М. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1968. 606 с.
Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм. (Конец XIX века). М.: Наука, 1972. 176 с.
Чагин Б. А. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 304 с.
Чагин Б. А. Развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного социализма после Парижской коммуны. М.; Л.: Наука, 1964. 163 с.
Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. Л.: Наука, 1977. 210 с.
Чубинский-Надеждин В. В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М.: Мысль, 1968. 213 с.
Штерн Х., Вольф Л. Великое наследие: Исторический репортаж о литературном наследии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. М.: Политиздат, 1976. 206 с.
Шубина Е. В. Философско-социологические взгляды В. И. Засулич (1867—1903 гг.). Л.: Наука, 1984. 71 с.
Фридрих Энгельс: Биография / ИМЛ при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. XII, 610 с.
Фридрих Энгельс — великий ученый и революционер. М.: Изд-во МГУ, 1972, 256 с.
Фридрих Энгельс и военная история. М.: Воениздат, 1972. 336 с.
Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба. Минск: Наука и техника, 1972. 254 с.
Фридрих Энгельс — мыслитель и революционер. Прага: Мир и социализм, 1970. 207 с.
Энгельс и проблемы истории. М.: Наука, 1970. 439 с.
Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М.: Мысль, 1971. 568 с.
Энгельс — теоретик. М.: Политиздат, 1970. 455 с.
Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. У истоков польского социалистического движения. М.: Наука, 1976. 412 с.
Веков А. Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. София: Партиздат, 1978.
Марксистко-ленинската философска мисъл в България: В 2 т. Т. 1. София: Партиздат, 1984.
Angel Pierre. Eduard Bernstein et L'évolution du socialisme allemand. Paris: Didier, 1961.
Arndt A. Karl Marx: Versuch über den Zusammenhang seiner Theorie. Bochum: Germinal, 1985.
Badaloni N., Muscetta C. Labriola, Croce, Gentile. Bari: Laterza, 1981.
Battistrada F. Marxismo e populismo: 1861—1921. Milano: Jaca Book, 1982.
Bekerman G. Marx and Engels: A conceptual Concordance/ /Transl. by T. Carver. Oxford: Basil Brackwell Publischer, 1983.
Bell D. Marxian Socialism in the United States. Princeton, 1967.
Bobińska C. Marksa spotkania z Polska. Kraków: Wyd-wo literackie, 1971.
Braunthal J. Ceschichte der Internationale. Bd. 1—3. Berlin (W.); Bonn: Dietz Nachf., 1978.
Bürgerliche Gesellschaft und theoretische Revolution: Zur Entstehung des wissenschaftlichen Sozialismus. Köln: Pahl-Rugenstein, 1978.
Cole G. D. H. The Second International, 1889—1914. Vol. 3. A History of Socialist Thought. London; New York, 1956.
Dieckmann G. Die sozialistische Revolution: Theoriegeschichtlicher Abriß. Berlin: Dietz, 1985.
Dlubek R., Draper H. Karl Marx's theory of Revolution. Vol. 3. New York: Month. rev. press, 1986.
Dlubek R., Skambraks H. «Das Kapital» von K. Marx in der deutschen Arbeiterbewegung (1867—1878). Berlin: Dietz, 1967.
Dobbs F. Revolutionary Continuity: Marxist Leadership in the U. S. (1848—1917). New York: Monad press, 1980.
Dommanget M. L'introduction du marxisme en France. Lausanne: Rencontre, 1969.
Dziamski S. Z dziejów myśli marksistowskiej w Polsce. Poznań, 1979.

Fienger O. Joseph Dietzgen. Beitrag zu den philosophischen Leistungen des deutschen Arbeiterphilosophen. Berlin: Dietz, 1977.
Fischer I., Krause W., August Bebel, 1840—1913: Ein Großer der deutschen Arbeiterbewegung: Katalog zu einer Ausst. des Arch. der sozialen Demokratie, Friedrich-Ebert-Stiftung und der Stiftung Preußisher Kulturbesitz. Köln, 1988.
Foner Ph. S. The Workingmen's Party of the United States: A history of the first marxist party in the America. Minneapolis: MEP publ., 1984.
Friedrich Engels und moderne Probleme der Philosophie des Marxismus / Hrsg. von M. Klein und H. Ley. Berlin: Akad. Verl., 1971.
Fuchs A. Geistige Strömungen in Österreich, 1867—1918. Wien, 1978.
Gasch E. Marx a Espanya. Barcelona: Universitat Autonoma, 1983.
Guerragio A., Vidoni F. Nel laboratorio di Marx: Scienze naturali e matematica. Milano: Angeli, 1982.
Gerratana V. Ricerche di storia del marxismo. Roma: Editori Riuniti, 1972.
Geoghegan V. Utopianism and Marxism. London; New York: Methuen, 1987.
Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1863—1975. Köln: Pahl — Rugenstein Verlag, 1975.
Gouldner A. W. Against fragmentation: The origins of marxism and the sociology of intellectuals. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.
Grebing H. Der Revisionismus: Von Bernstein bis zum «Prager Frühling». München: Besk, 1977.
Gustafsson B. Marxismus und Revisionismus: Eduard Bernsteins Kritik des Marxismus und ihre ideengeschichtlichen Voraussetzungen. T. 1—2. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1972.
August Bebel. Eine Biographie. Berlin: Dietz Verlag, 1989.
Haupt G. La deuxième International, 1889—1914: Étude critique des sources. Essai bibliographique. Paris; La Haye: Mouton, 1964.
Heilbroner R. Marxism: for and against. New York; London: Norton, 1980.
Heitzer H., Küttler W. Eine Revolution im Geschichtsdenken: Marx, Engels, Lenin und die Geschichtswissenschaft. Berlin: Dietz, 1983.
Histoire du marxisme contemporain. Vol. 1—4. Paris: Union générale d'éditions, 1976—1978.
Howard D. The marxian legacy. London: Macmillan press, 1988. 100 Jahre «Anti-Dühring»: Marxismus. Weltanschauung. Wissen-schaft. Berlin: Akad. Verl., 1978.
Hunt R. Classical Marxism 1850—1895. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 1984. Internationale Marx-Engels Forschung: Marxistische Studien. Frankfurt a. M., 1987. (Jahrbuch des IMSF; Bd. 12/1).
Jäger H. Eduard Bernsteins Panorama: Versuch den Revisionismus zu deuten. Frankfurt a. M.; Bern: Lang, 1982.
Jena D. Georgi Plechanow. Berlin, 1989.
Jung W. August Bebel: deutscher Patriot und internationaler Sozialist. Berlin: Centaurus Verlagsgesellschaft, 1987.
Kallscheuer O. Marxismus und Erkenntnistheorie in Westeuropa: Eine politische Philosophiegeschischte. Frankfurt a. M.; New York: Campus Verlag, 1986.
Karl Marx: Kritik und positive Wissenschaft / Hrsg. von Hahn und H. J. Sandkühler. Köln: Pahl-Rugenstein, 1986. (Studien zur Wissenschaftsgeschichte des Sozialismus; Bd. 6).
Karl Marx — Philosophie, Wissenschaft, Politik. Köln: Pahl-Rugenstein, 1983. (Dialektik 6.).
Karl Marx. Friedrich Engels und Italien. Hrsg. von G. Kuck. T. 2. Trier, 1989.
Koch H. Marx, Engels und die Ästhetik. Berlin: Dietz, 1983.
Kolakowski L. Die Hauptströmungen des Marxismus: Entstehung. Entwicklung. Zerfall. Bd. 1—3. München; Zürich: Piper, 1977—1979.
«L'Antidühring»: affirmazione o deformazione del marxismo? Milano: Angeli, 1983.
Krivoguz I. The Second International 1889—1914: The History and Heritage. Moscow: Progress Publishers, 1989.
Lekas P. Marx on classical antiquity: Problems of historical methodology. Brighton, New York, 1988.
Liedmann S.-E. Das Spiel der Gegensätze: Fridrich Engels' Philosophie und die Wissenschaften des 19. Jahrhunderts, Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1986.

Marramao G. Marxismo e revisionismo in Italia: Dalla «Critica sociale» al dibattito sul Leninismo. Bari: De Donato, 1971.
Marks i savremenost: 100-ta godišnjicaMarksove «Kritike Gotskog programa». Beograd, 1975.
Marx ist Gegenwart: Materialien zum Karl-Marx-Jahr 1983. Frankfurt a. M.: Marxistische Blätter, 1983.
Marxism and the French Left: Studies on Labour and Politics in France, 1830—1881. Oxford: Clarendon, 1986.
Marxistische Typisierung und idealtypische Method in der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von W. Küttler. Berlin, 1986. (Studien zur Geschichte; Bd. 7).
Mastroianni G. Antonio Labriola e la filosofia in Italia. Urbino: Argalia Ed., 1976. (Studi filsofici).
Mende H.-J. Karl Kautsky — vom Marxisten zu Opportunisten: Studien zur Geschichte des historischen Materialismus. Berlin: Dietz, 1985.
Miller S., Potthoff H. Kleine Geschichte der SPD: Darstellung und Dokumentation 1848—1980. Bonn: Verlag Neue Gesellschaft, 1981.
Naturdialektik-Naturwissenschaft: Das Erbe der Engelsschen «Dialektik der Natur» und seine aktuelle Bedeutung für die Wissenschaftsentwicklung / Hrsg. von M. Buhr und H. Hörz. Berlin: Akad.-Verl., 1986.
Nedeljković D. Marksizam, nauka socijalizma i dijalektika. Nis: Gradina, 1974.
Ornea Z. Orera lui C. Dobrogeany-Gherea. Bucuresti: Cartea romaneasca, 1983.
Potier J.-P. Lectures italiennes de Marx: Les conflits d'interprétation chez les économistes et les philosophes, 1883—1983. Lyon: Presses universitäires de Lyon, 1986.
Reisberg A. Von der I. zur II. Internationale: Durchsetzung des Marxismus im Kampf um die Wiederherstellung der Arbeiterinternationale. Berlin: Dietz, 1980.
Schneider W. Zur Geschichte der Theorie des wissenschaftlichen Kommunismus: Marx, Engels, Lenin über das Wesen und die Phasen der kommunistischen Gesellschaft. Berlin: Dietz, 1977.
Seebacher-Brand B. August Bebel: Künder und Kärrner im Kaiserreich. Bonn: J. H. Dietz — Nachf, 1988.
Shizuma H. On the Meaning in our Time of the Drafts of Marx's Letter to Vera Zasulich. London, 1964.
Das Sozialistengesetz, 1878—1890: Illustrierte Geschichte des Kampfes der Arbeiterklasse gegen das Ausnahmegesetz. Berlin, 1980.
Storia del marxismo. Vol. 1—4. Torino: Giulio Einaudi editore, 1978—1983. Vol. 1. Il marxismo ai tempi di Marx. 1978. Vol. 2. Il marxismo nell'età della Seconda Internazionale. 1979.
Theorie der Revolution: Die Ausarbeitung der Weltanschauung der Arbeiterklasse in der Einheit ihrer Bestandteile durch Marx und Engels. Berlin: Dietz, 1986.
«Unser Philosoph» Josef Dietzgen / Hrsg. von N.-D. Strüning. Frankfurt a. M.: Marxistische Blätter, 1980.
Venturi F. Les intellectuels, le peuple et la révolution: Histoire du populisme russe en XIX-e siècle. Vol. 1—2. Paris: Gallimard, 1972.
Vranicki P. Historija marxizma. Kn. 1—2. 2-go preradeno i prosireno izd. Zagreb: Naprijed, 1971.
Wada H. Marx, Engels and Revolutionary Russia. Tokyo, 1975 (яп.).
Waldenberg M. Wzlot i upadek Karola Kautsky'ego: Studium z historii myśli spolecznej i politycznej. T. 1—2. Kraków. Wyd-wo literackie, 1972.
Walicki A. Polska, Rosja, marksizm: Studia z dziejów marksizmu i jego recepcje. Marszama: Ksiażka i wiedza, 1983.
Weitershaus F. Wilhelm Liebknecht: Das unruhige Leben eines Sozialdemokraten. Eine Biographie: Mit Auszügen aus Briefen, Reden und Schriften Wilhelm Liebknechts und seiner Zeitgenossen. Güterslon und Gießen, 1976.
Williams R. Marxism and Literature. Oxford: Oxford University Press, 1977.
Wissenschaftlicher Sozialismus und Arbeiterbewegung: Begriffsgeschichte und Dühring-Rezeption. Trier, 1980. (Schriften aus dem Karl-Marx-Haus; Bd. 24).
Wolfson Ch. The Labour Theory of Culture: A Re-examination of Engels'Theory of Humanity Origins. London, 1982.
Zwahr H. Proletariat und Bourgeoisie in Deutschland: Studien zur Klassendialektik. Köln: Pahl-Rugenstein. 1980.

Агасси Дж. I 221
Агассис Л. Ж. Р. I 220
Адлер В. I 33—34; II 270, 273, 294
Адлер Г. I 133; II 139
Адоратский В. В. II 194
Аксельрод П. Б. II 21, 105, 115, 116, 117
Александр II (Романов) II 72
Алексеев В. П. I 258
Алексеев П. А. I 38; II 84, 94
Аллеман Ж. II 257
Анненков П. В. II 90
Ансель Э. I 40
Аньини Дж. II 284
Аристотель I 184
Арманд И. Ф. II 251

Багатурия Г. А. I 16
Бакс Б. I 116; II 263, 304
Бакунин М. А. I 56—58, 64—65, 68—69, 71, 73; II 30, 84, 86, 90—93, 99, 103, 115, 363
Бальзак О. II 48, 207, 208
Баннер Р. I 49, 117, 131
Барт П. II 192
Бартенев В. И. II 92
Бартенева Е. Г. II 92, 93
Бастиа Ф. I 144; II 311
Бебель А. I 5, 21—22, 26, 75—76, 80, 85, 90, 92, 98—100, 102—105, 107—108, 111, 114, 125, 133—134, 139, 281; II 11—14, 16, 18, 21—27, 62, 122, 143, 193, 204, 253, 255, 270, 273, 277, 281, 288, 303, 306, 308, 345, 358
Беккер И. Ф. I 46, 54, 99, 102
Белинский В. Г. II 89, 90, 333
Беллами Э. II 55
Бём-Баверк Е. II 139, 160, 165—168, 170, 311, 313
Берви-Флеровский В. В. II 67, 68
Бернс Дж. II 263
Бернштейн Э. I 11, 98, 100, 114, 125, 133, 139, 194, 210; II 6, 11—13, 170—171, 296, 298—302, 304—315, 344, 345, 358, 361
Бертран Л. I 40; II 258
Бессонов Б. Н. I 16
Биньями Э. I 43—44
Бисмарк О. I 22, 25, 96, 111, 122, 124, 145; II 12
Благоев Д. I 5; II 17, 21, 61—63, 118, 120, 121, 264, 273, 301, 305, 308, 315—316, 320, 322
Бланки О. I 27; II 216, 300
Блок М. II 45
Блох Й. II 195
Богданов А. А. II 170
Больте Ф. I 51
Бонье Ш. I 131
Боргиус В. II 196—198
Боркхейм С. II 248
Боткин С. П. II 89
Брайнич Я. II 259
Бракке В. I 25—26, 75—76, 99, 139
Брентано Л. I 121; II 126, 192, 311
Брокгауз Ф. А. II 123
Бромлей Ю. В. I 258
Бруно Дж. I 217
Бруснев М. И. II 118, 120, 121
Брусс П. I 112, 114; II 46
Буагильбер П. I 184
Буланже Ж. Э. Ж. М. I 115
Булгаков С. Н. II 167—169
Бунге Н. Ф. II 168
Бьернсон Б. М. II 209
Бэр К. М. I 220, 246
Бюхнер Л. I 142, 145, 152, 207, 212; II 191

Вагнер А. I 121, 123; II 126
Вайян Э. М. I 27, 57; II 269, 292—293
Вандервельде Э. II 277, 282, 285
Вандерхус Ф. II 259
Ван Кол Г. II 282
Варский А. II 287
Варшауэр О. II 139
Варыньский Л. I 37; II 103, 266
Вебб С. II 282
Вейерштрасс К. I 141
Вейтлинг В. I 140
Веков А. II 119
Весоловский Б. II 266
Велер Ф. I 205
Вико Дж. I 199
Вилле Б. II 193
Вильгельм I I 96
Вильгельм II II 288
Винкельман И. И. II 333
Винников И. Н. I 291
Вирхов Р. I 245
Вольтман Л. II 302, 303
Вольф К. Ф. I 246
Вольф Х. I 161
Вондерс Ж. II 293, 294
Воронцов В. П. II 97, 101, 160, 161
Врублевский В. А. I 36
Вундт В. II 177
Вурм Э. II 295
Выгодский В. С. I 16
Выгодский Л. С. I 264

Габровский Н. Х. II 264
Габсбурги I 32—33; II 14
Гайерхос В. II 119
Гайндман Г. М. I 50, 116; II 56
Галилей Г. I 218

Гарди Д. К. II 263, 282
Гаркнесс М. II 206, 208
Гартман Э. I 142
Гегель Г. В. Ф. I 143, 152—154, 199, 205, 212, 214—215, 227; II 36, 89, 95, 173—176, 179—183, 185, 189, 190, 206, 322, 353, 354
Гед Ж. I 28—31, 113—114; II 13, 17, 18, 21, 46, 49, 50—52, 62, 103, 122, 273, 276, 288, 301
Геккель Э. I 146, 212, 244
Гексли А. I 223
Гельвеций К. А. II 316, 324
Гельмгольц Г. Л. Ф. I 241
Георгиев Г. II 301
Георгиу Ш. II 267, 301
Герцен А. И. II 67, 71, 72, 74, 75, 89, 90, 100, 333
Герценштейн М. II 140
Гёте И. В. II 333
Гибеш И. II 64
Гизо Ф. П. Г. II 202
Гильдебранд Б. I 121; II 91
Гильом-Шак Г. I 131; II 245
Гоббс Т. I 248; II 175
Гогенцоллерны II 331
Гольбах П. А. II 175, 316
Гольц Т. I 300
Грейлих Г. II 295
Грецкий М. Н. I 16
Гров У. Р. I 220
Гросс Г. II 139
Груссье П. II 280
Гумбольдт А. I 220
Гус Я. II 350
Гюго В. II 48
Гюйо И. II 23, 24

Давид Э. II 284
Д'Аламбер Ж. I 231
Дальстрем К. II 281
Даниельс Р. I 204
Даниельсон А. II 259
Даниельсон Н. Ф. I 166; II 67, 69, 73, 79, 97, 140, 141
Данилюк Ю. I 36
Дарвин Ч. I 146, 206, 220, 233, 246—250, 252—253, 262, 283; II 43, 58, 140
Дебс Ю. II 301
Девиль Г. I 131, 133; II 13, 17, 18, 21, 37, 52—54
Дезами Т. I 28
Дейч Л. Г. II 105
Декарт Р. I 218; II 183
Де Леон Д. II 263, 273, 294, 301
Демокрит II 175
Де Пап С. I 40, 56; II 258
Дидро Д. II 175, 183—185
Джордж Г. I 126—127; II 117
Джоуль Д. П. I 225
Дикштейн Ш. I 37; II 62, 103
Диоп Ш.-А. I 281
Диц И. Г. В. I 131; II 6
Дицген И. I 125; II 11, 17, 33—36
Доброджану-Геря К. II 17, 64, 273
Добролюбов Н. А. II 67, 123
Доде А. II 48
Домбровский Т. I 36
Драгович Р. II 301
Дуэ К. Д. А. I 119
Дюбуа-Реймон Э. II 36
Дюринг Е. I 98, 101, 138—146, 148, 150, 152—154, 157—158, 163, 165—171, 174, 178, 183, 185, 188, 191, 193—194, 198, 201, 207, 211, 289; II 6, 27, 100, 216, 304

Жегле П. I 233
Желябов А. И. II 101
Жорес Ж. II 276, 288, 290, 302

Закс Э. I 61—62
Залка М. II 294
Запотоцкий Л. I 34; II 64
Засулич В. И. I 128, 131, 271; II 21, 69, 77, 79, 81, 99, 105, 106, 115—117
Здравомыслов А. Г. I 16
Зётбеер Г. II 139
Зибель Г. II 22
Зибер Н. И. II 68, 95, 102
Зимин Н. Н. I 205
Зингер П. II 282
Золя Э. II 48, 303
Зомбарт В. II 163, 168
Зорге Ф. А. I 47, 51, 99—100, 102, 126—127, 140; II 9, 17, 21, 54—57, 99, 129, 273

Ибсен Г. II 209
Иглесиас П. I 42—43, 56
Игнатов В. Н. II 105
Иена Д. II 119
Ионеску Ал. II 267, 301
Ионеску-Риоп Р. II 64
Ирлингер А. I 33
Итенберг Б. С. I 16
Йегер Г. I 244

Каблуков И. А. II 102
Кампфмейер А. II 193
Кант И. I 143, 161, 199, 220; II 36, 176, 187, 188, 301—303
Каракозов Д. В. II 86
Кареев Н. И. II 102
Карно Н. Л. С. I 224, 225
Каронин С. (Петропавловский Н. Е.) II 333
Карпенко А. II 94
Кассирер Э. II 302

Каутская Л. II 281, 282
Каутская М. II 206
Каутский К. I 5, 9, 32, 124—125, 133—134, 201; II 6, 11, 12, 15, 16, 21, 36—41, 62, 122, 170, 171, 193, 201, 270, 273, 284, 286, 287, 303—308, 313, 314, 322, 323, 326, 327, 331, 334—346, 350, 358
Кауфман И. И. II 68, 94
Кауэй А. II 270
Кафьеро К. I 45, 56
Кедров Б. М. I 233
Келлес-Крауз К. II 266
Келли-Вишневецкая Ф. I 131
Кенэ Ф. I 184; II 135
Кеплер И. I 218
Киннер К. I 16
Кирхман Ю. фон I 123
Клайс Э. II 282
Клаузиус Р. I 239
Клисфен I 309
Клопшток Ф. Г. II 333
Ковалевский М. М. I 273; II 73, 102
Коген Г. II 302
Кольдинг Л. А. I 225
Конт Огюст О. I 142, 213
Коперник Н. I 217—218
Корвин-Круковская А. В. II 92, 93
Корнберг А. I 244
Корш К. II 35
Коста А. I 45
Коул Г. Дж. II 296
Красин Л. Б. II 122
Краузе Д. I 16
Крик Ф. Х. К. I 244
Кроненберг II 303
Крукс У. I 213
Крупская Н. К. II 124
Крынский Я. I 36
Крэдер Л. I 288
Кугельман Л. II 91
Кулишова А. II 260, 282
Куммер Э. I 141
Кун Т. I 221
Кундель Э. I 16
Курнатовский В. К. II 118
Кшивицкий Л. И. Ф. I 131; II 21, 60, 61, 265
Кэри Г. Ч. I 144
Кювье Ж. I 220
Кюльфёлди В. I 33

Лабриола Ант. I 5; II 260—261, 284, 301, 305, 308—310, 317—318, 321—326, 328, 330—331, 343, 347—349, 358
Лавинь П. I 131
Лавров П. Л. I 241, 262, 284; II 99, 102, 103, 129, 140
Лагранж Ж. Л. I 231
Ладзари К. I 45; II 261
Лайель Ч. I 220
Лакруа С. II 23, 24
Ламарк Ж. Б. П. А. I 220, 246, 250
Ланге Ф. А. I 121—123; II 6
Лапин Н. И. I 16
Лаплас П. С. I 220
Лассаль Ф. I 30, 57, 76—78, 80, 82—83, 92, 125, 195, 246; II 6, 8, 206, 351, 352
Лафарг Л. II 13, 45, 129
Лафарг П. I 5, 9, 29—31, 42, 56, 113, 115, 133—134, 136, 202, 295; II 13, 17, 18, 21, 41—52, 64, 77, 103, 117, 122, 193, 238, 257, 268, 269, 273, 285, 301, 303, 310, 313, 314, 317, 320—328, 330, 331, 333—340, 345, 347, 348, 352, 358
Лашатр М. I 42
Лейбниц Г. В. I 218, 230, 231; II 184
Лексис В. II 139, 160, 161
Ленин В. И. I 5, 11, 25, 39—40, 53, 59, 76—78, 83—84, 90, 92, 94, 130, 132, 140, 150—151, 154, 158, 199, 205, 210, 238, 239, 301, 305, 311; II 16, 19, 22, 36, 41, 48, 66, 85, 86, 88, 93, 95, 97, 98, 102, 106, 108, 109, 112, 119—124, 127, 141, 154, 175, 192, 216, 221, 223, 226, 238, 248, 251, 256, 263, 264, 269, 298, 299, 307, 308, 341, 363
Ленсбери Дж. II 290
Леонардо да Винчи I 217
Леонтьев А. Н. I 264
Лер Ю. II 126, 139
Леруа-Больё П. П. I 133; II 51
Лессинг Г. Э. II 331, 333
Либих Ю. I 74, 205, 241
Либкнехт В. I 21, 46, 75, 77, 99, 111, 125, 128, 134, 139, 201, 246; II 11, 12, 16, 18, 21, 27—32, 122, 193, 255, 269, 271, 273, 278, 279, 283, 288, 290, 292—294, 306, 344—348
Либман Д. II 173
Ликок Э. I 281
Линней К. I 218
Лист Ф. I 144
Локк Дж. I 184; II 324
Лопатин Г. А. II 73, 87, 100, 102
Лориа А. II 171
Лотце Р. II 177
Лурия А. Р. I 264
Люксембург Р. II 287, 305, 306, 308, 313—315, 322, 343—345, 347, 358

Магон Д. Л. I 116, 117, 131
Майер Ю. I 225
Макариюс Р. I 280
Макдональд Дж. I 117; II 263
Мак-Доннел Дж. П. I 52
Малинин В. А. I 16
Малон Б. I 112, 114; II 46
Мальтус Т. Р. I 80, 146, 248

Манн Т. I 49, 117, 131; II 263
Маньковский А. I 36
Маркс (Лонге) Ж. II 86
Маркс (Эвелинг) Э. I 116, 128; II 17, 21, 56—59, 262—263, 273, 281, 294
Мартиньетти П. I 131
Мархлевский Ю. II 265, 273
Маслов П. П. II 169
Маурер Г. Л. I 273, 275; II 73
Мейер Р. II 139
Мейснер О. К. II 142
Менгер К. II 311
Менделеев Д. И. I 205
Мендельсон С. II 294
Мерinг Ф. I 5, 11, 201; II 16, 21, 196, 198, 204, 273, 303, 305, 308, 310—311, 316, 321—323, 326, 330, 332—334, 345, 347, 350, 351—353, 354, 358
Меркель Р. I 16
Меса-и-Леомпарт Х. I 27, 29, 42, 43, 56
Миллер С. I 244
Милль Дж. I 223
Минье Ф. О. М. II 202
Мит Э. II 119
Михайловский Н. К. II 75
Мишель Л. II 93
Моисеенко П. А. I 39; II 103
Молешотт Я. I 145, 152, 212; II 185, 191
Мольтке Х. К. Б. I 300
Монтескьё Ш. II 324
Мор Т. II 40, 41
Мора Ф. I 42, 56
Морган Л. Г. I 273, 278—289, 291, 294, 299—301, 310; II 73, 202, 356
Моррис У. I 116
Мост И. I 24, 98, 101, 139; II 86
Моттелер Ю. II 12, 18
Мюллер Г. II 193
Мюльбергер А. I 60, 62, 73—74, 89

Наторп П. II 302
Нежданов П. II 168, 169
Неймайер Л. I 32
Непер Д. I 218
Нечаев С. Г. I 58; II 86, 93
Николай II (Романов) II 88
Нойман Ф. Ю. II 139
Норс Д. I 184
Ньокки-Виани О. I 45; II 261
Ньювенгейс Ф. Д. I 40, 131; II 40, 57, 259, 293, 294
Ньютон И. I 218, 230, 231
Нэдежде И. I 131; II 17, 64, 88, 267

Обервиндер Г. I 32
Обнорский В. П. I 39
Оборский Л. I 36
Овчаренко Н. Е. I 16
Одуев С. Ф. I 16
Окен Л. I 246
Ольминский (Александров) М. С. II 118
Оргел Л. I 244
Оуэн Р. I 187

Паннекук А. II 35
Пастер Л. I 243
Перовская С. Л. II 94
Першиц А. И. I 258
Петрашевский М. В. II 90
Петти У. I 183, 184
Пецка Й. Б. I 34; II 64
Пилсудский Ю. II 265, 266
Платон I 184; II 24, 175
Плеханов Г. В. I 5, 10, 38, 128, 131; II 7, 17, 21, 62, 86, 88, 91, 99, 100, 103, 104, 106—120, 122, 123, 192, 236, 273, 294, 301, 303, 305—311, 315—320, 322—331, 334, 345, 353, 358
Подолинский С. А. I 265
Попп А. II 281
Потапов Я. I 38
Пригожин И. I 240
Прудон П. Ж. I 60, 72, 89, 191; II 6, 90, 100, 106, 110, 114, 135
Птолемей I 218
Пушкин А. С. II 67
Пэнто Р. I 304

Разин Ст. II 110
Раковский Х. Г. II 294
Раппопорт Ш. II 303
Распопин В. И. II 120
Ренувье Ш. II 177
Рикардо Д. I 80, 123, 184—185, 253; II 125, 133, 138, 145, 154, 162, 312
Риккерт Г. I 210
Роберти Е. II 68
Рогинский Я. Я. I 258
Родбертус-Ягецов И. К. I 122—125; II 16, 37, 106, 125, 137, 138, 141, 148, 160
Розвадовский Ю. I 36
Рошер В. I 121
Руденко А. П. I 245
Руссо Ж. Ж. II 183

Сазонов Н. И. II 90
Сакызов Я. II 264
Седенберс А. II 281
Семенов П. П. II 76
Семенов Ю. И. I 258
Сенгор Л. I 281
Сен-Симон А. I 187, 188
Сервет М. I 217
Сисмонди Ж. Ш. Л. С. де I 184; II 150
Слонимский Л. З. II 168
Смирнов А. Ф. I 16

Смит А. I 144, 184, 185, 199, 253; II 125, 133, 135, 138, 148, 162
Смит Г. I 282
Солон I 305, 308, 309
Спенсер Г. I 213; II 36, 43, 407
Спиноза Б. I 219; II 183
Спиркин А. Г. I 258
Старке К. Н. II 173, 185
Стенгерс И. I 240
Струве П. Б. II 169, 170, 308, 309
Стынка Ш. II 64
Сэй Ж. Б. II 157—158

Ткачев П. Н. II 71, 84, 85, 91, 99, 107, 114, 192, 363
Томановская (Дмитриева) Е. Л. II 92, 93
Торн У. Д. I 131; II 263
Торрекс Р. II 162
Точисский П. В. II 120
Трейчке Г. II 22
Тремо П. I 249
Трир Г. I 105, 131
Трульстра П. II 259
Трусов А. Д. II 92
Туган-Барановский М. И. II 169, 170
Туллий Сервий I 309
Тулмин С. I 221
Турати Ф. II 260, 289, 294
Туцович Д. II 301
Тьерри О. II 202

Уайт Л. I 281
Уайт Э. I 261
Ульянов А. И. II 101
Ульянова-Елизарова А. И. II 16
Уоллес А. I 213
Успенский Г. И. II 233
Утин Н. И. II 92
Уэвелл У. I 223

Фаркаш К. I 33
Федосеев Н. Е. II 122, 123
Фейербах Л. I 142, 152; II 89, 173, 175—176, 179, 182—191, 212, 319, 353, 354
Ферри Э. II 303
Фехнер Г. Т. II 177
Филиппов М. М. II 140, 167, 169
Филиппов Р. В. I 16
Фимман П. II 160—162
Фингер О. II 35
Финк Ф. I 16
Флеш К. I 98
Флиген В. II 259
Фогт К. I 145, 152, 212; II 185, 191
Фольмар Г. II 11, 16, 239, 240, 284
Форлендер К. II 302
Фортен Э. I 131
Франкель Л. I 33, 34, 46, 128; II 17, 63, 64, 273
Франко И. Я. I 36
Фридрих-Вильгельм IV II 180
Фриму К. II 301
Фриче Ф. В. I 139
Фурье Ш. I 187, 188; II 26, 110

Халтурин С. Н. I 38, 39; II 94, 103
Хельд А. II 125
Хёхберг К. I 97, 98, 100, 101
Холдейн Дж. I 244

Цедербаум (Мартов) Ю. О. II 122
Целлер Э. II 173
Цеткин К. II 273, 281, 282
Цимке Г. II 119

Чаянов А. В. II 81
Чернобаев А. А. I 16
Чернышевский Н. Г. I 28, 38; II 67, 68, 72, 73, 75, 78, 81, 91, 92, 100, 110, 115, 123, 333, 356
Чупров А. И. II 141

Шатобриан Ф. Р. II 48
Шванн Т. I 206
Швейцер И. Б. II 106
Шелгунов И. В. II 91, 121
Шеллинг Ф. В. I 199; II 89, 175
Шенланк Б. II 286
Шеффле А. Э. Ф. I 122, 123, 125; II 6, 16, 126
Шёй А. I 32
Шёй Г. I 32
Шиен Х. I 221
Шиллер Ф. II 333
Шлейден М. Я. I 206
Шлютер Г. I 119, 131
Шмальгаузен И. И. I 250
Шмидт К. I 131, 277; II 160, 161, 163, 193, 198, 204, 303, 304, 308, 313, 314
Шмоллер Г. I 121
Шопенгауэр А. I 142
Шорлеммер К. I 205, 207, 226
Шоу Б. II 58
Шпейер К. I 51
Шрамм К. А. I 98, 100, 125; II 16
Штаммлер Р. II 192, 302
Штаудингер Ф. II 302
Штерн Ю. II 303
Шульце-Геверниц Г. II 311
Шульце-Делич Г. I 144; II 30

Эвелинг Э. I 116; II 21, 57, 59, 263, 273
Энгельгардт В. А. I 242, 244
Энгельман П. II 260
Эритье Л. II 294
Эрнст П. II 193, 209, 210

Юм Д. I 142, 184; II 176

Янковская М. I 131

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава седьмая

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОЦИАЛИСТОВ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (80-е годы XIX века) 5

1. Пути распространения марксистской теории: издание трудов Маркса и Энгельса, социалистическая печать, пропагандистская деятельность марксистов —

Публикация произведений Маркса и Энгельса — 5. Роль социалистической печати в распространении марксизма — 9. Восприятие марксизма участниками рабочего движения — 17. Пропагандисты и теоретики марксизма в 80-х годах XIX века — 20.

2. Учение марксизма в трудах немецких социал-демократов 21

А. Бебель — 21. В. Либкнехт — 27. И. Дицген — 33. К. Каутский — 36.

3. Марксистская теория в произведениях французских социалистов 41

П. Лафарг — 41. Ж. Гед — 49. Г. Девиль — 52.

4. Пропаганда марксистского учения социалистами Америки, Англии и стран Центральной и Восточной Европы 54

Ф. А. Зорге — 54. Эл. Маркс — 56. Эд. Эвелинг — 58. Л. Кшивицкий — 60. Д. Благоев — 61. Л. Франкель — 63. Первые марксисты в Чехии и Румынии — 64.

Глава восьмая

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ 66

1. Маркс и Энгельс об особенностях общественно-экономического развития России и перспективах русской революции —

Социально-экономическое развитие России после 1861 года. Роль общинного землевладения — 69. Постановка вопроса о возможности некапиталистического развития России — 77. В России «сочетаются все условия революции» — 82.

2. Русская общественная мысль 40—70-х годов XIX века и марксизм 89

Первые отклики на произведения Маркса и Энгельса в русской общественной мысли — 89. Русская секция Международного товарищества рабочих — 92. Полемика вокруг «Капитала» — 94. Марксизм и идеология народничества — 98.

3. Первая организация российских марксистов — группа «Освобождение труда». Возникновение социал-демократических кружков и групп в России 102

Г. В. Плеханов — выдающийся русский марксист — 103. Начало деятельности группы «Освобождение труда» — 104. «Profession de foi русского социал-демократизма» — 106. Плеханов о судьбах капитализма в России и о характере предстоящей революции — 108. Разработка программных положений российской социал-демократии — 111. Защита и пропаганда Плехановым марксистских идей — 113. Идейно-теоретическая деятельность В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода — 115. Историческое значение деятельности группы «Освобождение труда» — 117. Возникновение социал-демократических кружков и групп в России — 120. Начало революционной деятельности Ленина — 123.

Глава девятая
МАРКСИСТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВО II и III ТОМАХ «КАПИТАЛА» 125

1. II том «Капитала» 127

Работа Маркса над II томом «Капитала» — 127. Подготовка II тома к печати — 129. Содержание и теоретическое значение II тома «Капитала» — 130. Первые отклики на II том «Капитала». Русский перевод — 139.

2. III том «Капитала» 142

Работа Маркса над III томом «Капитала» — 142. Подготовка III тома к печати — 143. Теоретическое значение III тома «Капитала» — 144.

3. «Капитал» в экономической мысли конца XIX века 159

«Закон стоимости и норма прибыли» Энгельса — 163. Буржуазная критика «Капитала». Бём-Баверк — 165. III том «Капитала» в России — 167.

Глава десятая
ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ МАРКСИЗМА В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЭПОХИ (конец 80— середина 90-х годов XIX века) 172

1. Марксизм и классическая немецкая философия —

Обстоятельства возникновения труда Энгельса о Фейербахе — 172. Основной вопрос философии — 174. Предмет философии — 177. Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха в их отношении к марксизму — 179. Религия и мораль — 185. Значение последнего философского труда Энгельса — 187.

2. Развитие Энгельсом диалектико-материалистического понимания истории 192

Проблема социального детерминизма в работах Энгельса конца 80—90-х годов — 194. Диалектика взаимодействия базиса и надстройки — 196. Диалектика объективного и субъективного в истории — 200. Материалистическая диалектика как метод социально-исторического познания — 202. Развитие марксистского подхода к осмыслению искусства — 205. Разработка вопросов атеизма и религии — 211.

3. Анализ Энгельсом новых явлений в экономике капитализма в конце XIX века 216

Развитие акционерных обществ и изменение роли капиталистов — 217. Анализ Энгельсом образования капиталистических монополий — 221. Повышение роли биржи в капиталистической экономике конца XIX века — 225.

4. Развитие Энгельсом учения о классовой борьбе пролетариата 230

Развитие теории революционного перехода к социализму — 230. Разработка вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства — 238. Конкретизация концепции социалистического общества — 242. Обоснование интернациональных задач борьбы рабочего класса за мир, против угрозы войны — 246.

Глава одиннадцатая
СОЗДАНИЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА. ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ ПАРТИЙ (конец 80-х — 90-е годы XIX века) 254

1. Возрастание роли марксизма в создании и укреплении рабочих партий —

Создание и укрепление рабочих партий — главное направление деятельности марксистов — 254. Марксизм — идейно-политическая основа укрепления и успехов рабочих партий — 255. Борьба с сектантством и классовым соглашательством в рабочем движении Англии и США — 262. Усиление влияния марксизма в рабочих партиях стран Восточной Европы и на Балканах — 264.

2. Интернациональное сплочение рабочего движения 268

Возникновение нового Интернационала и концепция его развития — 268. Конгрессы — основная форма интернационального взаимодействия рабочих организаций — 270. Первомайские выступления — укрепление пролетарского интернационализма — 272.

3. Обоснование марксистами путей укрепления классовых организаций пролетариата 273

Идейно-теоретические и организационно-политические основы рабочих партий — 273. Конгрессы о политической деятельности рабочих партий — 276. Проблемы развития профсоюзов — 280.

4. Защита интересов различных слоев трудящихся и угнетенных наций 281

Проблемы женщин и молодежи — 281. Обсуждение аграрных проблем — 283. Национальные проблемы Европы — 286. Против колониализма — 287.

5. Противодействие милитаризации и подготовке войны 290

Глава двенадцатая

МАРКСИСТСКОЕ УЧЕНИЕ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА (90-е годы XIX века) 297

1. Два направления в идеологии социал-демократического движения —

Возникновение ревизионизма — 297. Бернштейн и неокантианские критики марксизма — 301. Критика философских посылок бернштейнианства — 305. Защита основ марксистской политэкономической теории — 311.

2. Проблемы марксистской философии в трудах учеников, соратников и последователей Маркса и Энгельса 315

Пропаганда диалектического материализма — 315. Принцип монизма марксистской философии — 317. Проблема отношения теории и практики — 318. Диалектический метод и теория познания — 320. Вопросы материалистического понимания истории — 322. Природа, общество, история. Проблема социального детерминизма — 323. Проблемы общественного сознания. Вопросы культуры и литературы — 327.

3. Разработка экономического учения марксизма 334

Новые явления в экономике капитализма — 334. Разработка аграрного вопроса — 340.

4. Вопросы истории рабочего движения и социализма 342

Проблема социалистической революции — 343. Судьбы государства и демократии — 345. Вопросы истории рабочего движения и социализма — 349.

Заключение 356

Литература 364

Указатель имен 375

История марксизма-ленинизма. Марксизм в период
И90 формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX в.). Ч. 2. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: С. С. Волк и др.— М.: Политиздат, 1990.— 382 с.
ISBN 5—250—01077—6 (ч. II)

И $\frac{0104000000-043}{079(02)-90}$ **262—91** **ББК 1г**

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90-е годы XIX века)

Указатель имен и библиографию к тексту составили:
А. И. Козырь, А. В. Коновалов, В. Н. Крючков, Т. И. Молчанова, З. М. Павлова, В. У. Раджапов

Общую редакционно-техническую подготовку рукописи книги осуществили Г. И. Булычева, А. И. Козырь, А. В. Коновалов, В. Н. Крючков, Т. И. Молчанова, А. Г. Мурьянов, В. У. Раджапов, А. В. Трофимов при участии М. Д. Деноак, Г. А. Ивановой, А. Ю. Киреева, Р. М. Масловой, О. М. Оводовой, А. А. Позднякова, М. Ю. Прозументщикова, И. А. Цыганова

В рецензировании и обсуждении глав и разделов участвовали:

Г. А. Багатурия, доктор философских наук,
Б. Н. Бессонов, доктор философских наук,
В. С. Выгодский, доктор экономических наук,
В. В. Горбунов, доктор исторических наук,
М. Н. Грецкий, доктор философских наук,
А. Г. Здравомыслов, доктор философских наук,
Б. С. Итенберг, доктор исторических наук,
Н. И. Лапин, член-корреспондент АН СССР,
В. А. Малинин, доктор философских наук,
Н. Е. Овчаренко, доктор исторических наук,
В. Ю. Самедов, доктор исторических наук,
А. Ф. Смирнов, доктор исторических наук,
А. М. Совокин, доктор исторических наук,
Р. В. Филиппов, доктор философских наук,
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук

Художественный редактор О. Н. Зайцева

Технический редактор Т. Н. Иванова

ИБ № 7445

Сдано в набор 19.09.89. Подписано в печать 13.07.90. А 00093. Формат 60×90 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24. Уч.-изд. л. 29,16. Тираж 20 000 экз. Заказ № 214. Цена 2 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.